

НАТАЛИЯ

НАРОЧНИЦКАЯ

**РОССИЯ
И РУССКИЕ
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ**

НАТАЛИЯ
НАРОЧНИЦКАЯ

РОССИЯ
И РУССКИЕ
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

Москва
алгоритм
2010

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
Н 30

Нарочницкая Н. А.
Н 30 Россия и русские в современном мире / Наталья Нарочницкая. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 416 с. — (Куда катится мир?).

ISBN 978-5-699-41152-8

В книге собраны статьи, интервью, выступления последних лет Натальи Нарочницкой — известного политика, историка, руководителя Парижского отделения Российского института демократии и сотрудничества — по самым острым политическим, историческим, международным проблемам современности. Огромная эрудиция, глубокие знания, проникновение в самое существо обсуждаемых вопросов, как и четкая, взвешенная, выверенная, далекая от популизма патриотическая позиция, делают книгу Натальи Нарочницкой интересной для всех тех, кому небезразлична судьба России и ее будущее, а также роль России в мировой судьбе.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-699-41152-8

© Нарочницкая Н. А., 2010
© ООО «Алгоритм-Книга», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Наталия Нарочницкая стала известна широкому кругу сравнительно недавно — с 2003 года, когда была избрана депутатом Государственной думы четвертого созыва и в этом качестве начала появляться на экранах телевизора как участник различных ток-шоу и дискуссий на политические и международные темы (хотя в кругу более узком — специалистов-историков, политиков-международников и дипломатов — ее хорошо знали и до того, как она стала депутатом). Она очень быстро стала популярной. Ее ум, эрудицию, умение проникать в самую суть обсуждаемых вопросов невозможно было не заметить. Как и четкую, взвешенную, выверенную, далекую от популизма патриотическую позицию.

Позицию, которая отличается железной логикой, бескомпромиссностью в отстаивании национальных интересов России на международной арене и национально-патриотических ценностей в сочетании с православным консерватизмом — внутри страны.

Ну судите сами.

«...Христианская политика — это задача никогда не забывать о нравственной оценке поступка, государственного решения, законодательной инициативы. Это поиск политического и общественного проекта исходя из христианской картины мира и представления о смысле и долге человека перед Богом и людьми. Думать не только о том, что нужно и рационально правильно, но и о том, что должно и праведно. Наверное, так. Конечно, никто не сможет полностью соответствовать такому призыву, не сможет дать идеальные ответы, но хотелось бы не отказываться от осознанного поиска...»

«...«Третий Рим» в христианском, особенно художественном сознании — это именно незримый центр... Это нечто неосязаемое, полное отрицание земной империи, но забота и охранение, прибежище праведной веры. Но поскольку у Византии были наследники — Москва православная, то у Москвы уже нет никого, и если она предаст это, она будет неизбежно виновата перед Господом и людьми за утерю...»

«...Знаете, в Уголовном кодексе преступление такое есть — побуждение к самоубийству. Когда нации внушают, что она — неудачник мировой истории, не способна ни на что сама и даже не может усвоить чужие уроки, ибо когда пытается что-то заимствовать, вечно все преобразовывает на свой «дурацкий варварский лад»... — то руки опускаются от ощущения безысходности. В ответ — народ, вытесняемый на обочину мировой истории, являет демографическую катастрофу, ибо утрачивается естественное библейское чувство — желание продолжения рода».

«...Навязывание слова «россиянин» вместо слова «русский» звучит оскорбительно и антинаучно. Россиянин — это гражданское состояние, что само по себе замечательно. Но культуру рождает нация, а не гражданство. Русские, немцы, татары, армяне сочиняют сказки, поют песни, пишут музыку, хранят неповторимые обычаи, создают литературу... Если россиянин перестанет чувствовать себя русским, то он перестанет чувствовать себя и гражданином России, Родина у него будет там, где ниже налоги!»

«У меня нет никаких иллюзий в отношении системы, которая называется демократией: во всем мире это самая недемократическая система функционирования общества. Только при демократии власть может быть полной противоположностью по мировоззрению, историческим и культурным традициям народу. Это система, ПОЛНОСТЬЮ МАНИПУЛИРУЕМАЯ ВО ВСЕМ МИРЕ ЧЕРЕЗ УПРАВЛЕНИЕ СОЗДАНИЕМ. Это одна из причин, почему я и не строю наивных планов, что можно снизу, поднатужившись, что-то сломать радикально. Я вообще не верю в философию прогресса и построение идеального общества, всеисилие идеальных за-

конов и общественных институтов. Мы грешники, и имеем то, что заслуживаем по грехам своим. Но надо не складывать руки. У каждого свой фронт работы, и я вижу свою роль в том деле, которое я веду...»

Откуда же появилась в нашей политике эта удивительная женщина, высказывающая такие, не слишком свойственные нашей властной элите, мысли?

Н.А. Нарочницкая родилась 23 декабря 1948 года в Москве. Ее отец, академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий, принадлежал к той узкой и уже, как говорят, почти исчезнувшей плеяде русских историков, которые обладали классическим образованием и энциклопедическими знаниями. Являясь научным руководителем издания дипломатических документов внешней политики России XIX века, он оставил после себя фундаментальные труды по истории международных отношений, впечатляющие широтой охватываемых вопросов и теоретических обобщений, громадным архивным, фактическим и историографическим материалом, редкостной общегуманитарной эрудицией.

Родившись в 1907 году, Алексей Леонтьевич стал очевидцем и в какой-то мере участником событий почти всего столь богатого историческими катаклизмами двадцатого столетия. Его отец, дед Наталии Алексеевны, Леонтий Федорович, служил директором и преподавателем Черниговского народного училища. Его мать, Мария Владиславовна, потомственная столбовая дворянка из разорившегося рода, работала там же учительницей.

«Неправильное» происхождение чуть было не помешало Алексею Леонтьевичу получить высшее образование, хотя аттестат об окончании гимназии был заполнен сплошь отличными оценками — тогда началась кампания по «пролетаризации вузов». Однако вскоре новая власть сделала послабление для тех, чьи родители трудились на ниве народного просвещения. В результате Нарочницкий закончил Киевский университет. Талант и эрудиция молодого исследователя скоро обратили на себя внимание выдающегося русского историка Е.В.Тарле, и Нарочницкий, не успев стать даже

кандидатом наук, был приглашен в авторский коллектив знаменитой «Истории дипломатии», которая до сих пор впечатляет свободой от классовых заклинаний по любому поводу и глубиной. В результате А.Л. Нарочницкий стал лауреатом Сталинской премии. Это сыграло немаловажную роль в его жизни, во всяком случае, помогло избежать трагических последствий после того, как в 1937 году был арестован и навсегда сгинул в лагере его старший брат Юрий.

Алексей Леонтьевич всегда отстаивал научную картину истории, чаще всего двигаясь в своих исследованиях против доминирующей линии и всегда оставаясь патриотом своего Отечества. Он никогда не был настоящим «идейным» коммунистом, но не был никогда и «антисоветчиком». Сознавая грехи и даже преступления советского периода, он, тем не менее, признавал и его огромную, драматическую значимость, его неотделимость от всей непрерывной истории России. Отторжение у него вызывало только одно — вечный нигилизм российской «интеллигенции», ее презрение к собственному Отечеству.

Именно отец, Алексей Леонтьевич Нарочницкий, оказал решающее влияние на мировоззрение и отношение к жизни Наталии Алексеевны. И потому неудивительно, что она сохранила его фамилию, тоже стала историком, разделяет те же убеждения.

Мама же Наталии Алексеевны была учительницей, потом преподавателем в вузе — Л.И. Нарочницкая много лет работала в Институте истории СССР АН СССР, где занималась исследованиями внешней политики России XIX века. Участвовала в написании коллективного фундаментального труда многотомного труда «История СССР с древнейших времен до наших дней», является автором монографии «Россия и отмена нейтрализации Черного моря, 1856—1871 гг.». Это в мирное время, а во время войны, в молодости, Лидия Ивановна была героиней-партизанкой. Впрочем, она и сейчас жива, сумев сохранить в свои преклонные года здравый ум и твердую память...

После школы Н.А. Нарочницкая, продолжая семейную традицию, решила посвятить свою жизнь изучению истории и международных отношений и поступила на факультет

«Международные отношения» Московского государственного института международных отношений МИД СССР, который закончила в 1971 году с «красным дипломом».

С 1971 по 1981 г. она аспирант, а в дальнейшем — младший, потом старший научный сотрудник Института международной экономики международных отношений Академии наук СССР.

С 1982 по 1989 г. работала в Секретариате ООН. И тут опять расхождение с правилом, неизменным, например, для так называемых «гарвардских мальчиков» типа Гайдара. Потому что, проработав несколько лет за границей, Наталия Алексеевна стала не «западником», а убежденным славянофилом, что, в общем-то, и определило ее дальнейшую судьбу.

Вернувшись на родину в разгар перестройки, Наталия Алексеевна продолжает работу в Институте международной экономики международных отношений РАН сначала, с 1989 по 2003 г., старшим, а затем ведущим научным сотрудником.

И с головой окунается в бурную политическую жизнь, сразу став одним из видных деятелей патриотического движения. В феврале 1992 года она участвовала в Конгрессе гражданских и патриотических сил России. Была членом Центрального Совета (ЦС) созданного на этом конгрессе Российского Народного собрания. В октябре 1993-го вступила в Конституционно-демократическую партию — Партию народной свободы, председателем которой был Михаил Астафьев, заместителем председателя — Дмитрий Rogozin. В 1994 году была избрана заместителем председателя Всероссийского национального правого центра (председатель — М.Астафьев). Наталия Алексеевна стала автором внешнеполитической доктрины этой партии.

Почему она пошла в политику? На этот вопрос, как-то заданный ей журналистами, Нарочницкая ответила:

— Меня подтолкнули Беловежские соглашения. Я и до этого переживала за все то, что происходит... Мне казалось странным, почему люди не видят, как под флагом осуждения тоталитаризма снова возрождена абсолютно ленинская

большевистская, нигилистическая интерпретация всей русской истории. Россию снова стали называть тюрьмой народов, что после мая 45-го перестали делать. А когда были подписаны Беловежские соглашения, меня охватило такое чувство бессильной ярости и горя, что я села ночью за пишущую машинку и написала статью, даже еще не зная, как она будет воспринята и где будет напечатана... Статью заметили. Мы тогда объединились в группу, которая сформировалась в Кадетскую партию. Почему Кадетскую? Нам хотелось, чтобы наш патриотизм обязательно был облечен в демократические формы. Кроме того, хотелось обязательно «зайти назад за революцию», чтобы спор велся не между двумя собственно послереволюционными идеями, чтобы революция не воспринималась, как нечто данное. В этом была новизна — ведь до нас никто не подвергал сомнению идеологов перестройки, которые с тоталитаризмом боролись теми же методами, что и большевики, но они ту Россию не любили точно так же, как первые большевики, а мы, взяв период до октябрьского переворота, сравнили с тем, что произошло сейчас...

Наталья Алексеевна стала одним из инициаторов создания и сопредседателем многих объединений русской общественности (например, Всемирного Русского Собора), автором их концептуальных программ, а также заявлений в поддержку неделимости России и Российской армии в Чечне в 1994—1996 гг., в защиту Русской православной церкви, против расширения НАТО и агрессии против Югославии.

В 2003 году Наталья Нарочницкая была избрана депутатом Государственной думы РФ, войдя во фракцию «Родина». Она стала заместителем председателя Комитета по международным делам Госдумы, председателем Подкомитета по законодательному обеспечению международного сотрудничества РФ в гуманитарной, культурной, научно-технической, спортивной и иных областях, председателем Комиссии Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод, контролю за их обеспечением в иностранных государствах. А также заместителем главы делегации Госу-

дарственной думы в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) — ведь, кроме отличного знания тонкостей международной политики, Н.А.Нарочницкая еще владеет пятью иностранными языками.

Став депутатом, Наталия Алексеевна старалась пользоваться, кажется, любой возможностью доносить до людей свои взгляды — взгляды православного патриота, убежденного государственника и на удивление пронизательного политика-международника, видящего подоплеку любых событий, происходящих в самых разных точках земного шара. И, разумеется, в собственной стране.

— Я не радикал, — говорит она, — мне удивительны люди, которые пятнадцать лет твердят одно: «Банду Ельцина под суд!» Тем временем общество живет без всякого влияния таких радикалов, они же себя обрекают на жизнь только для себя, в своем политическом кружке, и потом удивляются, почему страна голосует иначе. Ведь подтасовать можно не более пяти процентов.

Надо ничего не понимать в ситуации и наивно верить в революции, которых страна вообще не выдержит, чтобы выступать в политике с радикально непримиримых позиций. Это сектантство, обрекающее огромную энергию на тупик и вывод из реальной работы, этому лишь радовались все Гайдары и Чубайсы, те, против кого такая энергия направлена. Только спокойное и респектабельное действие дает нужный эффект и такой посыл, от которого нельзя отмахнуться. Только когда русским по мировоззрению языком и понятиями заговорит и задумает отечественная элита, произойдет сдвиг.

Другое дело — идеология, мировоззрение. В качестве «идеолога», то есть человека, работающего в области мировоззрения, я не иду на компромиссы. Политика же — искусство возможного. Разве плохо, что я выступаю на ТВ в самых важных программах как депутат и говорю то, что я говорила всегда, не изменяя своим взглядам, которым экран телевизора придает особую весомость. Вот если бы я изменила

своим концепциям и стала говорить иное — тогда я бы изменила себе. По-моему, в предвыборных дебатах на ОРТ я первая на всю страну получила возможность сказать: «Русский народ — это державообразующий народ, это народ православный по вере и культуре, и не мешайте ему быть таким!» Я искренне полагаю эту возможность ценнее, чем митинг на 10 000 человек...

Наталия Нарочницкая имеет широкие научные и общественные связи с западноевропейскими учеными и научными центрами в Германии, Великобритании, Франции, Италии, Греции, которые выступают за сохранение государствами суверенитета, против глобализации и диктата наднациональных идеологических, финансовых и военных механизмов, осознают роль сильной России как единственного препятствия на пути сил, стремящихся к мировому господству. Большим авторитетом и известностью она пользуется в Югославии.

В 2004 году Нарочницкая стала учредителем и президентом Фонда исторической перспективы — общественной организации, которая ведет исследовательские, аналитические, просветительские и издательские проекты в области международных отношений, отечественной истории и актуальной политики.

Н.А. Нарочницкая также является автором многочисленных научных трудов по истории, философии, международным отношениям, опубликованных в российских и зарубежных научных изданиях. Основная ее работа и докторская диссертация — «Россия и русские в мировой истории». Ее исследования отличает широта подхода, академизм и острота проблематики. Н.А. Нарочницкая — автор фундаментальных разработок по внешней политике России, проблемам соотношения русского национально-государственного сознания с философией западноевропейского либерализма.

В 2005 году к 60-летию Победы вышла в свет книга Н.А. Нарочницкой «За что и с кем мы воевали» — острополемический труд, основанный на документах и фактах, — в которой автор развенчивает попытки извратить причины, смысл, итоги и наследие Второй мировой войны и Великой Победы. В 2007 году

книга была дополнена и переиздана под названием «Великие войны XX столетия: за что и с кем мы воевали». Книга была переведена на французский («Que reste-t-il de notre victoire? Russie-Occident: le malentendu». Paris, 2008), чешский («Rusko a jeho místo ve světě. Za co a s kým jsme bojovali». Praha, 2006), словенский, словацкий и сербский языки. В 2007 году была издана книга «Русский мир», в которой собраны выступления, интервью и статьи Н.А. Нарочницкой, вышедшие в годы работы в Государственной думе. В 2008 году на сербский язык была переведена книга «Россия и русские в мировой истории» («Русија и руси у светској историји»).

Труды и исследования Наталии Алексеевны внимательно изучаются за рубежом не только историками или студентами исторических и политологических институтов, но и действующими политиками. Изучаются они и нашими отечественными политиками и международниками. И профессионалы со Смоленской площади, понимающие цену экспертного знания дипломатических источников, нередко вырезают фрагменты «из Нарочницкой», заимствуя по мере надобности ее блестящую аргументацию в защиту российского суверенитета над Курилами и Калининградом или исчерпывающее объяснение, почему так демонизирован пресловутый «пакт Молотова — Риббентропа» — «крупнейший провал британской стратегии за весь XX век».

В 2008 году Наталия Алексеевна Нарочницкая была назначена на пост руководителя Европейского отделения Института демократии и сотрудничества. Не всем за рубежом это назначение понравилось, если судить, например, по статье во французской «Фигаро», посвященной Наталии Нарочницкой в связи с ее назначением на новую должность.

«Какого необычно политического и интеллектуального эмиссара Москва направила в Париж, — пишет «Фигаро». — Бывший депутат фракции националистической партии «Родина» Наталия Нарочницкая — темно-рыжие волосы, бледная кожа, зеленые миндалевидные глаза, тонкие губы, опасный полемист — не была переизбрана в парламент на российских выборах, состоявшихся в декабре, ее партия вышла из фавора Кремля. Но эта пассионария нового россий-

ского национализма, сторонник теории заговора, организованного Западом с целью изолировать Россию, кажется, получила «утешительный приз». Она прибывает во Францию с миссией создать Институт демократии, задачей которого станет изучение проблем, с которыми демократическая система сталкивается... в Западной Европе. В некотором роде симметричный ответ России Западу...

С ироничной улыбкой на губах Наталия Нарочницкая, которая хорошо говорит по-французски, уверяет, что приехала не для того, чтобы давать уроки демократии Франции. «Этой старой демократической стране, которая видела революцию, Робеспьера, Террор...» — не без ехидства добавляет она.

Ее роль — начать дебаты, которые, она надеется, будут плодотворными, о различных концепциях демократии...»

Насколько мы знаем, эти дебаты уже идут и проходят вполне плодотворно, способствуя лучшему пониманию российской позиции при обсуждении различных вопросов международной политики, будь то размещение элементов ПРО в странах Восточной Европы или события на Кавказе...

За свою многостороннюю деятельность, всегда направленную на отстаивание интересов России и соотечественников, часто не по своей воле оказавшихся за ее рубежами, Наталия Алексеевна Нарочницкая награждена орденом Трудовой славы Приднестровской республики, орденом Св. Великомученицы Варвары Украинской православной церкви Московского Патриархата, орденом Святой равноапостольной Великой княгини Ольги. Она также стала лауреатом национальной премии общественного признания достижений женщин России «Олимпия» в номинации «Международная деятельность» за 2006 год.

Н. Гореславская

КНИГА ДЛЯ ПОДЛИННО СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

Новая книга Н.А.Нарочницкой составлена из статей, интервью, выступлений новейшего времени, написанных, произнесенных, я бы даже сказал — прочувствованных характерным для автора ярким, образным, то разящим, то поющим, то гневным, то смиренным, то отточенно научным, то христиански простым языком, который делает каждую работу Наталии Алексеевны и общественно значимым событием, и истинным удовольствием для любого читателя. В центре внимания автора — русский народ в истории и современности, которые для Нарочницкой всегда выступают в теснейшей взаимосвязи. Многое из того, что происходит вокруг нашей страны сегодня, вообще не может быть понято без предметного осмысления предыстории, без анализа фактов в их развитии.

Как, к примеру, объяснить, почему те, кто боролся якобы с советским коммунизмом, продолжают с неменьшей страстью атаковать демократическую Россию? Почему вдруг в новом мире, где нет более противостояния блоков, по-прежнему в чести замшелые «советологи», с параноидальной настойчивостью продолжающие пугать мир «русской угрозой», несмотря на то что Россия далека от возможностей (и целей) советского периода и не собирается больше играть в блоки и лагеря?

Ключи к этим «загадкам» современности (а загадки это лишь для тех, кто не знает истории) ищет — и с успехом находит — Н.А.Нарочницкая, для которой «ничто не ново под луной...»: с подозрительно похожими на современные «непонятные» вызовы Россия сталкивалась и во времена Да-

нилевского, и в советский период, при всей принципиальной разнице политических систем в различные времена. Но это мы считали свою историю прерванной, привыкли всякий раз начинать «с чистого листа» и нередко смотрели на мир с наивностью новорожденных, полагая, что раз мы другие, то и отношение к нам — другое. Для наших же давних оппонентов история Великой России *не прерывалась* (в этом они, как ни парадоксально, нередко последовательнее нас), и в какой бы политической форме она ни пребывала на конкретном историческом отрезке, сам факт ее существования рассматривается как вызов и угроза. И, значит, метод исследования современной политики, предлагаемый автором настоящей книги, представляется не только оправданным, но в некоторых случаях и единственно применимым.

Сегодня мы можем с удовлетворением констатировать возросший интерес именно к такому прочтению истории и современности России в их живой связи. Разумеется, это во многом объясняется общественным запросом на новые идеологические и духовные ориентиры в политике и сознании общества в отличие от пораженческих и идеологически безвольных 90-х годов минувшего века. Как точно замечает в одной из своих работ Н.Нарочницкая, «общество устало презирать свое Отечество».

Хотя общественный запрос — явление отнюдь не только стихийное. Не секрет, что сегодня общества (это отнюдь не сугубо российская особенность) переживают так и о том, как и о чем им подсказывают СМИ, и прежде всего — телевидение. Наивно предполагать, что СМИ сегодня даже в самых демократических государствах пребывают вне поля зрения и влияния власти — мы видели, как «независимые» и в иных ситуациях вездесущие международные СМИ умудрились вдруг «не заметить» грузинскую агрессию в ночь на 8 августа, начав «просвещение» своих зрителей и слушателей с ответных действий России. Импульс словом и делом, исходящий от власти, может оказаться решающим в формировании доминирующих настроений в обществе. Это означает, одна-

ко, и особую ответственность власти за состояние умов в стране. Нельзя сетовать на то, что народ инертен и апатичен, не отзывается на созидательные призывы и проекты Центра, если сами лидеры задают пораженческую и депрессивную тональность общественному климату в стране.

Однако не менее существенно, в каком направлении будет развиваться сама патриотическая мысль в обществе. К сожалению, мы до сих пор видели немало далеко не самых достойных персонажей национальной политсцены, пытавшихся, по сути, узурпировать патриотизм и заставить его работать на собственные рейтинги. Крайне важно в этой ситуации, чтобы в столь важный для общества момент на первый план вышли люди принципиально иного склада, которые бы любили *не себя в истории, а историю в себе*, как в частичке единого народа.

Н.А.Нарочницкая — среди тех теоретиков и практиков, чья огромная заслуга в том, что они делают трудное дело превращения национальной традиции, оберегающего консерватизма и русского, прежде всего, православного духовного наследия — из идейного «изгоя» в норму. Еще совсем недавно все это было предметом общепринятой циничной иронии как преобладающего отношения либеральной интеллигенции к прошлому и настоящему собственной страны. Сегодня патриотические настроения стали естественными, если не господствующими, то вполне популярными везде, где русские дискутируют с русскими — от привычных «советских» кухонь до «актуального» Интернета.

При этом мыслящие консерваторы-патриоты, среди которых ярко выделяется Наталия Алексеевна, немало способствовали тому, чтобы очистить поле реального патриотизма от разного рода политических клоунов и лжепророков, патриотов *идеологии, а не Отчизны*.

Немало помогли нам осознать себя единой нацией и «заклятые друзья» России в мире. Никто не смог бы так дискредитировать Запад и его отечественных идолопоклонников в глазах подавляющего числа россиян, как слова и дела

самого Запада, как его отношение и к нынешней России, и к ее прошлому. Еще совсем недавно у многих и многих в России было по отношению к Западу так много того, что Хомяков называл «комической восторженностью» — тем разительнее сегодняшнее отрезвление. Продвижение к нашим границам атлантических структур в нарушение всех обещаний и договоренностей, отношение к русским в балтийских странах — членах Евросоюза, планы развертывания ПРО США в Европе, оранжевые процессы на пространстве СНГ с нескрываемым антироссийским «душком» — все это никак не подтверждает тезис о том, что Западу, дескать, мешала лишь коммунистическая система.

Ситуации с Косово и августовской агрессией Грузии показали, что современный либеральный Запад вовсе не абсолютно привержен ценностям, начертанным на его знаменах, не ставит принципы превыше всего. Напротив, он демонстративно по-разному относится к различным народам при выборе союзников и оппонентов, и это главный урок для русских на рубеже столетий (если они не усвоили его за предыдущие века). Этот вывод очень важен, поскольку в России еще немало тех, кто полагает, что нам достаточно лишь совершить некий набор внутренних действий, изменить что-то в партийной или судебной системе, дать больше свобод иностранным фондам и либеральным СМИ — и «историческое недоразумение» развеется, произойдет чудо, и Россия станет частью комфортного Запада.

Если бы это было так, то Запад еще в 90-е годы не преминул бы воспользоваться тем, что Н.Нарочницкая называет «самопредательством России», и практически растворить ее в себе, сделав ее своей зависимой частью. Но даже на такую, весьма выгодную для него, паразитарную модель интеграции Запад пойти не смог, что никакими иными мотивами, кроме явно национально обусловленных предубеждений, объяснить невозможно.

Как весь ход событий вокруг Косово со всей наглядностью показал, что *дело не в притесняемых режимом Милоше-*

вича албанцах, а в сербах, осмелившихся противиться мировому гегемону, так и русским за полтора десятилетия популярно объяснили, что дело не в коммунизме, а в них самих. Ты виноват уж тем, что смел родиться русским. Потому обозначить сегодня свою принадлежность к Русскому миру — это не только национальное самоопределение, но во многом и политическое. Назвал себя русским, а не «экономическим гражданином мира»? Не обессудь, что будешь всегда под подозрением.

Вот почему по прочтении работ Н.А.Нарочницкой понимаешь, что быть русским сегодня — это серьезно. Это и жизненная позиция, и большая ответственность, а не просто ощущение принадлежности к великой нации. Мы по-новому ощутили ценность своего языка, когда увидели, какую ненависть он вызывает у «национал-капиталистов» в Балтии, как за право говорить и учиться на нем бьются соотечественники на Украине. Мы осознали, сколь значима наша история, сколь велика наша Победа, когда они стали объектом яростных нападок со стороны современных «корректировщиков» истории. Очевидно, что дело вовсе не в спорах о прошлом: решается судьба настоящей и будущей России — это поле актуальных политических и идеологических битв, а не отвлеченных научных дискуссий.

Современные либералы, определяющие сегодня политику Запада и его институтов, полагают наше время эпохой перехода от тоталитаризма к демократии. Этим подходом оправдываются самые грубейшие нарушения международного права и открытые агрессии, любые двойные стандарты и оценки, расистские теории разделения народов и стран на правильные и неправильные и т.п. Бесчеловечную выходку «саакашистов» заведомо оправдывают, потому что осетинских детей давили гусеницами танков «свои», «демократы» с печатью западного «ОТК». Им — можно, как можно косовам громить православные святыни, а прибалтам — лишать в XXI веке почти треть населения элементарных прав по национальному признаку.

Между тем Н.Нарочницкая совершенно справедливо отмечает, что дело тут не в меняющемся мире, а в самих либералах, превращающихся в воинствующих догматиков. Идет процесс откровенной большевизации либерализма, который в этом виде не только имеет мало общего с демократией, но начинает противоречить ей и откровенно тяготиться ею. (И правда: зачем нужна система, при которой народ выбирает того, *кого хочет*, а не того, *кого надо*? Современным либертарианцам свойственно историческое нетерпение Макара Нагульнова: коллективизация должна быть быстрой и сплошной; сопротивление не осознающих своего счастья должно быть сломлено для их же блага.)

Тот факт, что либерализм в своей неотроцкистской либертарианской форме становится, по сути, тоталитарной идеологией, наводит на одну интересную мысль. Вспомним «Главный Страх Запада» на сегодня: что оружие массового поражения попадет в руки государства с господствующей тоталитарной идеологией. Так вот — курьез момента в том, что, получается, именно это сегодня и произошло. Самый мощный убийственный потенциал в истории человечества оказался в руках правителей, вооруженных агрессивной идеологией, — нетерпимой к инакомыслию, допускающей безоглядное и превентивное применение силы к другим странам, всеми средствами стремящейся обеспечить себе техническую возможность нанесения безнаказанного удара (создавшей для этого глобальную ПРО) и, между прочим, уже однажды «благословившей» применение атомного оружия против мирного населения.

Однако чем примечательна позиция Наталии Алексеевны Нарочницкой — она отнюдь не поддается вроде бы неизбежному в таком случае соблазну банального антизападничества. Прежде всего, она проводит четкое различие между либерализмом как мировоззрением и демократией как вполне доступной для любого народа формой правления и организации национальных институтов вне зависимости от господствующего в той или иной стране мировоззрения.

Самые разные государства выбирают сегодня демократию как удобный способ устройства своей государственной жизни, не впадая при этом в мессианский раж и стремление немедленно силой «демократизировать» все и всех вокруг. Государство вполне может исповедовать, например, ислам, но при этом преспокойно проводить в стране вполне демократические выборы в парламент, не восторгаясь на весь мир по поводу своего «выбора в пользу свободы».

Для Н.Нарочницкой очевидно: «Россия не должна противопоставлять себя Западу». Чтобы «обратить на пользу мощь глобализации, надо нащупать то, что можем сказать миру только мы. Надо формулировать свою незаменимость». Эта постановка вопроса перекликается с реальным, а не карикатурным славянофильством прошлого. И, нужно сказать, что сформулированный Россией консервативный проект для страны и мира вполне может получить поддержку здравых сил на самом Западе, которые не в восторге от вульгарной большевизации либерализма в мире. Либертарианцы в кожаных тужурках, эти шариковы и швондеры новой эпохи, ведут себя бесцеремонно по отношению к великим мировым культурам и религиям, считая себя и набор своих простеньких утилитарных догм венцом человеческой мысли и самой Истории.

Для русского мыслителя и просто человека, сформировавшего свое мировоззрение в лоне православной культуры, первично не то, имеет ли он право или свободу, а — право на что? Свободу для чего? Или, как сравнивает постановку вопроса Н.Нарочницкая: «Я свободен: никто мне не может дать пощечину» или «Я свободен: я каждого могу оскорбить». «Вот и идет все еще в России — единственной в Европе — подлинно исторический спор, живем ли для того, чтобы есть, или едим, чтобы жить, и зачем живем...»

Русские уже поэтому будут подозрительны для «великих упростителей» на Западе, поскольку могут таить в себе риски развенчания нового «единственно верного учения». Самоосознание себя народом в роли цивилизации, понимающей себя во всей совокупной своей истории как демократии,

в которой *право голоса принадлежит не только нынешним, но и ушедшим поколениям, формировавшим веру, культуру и геополитическое пространство*, — все это, вполне вероятно, воспринимается как вызов нынешнему карикатурному единомыслию либерального Запада.

Видный русский государственный деятель XIX века М.М.Сперанский заметил как-то в одном из писем: «... я не знаю ни одного политического вопроса, которого нельзя было бы свести к Евангелию». У Нарочницкой мы видим постановку политических и государственных проблем не только с точки зрения глубокого национального чувства, но и с последовательно христианских и православных позиций. Это очень важная составная часть всех ее работ и выступлений, ее замечательная и особая заслуга в последовательной и убедительной реабилитации православного взгляда на (гео)политические реалии новейшего времени. Вера православного человека, ум ученого и живой опыт политика-практика — все это позволяет автору давать собственные уникальные и оригинальные оценки происходящему в стране и в мире.

Но самое сильное мое впечатление после прочтения представленных в книге работ Н.Нарочницкой — это ощущение Свободы, духом которой проникнута вся книга. После того, как это великое понятие было затаскано и вульгарно заземлено неолибералами (а уж если вспомнить любовь американцев называть свои военные акции какой-нибудь очередной «непрошибаемой свободой»...), сознаешь, насколько мы утратили вкус к *подлинной свободе*, о которой с убедительной силой говорит Наталия Алексеевна. Автор вовсе не ставит себя над европейской либеральной традицией, а, напротив, напоминает о ней тем, кто считает себя либералами и потомками борцов за свободу прошлых веков: «Неужели ради парадов содомитов великие европейцы всходили на эшафот?» Для Нарочницкой (как и для всякого христианина) первична свобода внутренняя, «она... есть первооснова свободы гражданской, политической, и печально, что люди забывают об этом».

Книги Наталии Алексеевны Нарочницкой — это самая полезная пища для ума внутренне свободных людей. Ибо только такие люди могут создавать подлинное гражданское общество, национальные государственные институты, распоряжаться богатствами страны, верно понимать уроки ее истории, защищать Отечество, семью, честь от поругания, жить в мире с любыми народами, не забывая о принадлежности к своему и не боясь раствориться в Истории, став удобрением для более успешных и самоценных наций.

*О.Беляков, Государственный советник
Российской Федерации III класса*

РУССКИЕ БЕСЕДЫ

ГОСУДАРСТВО БЫЛО ГОТОВО К ПОБЕДЕ

Варенников Валентин Иванович. Окончил Военную академию имени М.В.Фрунзе, Военную академию Генштаба ВС СССР, генерал армии, Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии.

Участник Великой Отечественной войны с 1942 по 1945 год. Знаменосец Парада Победы.

В 2003 году избран в 4-ю Государственную думу, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы по делам ветеранов. В 1997—2005 годах — президент Российской ассоциации героев. С ноября 2005 года — президент Международной лиги защиты человеческого достоинства и безопасности.

Н.А. Нарочницкая. *Валентин Иванович, Вы человек с богатейшим опытом, прежде всего жизненным. Вы пережили, будучи на руководящих постах, вместе со страной сталинский период, хрущевский, горбачевский, брежневский, перестройку...*

В.И. Варенников. *Да все периоды новейшей истории...*

Н.А. *Все периоды. И у Вас есть право и способность, поскольку Вы стяжали эту мудрость, панорамно, отстраненно, уже без особых эмоций, взглянуть на все прошедшее и ответить на вопрос — что с нами происходит сейчас?*

В.И. *Ну, прежде чем говорить о том, что сегодня происходит, я все-таки хотел бы обратить внимание на нашу историю и судьбу страны, на отношения между государством и народом. Возьмем Великую Отечественную войну, в которой мы победили. Почему? Потому что государство было готово к Победе! Оно заботилось о своих гражданах, в том числе о молодом поколении, чтобы они могли его защитить, ко-*

гда придет время. Руководство страны знало, что будет война с Германией. И все мы к этому готовились. Возьмем меня. Я окончил школу в 41-ом году, я был морально и нравственно подготовлен к любым испытаниям, я был физически развит, потому что государство об этом позаботилось.

Н.А. Вы были красавец! Я видела Ваши фотографии в молодости...

В.И. Это другой вопрос, так сказать. Но я имел еще начальную военную подготовку, у нас были военруки в школах. И поэтому неспроста, рожденные в 1922—1924-м годах, — это основная сила, которая вынесла на своих плечах войну.

Говоря о Великой Отечественной, нельзя забывать, что главным содержанием войны все же являются основные битвы. Тогда это была битва за Москву: соотношение сил — один к одному. А как мы разгромили немцев под столицей! Отбросили их аж на 150—200 километров! Мало того, был развеян миф об их непобедимости, был сорван план молниеносной войны. Или взять Сталинградскую битву, ведь весь мир, затаив дыхание, следил за ее исходом!

Почему? Народы мира болели душой не только за наш народ, они болели и за свою судьбу, они знали, что только наш народ, наша армия может спасти их от фашистского порабощения.

Н.А. Вы совершенно правы. Я, как историк, изучала рассекреченные документы внешней политики. Немец ведь уже вышел к Волге, и решался вопрос, кто будет господином. Если бы он победил, то вся конфигурация Европы до Урала изменилась бы полностью, я не уверена, что ангlosаксы вообще могли бы там что-то сделать.

Судя же по документам, у них были довольно циничные расчеты. Рузвельт перед войной в докладе своему кабинету, прямо говорил: Америка вмешается только тогда, когда начнутся изменения структурного порядка, то есть когда кто-то начнет очень сильно побеждать.

В.И. Они на протяжении всей войны выжидали. Думали, что в кровавой схватке и немцы, и русские...

Н.А. ... истощат друг друга.

В.И. Истошат и полягут, а они продиктуют свои условия послевоенного мира. Но, однако, мы с каждым годом, становились все сильнее и сильнее. И вот Курская битва — это уже битва, в результате которой была захвачена стратегическая инициатива до самого конца войны. Или возьмите битву за Ленинград.

Н.А. Да-да!

В.И. Девятьсот дней в блокаде! Город не сдался. (Франция сорок дней всего оборонялась!) И вот, после этого триумфального освобождения последовало освобождение стран Восточной Европы. Мы до сих пор мало говорим об этом, да и вообще о нашей Победе. Мы обязаны говорить больше, чтобы народы мира помнили, кто избавил их от коричневой чумы. Они же были оккупированы! Они под гнетом сидели!

Н.А. Да, но, к сожалению, мы упустили историческую инициативу, когда позволили глумиться над нашей Победой в девяностые годы. Мы позволили нашим восточноевропейским соседям нас осуждать. Хотя наш семейный спор, когда мы переоценивали различные аспекты своего прошлого, должен был оставаться нашим семейным спором. Перевернуть страницу истории, не глумясь над жизнью отцов, для этого надо иметь то самое достоинство, которое Вы защищаете сегодня на международном уровне. Так вот, эти страны теперь говорят: «Да, нас оккупировали немцы, но вы-то нам принесли новую оккупацию», — а я им в ответ на симпозиумах отвечаю: «Вы знаете, гитлеровский проект готовил для вас участь свинопасов и горничных для Третьего рейха, без науки, образования, инженерной мысли. Некоторые народы вообще были предназначены стать быдлом, едва умеющим читать на немецком языке географические указатели в странах, территория которых бы уже не называлась Чехия, Словакия. Да, мы наградили вас коммунизмом, но, в отличие от Гитлера, который для вас расистский проект припас, мы дали вам то, что было у нас самих, что сами считали на тот момент самым лучшим на свете. Это совершенно другая историческая концепция. Более того, если брать все

грехи революционного проекта коммунистического, то у нас они в стране гораздо жестче реализовывались. Не говоря уже о том, что вы и ушли самостоятельно от нас полноценными нациями — с наукой, культурой, со скрипачами, полным пакетом инженерной мысли...» Забывать это все-таки настолько бесстыдно! Почему же мы не способны были сохранить свои там позиции?

В.И. Не будем все же путать руководство этих стран и их народ. Вот я был в Болгарии. Все болгары практически, духовенство, открыто выступают против того, чтобы их страна вступила в НАТО. Мне предоставили на час открытый эфир по этому вопросу в самое удобное время — 18:30, и я тоже высказался по поводу моего негативного отношения к этой организации. А вот болгарское руководство, видимо, прикормленное, подкупленное, ведет свой народ по тому пути, о котором Вы сейчас сказали.

Н.А. *С Болгарией вообще ведь очень интересно. С одной стороны, болгарский народ на Россию всегда ориентировался. Боже мой, как встречали русскую армию во время Русско-турецкой войны, когда произошло освобождение Болгарии в 1877 году! По донесениям наших посланников, послов, консулов, народ от восторга неистовствовал. А что же говорить тогда, скажем, о Чехии, которая никогда не была в орбите России. Но когда проводили референдумы по НАТО, там с трудом натянули два процента сказавших «да». Это при массивной-то пропаганде!*

В.И. Вы понимаете, все-таки мы одержали Великую Победу, которая оказала влияние на весь дальнейший ход истории человечества.

Н.А. Безусловно.

В.И. И мы своим подвигом поднялись на высшую ступень пьедестала человеческой славы, и народы мира вечно нам должны быть благодарны за то, что мы их обезопасили, спасли от фашистского порабощения.

И вот мы, победители, разве могли тогда подумать о том, что уготовано нашей собственной стране в 90-е годы?!

Н.А. Здесь мы немножко, наверное, с Вами расходимся. Я принадлежу к тем, кто без сожаления расставался с марксизмом. Но тот кошмар, который мы пережили в 90-е, даже с ним ни в какое сравнение не идет.

В.И. Да уж! Это трагедия не только для народов Советского Союза, это трагедия для всего человечества. То же самое касается и армейских дел. До перестройки у нас был здесь полный порядок. Я командовал многими полками, дивизией, корпусом, армией, военным округом, был главнокомандующим. До войны и в первые послевоенные годы у нас считалось, что если человек не служил в армии, то он — в чем-то ущербный, недостаточно развит, то есть те, кто не попадали в армию, стыдились этого.

Н.А. Конечно, потому что для молодого человека, особенно из глубинки, армия — это престиж, это рост!

В.И. Безусловно!

Н.А. Он возвращался более выносливым, более эрудированным, с веером каких-то профессий. А сейчас что?

В.И. После девяностых определенная часть молодежи армию стала воспринимать как некую угрозу для себя.

Н.А. Да просто пугало, благодаря усилиям тех же средств массовой информации...

В.И. Но это неправильно, это совершенно неправильно!

Н.А. А вы знаете, откуда весь этот негатив? Мне кажется, из-за того, что на фоне общего обнищания было еще ощущение пренебрежения государства к людям. Понятно, когда просто трудно стране и все должны немножко кушаки, так сказать, затянуть потуже, такое чувство только роднит — «потерпим мол, выдюжим». А тут...

В.И. Разумеется, чувство единства в трудное для страны время появляется.

Н.А. Заметьте, не все виды человеческой деятельности именуется службой. Есть просто профессия — быть инженером, химиком, ученым и так далее. А службой (от «служения») именуется очень мало что — армейская служба, священническое служение, дипломатическая служба. Потому как человек здесь, принимая на себя что-то вроде присяги, доб-

ровольно, на время, ограничивает сам себя. Это подвиг самоотречения, если хотите.

В.И. Вот именно. Только это не учитывают государственные чиновники, к сожалению.

Н.А. Человек, принявший присягу и пронесший верность ей, даже когда все летит в тартарары, когда вроде бы и защищать уже нечего, — особо достоин чести. Какой же внутренний стержень должен он иметь, чтобы не разувериться во всем и верить, что потомки все равно потом разберутся, кто прав. Сегодня, конечно, мировоззренческая установка, слава Богу, меняется...

В.И. Да, Путин — совершенно другой уже человек. Он получил страну, которая была на краю пропасти, ее ждала та же участь, что и Советский Союз, она могла тоже развалиться. Он же спас Россию, кстати, мы об этом мало говорим, а это так и есть. Он привел все к общему знаменателю. Создал федеральные округа. То есть Россия была укреплена. На этой базе уже можно было поднимать и экономику государства, и благосостояние народа, и крепить оборону.

Н.А. Вы правы, вот эта вертикаль власти, над которой так ерничают наши либералы, она действительно приостановила распад государства, его децентрализацию. А на Западе ведь уже руки потирали, только и ждали этого.

В.И. Вы знаете, я хочу сказать, что он, конечно, очень гибкий, мудрый, терпимый и терпеливый человек. Самый терпеливый, пожалуй, из всех государственных деятелей сегодня. Но даже и он уже не стерпел и в Мюнхене взорвался, посрывал все маски, показал, кто есть кто.

Н.А. А мне кажется, наш Путин никогда не взрывается. Он хладнокровно все рассчитал.

В.И. Ну это я так, условно... Конечно, он знает, когда то или иное заявление сделать.

Н.А. Сегодня долги мы в основном выплатили, то есть нас шантажировать сейчас труднее. Да, тем более что наша нефть стала для них тем необходимым глотком, без которого они задыхаются. При этом заметьте, мы их не шантажируем.

В.И. Совершенно верно. Ведь политика, которая сейчас проводится нашим президентом, она реально нам показывает, что имеются значительные подвижки и в области защиты нашего Отечества, усиления нашей обороноспособности. Речь идет и о социальной сфере, и об оснащении нашей армии новым вооружением. Ведь сейчас военно-промышленный комплекс восстановлен. Если говорить, допустим, о ракетных войсках стратегического назначения, о ядерной стратегической группировке, то она была, есть и остается нашим щитом и сдерживающим фактором.

И другие виды вооруженных сил тоже сейчас на подъеме: они получают новое оружие, лучше оснащены и материально, и финансово обеспечены. Все совершенствуется, улучшается быт, боевая подготовка. Если раньше наш флот стоял у причала, то сейчас он уже в Мировом океане. Так что вы правы: когда президент выступал в Мюнхене, он знал, что у него за плечами.

Н.А. Конечно...

В.И. Это факт. Но тут главное — тональность. Вот он говорит: «Мы не пойдем за теми, кто тянет нас в мир двойных стандартов, кто навязывает нам свое видение демократии, наш народ сам во всем разберется». Сказал — как отрезал.

Н.А. *Валентин Иванович, вы создали Международную лигу защиты человеческого достоинства. Какова ее цель?*

В.И. Прежде всего — не допустить столкновений на межнациональной почве. К нам обращаются отдельные лица, в том числе иностранцы, за помощью, чтобы мы защитили их честь и достоинство.

Н.А. *А где же наши так называемые «правозащитники»? Ведь это их, как они считают, главная прерогатива? Или они только исключительно гей-парады сегодня защищают? Это я так, к слову. А сколько стран сегодня в орбите вашей деятельности?*

В.И. Сейчас в нашей Лиге десять государств. В том числе и такие, как Япония, Соединенные Штаты. В этом году намерены принять еще четыре-пять стран. Лига на самом деле очень востребована.

Н.А. То, чем вы занимаетесь в своей Лиге, — великое дело и для мирового сообщества, и для нас, в первую очередь. Ибо мы такими благородными делами, безусловно, выполняем основную задачу любого государства — продолжать себя в мировой истории. Низкий поклон вам за ваши дела!

«БЫТЬ ПЕССИМИСТОМ ПРАВОСЛАВНОМУ ЧЕЛОВЕКУ ПРОТИВОПОКАЗАНО»

Леонов Николай Сергеевич, генерал-лейтенант, депутат Государственной думы четвертого созыва, член Комитета по безопасности, а также Комиссии по противодействию коррупции и Комиссии по рассмотрению расходов федерального бюджета. Доктор исторических наук, профессор, работал в системе Министерства иностранных дел. С 1958 года по 1991 — служба в первом главном управлении КГБ СССР, где руководил информационно-аналитической деятельностью, с 1984-го по 1991 год — заместитель начальника первого главного управления КГБ СССР, профессор МГИМО, автор книг «Лихолетье», «Очерки новейшей истории стран Центральной Америки», «Политическая биография Фиделя Кастро», политический комментатор телевизионной программы «Русский дом».

Н.А. Я думаю, что такому человеку, как вы, который всю свою жизнь имел доступ к самым секретным документам, раскрывающим суть международных отношений и истинные мотивации наших партнеров, свободным от пропаганды, как с той, так и с другой стороны, — именно такому человеку было особенно трудно наблюдать 1990-е годы, когда наше общество охватила эйфория по поводу «нового мышления», когда мы им полностью были одурманены, обвиняя в той же холодной войне лишь наш тоталитарный Советский Союз. Однако то, что произошло в последние 15 лет, говорит о том, что сутью тех противостояний была вовсе не борьба идей коммунизма и либерализма. Все уже давно поняли, что помимо этого есть приемственные националь-

ные интересы, мало зависящие от того, какая власть и какой строй на дворе...

У вас есть хоть какой-то оптимизм в отношении сегодняшнего дня?

Н.С. Быть абсолютным пессимистом, думаю, дело не хитрое, а православному человеку так оно просто противопоказано. Поэтому, конечно, мы все всегда ищем что-то такое, что может еще питать нас. Когда-то в 1900 году начальник Генерального штаба русской армии генерал Куропаткин, прикидывая, какой будет Россия через сто лет, говорил, что население России вырастет до 450—470 млн. человек.

Н.А. И могло бы быть...

Н.С. И могло бы быть. А пришли мы к 2000 году босые, разрушенные, демографически опустошенные, морально-нравственно деградирующие, так что иногда расчеты не совсем совпадают с тем, что вытворяет история. И, тем не менее, оптимизма я не теряю. Господь Бог внес свой решающий вклад в судьбу России, он ей дал такие природные богатства, которые помогли нам удержаться на плаву все эти страшные 15 лет, когда, по идее, мы должны были саморазрушиться до основания.

Н.А. Кстати, и Запад считал, что мы уже не поднимемся, ан нет — выстояли...

Н.С. Конечно, тогда все вело к краху России: разгул сепаратизма при Ельцине, провозглашение самостоятельности регионов, вседозволенность князьков, изобилие партий, число которых доходило до двух с половиной сотен. Все говорило о том, что мы идем к окончательному коллапсу. Самая тяжелая проблема России — это население, потому что продолжается его вымирание. Какие бы последние оптимистические сводочки нам ни давали, они говорят только об одном — о нашем демографическом убытке. И это самая страшная наша беда — потеря населения.

Н.А. Вы знаете, мне иногда попадают в руки, через хороших знакомых, западные разработки, сделанные для своего руководства, о том, что можно ожидать от России. Так вот в одной из таких разработок на двух страничках с тревогой

было написано, что у России есть шанс восстановить многие свои позиции, прежде всего — сильной державы. Единственный фактор, с которым она может не справиться — это демографическая катастрофа.

Н.С. На это, кстати, те же американцы, обращали внимание и в советское время. Я работал в разведке до 1991 года, знаю об этом не понаслышке. Они уже тогда обращали внимание на сокращение удельной численности русских в общей численности населения Советского Союза...

Н.А. А у нас вот табу на эту тему, она считается почему-то неполиткорректной. Хотя думать об этом — серьезная государственная задача.

Н.С. Конечно. Когда наши противники просчитывали, какова рождаемость, скажем, в среднеазиатских республиках, в кавказских и закавказских и какова рождаемость русских, то приходили к четкому пониманию, что с каждым годом этот удельный вес у нас будет сокращаться, что, естественно, скажется и на армии. Ведь слабое знание единого государственного языка — русского приведет к тому, что человеческий фактор в российской Советской армии станет тормозом для ее модернизации. Ну а что сегодня говорить о наших пустующих территориях, конечно, на Западе за этим внимательно следят. Вспомните Крымскую войну — у нас мало кто задумывается о ее причинах.

Н.А. А на Дальнем Востоке что было? Охотское море, Курилы...

Н.С. Да, со всех сторон Россию кусали... Не поэтому ли царь принял потом решение продать Аляску: все равно, мол, не удержим.

Н.А. Конечно, сейчас наши экзальтированные патриоты кричат: это было предательство! Но забывают, что удержать-то ее нельзя было. Почему Аляску продали американцам? Потому что тогда была одна морская держава — Англия, и она хозяйничала уже в Охотском море. Курилы пришлось тоже на время отдать, хотя мы считали их своими. Но подумали, что лучше уж они достанутся слабой в воен-

но-морском отношении Японии, чем их захватят англичане. То же самое и с Аляской — продали ее Соединенным Штатам, зато не досталась она Англии...

Н.С. Поэтому надо понимать, что эти наши большие безлюдные пространства всегда будут лакомым куском. Западу вообще не нужна великая российская держава. Какой бы формации она ни была: монархией, буржуазно-демократической республикой, социалистической — безразлично, главное, чтобы не было великого государства, сильного и крепкого. Они с легкостью предали нашего царя, предали белое движение...

Н.А. *Кстати, я в своей книжке как раз очень много об этом говорю. Представляете: в Версале сидит победившая Антанта и каждый день зачитывает телефонограммы от Литвинова и от русского посла Бахметьева, где ставится вопрос о единстве России и о русском вопросе, а эти торгуются прибалтийскими территориями. Никогда ведь в наших учебниках про это ничего не было. В них говорилось, что цель интервенции — уничтожение советской власти. Но вторая-то цель была воспользоваться вот этим хаосом, внутренним параличом и попытаться оттяпать те территории, которые 300 лет собирались...*

Н.С. Конечно, для Запада неприемлем лозунг «Единая и неделимая Россия». Вот этот лозунг белого движения по существу и лишил его западной поддержки...

Н.А. *Ну да, они лавировали между красными и белыми и в итоге предали белых...*

Н.С. Вообще, когда посмотришь стратегические расчеты американцев на протяжении, скажем, последних 60—70 лет, то трудно не заметить у них мании расчленять своих противников, безразлично, о ком идет речь — о Германии ли (ведь они же начали сначала дробить Германию), или о ком другом...

Н.А. *А помните, был такой план Генри Моргентгау, министра финансов. Он потом в каких-то еврейских организациях был опробован. Это, конечно, была месть немцам за*

фашизм, за холокост, понятно, но чтоб так идеология вмешалась в политику! В результате, план Моргентау они не могли принять просто потому, что неприлично было — это было даже хуже, чем участь, которую немцы готовили для других территорий. Германия просто уничтожалась, дробилась на какие-то кусочки — земледельческая часть, промышленная и т.д.

Н.С. Они также предлагали вполне официально, на переговорах, разделить послевоенный Китай, потому что слишком уж велика держава, неизвестно, как она будет управляться и куда пойдет ...

Н.А. *Представляете, 5 тысяч лет уже существуют и приблизительно в одних и тех же границах...Да они переживут всех, потому что умные.*

Н.С. А Россию, пожалуйста, в последних их планах на четыре державы уже поделили (условно, конечно): Дальний Восток, Сибирь, Европейская часть... Это в то время, как сами же Соединенные Штаты конституционно объявляют уголовным преступником любого, кто поставит вопрос о расчленении или отделении какой-либо части от Америки.

Н.А. *Между прочим, так называемая, гражданская война между Севером и Югом США на самом деле была войной за единство страны, не зря у мемориала Аврааму Линкольну так и написано — «Объединителю страны».*

Скажите, а нам есть резон преследовать свои интересы в западном полушарии? Я знаю, что вы были когда-то на Кубе в самые драматические для нее дни.

Н.С. Мы живем во взаимосвязанном мире. Поэтому Западное полушарие для нас представляет большой интерес. Кстати, я думаю, что нынешнее руководство России очень сожалеет о том, что мы в свое время согласились закрыть станцию радиоэлектронной разведки, которая располагалась в течение нескольких десятилетий на Кубе. Конечно, эта станция была очень важным для нас стратегическим центром информации.

Н.А. *Это была уступка?*

Н.С. Это была чистая уступка. Нельзя забывать, что главным противником для нас все-таки остаются Соединенные Штаты. Мы на них везде натываемся — это и программа ПРО, это и позиция США в Закавказье, это и их деятельность на Украине, да где угодно. Когда вы знаете о своем противнике больше, это облегчает вам правильный выбор средств для противодействия ему. Но, когда вы сами себя лишаете информационных возможностей, вам уже приходится полагаться только на аналитику, а этого порой бывает недостаточно. Поэтому, конечно же, потеря Кубы или, вернее, наш отказ от использования нашей разведывательной станции там был ошибкой. Я знаю, наше руководство жалеет об этом, но уже, как говорится, поезд ушел.

Что касается Южной Америки — это колоссальный источник ресурсов, которые могут быть полезными России. Возьмем Венесуэлу. Это ресурсы и демографические, и финансовые. Кроме того, у государств есть определенная четкая идеология, есть воля к сопротивлению чужому влиянию. Возьмите наш Воронежский авиационный завод, который выпускает Ил-96. Он погибал, а, когда получил заказ со стороны латиноамериканцев, — ожил.

Н.А. *И у Бразилии с нашим авиационным делом намечается какое-то сотрудничество...*

Н.С. Да, это большой рынок для России, для ее наукоемкой продукции — как гражданской, так и военной. А, с другой стороны, и они нам могут многое продать. Я помню, когда имел тесные контакты с бразильскими политиками на высшем уровне, в советское еще время, они мне прямо задавали вопрос: ну почему вы покупаете зерно у Соединенных Штатов? Почему вы по 6 млрд своим-то врагам золотом отваливаете каждый год? Скажите нам, мы вам все что угодно поставим, и много дешевле.

Н.А. *Правильно. Потому что те же американцы за своих фермеров глотку перегрызут, их интересы США условием ставили всяких, даже военно-стратегических, договоренностей...*

Н.С. Вот именно. А бразильцы тогда еще говорили, что их возможности по производству сельскохозяйственной продукции практически неограниченны. Вам нужно миллион тонн сои — мы сделаем, только поставьте задачу. Мы у вас купим ваши товары. Но у нас тогда не хватало воли отцепиться от американцев, которые нас уже держали в своих бульдожьих челюстях. Вот и сейчас они собираются разворачивать программу использования пищевых продуктов для производства топлива взамен бензина.

Н.А. Да, ученые давно говорят: любые отходы рано или поздно можно превратить в газ. Помните, сколько у нас, извините, слез с сахарином пролито было по поводу гениальной экономической стратегии Аргентины? И как в одночасье эта пирамида на песке рухнула? В каком драматическом положении оказались там экономика и люди, которые в одночасье лишились всего. Вы-то знаете...

Н.С. Знаю. Помню, как и нашего министра экономики тогда атаковали с этим...

Н.А. У нас любят доктрины, ориентированные на чужда, помните «500 дней» того же Явлинского? Как можно за 500 дней что-то сделать? Жизни не хватает, чтобы вывести сорт винограда, а тут целую страну развернуть.

Н.С. Ваши замечания заставляют меня вспомнить Хрущева. Однажды я переводил его одному крупному иностранному руководителю страны, и он затронул в разговоре с ним тему, как изменить Россию. Тот тогда во многом каялся, сам говорил, как дорого стране обошлось разделение на сельские и промышленные обкомы партии, говорил, что мы тоже ищем палочку-выручалочку, которая бы сразу изменила Россию... Я хорошо помню его слова: «Как в квашню, запустил руку, достал дно — думаешь, вот наконец-то, а вынул руку из кадушки — и все опять заплывло, запенилось, заквасилось. Так и с новой конфигурацией России».

Н.А. Зато закваска никуда не девается. И это хорошо — все время бродит, значит, жизнь продолжается.

Н.С. Да, так что, конечно, молниеносных проектов создания счастливой России не существует.

Н.А. А помните, сколько у нас было умилительных слов по поводу Пиночета: он хоть болезненным путем, но вывел же страну из катастрофы.

Н.С. Да и на Ельцина умилялись, который болезненным путем, расстреляв Верховный совет, разогнав Советы, подмяв под себя, по существу, всю власть, пытался вывести страну из тупика, тогда он тоже под Пиночета косил...

Н.А. Да уж, только десять лет спустя после него чуть-чуть начали в себя приходиться...

Н.С. Конечно, все эти методы так называемой шоковой терапии абсолютно для нас неприемлемы.

Н.А. Для нас, русских, всегда было безразлично нравственное полагание властей и истории. Ведь мы ж до сих пор спорим об Иване Грозном. Кто на Западе о своих деятелях спорит, которые обезглавили десятки соотечественников... А мы вот размышляем об этом...

Н.С. И правильно, потому что болячки исторические сказываются и на нынешнем нашем сознании, вот до сих пор у нас — все только белое и красное...

Н.А. Мне очень дорого, что вы это говорите, потому что вы — человек верой и правдой служивший государству нашему, на самом деле, служили Отечеству, которое во все времена остается вечным и неизменным. Конечно, очень помогает вера все это осмыслить и подняться над сиюминутным, суетным.

Н.С. Да, русский человек всегда о Боге думает в минуту опасности, даже советский солдатик, офицер во время Великой Отечественной войны, уже забывший Бога к этому времени, а поднимался из окопов в атаку и говорил: «Господи, спаси и помилуй!» А сколько раз мне в моей работе за рубежом приходилась только на Него и уповать?!... Там ты один в поле воин, вокруг тебя враждебная среда, все эти спецслужбы за тобой охотятся, ты себя чувствуешь, как заяц в лесу, и, конечно же, всегда просишь: помоги, Господи!

Н.А. В «Поединке» Куприна есть замечательная сцена приведения полка к присяге. Там сначала священник приводит православных, потом ксендз нескольких поляков, за не-

имением пастора, штабс-капитан приводит нескольких лютеран, прибалтов, мулла — татар, они же служили в русской армии, и был там один черемис, по нынешнему мариец, так ему и то на шпаге подносят хлеб, он клянется... Какое уважение ко всем составляющим империю! Какое единение, чувство общности. Отечество объединяет всех, а не разъединяет. Для того чтобы объединить, вовсе не нужно лишать индивидуальности.

Н.С. Вы знаете, а я вопросами веры и соответствия ее коммунистическим идеалам задавался и в советское время. У Фиделя Кастро, воспитанника католических колледжей, даже, помню, спросил: как у тебя увязывается то и другое? Он говорит: знаешь, только одна партия, КПСС, в своих уставах писала, что член партии обязан быть научным атеистом, никто больше такого никогда в уставах не писал — ни французы, ни итальянцы, ни китайцы, ни кубинцы. Они говорят: наоборот, Иисус Христос в свое время был проповедником очень многих морально-нравственных ценностей, которые потом унаследовали партии...

Н.А. Ну да, нашей революции тогда удалось повернуть идею социальной справедливости в богоборческое русло, и это была страшная трагедия для человечества, особенно для христианского мира. Антихристиане хитро подсунули нам ее в конце XX века и сейчас, мне кажется, новое левое крыло должно понять, переосмыслить весь этот дурной опыт XX века. Надо постараться восстановить преемственность с той Россией, не отрицая и нашей советской истории.

Н.С. Мы заплатили дорогую цену за все наши распри. И сегодня, когда говорим: нам надо никогда не повторять гражданскую войну, надо примириться, надо выдвинуть лозунг «русские с русскими не воюют», мы имеем в виду и то, что мы, к сожалению, вымирающая, гибнущая нация. И все эти лозунги — наш жизненный приоритет. Пока же у нас очень много вещей, которые раздирают общество, а вот объединяет только одно — наша вера православная.

Н.А. Да поможет нам Бог!

«У НАС НЕ ОСТАЛОСЬ ПОДАРКОВ ДЛЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ»

Уткин Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, директор центра международных исследований Института США и Канады РАН, академик Академии гуманитарных наук, член ассоциации политических исследований США, советник Комитета по международным делам Государственной думы Российской Федерации. Преподавал в Босфорском институте в Стамбуле, в «Ecole Normal Supérieur» в Париже, в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Основные направления научной деятельности — история и внешняя политика США. Автор 46 книг, наиболее известные из которых «Новый мировой порядок», «Большая восьмерка — цена вхождения», «Удар американских богов», «Дипломатия Вудро Вильсона», «Дипломатия Франклина Делано Рузвельта», «Россия и Запад: общность или отчуждение», «Теодор Рузвельт».

Н.А. Анатолий Иванович, помните, когда в 70-е, 60-е годы мы с вами начинали первые свои шаги в науке американистике, — мы развенчивали «звериный оскал империализма». Потом в нашей стране появилась некая эйфория: тогда Америка представлялась как страна кисельных берегов, где все идеально. Сейчас мы наблюдаем опять волну антиамериканизма и, прямо скажем, не без оснований. Согласны ли вы со мной, что американцы сами обрубили сук, на котором сидели?

А.И. Согласен. Последние десятилетия нам вдалбливали сквозь «глушилки», что свобода перемещения — природное свойство человека, что товары, идеи, люди должны свободно перемещаться в этом мире. И что мы видим? Даже после нашей помощи американцам во взятии Афганистана, единственным результатом тесного сотрудничества было увеличение стоимости визы для наших граждан (стоила 50 долларов, сейчас — 100). Я уже не говорю о трехгодичной и т.д. — они очень дорогие, где-то полгода нашей зарплаты.

Виза, мне кажется, — убедительный показатель взаимоотношений. Среди «старых» стран — 27 имеют право свободно въезжать в Соединенные Штаты, среди «новых» — вот, в прошлом году дали право полякам, так они ликуют! Тем не менее, мне кажется, что это было одним из первых разочарований русской интеллигенции — с трудом попасть в Нью-Йорк. Потом разочарование наступило резко и быстро во многом, еще до 1993 года, когда, напомним, наш министр иностранных дел Козырев заявил: а зачем нам внешняя политика? А вот когда в январе 1994 года президент Билл Клинтон объявил, что НАТО будет расширяться к границам бывшего Советского Союза, а потом перейдет эти границы, вот тут началось значительное отрезвление. Вот тут-то американцы и заявили нам открыто, что рассматривают нас как потенциального противника.

Знаете, у нас не осталось подарков для Соединенных Штатов. Мы им все уже, кажется, подарили — Советский Союз, Варшавский Договор, СЭВ, договор по обычным вооружениям, вывели отовсюду войска. Какой еще нужен подарок, чтобы прельстить эту страну, чтобы Запад почувствовал, что мы — друзья, что мы — одной цивилизации и т.д.? Их охватила даже некая паника, когда Ельцин, будучи в Польше, вначале заявил, что он приветствует расширение НАТО, а потом, видно, после консультаций, уже в Будапеште сказал, что «будет холодный мир»...

Н.А. Знаете, я хорошо помню тот период. И меня тогда удивляло наше опьянение новым мышлением. В то время, как весь остальной мир и, прежде всего, Соединенные Штаты, охотнее пользуются испытанным «старым» мышлением, прибирая к рукам все и вся. Конечно, подобная политика — это самонадеянность силы, необузданность амбиций, скольких она губила в мировой истории! В том же XX веке...

А.И. Меня поразил один эпизод, который имел место в прошлом году. Я, как автор книги по истории Второй мировой войны, рассказывал во время рейса Москва — Санкт-Петербург американской аудитории — людям, в общем, сведущим — о боях, которые здесь шли в 1941—1942 годах.

И вдруг вскакивает один бизнесмен, симпатичный такой, явно не глупый, и он мне начинает яростно кричать: что вы тут глупости говорите?! Война — да это величайшее благо, война — это отсутствие безработицы, война — это полная занятость, война — это когда растут зарплаты, война — это когда работает твоя жена, если хочешь, и теща, да кто угодно, война... Он искренне говорил, со своей колокольни, памятуя об их войне в 1939 году, в результате которой они в два раза приумножили национальное богатство. Я должен сказать, что те из моих старших коллег, которые были в Соединенных Штатах даже в 60-е годы, помнят еще туалеты для белых и черных, автобусы для белых и черных...

Н.А. Я тоже помню ту борьбу против сегрегации негров и Мартина Лютера Кинга, героя того сопротивления. А поводом для противостояния стал отвратительный эпизод. Вошел белый человек в автобус, а места не было. Он пинками начал сгонять беременную негритянку, мол, черная образина, как ты смеешь сидеть, когда белый человек стоит. И тут автобус — впервые! — возмутился. Водитель остановился, сказал, пока тот не выйдет, дальше не поедет. И эти американцы учат других сегодня межэтническим отношениям! Это же позорище! Не хочется впадать в огульное осуждение Запада, потому что у нас самих немало грехов, но все-таки — что-то такое происходит с ним, он утратил целеполагание, что ли, за пределами земного, и поэтому неудержимо катится вниз...

А.И. Наверное, вы знаете, что в Америке в каждом городе имеется своя газета — маленькая такая местная «New York Times». И вот, ты в хороших отношениях с главным редактором, американцы довольно простодушны в этом плане, ты говоришь: покажи ПК — учебник политической корректности. И он показывает вот такую толстую книгу, представляете?! Вроде как имеется первая поправка к Конституции, которая дает американцу право говорить на любую тему, обсуждать любую проблему, а, с другой стороны, вот эта книга — о том, о чем писать категорически нельзя...

Н.А. Вы абсолютно правы. Я все время добиваюсь от моих оппонентов, таких увлеченных западников, признания, что их кумир сам уже не придерживается тех идеалов, которые покорили в свое время русскую интеллигенцию. Русская интеллигенция, которая пала когда-то перед заклинанием «Свобода, равенство, братство!», сегодня не увидела бы на Западе ни одного человека, который был бы готов жизнь отдать за эти идеалы. Кстати, как вы расцениваете то, что сейчас Буш впервые сказал о том, что США будут готовиться к сокращению присутствия в Ираке, а англичане так просто заявили, что готовы покинуть базы?...

А.И. Вы знаете, англичане действительно уже уходят. Что касается американцев, то, под давлением большинства демократов в конгрессе, они уйдут, но неизвестно как: оставив три анклава — курды, сунниты и шииты — или все же объединив страну.

Н.А. Они там открыли ящик Пандоры, сейчас могут все границы посыпаться. И тогда такой передел мира начнется, — с восточным «каменным» экстремизмом, никому мало не покажется.

А.И. Открыли гигантский ящик Пандоры! И выигрывают пока только шииты. Иран получил 67% населения Ирака, посмотрите на священный город Кум, ныне Бахрейн — это 100% шииты, раньше их было меньше 10%. А ведь это люди, готовые идти на смерть, это организации самоубийц...

Н.А. Анатолий Иванович, вы знаете, меня больше всего удивляют британцы. У американцев, у тех нет настоящего подлинного востоковедения, и потому они совершенно неспособны понять Восток. Вообще американцы, несмотря на все свои богатства, технологии, пушки всякие, техническое превосходство, они не обладают самым важным — они не способны понимать другие миры и уважать их инакость. Но британцы, с их огромным опытом на Востоке, как они могли не понимать, что имперский ресурс Америки не безграничен? Что они-то думали себе? Они уже из Индии вылетели в свое время...

А.И. Я хотел бы напомнить, за что казнили Саддама Хусейна — за применение газов в отношении курдов. Не будем вдаваться в детали. Но у него не нашли ни ядерного оружия, ни биологического, правда, химическое он действительно применил в свое время против курдов. А кто не помнит из истории, как англичане в 20-е годы в массовом порядке использовали химическое оружие против арабов? Это сто раз всеми описано...

Н.А. *А Италия применила в Абиссинии в 30-е годы отравляющие вещества, погибло больше ста тысяч человек. И это почему-то никто не учитывает. Оказывается, Вторая мировая началась только с нападения на Польшу или с ее раздела...*

А.И. Кстати, при этом вообще забывают, что та первая признала нацистскую Германию, что в 1934 году она единственная среди европейских держав признала Мюнхенский договор...

Н.А. *Более того, она была в ярости, что ее не пригласили пятым участником, и тут же заявила претензии на часть Чехословакии и даже в качестве демарша продвинула свои войска к Праге...*

А.И. В результате одну из областей она таки получила. Вы знаете, бывший президент Польши Квасневский, помните, все любил повторять, что надо больше правды, исторической правды. А вы знаете, как на нашей сцене появился «Иван Сусанин»? Ведь его до 1939 года не было. В январе 39-го Сталину сообщили, что вермахт и польский Генеральный штаб начали консультации. Он испугался, приказал разыскать партитуры оперы «Жизнь за царя» Глинки и переименовать ее в «Ивана Сусанина»...

Н.А. *Ну да, Глинка же дал название «Жизнь за царя»...*

А.И. И в марте 39-го года в Большом театре появился «Иван Сусанин». Так вот сейчас мы знаем, что во время этих переговоров немцы хотели получить коридор, им предложили Прибалтику, и они согласились. А ведь сколько было высказано злобных слов в наш адрес, когда Советская армия вошла в Афганистан, — чуть ли это не начало третьей миро-

вой, — а теперь бывший советник по национальной безопасности Картера везде выступает и рассказывает, что они больше года толкали нас в Афганистан. Какое лицемерие! Он сейчас ставит себе в заслугу, что затолкнул все-таки Советскую армию туда. Большого лицемерия трудно себе представить.

Н.А. Вы знаете, это мы вот так рассуждаем, а те, кто бывал в Соединенных Штатах, отмечают полное безразличие американцев ко всему, что не касается их лично. Вот я семь лет там прожила, работая в Секретариате ООН. Мы с семьей жили в обычном американском доме, с соседями были прекрасные отношения — они добродушные, с очень наивными представлениями о мире. Так вот одиннадцатилетний их сын не уставал повторять, что Америка — самая лучшая страна, что его папа — самый сильный, что мама — самая красивая, их дом — это храм, — в общем, все у них самое лучшее. При этом средний американец, как правило, не знает ни европейской культуры, ни даже своей, ничего не знает, кроме работы. Прямо скажем, узок круг их интересов. Вместе с тем, они в личном плане настолько честны, что даже списывание на экзамене у них приравнивается к преступлению, за которое с «волчьим билетом» больше никуда не поступишь...

А.И. Вот-вот. Я в этом году выступал адвокатом одной русской женщины, которая во время экзамена открыла справочник и тут же закрыла, но сидевшая сзади афроамериканка сообщила об этом преподавателю, и хотя наша студентка оплатила экзамены, оплатила четыре года обучения (это очень большой университет в Нью-Джерси) — ее выгнали! Не посмотрели даже на то, что она четыре года работала в хосписе, в доме умалишенных, была человеком гуманитарных позывов, осознанно шла на эту профессию. Вот такой случай.

Н.А. Да уж, доносительство там сегодня возведено в ранг доблести... Нам их не понять. Как можно не подсказать? Я помню, как на экзамене на аттестат зрелости на ногу рисовала своей соседке устройство триода (я была отличницей): у нас отобрали бумагу...

А.И. А как Америка воспитывает в себе героические начала! Нет фильмов, которые бы не прославляли американцев.

Н.А. А мы снимаем фильм «Сволочи»...

А.И. Вы знаете, треть американцев поднимает флаг каждое утро, и, тем не менее, американская разведка — одна из самых слабых в мире. Почему? Потому что никто из них ни за какие миллионы долларов не согласится внедряться в группировку, скажем, того же Усамы Бен Ладена. Они ничего не знают о том мире, который готовы бомбить, и не хотят знать. Да, они оплачивают фонды, которые что-то докладывают издали, но у них нет стратегической разведки. В этом плане англичане во много раз их превосходят...

Н.А. Порассуждав об Америке и понимая, конечно, как специалисты, что у нее большой потенциал, мы не можем не признать, что она сегодня не на подъеме, время работает не на нее. Очень важно сейчас, чтобы оно работало на Россию, а это уже зависит только от нас. У нас есть, кстати, несмотря на все наши грехи и несовершенства, одно качество, которого никогда не было и не будет у американцев, — мы способны понимать других и уважать их инакость. В нашей стране одновременно уживаются и архаизм и высокая культура, убогость жилища и дворцы. Вот эта многокачественность нашего исторического опыта и делает нас способными быть моделью мира: где соседствуют бедность и богатство, высокие технологии, полеты в космос и порой — отсутствие водопровода. Это и бремя, но это и богатый человеческий опыт. Вопрос в том, дадут ли нам американцы полностью реализоваться как великой державе? У меня такое чувство, что они торопятся дожать нас по всем вопросам, потому что как раз понимают, что время работает уже не на них.

А.И. Вспомнил один случай. Я был тут в Финляндии, в Тампере, — городе, где Сталин, между прочим, встретил Ленина впервые. Там я познакомился с финкой, которая 14 лет проработала в Москве, в посольстве, она много о нас знает, даже была в Сибири. Так вот, она сказала мне такую однажды фразу (я вначале почти обиделся): «Знаешь, Анатолий,

ничего у вас хорошего нет». Я подумал, что фраза обидная, но, с другой стороны, что поделаешь, если у человека сложилось такое впечатление. Они живут по-своему, мы — по-своему, их всего 5 млн. Но она сделала паузу и продолжила: за исключением поразительного, фантастического характера. Это сказала холодная, как замороженная треска, финская женщина! Они много пострадали от нас, они жили в одном с нами государстве, они знают о русском характере не понаслышке, он для них — и сведущий, и стремится к знаниям, и умный, и добрый, и всеобъемлющий. Она такой пропела нам панегирик, что у меня уши покраснели, но это было очень приятно...

Н.А. Это дорогого стоит. Потому что соревноваться в том, у кого ровнее газоны, нам, наверное, не надо, — у нас они кривые. А вот способность выстаивать в испытаниях и возрождаться, казалось бы, после таких катастроф, — эта наша способность, конечно, поражает мир, и они ревностно к этой нашей способности относятся, несмотря на то что построили свой рай на земле, разве что выхлопные трубы из золота не делают. А, тем не менее, они не избавились от неуверенности перед нашей огромностью, самодостаточностью. Они же понимают, что мы, если даже запремся от всех, худо-бедно, но выживем, еще на тысячу лет хватит и ресурсов, и умения, и сами, пусть плохенькие, но будем производить автомобили и классные ракеты. А вот американцы уже не могут жить, не взимая дань со всего остального мира. И они впервые поняли, что тоже зависимы, даже энергетически...

А.И. Сейчас выходит очередное, дополненное, издание моей книги «Русские во Второй мировой войне», где, в частности, говорится о том, как немецкая военная разведка Абвера, оценивала «новопришельцев» — англичан и американцев — и сравнивала их с русскими. И сравнения те были далеко не в пользу американцев. Да к тому же, у них не было стимула воевать в Европе, а тем более умереть в Европе, а у России был — защитить Родину.

Н.А. Мы много сегодня говорили о нашей стране. Мы, конечно, не хотим консервировать собственные недостатки, а у нас их немало. Но все-таки хочется напоследок ска-

зять всем — не стесняйтесь любить свое Отечество! Мы ведь мать свою любим, а не чужую, хотя мать соседа может быть моложе, красивее и успешней, как сейчас модно говорить.

А.И. Кстати, американцы не раз говорили мне: слушайте, поменяйте алфавит на латинский, ничего же не понятно!... Поначалу я молчал, а потом не выдержал и однажды говорю: знаете, мы насмерть будем стоять за наш алфавит и, если уж начнем все менять, это будет последнее, что мы изменим. Они спрашивают: почему? По простой причине, отвечаю, что имя и фамилия моей матери написано на этом языке...

Н.А. Конечно, нам еще очень многое предстоит сделать для того, чтобы наша Россия и внутри была устроена справедливо и чтобы могла отстоять концепцию справедливого миропорядка. Где бы все уважали друг друга, где бы не навязывали никому своего особого мнения и где бы защита национальных интересов не переходила в эгоизм и надругательство над всеми остальными.

«МЕНЯ СЛОВО «РОССИЯНИН» КОРЕЖИТ...»

Меньшов Владимир Валентинович, заслуженный деятель искусств РСФСР (1984). Лауреат Госпремий РСФСР (1976) и СССР (1981). Обладатель премии «Оскар» за фильм «Москва слезам не верит» в номинации «Лучший иноязычный фильм года». Народный артист России, член Союза кинематографистов России, награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Фильмы:

Москва слезам не верит (режиссер)

Ночь коротка (сценарист)

Любовь и голуби (актер, режиссер)

Где находится нофелет? (актер)

Город Зеро (актер)

Зависть богов (актер, режиссер)

Остановка по требованию (актер)

Ночной дозор (актер)

Всего около 50 фильмов.

Н.А. Владимир Валентинович, хочу спросить: Вы русский, российский или советский актер?

В.В. Надеюсь, русский. Меня слово «россиянин», ну, ко-режит, что ли, с тех пор, как оно появилось у нас в обиходе. Это, видимо, на каком-то чисто биологическом уровне.

Я даже не знаю, в чем тут дело, вроде оно когда-то и употреблялось в русской истории, и Петр I обращался — «Россияне!». Но ведь с тех пор столько воды утекло... В «Литературной газете» мы как раз обсуждали проблему русского языка и удивлялись очень, что теперь уже понятие «русский» только с языком и ассоциируется, а скажи «русский человек», и как-то неловко делается, будто непременно кого-то оби-дишь. Я тут был на телепрограмме «Минута славы», в жюри, так одна девушка там со сцены, не очень, может быть, кста-ти, сказала: «Я горжусь своим русским народом»... Мой друг, Татьяна Толстая, которая сидела со мной рядом, очень серь-езным образом стала ее отчитывать за то, что она употреби-ла слово «русский». Я недоуменно, глядя на девушку, сказал: «Нет, вы все правильно делаете, вы имеете право... А в чем, собственно, дело?» — «Ну как это? Рядом с ней стоит армя-нин», — говорит Толстая. При чем тут армянин? И он пусть говорит, что гордится своим армянским народом...

Н.А. А я считаю, что если россиянин станет плохим русским, то есть утратит связь со своим языком, культу-рой, со своими предками, с традициями, даже с чисто этни-ческими, бытовыми привычками, манерами — как готовить пищу, как угощать гостей, — он станет и плохим гражда-нином... Почему в начале беседы я задала вам в лоб вопрос на эту тему? Не скрою, на меня огромное впечатление про-извел ваш поступок, когда вы швырнули на пол конверт с вердиктом присудить премию за явно антирусский фильм «Сволочи».

Настолько это созвучно моему отношению к подобным пасквилям!

В.В. Много разного про нашу историю сейчас говорит-ся, это долгий разговор. В конце концов, ладно, черт с вами, само по себе, что называется, рассосется. Понимаешь, что все

равно какой-то стойкий образ той, дореволюционной, да и советской, в лучшие годы, России, он останется и будет передаваться из поколения в поколение.

Н.А. Вот именно.

В.В. Что касается войны, Великой Отечественной, то она была очень справедливо названа, но и роль государства была в ней фантастической! Именно это не могут никак перевернуть хулители нашей истории, потому что все здесь сходится. Вот сейчас готовится к съемкам фильм Анджея Вайды о Катюши. Он великий режиссер! Но заранее можно предположить, что это будет русофобский фильм. Стопроцентно перед всем миром опять будет показано: звери — именно русские, а не коммунисты, не чекисты.

При этом нам будут тысячу раз повторять, что совершенно не пытаются ни с кем счеты свести.

Н.А. Вот-вот...

В.В. А мы, наивные, с нетерпением будем ждать выхода очередной картины выдающегося мастера. И будет пышная премьера, и все повалит на нее, и будут стенать: «Ах, какая правда!»

Н.А. Да бог с ними, с поляками. Я думаю, все образуются... Вы знаете, по-разному о Вас говорят. Одни больше всего ценят в Вас режиссера, другие — актера, потому что Вы — и то, и другое. А вот Вы кем себя больше ощущаете?

В.В. Я уже на эту тему высказывался, поэтому ничего нового не скажу. Дело в том, что «отрава» режиссуры — она очень сильно действующая. Я знаю, как прекрасные актеры нередко неудачно дебютируют как кинорежиссеры. Когда он актер, с ним еще можно разговаривать, — что у него получилось, что не получилось. Когда же он режиссер — он от любого замечания белеет, он внутри весь переворачивается, он не хочет слышать ничего. Это сродни, наверное, какому-то слепому родительскому чувству: попробуй сказать что-то не то о твоём ребенке — некрасив, неумен... Да ты с ума сойдешь, да ты убьешь этого человека! Хотя будь он и тысячу раз прав. Поэтому режиссура — дело особое, и, безусловно, она первенствует над всем остальным.

Н.А. Есть ли сегодня русский кинематограф? Советский был. И им восхищались, его по сей день изучают как школу...

В.В. Да тот советский кинематограф и был русским кинематографом, несмотря на то, что на восемьдесят процентов сделан людьми еврейской национальности. Но ведь на русской почве.

Н.А. Я абсолютно с вами согласна.

В.В. В советском кино «русское» всегда присутствовало. А вот во время войны, по сути, и само слово «русское» возникло, и «русскость» проявилась. Сегодня же это отсутствует напрочь. У нас теперь русский все больше: «Алле, эта, тещенька дорогая, ты че!», или: «Люлек, слушай сюда...», — все время изображается какой-то поддатый человек, который несет несусветную ахинею, и зал при этом заливаётся. Ну один раз смешно, два смешно... Уже Путин даже говорил об этой глупости на встрече с учителями.

Н.А. А как обляяли его за это, обсмеяли наши либеральные СМИ!

В.В. При том невероятном авторитете, которым он пользуется в обществе, он должен один раз сказать: «Ребята, все, вот этого я не люблю!»

Н.А. Начиная со времен татаро-монгольского нашествия, основная идея, которая из века в век всех нас объединяла, была идея государственности. Могучее, великое государство — вот тот идеал, ради которого русский человек готов страдать, готов терпеть любые лишения, готов, наконец, отдать свою жизнь. Это иррациональная идея, это не то прагматическое европейское стремление извлечь максимальную выгоду для себя лично. Это идея российского духа, подчиняет, растворяет в себе и Вашу, и мою индивидуальность. Но взамен и Вам, и мне дает во сто крат больше. Она дает ощущение причастности к великому организму, дает ощущение духа, дает ощущение силы и бессмертия. Не случайно Запад всегда стремился скомпрометировать идею нашей государственности.

Но дело и в нас самих. Мы сами подхватываем порой все эти бесконечные модные западные идейки, соблазняясь их

очевидной практичностью, рациональностью, не соображая, что именно в этом заключена их губительная для нас сила. Ну, ничего. Наша собственная идея, в конечном счете, всегда берет верх. Вы посмотрите, даже все наши революции, навязанные нам, как правило, извне, в конечном счете, приводили не к разрушению, а только к укреплению и усилению нашего государства. И так будет всегда.

В.В. Вот я сделал фильм «Зависть богов». Это 83-й год, среда интеллигенции... Там, конечно, все немножко стилизовано под «красный уголок», так сказать. Но, тем не менее, все это правда: и как Москва строилась, и как урожай собирался, и как машины выпускались, трактора и так далее. Я не говорю, что советская власть — это хорошо. Я наоборот считаю, что общество тогда не сумело ответить на вызовы времени.

Оно было обречено. Конечно, ощущались и чудовищные внешние усилия, но, тем не менее, оно само не могло уже дальше развиваться.

Н.А. *Согласна.*

В.В. Помните, у меня в фильме есть эпизод, в котором говорится о сбитом русскими «Боинге»?

Н.А. *Корейском! Я работала в то время в Секретариате ООН в Нью-Йорке. Хорошо помню всю эту историю...*

В.В. Так вот, для меня, например, несомненно, что это была провокация. Потрясающий факт: ведь ни одного трупа не нашли! Ни одного трупа из более чем двухсот двадцати! Так же не может быть! Что, они тут же ушли все под воду? Потом командующий дальневосточной авиацией мне рассказывал, что пассажирские чемоданы были очень странным грузом набиты: гору каких-то детских поношенных сандалий из них вытащили...

В фильме я дал высказаться и тем, кто говорил с «Голоса Америки». Это все интеллигенция наша, которая стонала тогда, как ей стыдно быть русскими, как мы могли на такое пойти и так далее... Позорище! Один только человек старшего поколения возразил им: «Да как же! Да не может этого быть!» Так ему, человеку, который считает по-другому, даже

слово не дали сказать. В фильме! В художественном фильме! Я не занимаю ничьей позиции, для меня там важна личная трагедия женщины, которая влюбляется во француза, и француз по этому поводу пишет гневную статью в свою газету, за что его высылают из Москвы. И они друг друга терпят. Это любовь всей их жизни, для меня это самое важное было в картине показать. Но меня тут же поставили к «расстрельной» стенке: «О-о-о, вот ты как, вон ты про что, старик!..» Тут же было сформировано вокруг фильма такое серьезное «общественное мнение», что он остался на «Кинотавре» без единой награды.

Н.А. Ну, а меня к «расстрельной» стенке поставили, когда после Беловежской Пущи в кинотеатре «Россия» собрался «Конгресс гражданских патриотических сил» — была такая, так называемая некоммунистическая оппозиция. Я там сказала: «Я расстаюсь с марксизмом без сожаления, но держава-то тут при чем? Ее ж собирали триста лет! Почему в уплату за тоталитаризм нужно отдать плоды трехсотлетней русской истории?! Почему, наши реформаторы, все повторяют, как заклинание: какова история — такова и география, — про Крым, про Курилы... Что, мол, по-новому нам надо на все посмотреть и т.д.». После этого я в своем институте в лифт входила бочком, все сторонились меня: «А еще принадлежит к интеллигенции! Да это же какой-то троглодит, монстр, мумия холодной войны!»

Поэтому я вас очень хорошо понимаю...

Наверно, все задают вам подобные вопросы: «Над чем вы сегодня работаете, каковы ваши творческие?..» Я даже не о планах спрашиваю, а о творческом страдании внутреннем.

В.В. Со страдания у меня всегда все и начинается, и во все времена оно носило глобальный характер. Но каждый раз, абсолютно из ниоткуда, «из-за угла», возникала какая-нибудь история. Ну, вот скажем, «Москва слезам не верит», с которой я начался как режиссер, — никто не думал, что из этого получится что-нибудь стоящее.

Н.А. Фильм — потрясающий на самом деле...

В.В. А ведь я не мог группу набрать! Все оператор морщился, говорил: «Господи, я это уже снимал в 50-е годы, вот эту всю ахинею, со всеми этими слезами и т. д.». Не верили в успех. А получилось же! Теперь это визитная карточка страны, визитная карточка поколения.

Н.А. Это целая эпоха. И ты в нее буквально погружаешься. А какие все актерские работы замечательные, все без исключения. Будто вы намеренно взяли именно за современную классику.

В.В. Конечно, не намеренно.

Н.А. А мне так показалось...

В.В. Я вообще с большими сомнениями приступал к материалу, но почему-то мне захотелось снимать именно эту историю. Очень авторитетные, очень уважаемые люди меня тогда отговаривали. Ну зачем, мол, тебе это, ну что это за сюжет, что это за мелодрамы?! Кому оно сейчас нужно?

Об этом сейчас забыли. А ведь картина была тогда в штыки встречена нашей кинематографической интеллигенцией. Один выдающийся режиссер на высоком собрании сказал даже: «Слушайте, надо что-то делать с этой картиной, она просто позор «Мосфильма»!

Н.А. Первый спектакль «Лебединого озера» Чайковского тоже провалился. Так что ничего...

В.В. Удивительное дело, казалось бы, такое проникновение в обычную жизнь, а сколько шуму наделало. Вот как через частное...

Н.А. Через человека...

В.В. ...Можно выйти иногда на нечто глобальное. Такая простенькая мелодрама, а, подишь ты, проникла куда-то уже в наш генетический код.

Н.А. Абсолютно точно. Ну, вот сейчас вроде бы наше кино, российское, русское, выходит, казалось бы, из финансового кризиса. А ведь что снимают?! Вовсе не то, чем живут сегодня люди.

В.В. Вы правы — героя нашего времени, действующего, воплотить бы в кино! По крайней мере — вдумчиво относящегося к жизни. Тот же, я считаю, Сергей Кара-Мур-

за — чем не герой романа? Но ведь тут можно только панегирик написать или оду, но не сценарий для фильма. Любое же ближайшее знакомство с успешным бизнесменом, образ которого сегодня не сходит с экранов, приводит меня прежде всего к мысли о том, что первоначальный-то капитал его краденый. Хотя, отдаю должное, все равно деловые качества действительно тут нужны незаурядные. Но все равно сначала надо было украсть. И хорошо украсть.

Н.А. Владимир Валентинович, Вы знаете, я не принадлежу к пессимистам, и у меня нет апокалипсических настроений в отношении будущего России. Но конечно, я и не разделяю той эйфории, о которой вы говорите. Россия устроена несправедливо, и надо за нее еще побороться, конечно. Огромный впереди период созидания, строить — не разрушать. Но то, что Вы честно признались, что Вы в растерянности — дорогого стоит. Вы человек творческой мысли, творческого внутри сомнения. А без сомнения не может быть никогда результата. Я очень боюсь людей с готовыми идеями. А Вы ищущий человек. Так что спасибо Вам большое за беседу. Вы блистательный русский актер, режиссер, честный гражданин и ищущий человек.

«РОССИЯ — ЭТО ОСОБЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ МИР»

Станислав Юрьевич Куняев — русский поэт, литературный критик, главный редактор журнала «Наш современник». Автор десяти книг в серии «Жизнь замечательных людей», многочисленных переводов из украинской, грузинской, абхазской, киргизской, бурятской, литовской поэзии. Лауреат Государственной премии СССР имени Горького. Стихи и книги Станислава Куняева переведены на болгарский, чешский, словацкий и др. языки.

Н.А. Станислав Юрьевич, Вы человек, в котором понятие советский и русский слились воедино, причем так дополнили друг друга, что стали таким общим интеграль-

ным понятием, поэтому на вашем примере смешны потуги сегодняшних хулителей России как-то поиздеваться, поглумиться над нашей историей XX века. Думаю, нас с Вами роднит не только то, что мы оба — люди пишущие о России, но и то, что мы задаемся одним и тем же вопросом: что есть Россия? Наверное, к нам применимо то, что сказал Бердяев, что все мы родились на проблеме философической, нас глубоко волнует, что задумал Господь о России, какова ее судьба... Это свойственно русской мысли — жгучее чувство сопричастности ко всей нашей многовековой истории, а не только к сегодняшнему дню... Вот это свойство русского национального самосознания, мне кажется, — главное, что присутствует в поэзии и богатейшем литературоведческом наследии Станислава Юрьевича Куняева, которому мы отмечаем нынче 75-летие. Я знаю, вы родились на благословенной Калужской земле с ее поистине российскими просторами, с необычайным сочетанием в людях чарующей простоты и обаяния с высочайшим интеллектуальным потенциалом, с желанием одновременно оставаться самими собой, то есть русскими (и что важно — продолжать себя в истории именно как русские), и быть частью всего мира! Вы согласны со мной?

С.Ю. Да, вы затронули сейчас особую струну в моей душе таким вступлением к нашему разговору. Потому что сколько себя помню, я ощущал вот этот исторический фон, этот исторический воздух города, стоящего на крутом берегу Оки, с бором, который казался мне бесконечным, уходящим за горизонт... А когда я уже повзрослел и стал более внимателен к такой поистине русской калужской истории, тут стали возникать самые дорогие русскому человеку имена, с которыми я живу до сих пор — это, конечно, и Пушкин с его полотняным здесь заводом, и Гоголь... Я родился в доме, который находится буквально в двухстах метрах от загородного сада, в котором стоял дом калужской губернаторши Смирновой-Россет. Гоголь приезжал к ней в гости несколько раз в конце 40-х годов XIX века, и там он написал

свои знаменитые «Письма Калужской губернаторше». Между прочим, это была целая программа выздоровления на правильных основах, православных, народной жизни, всего русского бытия — это замечательное завещание Николая Васильевича Гоголя написано также на Калужской земле. А обращено оно было к подруге Пушкина Смирновой-Россет, калужской губернаторше...

Н.А. Я думаю, оно очень актуально сегодня...

С.Ю. Я сразу вспоминаю другого великого русского человека — философа Константина Леонтьева, который тоже жил на Калужской земле. Помните, как он рассуждал относительно западничества и славянофильства, какие глубокие мысли были им еще в 1860—1870-х годах выношены и высказаны. Он же первый сформулировал, что Россия — это особый цивилизационный мир, потом немец Шпенглер это уже повторил, также как и Данилевский...

Н.А. Говорят, что у Шпенглера в библиотеке стояла книга «Россия и Европа» Данилевского...

С.Ю. Да, но до Данилевского был Леонтьев, который в то же время, но гораздо резче и с удивительным проникновением в будущее первым сформулировал эту неизбежность падения Запада и предостерегал нас от безоглядного следования во всем западному образцу. Да, именно наш калужский Константин Леонтьев!

Н.А. Калужская земля вообще родила столько настоящих интеллигентов, интеллигентов в лучшем смысле слова, а не в том, как его понимают наши либералы. Для них интеллигент — это тот, кто противопоставляет себя государству, плюет на его интересы. Это высшая доблесть — сидеть в Совете Европы, в которую я иногда имею несчастье по делу ездить, и потирать руки, когда нас там шпыняют, когда нам, совершенно корыстно, бесчестно вменяют в вину то, что к нам не имеет никакого отношения...

Это Калужская земля родила Трубецких, родила такого оригинальнейшего мыслителя, как Устрялов — честь и хвала калужанам-историкам, которые поняли, как важно изучать его наследие ...

С.Ю. Даже истоки евразийства на Калужской земле за-
рождались...

Н.А. Абсолютно точно, потому что Устрялов (я по-
смотрела недавно его статьи о государстве, об империи),
он не вписывается ни в какую французскую философию про-
гресса, она кажется такой пустой и мелкой по сравнению с
его взглядами, а уж что говорить о Константине Леонтье-
ве. Помните, в сказках, когда богатырь русский чувствует,
что сил ему не хватает, он прикладывается к матери сы-
рой земле, и она дает ему эту силу. Вот на Калужской земле
чувствуешь нечто подобное. Это наше родовое гнездо, Цен-
тральная Россия, с холодными ночами и стелющимся по ни-
зинам туманом. А Москва что? Это же Вавилон. Я не хочу
ее обижать, я живу в ней, я ее люблю со всеми ее пороками,
но столица уже не средоточие русской жизни, и это удел всех
столиц во второй половине XX века, в век начала глобализа-
ции, здесь русского слова-то не услышишь...

С.Ю. Я уже сказал, что моими кумирами в годы отроче-
ства и юности становились и Гоголь, и Пушкин, а чуть позже,
когда я стал студентом, — Константин Леонтьев... Я через всю
старую Калугу ходил в железнодорожную школу, где препода-
вал Константин Иванович Циолковский, а родился я на ули-
це Циолковского, где был его музей, то есть путь мой был от
одних циолковских мест до других циолковских мест. И вот, я
выхожу как-то на высокий берег Оки, и у меня в голове звучит
песня, только что я услышанная по радио, это, наверное, 1946
год или лето 45-го, мне было 12 лет. «Летят перелетные пти-
цы» — эта мелодия Исаковского звучала во мне как-то бессло-
весно, а потом вдруг как прорвало. Я оглянулся — никого нет,
встал на крутой берег Оки и заорал что было мочи: «Летя-я-
ят перелетные пти-и-цы» и «Желанья свои и надежды связал
я навеки с тобой — с твоею суровой и ясной, с твоею завид-
ной судьбой...» Вот эта советская прививка вдруг тогда объ-
единила во мне все — и русское, и советское...

Н.А. Недаром на Руси всегда говорили, что русский чело-
век живет не по праву, а по правде. Если он видит, что пра-
вовая норма противоречит вот этому божескому, то он ею
может и как бы пренебречь.

С.Ю. Мы привыкли часто произносить слово «справедливость». На самом же деле справедливость — великое слово, оно должно быть в основании всего для мыслящих людей. Вот наши либералы сейчас смеются над понятием суверенной демократии, но в то же время забывают, что западная демократия — она была не то что суверенной, она была колониальной демократией. Демократия метрополии и демократия колонии — это абсолютно две разных были демократии, хотя и объединены какой-нибудь одной, скажем, английской империей. Между прочим, это вполне логичное развитие Запада, начиная с Римской империи и заканчивая рейхом. Европоцентризм существует уже 2000 лет. И воевали мы не просто с немецким фашизмом, а воевали с фашистской Европой, между прочим...

Н.А. Вот об этом сейчас никто не вспоминает. А ведь каждая страна из тех, кто сейчас вроде бы и ни при чем, поставила тогда в гитлеровскую армию очень много своих солдат...

С.Ю. Много оружия, заводов и т.д. Та же Франция. Вот приехал к нам Саркози, очень хорошо поговорили, «Нормандии — Неман» поклонились, возложили цветочки, — да, для нынешней политики это нормально, но историческая память гораздо глубже нынешнего политического дня. Я вот изучал тоже немножко историю мировой войны и обратил внимание на то, сколько представителей разных европейских народов было у нас в плену после войны. Полтора миллиона немцев — ну это естественно, но были и 500 тыс. венгров, и 20 или 30 тысяч французов, 20 тысяч чехословаков... Действительно, 50 или 70 человек воевали в «Нормандии — Неман», но в составе войск гитлеровского рейха было несколько французских дивизий! Поэтому, памятуя об уроках истории, о том, как чехословацкие солдаты дважды топтали русскую землю (первый раз во время мятежа чехов в 1919-20-х годах), мы, желая обезопасить себя, вынуждены были ввести даже свои танки в Прагу в 68-м году. И что бы ни кричали наши либералы, уроки истории нас научили этому.

Н.А. Кстати, мы прекрасно тогда понимали, что за такой тепленькой пражской весной последует жаркое, вроде «оранжевого», лето. И пошли на этот шаг, рискуя своим престижем, понимая, что часть чешского общества будет где-то обижена на нас. Тем не менее, мы не могли порушить систему, которая санкционирована была в Ялте и Потсдаме и, кстати (это известно серьезным историкам), сообщили об этом заранее в штаб НАТО, Соединенным Штатам, и те спокойно все приняли, потому что соблюдали международную договоренность.

С.Ю. Да, дух Ялты был еще жив...

Н.А. Мы сейчас заговорили о наших бывших братьях — чехах и прочих, так вот, там, кстати, есть и прорусски настроенные люди. Моя книжка «За что и с кем мы воевали», например, где все эти проблемы поднимаются, по предложению самого чешского издательства была издана на чешском и на словацком языках, прошли широкие презентации. Теперь что касается Польши. Я смотрю, вы посвятили целую книгу нашему (этакая, знаете ли, любовь-ненависть) почти тысячелетнему роману. Даже вынесли на обложку этой книги кусочек интервью одного известного польского историка, который два года назад разразился статьей не где-нибудь, а на страницах ведущей официальной газеты «Речи Посполитой», в которой он открыто выражает сожаление по поводу того, что поляки не договорились с Гитлером и не пошли вместе с ним на Россию, в таком случае, как он пишет, «Тогда бы мы принимали совместно на Красной площади парад победоносных польско-германских войск».

Отбросим вот эту эйфорию самодовольства, что, мол, именно польских батальончиков Гитлеру и не хватило для того, чтобы победить под Сталинградом и под Курском. Это, конечно, типично вот такое польское самомнение...

С.Ю. Наполеону не хватило даже их стотысячной армии, чтобы победить Россию...

Н.А. Кстати, Наполеон ведь, как писал Герцен, вовсе не любил Польшу, он любил поляков, которые проливали за него кровь...

С.Ю. Совершенно верно, он был расчетливый полководец...

Н.А. Я вот думаю, такие слова поляка в ведущей газете еще какие-нибудь 30 лет назад даже на западное сообщество произвели бы больший шок, чем высказывание экстравагантного иранского президента Ахмадинежада об Израиле. А здесь — молчок. Получается, что ненависть к России сегодня на Западе — политкорректна, более того — она индульгенция, которая искупает любые грехи: мечты поляков о несостоявшемся союзе с Гитлером, мечты о Польше от моря до моря. Ведь автор высказывает там обиду за то, что Польша совместно с Гитлером перед пактом Молотова — Риббентропа терзала несчастную Чехословакию, а ее даже не пригласили в Мюнхен на ее дележку... В той же статье он перечисляет территории, которые, как он считает, по справедливости должны бы принадлежать Польше — это Белоруссия, Украина, Литва... То есть Польша — от моря до моря. И ничего, на Западе помалкивают.

Что это такое? Ведь такого давления, которое на нас оказывали во время коммунистического Советского Союза, казалось бы, уже больше нет, а ведь подишь ты... На некомунистическую Россию оно оказывается в десятки раз большее — духовное, геополитическое, военное. И это еще раз доказывает, что Запад боролся с нами вовсе не из-за коммунизма, он для них был вообще безвреден, а боролся как с великим государством, в какой бы форме оно ни существовало, преследуя свои геополитические интересы: Прибалтика, Черное море... Да и ваша Калужская область им была небезынтересна.

С.Ю. Ну да, она же была практически пограничной с Польшой...

Н.А. А там Смоленск близко, Брянск... Я как-то на приеме беседовала с одной дамой, послом Швейцарии в Москве. Сейчас-то там приятный, чувствуется, неплохо относящийся к России посол. А тогда была некая дамочка, напоминавшая мне Мадлен Олбрайт или что-то в этом роде... Она говорит: я тут проехала вокруг Москвы, была в Калужской области — какие просторы, какие уголья, а у нас так все перенаселено, вот куда бы переселиться. Вот с какими мыслями к нам едут.

С.Ю. Когда начались споры относительно преподавания православия в школах, на Русском соборе была поднята проблема ксенофобии. Выступал мудрый человек, автор нашего журнала, митрополит Кирилл. Он очень точно расставил акценты. Я и сам чувствовал нечто подобное, но он сформулировал это с присущей хорошему богослову ясностью: права человека без сознания высшей воли и божеских законов могут завести человечество куда угодно, потому что это право на растление, право на зло, это право на крайний индивидуализм.

В Калуге, кстати, великая традиция Оптиной пустыни, Шамардино... Там есть на что опереться.

Н.А. Меня порадовало там то, что и департамент образования высказался за преподавание основ православной культуры. Думаю, что нашими общими усилиями, усилиями наших русских писателей, поэтов, усилием политических и общественных деятелей, усилием тех, кто понимает и отстаивает право русских людей знать основы своей культуры и быть преемственными ее носителями, мы добьемся желаемого. Страна сейчас гибнет не потому, что она мало производит — у нас худо-бедно, но производство растёт, а из-за состояния человека — вот этой вакханалии безнравственности на экранах, смешения понятий порока и добродетели.

С.Ю. Вы знаете, я историк, но это призвание второй половины моей жизни, призванием моей первой половины жизни была поэзия...

Н.А. Почитайте что-нибудь...

С.Ю. К нашему разговору есть у меня одно стихотворение:

Два сына двух древних народов такой завели разговор
О дикости древних походов,
Что вспыхнул меж ними раздор.
Сначала я слышал упреки, в которых, как корни во мгле,
Едва шевелились истоки извечного зла на земле,
Но мягкие интеллигенты воззвали, как духов из тьмы,
Такие дела и легенды, что враз помутились умы.

Как будто овечью отару один у другого угнал.
Как будто к резне и пожару вот-вот разнесется сигнал.
Куда там! Не то что любовью дышали разверстые рты,
А ржавым железом и кровью и яростью до хрипоты.
Что было здесь правдой, что — ложью, уже не понять никому,
Но некая истина дрожью прошла по лицу моему.
Я вспомнил про русскую долю, которая мне суждена, —
Смирять озверевшую волю, коль кровопролитна она.
Очнитесь! Я старую рану не стану при всех растравлять,
И, как ни печально, не стану свой счет никому предъявлять.
Мы павших своих не считали, мы кровную месть не блюли,
И только поэтому стали последней надеждой земли.

Н.А. Спасибо вам большое, Станислав Юрьевич, за беседу, за прекрасные стихи. Я думаю, многое осознав сами, достигнув справедливости, братства и гармонии у себя дома, Россия, еще скажет свое слово всему миру.

С.Ю. Я в это верю.

«ПРОИСХОДИЛА УТРАТА ЮРИДИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА...»

Болдырев Юрий Юрьевич — член Высшего консультативно-координационного совета при Председателе Верховного совета Российской Федерации, затем — главный государственный инспектор России, начальник контрольного управления администрации президента России в 1992—1993 годах. С 1995-го по 2001 год — один из создателей, затем — заместитель председателя Счетной палаты Российской Федерации. Автор книг «О бочках меда и ложках дегтя», «Похищение Евразии», а также авторской серии книг «Русское чудо: Секреты экономической отсталости». Член ряда общественных организаций, в том числе русского интеллектуального клуба, Совета по внешней и оборонной политике, Комитета в защиту прав граждан на природные ресурсы и др. В настоящее время публикуется во многих популярных изданиях с исследованиями по проблемам российской экономики и политики.

Н.А. Юрий Юрьевич, вы отличаетесь искренностью и честностью. Будучи убежденным демократом, бунтовали против косности уходящей системы, но отнюдь не приветствовали то, во что вылилась наша перестройка. Вы были одним из создателей партии «Яблоко», и даже часть вашей фамилии входит в название этой партии, но, тем не менее, не сочли возможным продолжать свое членство там, когда возникли какие-то разногласия. Вы известны как Человек года в области защиты природных ресурсов России, борец против коррупции.

Тема коррупции у всех на устах. Эти бесконечные реорганизации правоохранительных органов... Все наивно думают, что чем больше адвокатов и сыщиков будет, тем скорее, наконец, одолеем коррупцию. Но у меня всегда было ощущение, что, если у общества утрачено понятие греха и стыда, то в таком обществе порядок не сможет поддерживать даже полицейский, потому что сам он является порождением общества, в котором утрачены эти понятия. Поэтому проблема эта не только экономического свойства, а гораздо шире — это проблема нравственного состояния общества. Так есть ли надежда на то, что наша экономика, наконец, перестанет быть столь истощаема огромным объемом противоправных действий? У нас, по сути, три экономики. Можно только дивиться, как же сильна наша страна и как же мощна эта экономика, если она выдерживает сразу несколько бюджетов — легальный, нелегальный и еще какой-то. Постоянно вывозится огромное количество денег за рубеж, уж точно больше, чем возложено репараций на поверженную Германию.

Ю.Ю. Знаете, из всего, что вы сейчас сказали, я бы обратил внимание на одну, мне кажется, очень важную составляющую. В самом начале беседы вы затронули моральную струну. В этой связи, я хотел бы отметить, что и в Новой Англии, в момент зарождения, так сказать, цивилизации, действовали очень жесткие моральные законы, причем законы где-то писанные, где-то неписанные. В качестве примера: Новая Англия начиналась с закона о том, что, независимо от

того, выиграл кто-то 25 долларов в казино или проиграл 25 долларов — эти деньги изымались в пользу общины, плюс в пятикратном размере штраф с каждого. Почему? Да потому что вы пришли в этот мир не для гедонизма, не для легкой игры, вы пришли в этот мир для того, чтобы зарабатывать тяжким трудом. Обогащайтесь, но честно. В этом смысле, к сожалению, мы далеко ушли от какой-либо морально-нравственной установки.

Конечно, в основе нашей коррупции, глобальной коррупции, разъедающей страну, — два фактора. Один, более очевидный, о котором многие говорят, — это бесконтрольность и безнаказанность власти, но не как следствие того, что власть такая умелая, хитрая, умная, а как недопонимание обществом необходимости осуществления целенаправленного контроля за своей властью. А вторая составляющая — это как раз те ценностные установки, о чем вы говорите. Если в обществе нет никакой другой ценности, кроме гедонистической, то все установки на взятие власти под контроль, на создание механизмов этого контроля разбиваются об одно: а ради чего, собственно, мы должны усердствовать? Ради того, чтобы ему «не дать»? Так он самых активных из нас подкупит. Это процесс, который постоянно воспроизводится, когда в обществе царит атмосфера сиюминутного обогащения.

Н.А. Ну да. Только вот когда были провозглашены подобные лозунги и когда обнаружилась такая подмена ценностей, очень многие люди из нашей академической среды просто морально оказались не готовы к захвату экономических рычагов и превратились в лохов, которые по-прежнему работают за гроши. Сфера коррупции — она шире, чем просто экономическая, это общее нравственно-философское состояние нации. И горе тому государству, в котором человек не совершает преступлений только из страха перед уголовным наказанием, а не по своим внутренним человеческим законам...

Ю.Ю. Это прекрасная мысль. Но все равно возникает вопрос: а дальше-то что? А ради чего? Я бы не хотел скатываться в морализаторство, но самый несчастный чело-

век — это абсолютный эгоист, забывающий, что и его жизнь тоже конечна. Вот он подходит к последнему рубежу: и что? И все?! Он не вложил всей своей душой, всей своей жизнью во что-то, даже в своих собственных детей, внуков, правнуков, друзей, знакомых. Его личная смерть — это абсолютный конец всему. В этом смысле, конечно, нормальная бабушка, всю жизнь заботящаяся о своих детях, внуках и т.д., она может быть и бедной, но она абсолютно счастливый человек, потому что ее личная смерть — это горе, которое с ней разделят ее близкие. В этом смысле, если вернуться к нашей теме: есть вещи рациональные — сиюминутно заработать, решить проблему житейскую или еще какую, а есть проблемы глобального смысла. Есть рациональная рассудочность, а есть нечто иррациональное, большее, — скажем, судьба Родины. Опять же все идет через домашнее воспитание. Я родился в семье военного, у меня отец — военный моряк, и я, обдумывая его жизнь, понимаю, что он очень счастливый человек, потому что он находился всегда на самых передовых рубежах жизни — был советником во время военного арабо-израильского конфликта, на Средиземном море долго ходил. Он служил чему-то большому — государству, своей стране. Коммунистической, не коммунистической — это уже 25-й вопрос. Он служил своей родине!

Н.А. Он служил своему Отечеству, а государство — это лишь форма, всегда греховная и несовершенная, поэтому она и меняется периодически...

Ю.Ю. Да, он служил Отечеству, прекрасно понимая его недостатки на том или ином этапе, и он точно знал, что, если с ним что-нибудь случится, Отечество о его детях (двоих сыновьях) позаботится. Он все время жил с перспективой на будущее, и он жил в период, когда в стране все время становилось лучше — паспорта стали выдавать, еще что-то. Он жил в период оптимистический — 60-е годы.

Н.А. Он-то был счастлив, а мы уже, особенно вы, росли в период такого загнивания, отсутствия исторической инициативы...

Ю.Ю. Да, это счастье было основано на ощущении причастности к большому делу, и в этом смысле западный капитализм (да и японский, китайский) — это не дикий сиюминутный капитализм ради прибыли... Ведь почему там всюду пытаются проводить идеи глобальной миссии бизнеса? Да потому что человек так устроен, что ему без соучастия, без причастности к какому-то большому делу жизнь не мила — как говорится, не сопьешься, так наколешься ...

Н.А. Абсолютно верно. Любому человеку нужны ценности, помимо хлеба насущного. И сейчас сам наш народ, а не власть иницирует вопрос о них.

Ю.Ю. Какую бы мы конкретную, прагматическую задачу ни ставили: борьба ли с коррупцией, борьба за более качественное обучение детей в школах, и т.д., — все должно сводиться не просто к тому, чтобы заставить чиновника что-то делать, а к тому, чтобы в обществе восторжествовали какие-то глобальные цели. Важно это осознавать.

Н.А. Мне бы хотелось задать вам вопрос в этой связи о наших огромных природных ресурсах. Я вспоминаю период, особенно первую половину 90-х годов, когда наши власти бросились все раздавать — Сахалин, огромный шельф на Дальнем Востоке и т.д., позволив тем самым американцам начать по-своему толковать международные договоры о Беринговом проливе и островах Врангеля, о продаже Аляски и т.д.

Ю.Ю. К сожалению, наша власть и наша наука в значительной степени, как говорится, повелись на эти идеи. У нас ведь есть так называемые нефтегазовые доходы, они сегодня совершенно официально отделены от всех прочих. Но почему? На каком основании? А отделены потому, якобы, что эти доходы не заработанные. У меня тогда простой вопрос: а покажите мне в мире доходы, заработанные только современниками? Что, доходы французских виноделов заработаны одним поколением? А доходы туристического бизнеса в Италии заработаны нынешними предпринимателями? А доходы Боинга, Сикорского? В этом смысле в мире нет никого, кто мог бы сказать: вот я один на пустом месте все создал.

Н.А. Так же и в науке. Никогда не бывает так, чтобы научное открытие не базировалось на развитии всей предыдущей научной мысли...

Ю.Ю. Совершенно верно, но попробуйте сказать итальянцам, что доходы от туристического бизнеса должны откладываться совершенно отдельно и где-нибудь в американских банках храниться, — они вас пошлют, и правильно сделают. В формулировках мы вроде тоже отвергаем такой подход, но в то же время всей своей бюджетной политикой его насаждаем. Все наши нефтегазовые доходы уже не в бюджете, а отдельно. Это все пышным цветом зацвело еще при Горбачеве, Рыжкове — тогда были подготовлены соглашения о разделе продукции, в частности, по Сахалину, по ряду других месторождений...

Н.А. Объясните, что там на самом деле происходило?

Ю.Ю. А схема очень простая. Приходит зарубежный инвестор, вкладывает деньги на свой страх и риск и дальше работает не по нашему законодательству, а по законодательству своего государства, словом, выводится из нашей юрисдикции...

Н.А. То есть как это? Это же получается утрата экономического суверенитета на части собственной нашей территории?!

Ю.Ю. Утрата юридического суверенитета в отношении конкретных объектов, причем важнейших стратегических объектов на своей собственной территории! Теоретически такое можно предположить применительно к государству типа Зимбабве, у которого нет никакого другого способа разрабатывать свои природные ресурсы, кроме как договориться с Китаем, с Россией, с Америкой, с Норвегией о том, что они будут это делать на свой страх и риск на условиях выведения из-под юридического суверенитета этой страны. Что это означает? Это означает, что если Зимбабве принимает какие-то новые законы, то они не могут распространяться на инвесторов. Это же касается и изменений налоговой системы.

Н.А. Типично колониальное законодательство. Знаете, существует иллюзия, что неравноправный договор — это такой, где одно государство что-то уступило другому, а на самом деле неравноправным договором в международном праве является такой договор, когда права и обязанности граждан не распространяются на граждан другой страны, находящихся на их территории. Вот что такое неравноправный договор.

Ю.Ю. Именно. То есть схема такая: мы заключаем один раз договор на 30 лет вперед, и уже ничего, никогда, ни одной запятой, изменить в нем ничего невозможно. Опять же, теоретически, если речь идет о цивилизованном государстве, — это можно сделать и в интересах своей страны. Норвегия, развитое государство, пошло в свое время на заключение таких договоров, но оно прописало нормы в своих интересах. У меня целая книга, «Похищение Евразии», посвящена как раз этому вопросу — как могло случиться, что у нас пытались отнять это право? В 1995 году как раз моя бывшая партия «Яблоко», из которой я в ходе конфликта по судьбе наших природных ресурсов вынужден был выйти, сумела провести в Думе антинародный закон, причем Дума молчаливо его пропустила. Закон назывался «Соглашение о разделе продукции». Никто тогда толком так ничего и не понял — кто и как кромсал «тушу».

Н.А. Вот и сейчас большинство не понимает...

Ю.Ю. У нас всегда был один общий закон «О недрах», а новый закон вводил параллельный режим. Соглашение подписывали на 30—50 лет, и дальше уже ни одной запятой изменить было невозможно. «Соглашение о разделе продукции» было пролоббировано у нас в 1995 году и прошло через Думу — это был классический образец абсолютно антинационального закона! Все законы можно было после этого сжечь в печке, а парламент закрыть на ключ, потому что правительству — хорошему или плохому, коррумпированному или не коррумпированному — давалось право с иностранным инвестором подписать соглашение, противоречащее нашему законодательству. А дальше больше. Вот вы же говори-

ли: американцы трактуют это соглашение международного права таким образом, что они теперь свободно пользуются той акваторией, которая была спорной...

Так вот американцы трактуют так не только потому, что Шеварднадзе им это позволил, но еще и потому, что американцы сильные. Да, у нас есть природные ресурсы. И что, мы должны были бросить их на развитие США, Франции, Канады, Германии, Японии и Кореи? Или эти природные ресурсы мы должны повернуть все же на свое экономическое развитие? Для каждого думающего человека ответ очевиден...

Н.А. Да, Запад радовался, что Советский Союз рушится, но ведь это мы сами захотели модернизации, избавления от косности. А державу-то разрушать в принципе никто из нас не хотел. Нас же таким образом пытались втянуть в свою игру под названием глобализация...

Ю.Ю. Если мы хотим сами распоряжаться своими природными ресурсами, употребить их на свое развитие, что мы должны делать? Мы должны покупать сегодня машиностроительное оборудование не в Канаде, не в США, не в Японии, не в Корее... Мы должны все ресурсы и деньги бросить на создание у себя соответствующих производств, на их развитие, тем более что большинство заводов могут производить, скажем, газоперекачивающие насосы и одновременно двигатели для самолетов и ракет. Одни и те же заводы производят сонар для плавучих платформ и подводные лодки, танки, крейсера и т.д. Кстати, в том пресловутом законе, который был тогда пролоббирован, нормы звучали так, что оборудование, ввозимое из-за рубежа, и услуги освобождались от всех таможенных пошлин, акцизов и т.д. и т.п. Я не буду перечислять все принципиальные дефекты того закона. Это действительно была беспрецедентная история...

Н.А. А по сути — антинациональная...

Ю.Ю. В результате закон завис на три месяца между Думой и Советом Федерации: в июле 1995 года Дума приняла его, и до октября на СФ оказывалось жесточайшее давление. Был такой момент: Черномырдин на заседании правительства делает внушение министру топливной энергетики

за то, что тот не может заставить зависимых от него сенаторов проголосовать по этому закону как надо.

Ввели даже голосование подписными листами по этому вопросу... Там порядка половины членов СФ были работники исполнительной власти, губернаторы. Чем им только не грозили — «мы тебе газ отключим» и т.д. На что только не шли люди — прикидывались больными, неправильно клеивали конверты, еще что-то... Лишь бы не голосовать по указке: прямо-то проголосовать «против» не могут, а Родину сдать тоже нельзя, то есть было четкое понимание того, что делалось. Так вот в результате трехмесячной борьбы все-таки удалось этот закон отклонить, потом уже была создана согласительная комиссия... Я, кстати, был ее сопредседателем от СФ. Самую варварскую, самую вульгарную норму удалось все же нам отклонить, но пришлось пойти и на компромисс.

Н.А. Кстати, наша публика иногда даже не догадывается, какие идут баталии за ее будущее, видит только то, что на поверхности...

Ю.Ю. Коль скоро мы заговорили о морали, я в этой связи, позвольте, вспомню о человеке, которого уже нет с нами, очень неоднозначном человеке — о трагически погибшем губернаторе Магаданской области Цветкове. В тот период он был еще золотопромышленником, членом СФ. Так получилось, что его голос в пятерке от СФ являлся определяющим, от него все зависело. Он как практик понимал больше других, чем чреватое решение. А лоббировали США, лоббировал Черномырдин, лоббировали члены администрации президента, целые политические партии в Думе через средства массовой информации, которые поливали на чем свет стоит сенаторов. Если поднять прессу за лето — осень 1995 года, там сплошь стенания: эти сенаторы отсталые не дают пролиться на Россию золотому дождю иностранных инвестиций... Страшное дело!

Так вот, сидим мы с этим Цветковым два часа кряду. (Кстати, здесь еще большую роль сыграл бывший министр промышленности, он тогда тоже был членом СФ, один из

первых, кто поднял голос против этого закона). Я объясняю ему: да, тебе все дадут, если ты поддержишь это соглашение, но только что будет со страной? Мужик он был такой здоровый, крепкий, прагматик, а принял все же решение из иррациональных соображений. В то время как ему, золотопромышленнику, куда выгоднее было сделать то, что предлагали Ельцин, Гор, Клинтон, Черномырдин, — он был бы в шоколаде до конца жизни! И вот он понял все, осознал, и на согласительной комиссии, когда с другого конца стола ему говорят: «Ты что, не понимаешь, — это же для тебя, тебя в это включают, тебе все дадут!» — а он сидит такой мощный русский мужик и говорит: «Нет, я так решил — и баста!»

Вот мы говорили о коррупции. У нас коррупция двойственная. Я ведь знал многих губернаторов, которые пытались честно исполнять свой долг, все по совести делать. И вдруг оказалось, что они мешают этим, они мешают тем. Они не сколотили просто своего клана, население их вроде поддерживает, но пассивно, а те, кто хотел бы все растащить, они-то активно действуют. И вот этих губернаторов, которых я хорошо знал, — дельных, нормальных, — их постепенно всех выкидывали. Остальные стали сбиваться в «бизнес-кланы».

Н.А. Вы знаете, я хочу закончить нашу беседу тем, что мне повезло в жизни. Я очень часто встречала достойных людей и до сих пор их встречаю, в частности вас. И думаю, что чем больше власти у человека, чем больше он вознесен промыслом, тем больше он должен задумываться не только о том, что правильно и нужно, а и о том, что праведно и должно.

РЕВОЛЮЦИЯ — ДУХОВНОЕ ДЕТИЩЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

РЕВОЛЮЦИЯ — ДУХОВНОЕ ДЕТИЩЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

— *Наталья Алексеевна, мы все живем в странное время, когда, с одной стороны, XXI век на дворе и редко что тайное не становится явным. А с другой стороны, «оранжевые» революции у нас происходят буквально под боком. Одни это относят к технологиям Февраля, другие — к технологиям Октября, хотя многие понимают, что все это — одно и то же. Как вы думаете, в чем заключается главный урок того, первого Октября?*

— Самый главный урок Октября заключается в том, что любой революционный проект «до основания» — это богоборческий вызов миру, Божьему замыслу о России и о человеке. Тот дореволюционный проект пытался полностью переломать Россию. Но в результате Россия сама постепенно переламывала этот проект. Я отделяю советский период истории в целом от самого революционного замысла. Чудовищная суть замысла и есть самый большой урок Октября. Не надо никогда соблазняться никакими революционными проектами, надо всегда думать о том хаосе и о тех утратах, которые в результате революции абсолютно неизбежны. Весь мир воспринимает нашу страну как объект для расхищения. И в революции 1917 года, и в более поздней «революции» 1991 года мы потеряли итоги трудов десяти поколений русских людей. Где сейчас Полтава? Где Прибалтика? Где Крым и Севастополь? Где геополитические позиции страны, собранные в течение веков и которые до 1917 года никто не ос-

паривал? Все рубежи царской России были законными, признавались всеми правовыми нормами эпохи. А преодолевать утраты очень трудно.

И еще один важный урок Октября: пока русские стоят друг против друга, постоянно обвиняют, требуют друг от друга покаяния, весь мир пользуется результатами нашего безверия и нашей неспособностью найти согласие ни по одному из важнейших вопросов своего прошлого, настоящего и будущего. Другие пожинают успехи в нашем неустойстве и смуте. Ведь только сейчас мы начинаем собирать камни и заодно осознавать, что преобразования — это хорошо, а революции — это плохо. Но самое главное — это сохранить единство национального мировоззрения. Расколотость нашей нации создает паралич, в котором теряется понятие национальных интересов, общего стратегического пути и нашего места в истории. До хаоса, до этого предела никогда нельзя доходить. Также я вывела для себя и не перестаю повторять: сегодня самое губительное — это оценивать события, продолжая оставаться на одной из сторон в том споре 1917-го, как и в споре 1991-го. Надо подняться над этими спорами, посмотреть панорамно на весь XX век — такой трагический, драматический и великий по-своему. Нужно понять, что Россия родилась не в 1991-м и не в 1917 годах, что она развивалась тысячу лет на фоне гораздо более глубоких и неискоренимых традиций русской жизни. Она пережила это и должна пережить все остальное.

— *Если рассуждать о принципе «подняться над схваткой», то легко можно обнаружить, что практически все технологии, которые нас раскалывают, идут извне. На ваш взгляд, сами эти технологии изменились с Октября 1917 года?*

— Они достаточно последовательны, схожи и всегда опираются на внутренний раскол, на внутреннего врага. Вызревание кризисной ситуации, безусловно, всегда происходит в самой стране. Государство в эти моменты начинает искать пути, шататься. Но то, куда именно его опрокинуть, очень и очень зависит от этих технологий. Международное участие и в событиях 1991 года, и в «оранжевых» револю-

циях по периметру наших границ было огромным. В принципе, оно было даже большим, чем в революции 1917 года. Мы живем в информационном обществе, когда манипуляция общественным сознанием есть один из самых главных и крайне эффективно действующих методов современной политики.

— *На ваш взгляд, эти методы достигли апогея сегодня?*

— Конечно. Ведь стандарты «демократии» требуют «зримого» одобрения обществом тех или иных лидеров или идей. И вот на экране ТВ разворачивается разыгранный по нотам гигантский спектакль, который мы все могли лицезреть не так давно в Грузии, на Украине, в Киргизии. Причем большинство жителей страны может даже и не смотреть телевизор. Это не важно. Люди могут по-прежнему пахать, доить коров, стоять у станка или писать книги. Столичные площадные сидения царят на экранах телевизора, что в глазах весьма заинтересованных сил извне имеет эффект всенародной стихии. Это нужно хорошо понимать.

— *Не случайно, наверное, что именно в условиях кризиса последних остатков традиционного общества эти технологии стали особенно острыми, обрели свою всесильность?*

— Конечно. Все это происходит в столицах. Помню, как в дни августовского путча 1991 года я оказалась в Прибалтике. Тогда мы бросили путевки, опасаясь, что вообще не сможем вернуться, и в 5 утра выехали на машине. И мы видели, как в самой Латвии и в Белоруссии царило полное спокойствие. В Витебске улыбающиеся люди шли с авоськами, с помидорами. Спрашиваем милиционера: «Что там происходит?» — «Понятия не имеем, опять дурью маются в столице». Вот такие перевороты. И когда говорят потом о «широком общественном движении», о «всенародном порыве», то становится смешно и грустно — как же легко совершить подмену! Никогда не было ничего похожего на такое движение ни в 1991 году, ни в обеих революциях 1917 года. Да, народ хотел перемен. Он всегда хочет перемен и заслуживает их. Но, подчеркиваю, именно перемен, а не революций, сломов и переворотов. И самодержавие перед 1917 годом никто, кроме ин-

теллигенции, особенно свергать не хотел. Другое дело, надо признать, падение самодержавия тогда не особенно взволновало народ, гораздо больше его тогда волновал вопрос о земле. Поэтому так равнодушно все и отнеслись к тому перевороту. Еще отец Сергей Булгаков писал, что «революция есть духовное детище интеллигенции. Поэтому суд над революцией есть суд над этой самой интеллигенцией».

— *Можно вспомнить, как Максимилиан Волошин в свое время сказал, что революция, перетряхивая классы, усугубляет государственность. Причем не улучшает государственность, а именно усугубляет...*

— Максимилиан Волошин менял свои взгляды. Когда страну раздирали на части, он написал знаменитые строки:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: Не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.

Там еще было в конце:

А офицер, незнаемый никем,
Глядит с презреньем — холоден и нем —
На буйных толп бессмысленную толочь,
И, слушая их исступленный вой,
Досадует, что нету под рукой
Двух батарей «рассеять эту сволочь».

Но потом, когда прошло несколько лет, обнажились ко-рысть и предательство Запада, а большевики стали как-то собирать страну, тот же Волошин гениально пишет о Западе:

А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:

Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды...

Поэтому, когда мы на грязных площадях начинаем раздавать «земли» и «свободы», мы должны отдавать себе отчет в том, кому они в итоге достанутся! Помните сказку «Два маленьких жадных медвежонка»? Они спорили, как сыр поделить, а лиса откусывала, чтобы подровнять, вот и остались они с ошметками! Весь окружающий мир только и ждет, чтобы мы именно так и поступали, — чтобы «высосать моря и руды» России. Уже половину морей и часть ресурсов выкачали. Это вечный урок для России. Поэтому, когда мы мечтаем о переменах, надо бдительно следить, куда идем. Сами перемены, тяга к модернизации естественны, но преступно и безответственно расшатать свой дом настолько, чтобы он стал рассыпаться, и тогда те, кто расшатывал, сами попадали в кабалу своих же подстрекателей.

— Если вспомнить достаточно сенсационный документальный фильм «Троцкий. История мировой революции», который был показан по каналу «Россия» в феврале этого года, то можно только удивиться, как такие вещи государственное телевидение не побоялось освещать. Ведь речь шла о документальном подтверждении того, что Октябрь был в очень большой степени «постановкой» Запада, начиная от связей Троцкого с Америкой и заканчивая деятельностью полковника Эдварда Хауза. На ваш взгляд, каковы перспективы открытия совершенно новых документов о том, как именно делалась революция 1917 года?

— Фильм удался, он выверен и документирован. Признаюсь: в целом эта история — еще непаханое поле. Закулисная история революции и история связей революционеров с Западом и его финансовыми и политическими пружинами была скрыта от нас долгое время. Проливать свет на это было невыгодно как самим революционерам, так и Западу в целом, включая банковский капитал. Я это затронула в своем труде «Россия и русские в мировой истории». Но фундаменталь-

ных работ чисто по данной теме, которые бы последовательно, страница за страницей, раскрывали бы тайное, пока еще нет. Сейчас многие документы открыты, но они разбросаны по разным архивам. Кое-что было доступно и раньше, но марксистская доктрина в голове не могла направлять ученого на такой поиск. И только те исследователи, которые, как я и немногие другие, прикоснулись к ныне рассекречиваемым документам, теперь могут что-то знать. Кстати, полезно читать официальные материалы американского Конгресса. У них есть замечательная традиция: помимо стенограмм заседаний публиковать в приложении все документы, которые представлялись на заседании, включая даже статьи в серьезной печати, относящиеся к теме, чтобы погрузить читателя в полную атмосферу и контекст. Я читала стенограмму обсуждения Версальского мира в сенатском комитете по иностранным делам США в 1919 году, а это две тысячи страниц на папиросной бумаге. Так вот у меня от некоторых вещей просто волосы становились дыбом. Сенаторы и председатель комитета вызвали на ковер нескольких банкиров, в том числе Вандерлипа, и начали их допрашивать: как могло получиться, что они сначала ориентировались на победоносную Германию, а затем быстро переключились на Антанту? Почему такие документы, как, например, Пакт о Лиге Наций, стали им известны раньше, чем дипломатическим представителям и Госдепу, и кто эти новые документы заказывал, чьи интересы за ними стоят — американского народа или этих банкиров? Именно так задавались вопросы честными сенаторами из глубинки! Когда узнаешь, что немецкая часть международного банкирского клана Варбургов владела всеми судостроительными компаниями и банками, финансирующими строительство германского флота, то понимаешь, что происходило на самом деле, кто и как был заинтересован в том или ином развитии событий, почему резко менялась политика, кто сохранял контроль над самим процессом. Кстати, факт: когда союзники по Антанте решили честно поделить трофейный германский флот пропорционально своим потерям на море, то Варбурги сделали так, что просто воровским способом почти весь этот флот был пригнан к Нью-Йоркскому порту, чем возмущались сенаторы.

— *Вообще шокирует сама мысль, что отношения большевиков с Западом одной только Германией не ограничиваются...*

— Вы знаете, что американский президент Вудро Вильсон прислал телеграмму приветствия II съезду Советов? Или возьмите хотя бы Литвинова. Для меня он очень загадочная фигура, осуществлявшая связь между англосаксонским миром и большевистской партией. Литвинов фактически был англосаксонским лобби в Советской России вплоть до конца 30-х. Это ясно уже по тому, что и с кем обсуждала Антанта в Версале при разработке послевоенного устройства. Я изучала стенограммы заседаний Антанты в 1918—1919 годах — так каждое начиналось зачитыванием Ллойдом Джорджем телефонограммы от Литвинова! Это в то время, как русский посол Бахметьев тщетно шлет телеграмму за телеграммой в Госдеп госсекретарю Лансингу, требуя отмены договоров Германии с самопровозглашенными частями России, «безоговорочного аннулирования Брест-Литовского договора и других соглашений, заключенных Германией после 7 ноября 1917 г. с властями, действующими от имени России», или с «национальными группировками, претендующими на власть в любой территории бывшей Российской империи». Бахметьев требовал поставить в Версале вопрос о «реституции всех судов», «золотого запаса, слитков, облигаций и ценных бумаг», переданных Германии действующей властью после 7 ноября 1917 г. Американцы все это игнорировали, а вот с Литвиновым, наоборот, сотрудничали, да еще как!

— *То есть получается, что белые были заведомо обречены на поражение от красных?*

— Мне совершенно очевидно, что Запад не поддерживал главную цель белых — сохранить единую и великую Россию. Очевидно из документов, что все белые категорически отказывались торговать территориями в обмен на поддержку Антанты, а та требовала от них именно этого и признания распада страны. Поэтому белые были обречены. А большевики торговали, добиваясь, чтобы Антанта вывела свои войска, в частности из Архангельска, и бросила белых на про-

извол судьбы. Меморандум У. Буллита полковнику Хаузу от 30 января 1919 года содержал настоятельную рекомендацию срочно и недвусмысленно «информировать правительство Архангельска, что мы перестанем далее снабжать его оружием, раз оно не принимает предложение союзников». В дипломатических документах США есть упоминание о том, что Литвинов предлагал рассмотреть вопрос об аннексии некоторых российских территорий. А Ллойд Джордж, выступая перед британским парламентом, открыто заявлял, что единая Россия в границах Российской империи не соответствует британским интересам, что нужно решать «вопрос о статусе Кавказа в русле проблем Турции», поднять вопрос о «независимости Туркестана» и, конечно, о Прибалтике. Уже в 1918 году англосаксы немедленно вытащили все архивы времен Петра Великого, чтобы посмотреть, как можно использовать ситуацию и отторгнуть Прибалтику. (Теперь подумайте, каким ударом по этим интересам были Ялта и Потсдам в мае 1945-го!) Сегодня можно сказать, что единственное радикальное геополитическое достижение Запада в перестройке и холодной войне — это не Польша или Румыния, а Прибалтика. Двести лет эти обретения Петра I не давали им покоя, ибо эти позиции сделали Россию великой державой, как и Крым с Севастополем. Вот две самые стратегические точки, которых нас лишили. Одним словом, «у России друзей нет, кроме армии и военно-морского флота», как говаривал Александр III!

— *Есть такая загадочная личность — полковник Хауз, о чьей роли в русской революции мы только сейчас начинаем что-то узнавать. Кем же все-таки был этот человек?*

— Полковник Эдвард Хауз в 1916 году создал неофициальную группу экспертов для выработки модели будущего мира и роли в нем США. Известная под названием The Inquiry, эта экспертная группа фактически руководила американской делегацией на Версальской конференции, где и объявила о создании Совета по внешним сношениям. Эта группа писала все программы для Вудро Вильсона. Более того, послы иностранных государств, обходя Госдеп, свои вопросы в Америке решали только с Хаузом, приходя

к нему на его маленькую квартирку на 34-й стрит. Любопытно, что полковник Хауз, как только прогремела наша революция, немедленно посоветовал несамостоятельному и амбициозному Вильсону поздравить большевиков с революцией! Вообще, еще в советской историографии до войны с подачи Литвинова писалось, что внешняя политика демократической молодой Америки положительно отличалась от политики империалистических акул старого имперского света. Но есть документы из архива МИД о роли Америки и попытках приобретения ресурсов России вплоть до Сахалина — это начато в 1905 году и закончено в 1917-м. Основной целью было выдавливание из России экономики Германии, которая в Российской империи была представлена очень мощно, и занятие ее места. Об этом говорит вся переписка Хауза с Вильсоном и поездка Хауза в Германию.

— *Но будут ли способствовать изменению сознания, изменению отношения к своей стране, к своей истории все эти данные, или мы уже прошли тот момент, когда общественный интерес к подобным вещам может что-либо изменить?*

— Именно сейчас, когда мы вновь нащупываем свой исторический проект, начинаем избавляться от эйфории 90-х, очень важно мудро и смиренно взглянуть на свою историю, усвоить все ее уроки и примириться наконец. Нас разделяют символы прошлого, но мы должны объединиться вокруг задач будущего. Вот это главное. Прежде чем делать очередную революцию и идти друг на друга, неплохо было бы задуматься: а кто воспользуется плодами этого раздора? Кто приберет к рукам наши выходы к морю, не говоря уже о наших недрах? Физически уничтожить Россию, разумеется, не собираются! Зачем? Нашим недругам нужно включение России и ее ресурсов в свой исторический проект. Эта задача, увы, объективна и понятна.

— *Как вы оцениваете ту историческую лихорадку Октября, которая сейчас терзает Украину?*

— К сожалению, Янукович со своими сторонниками, в сущности, проиграл. Проиграл не сейчас, когда просто все оформилось, а когда дал слабину и согласился на досроч-

ные выборы — абсолютно незаконные. Ничто не давало права распускать парламент. А сделали «оранжисты» это потому, что их не устраивала ситуация после законных выборов в Верховную раду марта 2006-го, которые весь мир признал образцовыми по демократичности. Им нужно было сломать обстановку, и они ее сломали, пойдя лишь на мелкие тактические компромиссы вроде перенесения срока выборов на сентябрь. С точки зрения права, вся история выборов президента в 2004-м и в Верховную раду в сентябре 2007-го — это узаконивание незаконных и неконституционных механизмов так называемого переходного времени.

— *Можно ли согласиться с точкой зрения, что Янукович, когда стал смягчать свои позиции перед «оранжевыми», когда пригласил в свою команду американских экспертов, стал с какого-то момента тоже частью того глобального «оранжевого» спектакля, который воплощается на Украине?*

— Я бы не стала говорить так категорично. Но что бы мы с вами ни говорили, инициатива у Януковича из рук ушла. Сейчас он только отвечает, реагирует на чужие инициативы, а не создает их сам. Безусловно, инициатива была вырвана у него из рук.

— *Грозит ли России в ближайшее время «октябрьский проект» в любой его форме?*

— Нет, я думаю, что повторение «октябрьского проекта» России в ближайшей перспективе не грозит. Подобной энергетики сейчас в российском обществе нет. Но проблематика Октября так или иначе присутствует, потому что сейчас, как и тогда, объективной проблемой России является социальная несправедливость. Это поле всегда пытаются использовать в своих целях те, кому, в конечном счете, наплевать на пенсионеров и обездоленных. На международном поле мы вроде бы немножко восстановили честь и достоинство России. Теперь желание удовлетворить оскорбленную «гордость великороссов» больше не заслоняет оскорбленность от собственного правительства и его экономического курса. Для мобилизационной стратегической инициативы нужна в первую очередь внутренняя солидарность, а она достигает-

ся только справедливостью и ощущением каждого человека, что он нужен государству. А где оно, это ощущение?

— *То есть «ростки» революции, пусть и в зачаточном состоянии, так или иначе все же присутствуют?*

— Разве не видно, что наши отъявленные либералы являются фантасмагорическим сплавом большевизма и сегодняшнего западного либертариизма, да еще в постсоветском убогом варианте? Они абсолютно оторваны от подлинных основ как западной культуры, так и русской православной культуры. Для них Запад — прежде всего банки.

— *Как известно из законов биологии, гибриды способны ужасать своей силой и мощью, но в реальности у них, по тем же законам, нет будущего...*

— Я не вижу в них никакой «ужасающей силы», наоборот — вижу их бесплодие. Это отдельные, весьма узкие группки. И в Каспарове, простите, я вижу не силу, а брызжущего слюной седеющего нетерпимого подростка: перебивает собеседника, картинно воздевает глаза к небу, гримасничает, когда говорит оппонент. И это человек, которому под 50! Я оппонировала ему на британском ТВ, так меня консервативные англичане спросили: «А что это за экзальтированный недоросль?»

— *Можно ли сказать, что Октябрь эволюционировал именно в наших либералах?*

— Конечно. Прежде всего — в их богоборчестве. Более того, в них проявились самые худшие и экстремальные черты российского западничества, только в еще более гротескном и карикатурном виде: это раблепное эпигонство первого века после Петра, воплотившееся в западничестве XVIII столетия, это и буквально физическая ненависть ко всему русскому и православному первых российских большевиков. Нынешние западники удручают смердяковщиной, помните? «Я всю Россию ненавижу-с!» — это же Новодворская! Большинство из них к тому же банально невежественны в области всего, что находится за пределами того самого «исторического материализма», от которого они якобы бегут!

ЛЕНИН: ВОЖДЬ ИЛИ ДЕМОН?

«Российская газета»: *Наталья Алексеевна, как, по-вашему, есть ли вообще резон вспоминать сегодня об Октябрьской революции?*

Наталья Нарочницкая: Еще Пушкин предупреждал об опасности быть ленивым и нелюбопытным к собственной истории. Я убеждена: нам пора научиться осмысливать свои грехи и заблуждения, истоки взлетов и падений. В 90-е годы мы не сумели перевернуть страницу истории, не глумясь над жизнью отцов и не совершая грех библейского Хама. А остальной мир, как и 90 лет назад, стал прибираться к рукам все, что мы собирали в течение веков. Наша задача сегодня — панорамно осмыслить XX век: отделить рассмотрение революции от анализа советского периода истории — противоречивого пути и итога приспособления этого проекта к русской почве. Проект перемалывал Россию — Россия перемалывала замысел. Революция — это богоборческая идея, явление нигилизма, отрицания веры, Отечества, абсолютной морали и представлений о добре и зле. Грандиозность масштабов события и его последствий для России и мира не позволяют превращать революцию 1917-го в пасквиль. Да, Октябрьская революция была сознательным чудовищным погромом русской государственности «до основания». Но разве можно не различать мировоззрение Октября 1917-го и дух Мая 1945-го? Он-то в значительной мере обезвредил разрушительный и антирусский пафос ниспровержения. Великая Отечественная война востребовала национальное чувство, подорванное «пролетарским интернационализмом», и восстановила, казалось бы, навек разорванную нить русской и советской истории.

«РГ»: *Как, на ваш взгляд, следует оценивать фигуру Ленина? Он, писал Горький как раз в дни Октябрьской революции, — «вождь и — русский барин. И потому считает себя вправе прodelывать с русским народом жестокий опыт».*

Нарочницкая: Ленин — совершеннейшее воплощение богоборческой идеи революции. Он был талантлив, образован, целеустремлен, но безжалостен и беспринципен, воинствующий атеист. Его высказывания и поступки не оставляют сомнений: он отторгал все, что составляло красоту и правду русской христианской жизни. Потому он вместе с Троцким считал необходимым главный удар направить на крестьянство — главного хранителя и носителя национального и православного сознания. Для Ленина, как для классического революционера, главным была идея, а страна, народ — только материал, средство. Пусть погибнут миллионы, но мы переделаем мир! Образ Ленина необычайно романтизирован, и даже обнаружение всех документов и истинных его высказываний пока не способны этот образ поколебать. Пусть время все расставит на свои места. Но ленинская фигура не должна становиться объектом карикатур — слишком масштабны и драматичны события, связанные с его именем, хотя его хрестоматийная роль из учебников не соответствует действительности. Я-то видела документы казначейства воевавшей в то время с Россией кайзеровской Германии: «Выделить по статье 6 Чрезвычайного бюджета сначала 5, потом — 10, потом — 15, потом — 40 миллионов золотых марок на революционную сеть и пропаганду в России». Мой отец, переживший все периоды репрессий, вспоминал, что ленинское время было страшнее сталинского. При Ленине не только расстреливали, но и называли Александра Невского классовым врагом, Наполеона — освободителем, Чайковского — хлюпиком, Чехова — нытиком, а Толстого — помещиком, юродствующим во Христе...

«РГ»: Нынче не принято говорить о том положительном, что получила наша страна в результате Октябрьской революции. Иные политики советские времена иначе, как темными, не называют. А, на ваш взгляд, все ли было так ужасно при советской власти?

Нарочницкая: Мы вообще не должны выбрасывать ни одной страницы из истории Отечества, даже той, которую не хотели бы повторить. Сознывая грехи и преступления

революции и советского периода, мы должны их различать. Мы не можем не признать огромную драматическую значимость советского периода истории, и должны принимать его как нами же сотворенное, а значит — наше. Почему русские эмигранты, потерявшие родину из-за большевиков, в массе своей сочувствовали Красной армии, воевавшей с фашистами? Да потому что для них сохранить Отечество для будущих поколений было важнее, чем дожидаться краха ненавистного режима. Это ли не высота национального сознания! Для них Россия даже под Лениным, Сталиным, с ГУЛАГом оставалась Родиной. И они, как мать в притче о Соломоновом суде, предпочли ее живой в руках большевиков, чем отдать на растерзание чужеземцам, после которых не было бы для России никакого «потом». А мы — «герои» 90-х? Как легко выставили Отечество на всеобщее поругание! Надо низко поклониться военному и послевоенному поколению. В годы Великой Отечественной войны в КПСС вступила огромная масса людей, по своему менталитету (крестьяне) отличавшаяся от воинствующего космополитизма раннего большевизма. Этому второму «советско-партийному» поколению не было свойственно и ученическое западничество «новомышленников». Оно значительно скорректировало нигилистические марксистско-ленинские воззрения на отечественную историю и связало с коммунистическими клише естественное побуждение человека созидать на своей Земле, а не разрушать ее во имя планетарных абстракций. Благодаря им, вдохновленным духом мая 1945-го, был смещен акцент с «внутренней классовой борьбы» на единственно возможный тогда «советский» патриотизм. Изменение идеологических акцентов дало сорок лет относительно мирной жизни, титаническим напряжением был создан мощнейший потенциал. В кратчайшие сроки после невиданных разрушений, физического истощения и жертвенной гибели за Отечество миллионов людей СССР вновь стал силой, равновеликой совокупному Западу.

«РГ»: Что Запад как раз и не обрадовало.

Нарочницкая: Вот именно. Ему ведь досаждал не коммунизм, который был для него уже безопасен к концу XX века

хотя бы из-за своей полной непривлекательности, — досаждало великодержавие нашей страны. Но нам оно, подчеркну, необходимо как единственный способ существования в мировой истории. Это не блестящая мишура на национальном платье. Это необходимость. Мы должны гордиться великой Победой в Великой Отечественной, которую Запад нам не может простить, ибо мы искупили Европы «вольность, честь и мир» и не признали наглой воли того, кому они покорились. Мы гордимся великой наукой, тем, что наша Россия выдерживала такие испытания и эксперименты, которые не по силам другим, мы создали промышленность и большие города в широтах, где никто этого не смог. Весь мир завидовал нашей бесплатной медицине и образованию.

Миллионы людей в XX веке в нашей стране трудились не за страх, а за совесть, лечили, учили, бросались в горящий дом, чтобы спасти ребенка, были целомудренными, честными, верными. Богатыри — не мы, пекущиеся нынче больше о кариесе зубов... А сегодняшнее возрождение веры? «До основанья»-то не удалось! Так кто сильнее, Маркс и Троцкий? Нет, Россия!

«РГ»: Сегодня на Западе ставится знак равенства между коммунизмом и немецким нацизмом. Вы в одном интервью говорили, что такое сравнение, помимо безнравственности, совершенно ложно. Ваши аргументы.

Нарочницкая: Мы сами позволили Европе, чья демократия спасена нашей Победой, называть СССР еще худшим тоталитарным монстром, чем нацистский рейх, чего на Западе не делали даже в разгар «холодной войны». А нынче Парламентская ассамблея Совета Европы принимает резолюцию об осуждении преступлений «коммунистических тоталитарных режимов», куда пытается ввести тезис о тождестве нацизма и коммунизма. Но разве не у нас самих появляются фильмы «Сволочи»? Разве не наши постсоветские либералы внушают, что у «плохого» государства не могло быть ничего правильного и праведного? Разве могло начаться поругание Победы на Западе, пока его не начали мы сами? Тезис о родстве нацизма с «российским» коммунизмом не выдер-

живает анализа. Коммунистический замысел обескровливал собственную страну ради идеи облагодетельствовать все человечество, на алтарь которого принесено все национальное. Германский нацизм, провозгласил право обескровливать другие нации, чтобы облагодетельствовать свою. Нацистская доктрина основана на расовом превосходстве, на доктрине природной и этической неравномерности людей и наций — это вообще отступление в язычество, тогда как коммунизм и либерализм — две ветви философии прогресса. Так что сравнение антинаучно. Цель? Объявить СССР таким же преступным государством, как рейх, а затем подвергнуть сомнению подпись СССР под важнейшими международными договорами. А кто является правопреемником всех позиций? Россия!

«РГ»: А что, по-вашему, Октябрьская революция принесла миру?

Нарочницкая: Мы первые провозгласили экономические и социальные права — на труд, жилище, равную оплату за равный труд, недискриминацию по полу, расе, национальности, возрасту, ограничение детского труда, нормированный рабочий день, пенсии и медицинскую помощь, тогда как ООН только в середине 60-х годов приняла так называемые пакты о правах человека. И что же мы сделали с этими гарантиями в последние 15 лет? Лишились того немногого, что было! Стыдно. Хотя, к сожалению, мы в 80-е годы отставали в реальном наполнении потребительской корзины от стандартов конца XX века.

«РГ»: А если конкретно, какие неправильные действия были совершены нами за годы рыночных реформ?

Нарочницкая: Рабочее эпигонство начала 90-х привело к катастрофическим утратам. В уплату за тоталитаризм сдали поругаемые отеческие гробы трехсотлетней русской, а не советской истории. Избавляться надо было от догм и шор. Буду беспощадна: беда последней советской номенклатурно-интеллигентской элиты была в том, что она, подобно первым большевикам, полностью оторвалась от России. Диссиденты и нынешние воинствующие либералы — порождение атеи-

стической предреволюционной интеллигенции и тех большевиков — так же, как и их исторические родители и предшественники, готовы громить русскую культуру, церковь. Та элита стала тяготиться коммунизмом не как инструментом развития собственной страны, а как препятствием для вступления в мировую олигархию. Цена за место в ней была названа в эпоху «нового мышления», выплачена в начале 90-х. Теперь вот собираем камни, хотим сделать демократию суверенной, избавляемся от диктата извне. Но, восстанавливая бесспорное право на свободу, творчество, предпринимательство, разве можно было забыть, что честный производительный труд — долг человека перед Богом и людьми, одно из его высших предназначений. А как недооценили мину, заложенную большевиками при федерализации исторического государства Российского — национально-территориальный принцип! Слава богу, хоть в РФ мы скорректировали искаженное развитие федерализма.

«РГ»: Какие видятся вам параллели между 1917 годом и нашим временем?

Нарочницкая: Их немало. Русские интеллигенты в изгнании, осмысливая причины краха своих идей в развязанной ими же революционной стихии, ссылались на «неподготовленность народа», который в силу «невежества» оказался не в состоянии усвоить и осуществить «прекрасные», задуманные революционной интеллигенцией проекты и своим грубым поведением погубил революцию. Знакомо? Разве сегодня все свои неудачи либерал-демократы не склонны объяснять извечной любовью русских к рабству, боязнью самостоятельности, привычкой к беззаботному равенству в нищете, варварством? Не лучше ли вспомнить свою роль в разнуздывании низменных инстинктов под видом свободы или «рынка», в затаптывании охранительных традиционных ценностей! Россия в 1917-м была повержена в хаос из-за насаждения западных конструкций в формах, мало сопряженных с российскими традициями. Разве ситуация с развалом государства и реформами 90-х годов была иная? Не пора ли учиться урокам истории?

«РГ»: *На ваш взгляд, какой главный урок мы должны вынести из событий 90-летней давности?*

Нарочницкая: Для нас, почти сто лет спустя, важен основной исторический урок, выведенный из тех значительных и трагических дней нашей истории мыслителем Иваном Ильиным: «Россия велика, многолюдна и многоплеменна. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве, государством пространственной и бытовой дифференциации и, в то же время, — органического и духовного единения. Она будет строиться не страхом, а любовью, не классовым произволом, а правом и справедливостью».

«РГ»: *А как думаете, эпоха социализма в России кончилась? И согласны ли вы с утверждением, что социализм есть отход с магистрального пути развития человечества?*

Нарочницкая: Протест против несправедливости и грехов жизни возникал издавна совсем не в худших сердцах, он свойствен христианскому чувству. Не пора ли вернуть идею справедливости туда, где она впервые возникла — в христианское русло? Ведь долг христианина — быть нетерпимым к злу, в том числе и социальному. Пафос призрения обездоленных и сирых исходит из евангельского учения и обращен ко всем — «и еллину, и иудею, мужчине и женщине». Идея социальной ответственности власти — идея ответственности сильного по отношению к слабому, а это и есть социальное государство — представлена в 25 Главе Евангелия от Матфея. Кого на Страшном суде наградил Господь? Того, кто обул, одел и накормил ближнего, а значит, сделал это Господу. Кого назвал Судия проклятыми? Тех, кто никому не помог, не поделился, а значит, не сделал Господу. Россия опять ищет справедливости и будет искать ее всегда — это присуще русской картине мира. После советского социализма, со всеми его минусами и плюсами, и дикого капитализма 90-х — «мука для пирога социализма уже намолота», и Россия вновь будет искать справедливость и строить социальное государство. У нее есть шанс первой соединить некогда разъединенные понятия: свободы и ответственности, справедливости и гармонии индивидуального и всеобщего.

«РГ»: Вас можно понять, что это будет новый социализм?

Нарочницкая: Именно так: совершенно новый русский социализм, который должен иметь внутренний духовный стержень — нравственный солидаризм. Такой социализм — веление времени. Век и тысячелетие Россия переступила, утратив в экспериментах и подражаниях Западу итоги трудов многих поколений. Самым губительным и бесплодным было бы так и остаться на одной из сторон внутри спора 1991-го или внутри спора 1917-го. Необходимо подняться над всеми исканиями и заблуждениями и осознать: Россия родилась не в 1991-м году и не в 1917-м. Жизнь России охватывает тысячелетие мировой истории, она протекала и протекает на огромном географическом и цивилизационном пространстве, которое наш народ успешно защищал в сотнях войн, сильный единством национально-религиозного мировоззрения. Исторически жизнеспособная национальная государственность не может быть выстроена на заимствованных идеологических схемах и абстрактных планетарных идеях. Она должна опираться на воплощенный в праве органический строй народной жизни. Для России одинаково губительны как самоизоляция, так и насильственное обезличивание, как самонадеянное противопоставление себя миру, так и раболепное эпигонство.

Борис Кротков. «Российская газета», 2007

ПРАВДА ЛИ, ЧТО ШЕСТИДЕСЯТНИКИ РАЗВАЛИЛИ СССР?

Беседа на радиостанции «Эхо Москвы» (версия для печати)

Н.Болтянская: Вы слушаете «Эхо Москвы», у микрофона Нателла Болтянская, в эфире программа «Выхода нет». В нашей студии сегодня зам.председателя Комитета Государ-

ственной думы по международным делам Наталия Нарочницкая, литератор Бенедикт Михайлович Сарнов, главный редактор московского правозащитного Информационного агентства «Прима», бывший политзаключенный Александр Подрабинек. Итак, правда ли, что «шестидесятники» развалили Советский Союз? Почему, собственно, я решила эту тему сформулировать именно так — потому что от многих людей я слышу, что «шестидесятниками», независимо от наличия творческих талантов, их сделал 20-й съезд. И вот этот 20-й съезд заложил в них некий императив свободы, который спустя немалое время выплеснулся в то, что они приветствовали развал империи Советского Союза. Правильно это или не правильно. Давайте обсудим. Я еще раз напоминаю, что не рассчитываю, что мы с вами придем к консенсусу. Наталия Алексеевна, я так понимаю, что начнете вы.

Н.Нарочницкая: ...Шестидесятники, сами плоть и кровь революции, революционного проекта, не имеющие никакой связи с дореволюционной Россией в своей психологии, сознании и так далее... — они боролись именно с империей, им было ненавистно великодержавие. Причем... дореволюционное точно так же, как и советская форма его. И они боролись не со злом марксизма как антитезой всего, что было в России до того — они не собирались ничего возвращать из того, что порушили те большевики — они полемизировали со своими оппонентами в том же русле революционного проекта, просто недовольны были исполнением, а так им все было близко. Они и разрушили... помните, возвратились все штампы Троцкого, Ленина, Маркса, Энгельса — о России как тюрьме народов, например. Ведь Россию до революции даже злейшие соперники на международной арене — Британия, сама колониальная империя — никогда не называли колониальной империей. Это абсолютно тезис Маркса и Энгельса. Вся их парадигма мышления, все совпадало с большевиками. Сахаровская идея 53 государств — простите, это возврат к ленинским принципам национальной политики, которые в реальности, к счастью, не соблюдались буквально, потому что

с ними ни одно многонациональное государство и пяти лет прожить не может, что блестяще было доказано в 1991 г.

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, то есть вы соглашаетесь с тезисом, что великую систему разрушили...

Н.Нарочницкая: Не систему, рудименты этой системы не разрушены, их столько... а вот государство — «От финских хладных скал до пламенной Колхиды» — мы, под флагом прощания с тоталитаризмом, а флаг так нарисовали именно диссиденты, и не только диссиденты, но и партийно-номенклатурно-интеллектуальная элита того СССР, которая уже сменила послевоенную. Они именно ее и разрушили. Потому что под флагом прощания с тоталитаризмом они сдали и хотели сдать 300 лет русской истории, а вовсе не советской. Где Кючук-Кайнарджийский мир, где Полтава, где...

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, аргумент выслушан. Кто будет возражать?

А.ПОДРАБИНЕК: Дайте я. Я бы сказал так — империя это один из признаков несвободы. Империя сопутствует диктатуре — более жесткой, менее жесткой, самодержавному порядку, советскому порядку — любой диктатуре. И как только тиски немного ослабевают, так сразу же все народы, которые не хотели бы жить в этой империи, от нее бегут. Империя — это просто признак диктатуры. Что касается диссидентов или шестидесятников, условно будем говорить шестидесятники — они вкусили немножко этой свободы после 20-го съезда, и остановить их дальше было невозможно.

Н.Болтянская: Секундочку, Саша. В феврале 1956 г. был съезд, а в декабре уже вышло секретное письмо ЦК об усилении борьбы с антисоветскими элементами — быстренько начали откатывать назад?

А.Подрабинец: Так нет — диктатура всегда сопротивлялась, она и по сей день сопротивляется, и многие мечтают ее вернуть. И тоска по империи, вот эта ностальгия — это тоска не по широким просторам, не по количеству республик, не по количеству земли, которая в XXI веке уже не имеет значения, — это тоска по жесткому режиму, это тоска по тому ре-

жиму, в котором бездари могут быть у власти, а все остальные — это быдло, которым можно управлять.

Н. Болтянская: Но порядок был, цены снижали.

Б. Сарнов: У меня несколько иной взгляд на все это. Прежде всего, я бы на вашем месте выбрал другую песню, не эту, ностальгическую, плача и рыдания по империи. Я бы выбрал песню Булата «Римская империя времени упадка»: Цезарь был на месте, соратники рядом, жизнь была прекрасна — судя по докладам. Она тут более уместна была бы, к проблематике этой передачи, а не к эмоциональной стороне дела. Несколько слов о том, что такое «шестидесятники». Термин, по-моему, вполне дурацкий. Начну с того, что в поколении шестидесятников — я был живым участником этого литературного процесса, он поначалу был литературным, — были такие люди, как Юлиан Семенов, обслуживающий КГБ, и такие люди, как Войнович и Владимов, Аксенов, которые потом стали диссидентами, а потом и эмигрантами. Был Р. Рождественский, государственный поэт, и при всем моем уважении к нему, он был хорошим парнем, но депутатом Верховного Совета, и про него была даже шутка такая: «Рождественский — это наш советский Евтушенко». Тот же Евтушенко. Так что я бы вообще этот термин отбросил. А если говорить даже о диссидентах, о тех, кто поднял знамя свободы и так далее, говорить о том, что они разрушили великую державу, великий Союз — это просто смешно. Это настолько смешно, что мне, простите, стыдно слушать такое из уст историка. Для того чтобы наша сегодняшняя беседа была не пустобрешеством, а более или менее серьезной, надо всерьез задуматься об истинных причинах развала СССР.

Н. Болтянская: Правильно ли я вас поняла — ежели империя была действительно столь велика, то не могло быть внутренней пятой колонны?

Б. Сарнов: Нет, всегда есть какая-то оппозиция, всегда есть внутренние эмигранты, это вопрос другой. Понимаете, какая вещь — я никогда не мог считать себя в полном смысле марксистом, и вообще, наверное, не марксист, но я воспитан в этой традиции, и всегда, мысля на эти темы, я начи-

наю с причин экономических. Кроме того, понимаете, какая вещь — опять мой мяч историку: если мыслить исторически, нельзя не вспомнить, что в XX веке, а точнее — в 1918 г., развалились, собственного говоря, рухнули все империи — в Европе, по крайней мере.

Н. Нарочницкая: Бенедикт Михайлович, я ведь, когда уточнила свой ответ на вопрос, сделала очень важное добавление, что одни диссиденты, конечно, ничего не могут развалить — безусловно. Я сказала о партийно-номенклатурной и всей интеллектуальной элите.

Б. Сарнов: Я помню, что вы это сказали.

Н. Нарочницкая: Ведь элита явно разочаровалась в коммунистической идеологии раньше, чем народ даже, который давно связал с ней свои традиционалистские устремления.

Б. Сарнов: Я просто хочу напомнить, что в 1918 г. рухнула империя Османов. Рухнула Австро-венгерская империя, рухнула империя Гогенцоллернов, и рухнула Российская империя. Она распалась тогда, распалась на составные, национальные и не только национальные единицы, и продлили ее существование на 70 лет большевики. А распалась она по той причине — опять-таки еще один мяч историку... простите, я не хочу вас провоцировать, поэтому бог с ними, с историками, — распалась она потому, что Российская империя, власть царской империи, не умела отвечать на вызовы времени, как теперь принято говорить. Не делала того, что было необходимо делать для того, чтобы империя продолжала существовать. Она не могла не распасться. Так вот к чему я веду: на первый, поверхностный взгляд, причиной падения, распада СССР... развалили СССР, на поверхностный взгляд, Брежнев, Подгорный, Суслов, Черненко — все эти недоумки малограмотные и некомпетентные люди, управлявшие великой страной. Но это на поверхностный взгляд. А на самом деле причины распада империи, корни этого распада советской империи лежат гораздо глубже и раньше. Ее гибель определил Сталин в год великого перелома, выбрав тот путь, который он выбрал, разрушив, уничтожив русское крестьянство и создав жесткую структуру, не гибкую, не способную к пе-

ременам, опять-таки повторю этот штамп — не способную отвечать на вызовы времени. Вот такая схема. А поскольку я уже утомил вас, то конкретностью мы ее наполним потом.

Н.Нарочницкая: Я позволю себе продолжить. Я, в общем, соглашусь с вами, что самодержавие к концу того исторического периода, который закончился такой национально-исторической драмой для русских, безусловно, утратило творческий потенциал. И вы совершенно правы — оно оказалось не на высоте... и не смогло отвечать на вызовы времени. Но если бы мы сейчас занялись целью исследовать причины распада СССР или его расчленения, как иные предпочитают называть, то... здесь не хватит ни экономических, ни других выкладок — тома придется написать. Все-таки мы говорим о роли определенного идейного течения, которое во все времена в значительной мере играет огромную роль в истории. Идейные течения, идеи — это то, что движет на самом деле историю, а вовсе не динамика между производительными силами и производственными отношениями, как считал Маркс. Я говорила об элите... Западничество третьего советско-партийного номенклатурного поколения проявлялось в очень примитивных формах. Оно вобрало в себя худшие черты западничества прошлого... Оно вобрало в себя абсолютное низкопоклонство перед уже либеральным Западом, которое было у эпигонства 18-го века, оно вобрало в себя ненависть истерическую, презрение ко всему историческому, национальному, православному прошлому России, свойственное раннему большевизму, и оно обладало еще удивительным, смешным, я бы сказала — наивным незнанием и невежеством всего, что за пределами истмата. Оно разочаровалось в коммунизме, но, подчеркиваю, не как в инструменте развития собственной страны, а как в препятствии принятия в мировую элиту. А цена за место в этой мировой олигархии была названа в эпоху Горбачева. Потом нас как бы обвели немножко вокруг пальца.

И второе, что сейчас я могу отметить. В России всегда было много разных идейных течений. Когда они переплетались, когда они питались каким-то внутренним духом, то они

рождали, как любая борьба идей, что-то на определенном этапе полезное, новое, и так далее. Все, что мы видим уже в 60—70-е гг., это то, что Булгаков называл «взятые отдельно идеи просвещения на культурной пустыне». Потому что несложненькая философия среднего русского образованца, даже начала века, о которой он писал, заключалась в том, что сначала было варварство, потом воссияла цивилизация — просветительство, материализм, добавим нынешние клише — права человека и гражданское общество... И он пытался доказать, что, помимо этих идей, и древо европейской цивилизации, к которому мы безусловно принадлежим, как некий отряд... со своим самобытным опытом, — оно питается еще корнями. А корни — христианские ценности и идеи...

Два тезиса. На Западе, уже в 70-е годы, была принята доктрина «империи зла», где говорилось, что СССР — это не преемственное государство, преобразованное, хорошо или плохо, революцией со всеми ее грехами и прочим, а просто неизвестно откуда взявшиеся, набранные нации, которые сковали железным обручем коммунизма... Марксистская доктрина, советская, отличалась лишь тем, что, оказывается, эти неизвестно как появившиеся нации соединились под сиянием пролетарской революции. То есть стране отказано в историческом прошлом... А что это означает? Борьба против железного обруча всегда правомерна, а любое сомнение в благости сияния пролетарской революции сразу побуждает сомнения в целесообразности продолжения единства. Мы отсеки историю до 1917 г. как ненужную... Все диссидентство наше... выросло на корне революционного проекта... И империя, о которой сказал Подрабинек — это классический тезис революционеров, что империи должны умереть. Но есть разные философии истории, и в них об империях разные суждения.

Н. Болтянская: Наталия Алексеевна, прежде, чем дать слово Александру, я процитирую сообщение на пейджер: «шестидесятники — новая генерация врагов России, разваливших страну в 17-м, временно придушенных Сталиным в 1937-м, возродившихся после его смерти. Это не агенты в

прямом смысле. Они работали бы и без денег — просто за хлеб, желательно с икрой. Это — враги».

А. Подрабинек: Я вообще первый раз слышу, что наша советская партийная элита была настроена прозападно.

Н. Нарочницкая: Ну, вся коммунистическая идея — это западная идея.

А. Подрабинек: Это что-то совершенно новое. Насколько я помню, вся наша советская пропаганда... была построена на том, что вокруг нас враги. Америка, Европа, страны демократии — это все наши враги. И это вбивалось в голову нам с пионерских лет. Если говорить о том, что сделали шестидесятники, я бы сказал так: они сделали свой вклад в разрушение несвободы в нашей стране, в том числе — в разрушение империи. Да, они воспользовались тем, что в стране стало относительно свободнее. Когда стало еще свободнее — при перестройке, при Горбачеве, — тогда этой идее, идее свободы, уже трудно стало противостоять. Империя в таких условиях сохраниться не могла. Если партийно-советская элита как-то учитывала интересы Запада, то она была вынуждена это делать. Потому что на самом деле процесс глобализации начался не вчера, и не сегодня — он начался давно. Мы не живем в изоляции — то есть, мы можем жить в искусственной изоляции, за железным занавесом, но в полной изоляции мы жить не можем, мы обязаны учитывать то, что творится вокруг нас. И какие бы дурные ни были наши генсеки, они понимали: надо учитывать то, что творится в мире. И они были вынуждены с этим считаться. Поэтому империя, как и вообще диктатура, была обречена. И нынешние диктатуры — коммунистические диктатуры, которые сейчас остались в Китае, на Кубе, во Вьетнаме — они также обречены.

Н. Нарочницкая: Давайте Китай оставим в покое, это просто другая цивилизация.

А. Подрабинек: Никакая это не цивилизация. Всем людям нужно примерно одно и то же — свобода, счастье, и надо, чтобы их уважали и чтобы у них были определенные права. И я вам скажу — то же самое делается и на Кубе, то

же в Китае, — и там существуют диссидентские движения, и эти режимы обязательно рухнут, когда тиски диктатуры немножко ослабнут.

Н. Нарочницкая: Свобода всем действительно нужна, только в зависимости от религиозно-философских основ истории в понятие свободы вкладывается разное содержание.

Б. Сарнов: Я могу продолжить? Так вот я хочу прежде всего сказать: когда я говорил о том, что большевики продлили существование Российской империи на 70 лет, менее всего я хотел этим сказать, будто они сковали многонациональную нашу страну железным каким-то обручем. Это тоже произошло, но потом. А сначала они дали этой стране, дали этой распавшейся империи, новые идеологические скрепы, они произнесли волшебное слово «социализм» — за это слово люди действительно умирали.

А. Подрабинек: В лагерях.

Б. Сарнов: Сначала не в лагерях. Сначала в Гражданской войне. Все-таки вы не забывайте, что в Гражданской войне красные победили белых почему-то.

А. Подрабинек: К сожалению, так.

Б. Сарнов: Это уже другой вопрос, оставим эмоции. Дело в том, что если мы хотим докопаться до причин, так давайте разберемся в том, что такое социализм. Советская империя рухнула прежде всего потому, что сталинский социализм оказался не только неконкурентоспособным, а вообще нежизнеспособным. Понимаете, когда о социализме говорили в XIX веке люди, скептически настроенные по отношению к этой идее, враги социализма... Скажем так, скептики — ну, Гейне, Достоевский, Алексей Константинович Толстой — кто угодно, — они думали так, что при социализме будет унылая жизнь, не будет искусства, красоты, не будет любви и нежности, цветов, ветки черемухи, но уж накормить-то накормят, вот ради сытости все это и затевается, говорили они. Так вот весь ужас в том, что накормить не смогли. Вы понимаете, что произошло? Произошло то, что проклятый капитализм, гнилой, этот разлагающийся капитализм предоставил своим простым труженикам, простым людям гораздо больше со-

циальной защиты, чем советская власть предоставила своим трудящимся. Я уже не говорю о рабстве: колхозном рабстве, лагерном рабстве. Я говорю даже о тех, кому повезло — о рабочих, интеллигентах, о жителях городов, столиц.

Н. Болтянская: То есть главный тезис не состоялся.

Б. Сарнов: Это было прозябание. И чем дальше, тем становилось все хуже и хуже: вынуждены были покупать зерно. Вы вспомните, как смеялись в итальянских газетах, когда приехал Шаляпин петь в Ла-Скала, в миланской опере. Они писали, что привозить в Италию певцов — это все равно, что в Россию ввозить пшеницу. Это казалось нонсенсом, вздором. И вот стали ввозить пшеницу, и становилось, как у Войновича сказано в его замечательном «Чонкине» — дела в колхозе шли неплохо, можно даже сказать, хорошо, но с каждым годом все хуже и хуже... Вы говорите о партийной элите, я не склонен преувеличивать их интеллект, вот этих людей... Ну, я не знаю, молодых этих вот новых людей, которые возглавили СССР, — скажем, Михаил Сергеевич Горбачев, Александр Николаевич Яковлев, Шеварднадзе какой-нибудь там — они были, конечно, другой генерации и другого интеллекта, чем шамкающий Брежнев. Но я не склонен преувеличивать. Но просто они почувствовали, что что-то надо делать, надо спасать как-то, они хотели предотвратить этот крах, и дело совсем было не в том, что они были западники, а кто-то был славянофилом. Это, простите меня, все система фраз. А реальность такова, что страну постиг, прежде всего, экономический крах. Прежде всего. Это было очевидно настолько — я уже говорю в данном случае не как литератор, не как публицист, не как политически мыслящий человек, а просто как человек, который прожил в этой стране 79 лет, из них 70 я уже что-то такое соображал, понимал. И помню — мне было 9 лет, — и я помню, как на моей детской ладошке писали чернильным карандашом эти очереди, карточки... Говорили — наша страна отсталая, она преодолевает вековую дремучую отсталость России. Говорили, что у нас были войны — Гражданская, потом Отечественная, разруха... Но Господь Бог... словно нарочно решил поставить

эксперимент, и предоставил нам... возможность посмотреть: вот одна страна, Германия, один и тот же народ — трудолюбивый, дисциплинированный. И вот социалистическая половина, и вот капиталистическая половина. Я в разговоре одним с Эренбургом ругал Хрущева. Ну, я его и хвалил за что-то, но говорил: ну, болван, ну, эта стена — это же глупость какая-то. А Эренбург сказал: ну слушайте, он же не мог этого не сделать — они же все просто уехали бы. Вы понимаете, что каждый мог приехать в Берлин, сесть в метро и спокойно уехать на Запад. И в конце концов уехали бы все. Вот чем закончился этот эксперимент. А вы мне говорите какая-то партийная элита, какие-то «шестидесятники».

Н. Нарочницкая: Является ли эффективной коммунистическая идея с точки зрения развития экономики... Я с вами соглашусь, что стагнирующий Советский Союз действительно был не в состоянии свои же провозглашенные материальные гарантии наполнить уровнем, соответствующим уровню индустриального общества, скажем, конца XX века. А Запад, та же Европа, прежде всего, наоборот — шла все время по пути наполнения этих гарантий, даже при условии формального неравенства людей.

Н. Болтянская: А что делать?

Н. Нарочницкая: Мы говорим немножко о другом. Мы говорим о борьбе идей... Вот мой отец был братом «врага народа», и его брат единственный сгинул в 1937 году... Но он мне всегда говорил, — а он 1907 г. рождения, он видел все, он учился в Киевском университете, Грушевского еще застал, ректора, который проповедовал идею, — что туранская Московщина украли киевскую историю, софийские ризы и византийское наследие. Он многое видел, и он говорил: «Самое страшное время было ленинское, а не сталинское. Репрессии были такие же, только тогда, — говорил он, — мы каждый день в Чернигове в начале 20-х слышали, как тройка ездил, забирала гимназисток, инженеров, учителей и ни в чем не повинных людей и расстреливала в соответствии с революционной теорией Стучки». Он горько шутил: «Сталин и Вышинский возвратили такие архаичные понятия, как по-

нятие вины и меры наказания...» Но почему-то у нас перестройка и диссиденты сделали единственным символом ужаса именно Сталина. И я как историк задалась вопросом: почему так щадят всегда Ленина, а на Западе просто говорят о Троцком как о романтике каком-то?

Б. Сарнов: Да нет, это неправда. Всегда начинали с революционных времен, и ГУЛАГ начался с 18-го года.

Н. Нарочницкая: Но все-таки в значительной мере получается так, что при равных репрессиях Сталина ненавидят именно за создание в советской форме новой формы великодержавия, именно за то, что была создана вот эта ненавистная империя...

А. Подрабинек: Не за это, нет.

Н. Нарочницкая: Очень интересную тему Бенедикт Михайлович поднял — все-таки интеллигент, мыслитель, литератор — интересно дискутировать и спорить, я благодарна за такого собеседника, кстати. Но, понимаете, в 50-е годы... Сартр и прочие согласились осудить сталинский террор, который был направлен в значительной мере уже на тех, кто саму революцию совершал... То есть они согласны были осудить только террор против самих октябрьских дантонов и робеспьеров, но не Октябрьский террор против коренных русских сословий, против русской православной церкви, и так далее. Хрущев действительно провозгласил чисто материальную цель, которая... отходила даже от цели «пламенных большевиков», которые хотели что-то такое величайшее построить. Он провозгласил бюргерские идеалы: «догнать и перегнать Америку» — помните: «Держите коровы из штата Айова», — и мы видим, как западный дух перекочевал... в Россию, которая вдруг провозгласила бюргерские идеалы, задумала догонять Америку, американский образ жизни с его капроновыми чулками, «мерседесами» и прочим. Горбачев, правда, тоже наш автопром хотел сделать законодателем. Так вот, весь левый дух переметнулся опять в революционную западную интеллигенцию, она проводит левый бескровный бунт, либеральный на сей раз, но это вторая сторона революционного процесса. И ведущие интеллектуалы... уходят

в джунгли делать новые бескомпромиссные революции, потому что дух Великой Октябрьской революции выродился. И всей вот этой западной интеллигенции, которая очень любила наших диссидентов, очень импонировало, что они борются именно с государством, а не с марксизмом и революционным проектом, который уничтожил ту Россию — вот о чем я говорю. Это разные парадигмы. То, о чем говорил Бенедикт Михайлович, абсолютно справедливо, и поэтому мы все хотели перемен, мы хотели этого рынка. Но когда нам наследники тех диссидентов пролепетали великий исторический проект для России, которая выходила из железного занавеса на рынок «Пепси-колы», то простите — ни нация, никто, ни Россия, ни другие, не могут жить без целеполагания за пределами земной жизни — это... за пределами хлеба насущного, и рынок «Пепси-колы» — это всего лишь инструмент для достижения целей.

Н. Болтянская: Я не слышала, откровенно говоря, от вашего сегодняшнего оппонента слов «рынок» и «Пепси-кола», но должна вам сказать...

Б. Сарнов: Нет, рынок — пожалуйста, но «Пепси-колы» не было.

Н. Болтянская: Так вот я вам должна сказать, что мне кажется, что те люди, которые в 1968 г., примерно представляя себе, что им за это будет, пошли на Красную площадь и потом получили судебную психиатрию и прочие милые прелести режима, — в общем, заплатили за свою возможность заблуждаться. Возможно, я рассуждаю с позиции меньшинства.

А. Подрабинек: Во-первых, я должен сказать, что совершенно не имеет значения, что говорила и как поддерживала диссидентов западная интеллигенция. Во-первых, она разная. Были люди, которые приветствовали диссидентов, были люди, которые осуждали. Среди западной интеллигенции были люди, которые приветствовали сталинские процессы 1937 г., а были люди, которые осуждали. А были люди, которые купились, а потом раскаялись — как Лион Фейхтвангер. А был Андре Жид, который осудил сталинские процессы — люди были разные. И не в них дело.

Н.Нарочницкая: Сталинские репрессии они все осуждали. Я говорила о ленинских.

А.Подрабинек: Были люди, которые сразу же осуждали и Октябрьский переворот — все люди разные. И это совершенно не аргумент, что сказал Сартр о России или о диссидентах.

Н.Болтянская: Одну секунду. Дело в том, что если вспомним перестроечные выплески, то вернулись изначально к осуждению сталинизма, и потом робко-робко пошли ростки...

А.Подрабинек: Нателла, это была инерция 20-го съезда. Потому что на 20-м съезде самым страшным годом в советской истории объявили 1937 г.

Н.Нарочницкая: Это полуправда, которая хуже лжи.

А.Подрабинек: А почему? Потому что в 1937 г. посадили тех коммунистов, которые прежде сажали других. Это была часть сталинской элиты, которая попала в лагеря. И 20-й съезд объявил, что 1937 г. был самым жертвенным в нашей истории. Ни жертвы коллективизации, ни жертвы Соловков, ни жертвы массовых расстрелов послереволюционных — а вот сконцентрировалось на 1937 годе.

Н.Нарочницкая: Вот в этом-то и коварство, потому что эта полуправда, которая опаснее лжи, она до сих пор позволяет обходить стороной главное преступление революции, коммунистов, большевиков — распятие исторической России, уничтожение коренных сословий и всей красоты и правды русской жизни.

А.Подрабинек: Я вообще не очень понимаю — по-моему, здесь собрались четыре человека, и все осуждают коммунистический режим. О чем мы говорим? Может быть, стоит говорить о том, хороша империя или нет и правильно ли, что она распалась? Мне кажется, что здесь наши точки зрения расходятся.

Б.Сарнов: Мы говорим о причинах распада. Понимаете, какая вещь — я думаю, что я не уклонился от темы, потому что не считаю причиной распада деятельность диссидентов или партийной элиты. А вижу какие-то другие, коренные, более глубокие причины... Дело в том, что понимаете, какая

вещь — вы можете говорить, что я «западник», и это будет до некоторой степени правдой, но на самом деле я русский патриот. И как русский патриот я, прежде всего, думаю о том... душа моя, сердце мое болит о чем? Я хочу, чтобы мой народ жил пристойно и хорошо, и по возможности даже сыто, простите. Я считаю, что главный враг русского народа — прежде всего русского народа, всех народов нашей бывшей империи и нынешней России — это имперские амбиции. Вы вроде, Наталия Алексеевна, согласились со мной, когда я говорил о том, что старая Россия рухнула, а теперь вы говорите: «Великие ценности, православие, самодержавие, то, се...». Причина всякой революции — это бездарность, ничтожество и импотентность предшествующей власти. Главным двигателем вообще — тем, кто обеспечивал победу русской революции и гибель своей семьи и собственных детей, — был государь-император Николай Александрович Романов, на мой взгляд. Так вот понимаете, какая вещь — я думаю, что главный враг России, русского народа, всех народов, населяющих мою страну, — это имперские амбиции. Это желание сохранить империю, пусть в несколько уменьшенном объеме и размере. Мне одинаково неприятно и отвратительно даже слышать об империи как из уст какого-нибудь Проханова или кого-нибудь из этого ряда, так же, как из уст Анатолия Борисовича Чубайса, который сказал, что Россия должна быть либеральной империей.

А. Подрабинек: Это была неудачная шутка.

Б. Сарнов: Шутка — не шутка, но не ему это говорить.

Н. Нарочницкая: Бенедикт Михайлович, какие имперские амбиции сейчас, когда русским говорят, что им вообще не принадлежит пяди даже земли, которой они дали свое имя и полили своей кровью, унижение повсеместное — какие имперские амбиции?

А. Подрабинек: Имперские амбиции сильны, конечно.

Б. Сарнов: Я вам скажу, какие имперские амбиции. Имперские амбиции хотя бы в том, что вот у нас должна быть могучая, сильная, большая армия, у нас должны быть боеголовки наши...

Н. Болтянская: Бенедикт Михайлович, извините пожалуйста, но президент Всея Руси в своей речи после Беслана сказал о том, что мы строим великое государство — там не были произнесены слова «великая империя», и поэтому говорил он как раз о том, что вы сейчас осуждаете. Возможно, я не права...

Б. Сарнов: Нет, видите ли, я не обязан соглашаться даже с президентом, я даже и с Господом Богом не во всем согласен, а уж тем более с президентом, который, что бы он о себе ни думал, фигура временная. Как он сам сказал — я нанят на некоторый срок народом. Вот он нанят на некоторый срок, посмотрим, сколько это продлится. Но сегодня он говорит одно, вчера он говорил, между прочим, наш президент, что Советский Союз разрушился и рухнул потому, что он не мог отвечать на вызовы времени — я сам это слышал. А потом он говорил о том, что крах СССР это трагедия...

А. Подрабинек: Да везде видно, как он сожалеет об этом.

Б. Сарнов: Сожалеть можно, эмоционально — можно. Я помню митинг в день путча, 20 августа 1991 г., и Елена Георгиевна Боннэр сказала: «Я люблю Советский Союз, я привыкла жить в этой большой стране...» Я тоже привык жить в этой большой стране, но надо считаться с историческими реалиями.

Н. Нарочницкая: Мы все считаемся, но это драма, прежде всего, для русского народа. Который оказался, не сходя ни шагу зачастую со своей исторической земли, под разными государственными флагами и превратился из субъекта государственной национальной воли в национальное меньшинство. Огромная драма.

А. Подрабинек: А где же это он оказался?

Н. Нарочницкая: Для меня это драма, безусловно. Хотя я, конечно, человек, который признает реалии. Более того, я совершенно считаю ложной идеей идею нынешней КПРФ о восстановлении Советского Союза.

А. Подрабинек: А где же русский народ, не сходя со своего места, оказался в чужом государстве? На своей земле?

Н. Болтянская: Кто враги русского народа?

А. Подрабинек: Где? В Прибалтике?

Н. Нарочницкая: Большевистская федерализация исторического государства российского кроила территорию, деля народы, совершенно не руководствуясь даже этническим расселением.

Б. Сарнов: Она спасается в империю.

Н. Нарочницкая: Так получилось и в Казахстане, и в других местах. Есть места, где этого не случилось — в Армении практически нет русских, и мы действительно можем говорить о том, что русские там правомерно являются меньшинством.

А. Подрабинек: А Казахстан — это исторически русская земля?

Н. Нарочницкая: ...Но казахи, если бы они странствовали по мировой истории самостоятельно, никогда бы в жизни такую территорию не имели, как сейчас. Они-то все должны большевистской революции вообще памятник поставить.

А. Подрабинек: А до революции казахов не было там?

Н. Нарочницкая: Они были. Но они не имели такой территории.

Б. Сарнов: Вы знаете, вы совершенно правы. У меня опять-таки, как у русского патриота...

Н. Нарочницкая: А грузины, которые... так сейчас ненавидят все? Но разве, если бы они странствовали по истории самостоятельно, у них была бы территория нынешняя, которую они получили?

А. Подрабинек: Но грузинской государственности больше лет, чем русской.

Н. Нарочницкая: Совершенно верно, но не на территории Грузинской Советской Социалистической Республики, которую я признаю, безусловно, как субъект международного права.

Б. Сарнов: Бог с ними, с грузинами, — вы лучше вспомните про Украину.

Н. Нарочницкая: Это к вопросу о драме. Мы опять уходим в другое.

Б. Сарнов: А если вы хотите говорить о причинах случившегося, а не о том, что... у меня душа болит... У меня тоже душа болит. У меня болит душа, что мой родной Крым и мой родной Севастополь, который, между прочим, защищал мой любимый граф, Лев Николаевич Толстой... почему-то вдруг принадлежит теперь Украине... Но я понимаю, что такова историческая реальность, что иначе не могло произойти, если бы мы хотели, чтобы страна распалась не кроваво, как распалась небольшая сравнительно с нами Югославия, а мирно — так вот, к сожалению, нужно было принять то решение, которое было принято.

Н.Нарочницкая: Вот здесь я не соглашусь. Что государство было в глубочайшем кризисе, что оно вряд ли могло продолжать себя в истории как СССР — в том виде, с той доктриной, с той стагнирующей КПСС, потерявшей чувство реальности — в этом я согласна абсолютно. Но... кризисная ситуация — она еще не определяет, в какую сторону государство будет опрокинуто. А вот здесь очень важна та идея, которой руководствуется революционное меньшинство, и как она вписана в мировой проект, так сказать. И здесь совершенно очевидно, что фактически... сделали то, о чем мечтали Ленин и Троцкий... И вся идеология диссидентства — ... абсолютный возврат к революционному проекту, это идеи Парвуса, Троцкого...

А. Подрабинек: Ну, это полная чушь...

Б. Сарнов: Ленин и Троцкий мечтали о мировой революции.

Н.Нарочницкая: Совершенно верно. О всемирной социалистической федерации... «Социалистическая республика Франция»... Почему, кстати, два проекта конкурировали в 1922 году? Один был Ленина — Троцкого, другой — сталинский.

Н.Болтянская: ...Зачитываю, как реагируют на вашу полемику наши слушатели: «Господа, вы собрались одного сорта, все антисоветчики — что плохого, что Россия была сверхдержавой? Она не поработала соцстраны, она всем по-

могала. Раскачали лодку диссиденты». Г-н Подрабинек, в ваш огород камешек, между прочим.

А. Подрабинек: Ну, правильно, раскачали. Я считаю, что правильно, что раскачали, и правильно, что опрокинули.

Н. Нарочницкая: Я скорее... не сторонница коммунистической идеи, и считаю, что она в любом случае, даже в самых ее романтических интерпретациях, абсолютно устарела, как и марксизм как наука, и вообще неприменима к сегодняшнему миру, но я, безусловно, не являюсь антисоветчицей. Я скорбела о Советском Союзе, я выступала с грузовика на Манеже против его расчленения, я считаю это исторической драмой и считаю, что все могло бы пойти не так, если бы не элита... Кризис был, меняться должно было, но не так. Если бы мы с христианским смирением оценили истоки наших взлетов, падений... могло быть не так.

А. Подрабинек: Я бы хотел Наталии Алексеевне возразить относительно того, что диссиденты — это революционный проект. Я бы упростил. Проект Ленина — это проект диктатуры. Проект диссидентов — это проект свободы. И ничего общего между ними быть не может.

Н. Болтянская: Я позволю себе зачитать сообщение от Светланы Ивановны, которая говорит следующее: «У нас большая территория и не очень большое население, но почему-то мы стараемся приумножить территорию, обустроить которую не в силах». Бенедикт Михайлович?

Б. Сарнов: Да. Видите, какая вещь... Я... обладаю недостаточными знаниями для того, чтобы ответить на этот вопрос компетентно. Но как раз это совпадает с моей мыслью. То есть с моей идеей русского патриота — то есть я считаю, что мы должны заниматься своими внутренними делами, не лезть никуда, попытаться обустроить свою жизнь. Примириться с тем, что эпоха великих держав кончилась. Да, мы можем оставаться державой, но я хотел бы, чтобы мы были достойной державой, и даже слово «державка» мне не очень нравится, потому что я ненавижу, я не могу слышать этот слоган... «за державу обидно». Мне обидно за человека, мне обидно за то, что сделали с моими согражданами, во что их

превратили — вот за что мне обидно. Понимаете? И конечно, я согласен, если бы мы, вместо того, чтобы создавать большую и совершенно небоеспособную армию, простирать свои длани куда-то вовне и пытаться даже, как некоторые, мечтать о возврате, о реванше, о возврате к старому, к воссоединению этих распавшихся бывших наших республик, занялись своими делами и решали свои проблемы. В первую очередь, экономические, а потом культурные и моральные, чтобы мы были нравственными людьми. Вы говорите «великая держава», вы говорите, «империя зла» — они создали такую концепцию... А что, это не была империя зла, поддерживающая все террористические режимы, от фашистского какого-то людоеда, этого Бакасы? Не было такого?

И мы, к сожалению, сейчас продолжаем эту традицию советскую и поддерживаем террористическую организацию «Хамас», говоря, что она не террористическая почему-то.

А. Подрабинек: Я бы хотел прокомментировать последнее сообщение. Мне кажется, что в основе идеи великодержавия лежит мысль о том, что страна счастливая и великая, если она большая, если у нее большие территории. Это образ мышления XVIII—XIX веков. Сегодня великая страна — это не та страна, у которой много территории, а та, у которой высокие технологии, у которой развитое право, у которой защищены граждане, где расцветает культура и где, я поставлю это сознательно на последнее место, — высокий уровень жизни. Вот такая страна — великая. А у нас до сих пор имперские амбиции. Они идут сверху. Народ постепенно забыл бы о своем былом имперском величии, если бы ему не напоминала власть о том, какая была раньше великая страна, и мы снова должны сделать ее такой. И если бы от имперских амбиций отказалась власть, то люди постепенно бы забыли и зажили бы нормальной жизнью, устраивая, как совершенно справедливо Бенедикт Михайлович сказал, устраивая свою жизнь внутри и не стремясь к экспансии.

Н. Нарочницкая: Великими державами называют крупные геополитические единицы, вокруг которых складываются

ся система международных отношений. То есть это системообразующие элементы. Обычно только те страны, которые имеют военно-стратегически обеспеченные выходы к морю, именуются державами. ... Гордыни здесь никакой нет. Конечно, мотив величия собственной страны, своей истории часто присутствует в сознании людей, но к нашим людям это совершенно не относится. Но люди устали презирать свое отечество, хватит, как диссиденты, внушать, что мы сор, в конце концов. ... Народ ответил на отсутствие цели и ценности национального бытия, такое приземление этих ценностей в пользу только одного рынка своими...

Н. Болтянская: Скинхедами?

Н. Нарочницкая: Нет, он ответил демографической катастрофой, отказом, даже отречением от инстинкта продолжения рода.

А. Подрабинек: Что, дети перестали рождаться?

Н. Нарочницкая: Да. 12 лет смертность превышает рождаемость, практически люди не хотят иметь детей. Народ, вытесняемый на обочину мировой истории, утративший понятие о целях и ценности национального бытия за пределами земной жизни, отвечает этим.

А. Подрабинек: Да кончилось национальное бытие. В XXI веке национальное бытие заканчивается.

Н. Нарочницкая: Напрасно вы так думаете. На повестку дня народ сам вынес ценности: зачем мы живем, едим ли мы для того, чтобы жить, или живем только для того, чтобы есть — как получается иногда у вас, может быть, невольно. Поэтому вера, отечество — все эти вещи всегда были важны. Не может ни человек, ни нация жить без целей и ценностей за пределами земного, не хлебом единым он жив.

Н. Болтянская: По полминуты вашим оппонентам на свои последние слова.

Б. Сарнов: Я могу сказать следующее: диалога не получилось. Как говорится, «поп — свое, а черт — свое». Беседа не получилась.

Н. Болтянская: Вы себя — кем?

Б. Сарнов: Чертом. Дело же не только в имперской идее, которую нам диктует начальство — дело в психологии народа. ... Я не хочу, чтобы мы были голодные и нищие.

А. Подрабинек: Тема — как «шестидесятники» способствовали разрушению империи. Способствовали в меру своих возможностей, в меру своих сил. Потом это было диссидентское движение, потом эта идея овладела очень большим количеством народа, и я надеюсь, что к империи возврата не будет, как бы ни призывали к этому власти, или партия «Родина», или другие адепты имперской жизни.

Н. Нарочницкая: Я не партия «Родина», но, тем не менее, — да здравствует великая Россия.

Радиостанция «Эхо Москвы», 2006

«ИРОНИЯ — ВЕЛИКОЕ ОРУЖИЕ...»

Недавно Государственным департаментом США был опубликован доклад, где открыто декларируется вмешательство во внутренние дела России и других стран, деятельность различных «неправительственных» организаций, которая может привести к неожиданной и быстрой смене власти... Комментарий по этим вопросам дает президент Фонда исторической перспективы Наталия Нарочницкая.

На мой взгляд, реакция на этот документ несколько вышла из пропорций, не стоило показывать такую уязвимость, а то еще подумают, что мы боимся мнения Соединенных Штатов, которое давно, между прочим, известно. Это не первый их доклад и, разумеется, не последний. Каждый год американцы, в духе принятой на себя роли самопровозглашенного ментора и учителя всех и вся, производят такие доклады о положении с правами человека и демократией в разных странах, берут на себя смелость судить, самим вводить критерии оценки — независимо от того, какая перед ними ци-

вилизация, каковы ее религиозно-философские, нравственные, этические основы.

Все давно заметили — те страны, которые находятся в орбите внешней политики США, всегда в таких документах «остаются за кадром», их ни в чем не обвиняют, что бы там ни происходило. А те страны, которые каким-то образом пытаются отстоять свою независимость, даже не бросая вызов США, а просто не желая подчиняться их диктату, тем, как правило, и достается. Это, естественно, вызывает глубокое разочарование в мире.

После таких докладов растет антиамериканизм, что я наблюдаю воочию, как член делегации Российского парламента в Межпарламентском Союзе, где представлены все парламенты мира, а значит, и все цивилизации. Кстати говоря, США перестали участвовать в Межпарламентском Союзе, потому что им здесь не удастся провести ни одной резолюции. Участвуют они только там, где могут играть главенствующую роль.

Так что американская доктрина насильственного приведения мира к единому образцу по своим лекалам и при сохранении своего диктата приводит к глубокому разочарованию как раз на самом Западе, который в свое время сам предлагал плюрализм, универсализацию прогресса и имел немалые дивиденды от своей привлекательности у патриархальных обществ.

А мы, повторю, напрасно так остро реагировали на доклад Госдепа. Надо над ними и подсмеиваться иногда. Смех, ирония — великое оружие, которое показывает внутреннюю суверенность личности, нации, которая не боится несправедливых, да и справедливых упреков в свой адрес.

Какая прелесть, например, слова Кондолизы Райс на одном из форумов: «В то время, как все страны шествуют к торжеству рынка и демократии, некоторые хотят остаться в стороне от этой столбовой дороги». Чем не доклад очередному съезду КПСС, скажем, в хрущевские времена, правда, вместо рынка и демократии тогда было «вперед к победе коммунизма...».

Конечно, США упрекают нас в имперских амбициях, несмотря на то что мы только еще пытаемся проводить свою линию на пространстве бывшего СССР. И это не ново. В то время, когда мы упивались «новым мышлением», остальной мир и прежде всего США, воспользовавшись «старым мышлением», продвинулись на все рубежи, которые мы сдавали так бездумно. А география этого продвижения, как две капли воды, напоминает все то, что уже было в XVIII—XIX веках. Мало что меняется. И тогда нас теснили по линии от Балтики до Черного моря. Два выхода к этим морям сделали Россию великой державой.

Да, американцы категорически отвергают наше право иметь особые национальные интересы даже в бывших республиках Советского Союза, которые являются частями исторического государства Российского и в течение веков были едины с нами, были в нашей орбите. Более того, на этой территории проживает разделенный русский народ, и мы не имеем права не думать о нем.

Выскажу еще один тезис, который обычно вызывает у оппонентов оторопь, они сразу не находят что ответить. Нынешняя Россия является правопреемницей договоров СССР в области ядерного сдерживания. А какая географическая зона заложена в эти договоры? — Территория Советского Союза в границах 1975 года, как она была подтверждена Хельсинкским актом по итогам Конференции о безопасности и сотрудничестве в Европе. Значит, это зона нашей ядерной ответственности и безопасности, по периметру которой, кстати в соответствии с договорами, стоят станции предупреждения о ядерной опасности — Барановичи, Мукачево, Севастополь, Мингечаур, Балхаш... Когда спрашиваешь западных переговорщиков: «А вы позволите на своем военностратегическом пространстве появление вооруженных сил третьих держав? Вы не будете возражать против вступления частей этого пространства в блоки и союзы, направленные против вас?» После этого собеседники смолкают и не могут ничего ответить. В свое время нам надо было именно этот тезис выдвинуть против расширения НАТО на Восток.

Расширение НАТО, «бархатные» революции, которые устраиваются по периметру наших границ, — это пояс нестабильности, который постоянно держит нас в напряжении. Новые страны никак не могут определиться в своей ориентации, общество там расколото. Часть элиты по-прежнему ориентирована на Россию, часть стала прозападной, воспитана в русле доктрины, о которой говорилось в докладе Госдепа. Самое интересное, на мой взгляд, про нас следующее: в докладе говорится, что США при поддержке местных российских властей (губернаторов) дают гранты для учебы в США и ознакомительные поездки туда российских госслужащих! Ничего себе! Во всем мире есть закон о гражданской службе. Сотрудники частных фирм могут учиться где угодно, но чтобы госслужащие за чей-то чужой счет могли ездить и обучаться на каких-то курсах — это нигде не допустимо.

Надеюсь, что наши люди использовали американские гранты, потратили их на подарки и вернулись на Родину с собственными интересами. Я шучу, но на самом деле, все не так уж и смешно.

Для чего эти курсы создаются? У меня есть документы о деятельности одного из центров американского влияния — Национального демократического института, которым руководит Мадлен Олбрайт. Она, если помните, была представителем США в ООН, затем госсекретарем.

Именно она сотрудничала с террористами из так называемой «Армии освобождения Косова», которые собственное население убийствами принуждали сотрудничать с ними. Именно это привело к массовому исходу сербов, а также той части албанцев, которая хотела мирно жить и не участвовать в братоубийственной войне. Именно Национальный демократический институт через свои фонды и структуры на территории Сербии, Грузии, Украины, Киргизии осуществлял подготовку лидеров и отрядов организаций «Отпор», «Кмара», «Пора», которые реализовывали с помощью одной и той

же политтехнологии смену неугодных американцам режимов. Также участвовали в этих процессах Фридом-хаус, Международный республиканский институт. С помощью своих зарубежных друзей я имею немало данных об их деятельности. И тот, и другой институты финансируются в значительной мере правительством США, из американского государственного бюджета, то есть их статус неправительственных организаций — это просто фарс. Более того, мой британский друг, журналист Джон Лафленд, назвал НДИ «троцкистской организацией», которая занимается разработкой технологий государственных переворотов, устраивает по всему миру перманентную либеральную прозападную революцию.

Вот уставные документы того самого Национального демократического института, которые он подавал в российские органы при регистрации. Среди уставных целей — «поддержка посредством... финансирования... демократического развития с учетом национальных интересов и конкретных требований демократических кругов других суверенных государств». То есть на нашей территории финансируется развитие демократии в пользу других государств! Вы представляете, если бы была создана в США организация, которая в уставных документах утверждала бы, что стремится путем финансирования содействовать развитию США с учетом требований России...

Мы живем в информационном обществе, где власть телеэкрана, СМИ сейчас фактически сравнима с властью танков и настоящего оружия. Не нужно бомбить и обстреливать врага, достаточно внедрить в сознание людей некие стереотипы.

Современные стандарты демократии и прав человека требуют зримого подтверждения поддержки обществом власти. Как это достигается? На телеэкране с утра до вечера толпа демонстрирует поддержку одного или, наоборот, отрицание другого претендента на власть. Но никто не задумывается, что даже если несколько тысяч человек сидят неделю на площади, то в это время остальная страна даже не волнуется вообще — кто-то не смотрит ТВ, кто-то полагает, что там, в

столице, политики делят финансовые потоки (что не лишено оснований). Тем не менее, в итоге — смена власти. Военная диктатура сейчас подменяется диктатурой СМИ, как говорят ученые, — «медиакратии». Технология таких площадных сидений достаточно эффективно себя показала.

Существует составленный американцами целый список стран-изгоев, Россия в нем представлена на одном из «почетных» мест. Поведаю об одном любопытном эпизоде. Около двух лет назад делегация Комитета по иностранным делам Госдумы выезжала на переговоры с соответствующим комитетом Палаты представителей Конгресса. Побывали мы и в Государственном департаменте.

В разговоре с г-ном Фридом, заместителем Госсекретаря по России, я рассказала, как представитель США в ОБСЕ госпожа Финли собрала своих западных коллег (нас, конечно, не звали) и объявила, что прошедшие «бархатные» революции — это всего лишь подготовка, что нужно всем раскошелиться, не жалеть средств на поддержку неправительственных организаций, которые должны к 2008 году изменить политическую ситуацию России в пользу демократии.

Фрид даже не стал ничего отрицать, а только сказал с досадой: «Ох, эта Финли!» Мол, не могла потоньше сработать, говорить все это в кулуарах.

Но кто в России знает о такой подоплеке? С другой стороны, людям в основном вовсе не нравится, когда власти весьма недемократично разгоняют демонстрации, как произошло недавно. Стоило ли так разгонять демонстрацию с Касьяновым и Каспаровым? Ведь все западные денежки были выделены ради того самого кадра, когда «героического» Гарри тащат в милицейскую машину, а он оттуда театрально кричит о «проклятом полицейском» режиме. И этот кадр облетает весь мир! Да только ради такого кадра подобные демонстрации и устраиваются, этим кадром за полученные гранты и деньги только и отчитываются!

Возникает вопрос: кому это выгодно? Чего только не подумаешь... Единственно, что надо всегда делать — строго охранять госучреждения. Помните, как на Украине и в Кирги-

зии осуществили их блокирование? Вот за такое надо наказывать, да так, чтобы было неповадно, ибо это уже хотя и не вооруженный, но мятеж. А шестивия... Да кому они страшны! Пусть идут «Несогласные», за ними — «согласные», за «толстыми» — «тонкие», за Микки Маусами — Бабы Яги, за «голубыми» — «зеленые»...

Ведь в площадных сидениях и демонстрациях всегда участвуют не только проплаченные, но и искренние люди с реальными претензиями. Это тоже одна из технологий таких «неправительственных» организаций — внедрить в сознание молодежи мысль о «сидении до победного», как о совершаемом ими великом и праведном деле, после которого просто наступит счастье и исчезновение всех грехов. С этой мыслью молодые и фанатичные «революционеры», друг от друга заряжаемые энергией по законам толпы, готовы сидеть и сидеть на площади. Никто из них как-то не задумывается, что еще ни разу такого светлого завтра не было...

А вот еще немного информации о Гарри Кимовиче Каспарове, нашем выдающемся шахматисте и «герое-борце». Передо мной список Advisory Council (Консультативного совета) при Center for Security Policy (Центре политики безопасности) США. Среди фамилий бывших высших сотрудников Белого дома, Госдепа, банков мы вдруг видим единственного иностранца: Garrу Kasparov — Гарри Каспарова. Правда, его фамилию через несколько дней из Google вычистили...

А ведь цель этого центра — выработка рекомендаций по национальной безопасности США...

* * *

Некоторые спросят, а зачем им расшатывать наше государство? Смысл есть — в итоге можно получить немало! Если в России будет неустойчивая, переходящая из рук в руки власть, они получают повод выдвинуть тезис — такой власти мы не можем доверить ядерную кнопку, потому что это уже угроза международной безопасности. Надо, дескать, поставить ядерный потенциал России под международный

контроль. Это одна из целей. Также они очень боятся, что мы начнем последовательно играть своей энергетической картой. Когда мы даже в рамках верности своим обязательствам лишь немного показываем эту карту и вертим ей, какой свист и гам начинается. Неустойчивость власти позволит ввести в действие стратегию распада России по геополитическим округам.

При этом они рассчитывают на сложную демографическую ситуацию России. Если она не будет переломлена в ближайшие семь лет, то к 2015 году России очень трудно будет удержать свою огромную территорию.

Очень драматично меняется и этнический состав населения, грядет перерождение культурно-исторического типа государства. Когда русский народ, основатель и стержень Российского государства, был полон исторической энергии, без всякого пафоса, никому не тыча в нос свое православие и русскость, но тем не менее продолжая быть русским и православным, спокойно и уверенно шел от Буга до Тихого океана, вбирал в себя много народов, никто не занимался подсчетом, где, сколько и кого рождается.

Но ситуация вокруг России, окруженной другими цивилизациями, — враждебна! Есть напряженность и между цивилизациями, которые устремляются туда, где намечается вакуум исторической энергии...

Заветная цель — разделить страну и прибрать под контроль ресурсы. Ведь вбрасываются в общественное сознание тезисы о несправедливости того, что некоторые страны и нации случайно оказались над залежами мировых ресурсов, которые должны принадлежать миру и быть под его контролем! Почему вдруг судьба Ходорковского стала судьбой демократии? Почему в Америке можно судить руководителей даже таких крупнейших корпораций, как «Энрон», за неуплату налогов, за несоблюдение законодательства. А у нас вдруг нельзя.

Но дело в том, что в планы Ходорковского входила интернационализация сибирской нефти — продажа в ино-

странные руки принадлежащих ему нефтяных богатств и строительство собственных трубопроводов на Запад. Вот Запад и в ярости, что именно такой план рухнул вместе с шансом лишить Россию одного из немногих факторов своей конкурентоспособности.

Или проблема Дальнего Востока. Если поставить полностью на рыночную основу железнодорожный транспорт, то будет совершенно невыгодна никакая единая экономическая деятельность, и Дальний Восток отвалится. Все эти планы расчленения России предназначены не к немедленному сегодняшнему исполнению, но они обсуждаются и прорабатываются на случай, если... Так не надо допускать это «если».

* * *

В прошлом году наш Фонд исторической перспективы, Интернет-газета «Столетие» привлекли внимание на пресс-конференции к сборнику по правам человека в США, который мы издали. Там представлены данные по всем видам нарушений прав человека в США.

Несколько сот экземпляров этого сборника были взяты на саммит восьмерки в Санкт-Петербург, где были неофициально переданы американской делегации, включая госпожу К. Райс. Сборник напечатан на русском и английском языках. Посещаемость сайта «Столетие» после публикации этих документов повысилась в несколько раз, посетители были в основном из США.

Кстати говоря, мы на пресс-конференции упомянули, что русскоязычный сайт Национального демократического института не имеет, как положено, выходных данных, телефонов и т.д. И через два дня этот сайт закрылся. Как говорится, знает кошка, чье масло съела.

Мы и дальше собираемся публиковать такие материалы в нашем Фонде исторической перспективы. Ведь сами Соединенные Штаты сворачивают свои свободы. Что у них происходит после 11 сентября?

Маленький пример: при посадке в самолет надо стоять два часа, у меня проверяли даже туфли. Люди в ярости. Но рядом висит плакат: «Шутки и издевательства над процедурой проверки влекут уголовную ответственность».

Так что даже пошутить там нельзя, как с нашими таможенниками...

Статья подготовлена по материалам телевизионного канала СТВ «Актуальный комментарий». Политком.ру, 2007

«НАМ НУЖНА СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ ЛЮДЯМ ЧУВСТВО НУЖНОСТИ СТРАНЕ»

— *Наталья Алексеевна, первые вопросы о конференции (конференция «Н.В. Устрялов в истории мировой политической мысли» прошла в Калуге в октябре 2007 года. — Прим. ред.). На мой взгляд, многие подобные мероприятия страдают «тусовочностью». Люди собираются не только для того, чтобы выступить и послушать, но может быть, в большей степени, встретиться с нужными людьми, завязать контакты, договориться о деловых вопросах. Эта конференция иная. Это идеологическая конференция?*

— Это мировоззренческая конференция. Эта конференция задает определенный вектор в мировоззрении. Она имеет огромное значение и свидетельствует о том, что мы интуитивно поднимаемся в своем осмыслении нашей истории на тот уровень, когда мы ищем в ней действительно подлинных уроков, а не оправдания собственных поступков. И это вселяет надежду, потому что сейчас время собирать камни, а не стоять друг против друга и кричать: «Распни его, распни!» в то время, как остальной мир, потирая руки...

— *...Смотрит за этой русской дракой?..*

— *...За этой русской дракой и прибирает к рукам все, что мы сдаем просто из-за неуверенности в себе и потери чувства самосохранения. И личность Устрялова, помимо*

того, что это действительно крупный русский ум, еще очень интересна поступками. Например, его политическое решение вернуться в советскую Россию, в то время как большинство интеллигенции, сопереживая тому, что происходит, не считало возможным это сделать...

— У него даже фраза такая есть: «Если для блага Родины потребуется моя «жертва», понадобятся мои «кости» — роптать не стану никогда». Трагическая фраза.

— Да. И поскольку его главная теория о том, что нация существует в современном мире в форме государства, — на том этапе, когда ничего нельзя изменить, нужно думать о тех вечных преемственных национальных интересах и том каркасе государства, которые послужат независимо от смены режима будущей силе России. То есть он в своих решениях, мне кажется, оценивал государство с точки зрения его некой крепости и устойчивости, и поэтому он смирился как с неизбежным злом с тем, что разрушено и что было...

Одновременно он понимал, что алчный и хищный мир съест Россию в любом ее облики — коммунистическом или некоммунистическом, если в ней не будет промышленности, в ней не будет флота, не будет танков, если в ней не будет служб безопасности и т.д. И вот какую надо иметь мудрость, чтобы в ситуации, когда очень трудно отличить свою личную судьбу от судьбы государства, не отречься от своего Отечества!

...Обсуждение таких неутилитарных тем говорит о том, что нация интуитивно понимает — без самоопределения в отношении собственной истории, в отношении целей и ценностей национального и государственного бытия, без такого самоопределения в отношении своего места в мировой истории невозможно достичь успеха ни в какой конкретной государственной программе.

Нас все время подталкивают. О, русский радикализм! Он свойственен нашей культуре в принципе, потому что мы пламенные, мы и марксизму отдались с той пламенностью, которой нет на Западе, который на счетах просчитывает, на-

сколько дороги будут те или иные общественные телодвижения.

Так вот, будущее наше зависит и от того, насколько наш народ сумеет с уважением относиться к собственной истории, принять ее во всех ее проявлениях, во взлетах и в падениях, не отречься от нее и относиться к этому как нами сотворенному и нашему. Вот тогда только кончится гражданская война, когда мы сопричастно, сопереживая нашу общую беду и наш общий успех, будем относиться к нашей истории. 20-й век — он очень для России тяжелый, потому что и век и тысячелетие мы сейчас переступили, утратив итоги трудов многих поколений. Где сейчас Полтава, где Крым, где Севастополь, город русской славы, где обретения Петра Великого? Все эксперименты в своем подражании различным западным моделям нам стоили очень дорого. Но мы многому научились.

И то, что интеллектуальное сообщество, образованное сообщество Калуги уже давно, не первый год, занимается обсуждением идей Устрялова, это замечательно.

— *Есть подвижники — Виктор Яковлевич Филимонов, его коллеги.*

— Честь ему и хвала! Ведь для того, чтобы выбирать темы для обсуждения, нужна и смелость, и панорамный взгляд на историю. И этот панорамный взгляд, получается, идет из Центральной России, из нашего родового гнезда.

— *Я процитирую ваше выступление на конференции. Вы говорили о том, что мы пережили много смут, различные переломы, и вопрос демографии, может быть, самый серьезный. Почему вы так считаете и не кажется ли вам, что настоящее время — это совсем другой перелом, чем те испытания, которые русский народ перенес в своей истории? Не являются ли нынешние испытания совсем другими, ведь подрубаются какие-то корни бытия, основы. Ведь Москва, например, не воспроизводит себя абсолютно, как и по населению, так и по любым другим параметрам.*

— Ну, в Москве приезжий зеленщик ездит на «мерседесе», скупает недвижимость, а русский профессор на трам-

вае в стоптанных ботинках едет в торговые ряды, чтобы купить ряженку на два рубля дешевле, чем она стоит в соседнем магазине. И это я знаю как такой же доктор наук, который еще пять лет назад имел зарплату 2917 рублей, могу показать квиток.

— *Но есть гранты, есть научно-исследовательская работа...*

— Заграничные гранты, особенно в гуманитарных, общественных науках, даются только тем, кто дудит в одну и ту же дуду, что Россия — неудачница мировой истории, что она должна во всем подражать Западу, а если она смеет не подражать, а еще страшнее, если она смеет не хотеть даже быть похожей на Запад (О, какая дерзость!), — вот тогда это точно варварская страна. Мне это очень надоело, честно говоря. Кто за рубежом даст гранты для людей с моими взглядами! А я в 91-м году чуть ли не первая сказала на конференции через три дня после Беловежья, что нас обманули! Вот был шок! Сказала: «Туда ему и дорога, марксизму и обкомам, надоели нам, стали тормозить развитие, личность, но держава-то при чем? И судоходные реки, и незамерзающие порты одинаково нужны и монархиям 19-го века, и демократиям 21-го века». И западная политика доказывает это больше всего. Нам что, не нужен флот? Не нужна космическая наука? Затопим нашу, якобы, ненужную космическую станцию (я плакала), но ведь Америка-то не уничтожит свой флот и свою космическую науку, наоборот, ее флот войдет в те порты, где стоял наш флот! Что и произошло...

Что же касается демографии, я читала закрытые разработки американских ведомств, там написано черным по белому — складываются такие обстоятельства, что у России есть шанс вновь восстановить свой статус державы, но есть и факторы, которые могут ей помешать.

— *То есть ресурсы есть, промышленность Россия восстановит...*

— Да, да, но демографическая ситуация может ей помешать, и вообще мы можем нынешнюю территорию не удержать, потому что есть все-таки пропорции между населением

и территорий. По всем оценкам профессиональных демографов, не только и не столько материальный упадок является фоном и первопричиной демографической катастрофы. В 92-м году пересеклись кривая смертности и рождаемости, это так называемый крест, демографический крест, который уже называют русским крестом. С тех пор смертность превышает рождаемость, убыль населения продолжается. Далеко не только материальные факторы влияют, главное — это изменение ценностных установок, ведь идеал многодетности перестал быть идеалом. И здесь виной очень много всего: и пропаганда отношения к жизни как к источнику наслаждений, — посмотрите любой рекламный ряд, вы там не увидите рекламу, которая бы косвенно, но создавала бы привлекательный, особенно для молодежи, образ семейности.

Здесь очень много факторов и, если мы не приложим все усилия, чтобы на всех уровнях, включая и материальный, стимулировать интерес к семейной жизни, к семейности, к детям, то мы эту проблему не решим только вложениями в материальное. Я очень приветствую идею материнского капитала, впервые хоть что-то сделано. Но меня, например, как женщину, как мать, интересует, как это может повлиять на жизнь семьи. И я была сама очень обескуражена, когда поняла, что, в общем-то, этим капиталом так сразу-то и не воспользуешься.

Что останавливает родителей, желающих иметь детей, отложить рождение ребенка и отказаться от рождения второго, третьего? Просто, с рождением ребенка, из среднестатистической по уровню жизни семьи она сразу опрокидывается в бедность. Так вот этот капитал должен помочь им остаться хотя бы на том же уровне, а это значит, что его можно потратить и на компьютер мужу, и, извините, на дублинку жене. Это что, предмет роскоши в стране, где вообще без теплой одежды нельзя выжить? Ясно, что такие деньги нельзя тратить на бриллиантовые кольца, на норковую шубу, на развлечения и т.д. Но для этого есть система, разработанные механизмы контроля. Я наблюдала, например, в Америке, как

многодетные и низкооплачиваемые имеют дотацию от государства, которая, кстати, не монетизирована!..

— *Как?! Это очень интересно!*

— Есть такие купоны от государства для многодетных, для оплаты продуктов питания в магазине. Видела сама: покупатели везут в тележке помидоры, огурцы, свиные отбивные, пакеты молока, сока. И вот они достают эти так называемые food-stamps, пищевые купоны, и расплачиваются ими. На них нельзя купить ни сигареты, естественно, ни спиртное, зато гарантировано, что даже если муж — пьяница или наркоман, все равно дети и семья будут иметь гарантированный минимум жиров, белков и углеводов. Никакой монетизации в этой области там нет!

Далее, жилищная проблема, на мой взгляд, даже серьезней. Если мы хотим говорить о многодетных семьях, о том, чтобы можно было жить счастливой жизнью человека 21-го века и иметь больше, чем двух детей, мы должны, конечно, думать о том, как эту проблему решить. Ведь дело не только в зарплатах. О какой многодетности можно думать, если, скажем, в Москве, а вслед за ней и во всей России, рынок недвижимости зашел просто в какие фантазмагорические параметры, и любой человек себя уже просто не чувствует гражданином города, потому что он может уже даже не мечтать за всю жизнь накопить на элементарную квартиру. Это что, нормально?

— *Если квадратный метр жилья стоит как три новейших компьютера, на бетонном полу этого метра поставленные, это ненормально!*

— Не три, а 23!!! Я вижу выход в массовом жилищном строительстве, особенно частных домов. Мне кажется, здорово бы было в каком-нибудь регионе, где есть возможность и условия, например, есть толковый губернатор, бизнес, желание людей, общественных организаций, церкви попробовать такой эксперимент — организовать массовое строительство недорогих индивидуальных домов.

— *Такие очажки есть...*

— Такие дома давали бы возможность людям жить современной жизнью — в них должна быть не одна комната, не две и не три, а больше. И чтобы был маленький садик, чтоб был подвал, чтоб был чердак, в конце концов. Вот там и дети — живая пенсия, там не страшно выйти на улицу, детей отпустить в этот садик, там старший смотрит за малым, там одно окружение природой делает тебя органической частью всего остального мира. И у тебя нет ощущения отчуждения, как в коробке в огромном городе, с воем и скрежетом тормозов вокруг и вонью бензина.

— *Еще раз вернемся к вашему выступлению на конференции. В докладе вы подчеркнули, что СМИ — это сила...*

— Это огромная сила, мы же живем в информационном обществе, где манипуляция сознанием — это главный инструмент политики.

— *Если СМИ — это элемент государственной политики, то не могу поверить, что та мерзость, например на ТВ, которую мы видим, это отражение политики?*

— Я иногда удивляюсь тому, как, скажем, из уст президента, из уст официальной России звучат одни речи — мобилизующие на национальное действие, а в то же время СМИ выпускают продукцию, которая несет абсолютно антигражданские ценности, подходы, учит, например, что наше государство, наша Россия — это так, какой-то механизм, который можно выбросить, как ненужные перчатки, не говоря уже о пропаганде антисоциального поведения.

Сейчас уже прошли 90-е годы, когда мы все пробовали, пробовали, осваивали «безумство гибельной свободы». Сейчас общество само поставило на повестку дня обсуждение неких фундаментальных основ бытия. Люди видят на экране телевизора «бери от жизни все», а сколько подростков не может ничего вообще себе позволить, и как это должно действовать на нестойкую детскую психику? Это может или сделать из человека хищника, который через трупы пойдет, но добьется чего-то, или — опрокинуть в социальную апатию, желание уйти в наркотики, куда угодно...

Сколько у нас сейчас, особенно в сельской местности, живет вдовых, или со спившимися мужьями, или с мужьями, которые сломались психологически, потому что мужчина должен чувствовать себя добытчиком, основателем рода, а здесь сплошные неурядицы, слом профессии и прочее. И о каком вообще демографическом взрыве мы можем говорить? Надо срочно этим заниматься. Что могут думать наши детки, которые смотрят телевизор и видят эту красивую жизнь, эту рекламу роскошных автомобилей, светские тусовки и прочее... Ведь все это происходит на таком низком уровне жизни, что грань между жизнью и выживанием — вот она, прямо ощутима.

Надо поднимать малые города России, надо использовать Стабилизационный фонд, я не безответственный человек, я не предлагаю взять его «раздать да поделить». Но почему будет инфляция, если построить в каждой области современный медицинский центр и не надо будет везти из Сибири в Москву в Центральный Институт травматологии и ортопедии с тяжелыми переломами, я их видела, когда маме 85 лет в прошлом году делали операцию после перелома шейки бедра! Им заново ломали и переделывали! Никакой инфляции не будет, если починить водопровод в детских домах, оборудовать районные больницы, отремонтировать теплосети, провести водопровод и газ в сельские дома! Позор для страны, снабжающей нефтью и газом пол-Европы, когда в 100 км от Москвы нет газа и воды в домах! А строительство дорог? Всегда оно было локомотивом экономики, который заставлял двигаться и развиваться сразу многие отрасли. Все кризисные программы в капиталистическом мире после войны, все начинались со строительства дорог, массового муниципального жилищного строительства...

— *Есть мнение, что американские индейцы массово вымерли не только из-за того, что их заражали болезнями, уничтожали, а потому что они потеряли смысл своей жизни при столкновении с протестантской цивилизацией.*

— Протестантская цивилизация, кстати, имеет неукротимую страсть к расширению и, как писал британский ис-

торик Арнольд Тойнби, «овладению всем, что есть в воздухе, на земле и в воде». Всех потребить и заставить работать на прибыль. Русскому, конечно, это не свойственно, но не надо ханжесковать, русский человек хочет, может и достоин нормальной жизни. Я буду откровенна. Я не думаю, что в наших широтах можно построить вот такую же потребительскую цивилизацию, «витринную», как на Западе. Но нормальную достойную жизнь, чтобы было всем сыто, тепло и хорошо, безусловно, мы можем сделать...

— ...С сохранением смысла жизни?

— Безусловно, мы можем и просто обязаны. И не нужно забывать, что мы в долгу перед тем поколением, на плодах чьего труда мы до сих пор живем. Ведь каркас экономический создан не нами, мы же еще по промышленному производству не достигли даже 89% уровня 90-го года! А по машиностроению — 40% до сих пор! Реформы привели к деиндустриализации и демодернизации страны! Поэтому мы в долгу перед пенсионерами, перед учителями, вообще перед тем поколением. Но если мы говорим о необходимых вещах, которые нам нужны, чтобы продолжить себя, это, конечно, демография и справедливость в выравнивании уровня жизни. Русская душа бунтует и будет бунтовать против несправедливости, стандарты жизни должны быть справедливыми.

— Я хотел бы поговорить о православной культуре, ее роли в нашем обществе.

— Буду откровенна, я безусловная сторонница того, чтобы наш народ, оторванный в течение многих десятилетий от собственной мировоззренческой культуры, все-таки имел возможность ее восстановить. Я знаю, что существует огромное противодействие этому. Как депутат могу сказать, что в законодательстве нет никаких препятствий, например, для преподавания основ православной культуры в школе. Причем при желании родителей она должна преподаваться за счет школьной сетки часов, а не как дополнительный предмет. Такие же принципы действуют во многих демократических странах.

— А кто у нас препятствует этому?

— Как правило, препятствуют этому наши страшные, отъявленные либералы, которые на самом деле действительно боятся, что восстановление некой духовной общей скрепы, которая в свое время создала из разрозненных племен нацию, укрепит внутренние, духовные основы нашей государственности. Россия укрепитя в своей истории, и задача «мутации русского духа», как в свое время сказал Марк Дейч на радио «Свобода», окажется окончательно невыполнимой. Но я хочу заверить Марка Дейча и иже с ними, что их задача может быть ими снята! Никакой мутации нет, наоборот, народ сам тянется к своим корням.

То, что идет противодействие, есть богоборчество — это остатки большевизма, который парадоксально перешел в руки наших либералов! Кстати, Церковь — это единственное место, где есть полное равенство, где и губернатор, и депутат, и учитель, и самый маленький служащий, студент, и безработный — как ранее и царь, градоначальник, и крестьянин, и нищий абсолютно равны, и ни один не имеет больше другого шанса на Спасение. Только судить сильного будут еще строже. Чем выше вознесен промыслом человек, тем больше с него спросится. Господь с калеки не спросит, почему тот не бросился в горящий дом и не спас ребенка, а с сильного как раз спросит. И общее представление о добре и зле, что есть грех, что есть добродетель — как раз и делается из разрозненных индивидов некий общий организм, который движим общими целями, и земля становится уже государством, державой, а не просто территорией с полезными ископаемыми. Именно православная вера в свое время помогла осознать смысл личной и национальной жизни для русского народа. Это факт.

Прежде всего, нам нужна справедливость, чтобы вернуть людям чувство нужности и сопричастности стране, государству, правительству! Нужно поддержать так, как это делается на «свободном Западе», сельское хозяйство — там государство участвует до 40 процентов, а в Швейцарии, столь любимой нашими олигархами за лыжные курорты — их за-

мечательное сельское хозяйство поддерживается государством на 75%! Там поэтому не дорожает молоко сразу на 30 процентов! Затем промышленность на базе инноваций, значит, наука! Или наши стратеги забыли, что мы живем давно в эпоху научно-технической революции, когда наука стала непосредственной производительной силой общества!

Мы должны развивать именно Центральную Россию, и потому что она — наше родовое гнездо, и потому что она — средоточие нашей жизни. Она достаточно развита, имеет колоссальный интеллектуальный и духовный потенциал и при этом не удалена от современных коммуникаций с миром! Все здесь есть вместе и для сохранения себя, и для модернизации! И не только в Москву должно стекаться все. Она же ведь как пылесос притягивает все — и энергию, и плохое и хорошее. Уже этакий болезненный лихорадочный румянец у нее на щеках. Но для того, чтобы так было, для того, чтобы нация не утратила при этом высший смысл своей жизни, нужно, чтобы люди спокойно и уверенно оставались русскими, просто надо быть уверенным в себе и в своей истории. Если же нации внушать, что она неудачник мировой истории, что апофеоз свободы — это гей-парад, что патриотом может быть только негодяй, и что только какой-то ненормальный человек может вообще любить народную обыкновенную простую жизнь, то тогда миллионы людей, которые живут именно так, как они должны себя чувствовать?

— *Так можем ли мы жить так, как на Западе?*

— Вообще, если нас перевести на западные стандарты рентабельности жизни, то жизнь на территории России нерентабельна, невыгодна. Значит, что, плевать на народ, пусть будет несколько Гонконгов по границам с выкачиванием нефти? Я против этого. И поэтому нам необходимо держать внутренние низкие цены на энергоресурсы, потому что иначе конец нашей промышленности, которая в наших широтах может развиваться только при наших внутренних ценах, и пусть они нам извне не указывают. Эти цены на электричество и тепло и есть главная причина подорожания издержек производства — это причина роста цен и инфляции! Вино

во Франции стоит копейки, и пусть себе напиваются, а у нас нефть и газ должны стоить недорого, потому что мы их производим.

Без сомнения, и отдельные элементы можно поставить на рыночные рельсы, но в целом эта базовая система продиктована нашими условиями. И нужно просто признать это открыто и говорить, что не надо никому извне учительствовать в этих областях, мы имеем свой опыт жизни в стране с глубиной промерзания в два метра.

С другой стороны, чтобы компенсировать наши климатические условия, страшную протяженность нашей территории, разнесенность потребления и производства, Господь нам подарил ресурсы. Это всегда будет фактором, уравновешивающим наши конкурентные способности. Это очень важно. На самом деле те идеи ренты, с которыми выступала еще «Родина», все же потихонечку внедряются. И это правильно. Все хорошее предлагается для того, чтобы, в конце концов, было реализовано.

— *И последний вопрос: как вы пришли в политику?*

— Когда случились Беловежские соглашения, я, несмотря на то что страстно желала перемен, была так убита горем, что вживую рыдала, особенно от ерничаний наших тогдашних тележурналистов, которые буквально с какой-то плотоядной радостью издевались над этим крушением нашей истории. Я села в ту ночь за пишущую машинку и написала свою первую статью, которая шла из глубины души.

Мне казалось ясным: как можно в «уплату» за «тоталитаризм» отдавать 300 лет русской истории, разрушать собственное государство, держава-то тут при чем? В Великой Отечественной войне люди гибли именно за то, чтобы этого никогда не случилось, чтобы не отняли у нас ни результаты Полтавы, ни петровских обретений... А вот эта подмена, которая на моих глазах тогда совершилась, когда вместо преобразования, избавления от того, что мешало нашему государству, мы фактически начали расправляться с самим государством, меня потрясла.

Я очень активно участвовала во всех общественных акциях против расчленения СССР, где прямо говорила — марксизма мне не жалко, я без сожаления с ним расстаюсь, но державу буду защищать. Сначала я вместе с «Родиной» пошла в Думу, сейчас вот со «Справедливой Россией». Потому что справедливость — это центральный стержень русской картины мира, и протест против несправедливостей и грехов жизни возникал всегда в лучших сердцах. Надо воспринять уроки XX века, освободиться от богоборчества, не соблазняться ни бесами принудительного коллективизма, ни демонами индивидуализма, а соединить справедливость с модернизацией и христианской солидарностью, Ведь Господь наградил праведных за то, что те обули, одели и помогли ближнему!

Социальное государство — это веление времени, и социальная ответственность власти вытекает не из марксизма, а из 25 главы Евангелия от Матфея. Вот и все!

Александр Сказочкин, «Калуга и калужане», 2007 г.

ЗА ЧТО И С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ

«ВСЕ ОСКОРБЛЕНИЯ В АДРЕС СССР ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРЕСЕЧЕНЫ»

Корреспондент «Страны.Ру» Ангелина Тимофеева побеседовала с Наталией Нарочницкой о содержании ее книги «За что и с кем мы воевали».

— *Наталия Алексеевна, из того краткого предисловия, с которым я ознакомилась, явствует, что вы полемизируете в этой книге с реваншистами, которые хотели бы пересмотреть историю Великой Отечественной войны?*

— *Да, эта книга задумана как ответ на книгу «История Латвии». Хотим ее вручить госпоже Вике-Фрайберге, потому что в ее книге полностью изменена интерпретации вообще истории XX века, и, собственно, этому она и служит.*

— *В последнее время прибалтийские страны говорят открыто об «оккупации» своей территории советскими войсками, фактически приравнивая их к гитлеровской армии?*

— *А я развенчиваю вот эту доктрину двух тоталитарных монстров, которые, якобы, попеременно поработали Европу до нынешней «эры вселенской демократии». На самом деле эта латвийская позиция и дерзкие укусы прибалтийских стран служат определенной цели. Понятно, что они выполняют некий заказ, а он заключается в следующем: полностью демонизировать СССР, который, кстати, никогда не был никем осужден и был до своего распада признанным государством-подписантом всех важнейших международно-правовых и разоруженческих документов XX века; отождествить его полностью с нацистским режимом и объявить территориальный статус-кво второй половины XX века результа-*

том не победы антигитлеровской коалиции над гитлеровской Германией, которая хотела завоевать весь мир, а результатом дележа мира двумя тоталитарными хищниками. Тем самым они собираются обесценить всю международно-правовую систему, включая, кстати, устав ООН с правом вето для Советского Союза и теперь для России. И тогда можно будет оттеснить Россию дальше от Калининградской области, дальше на северо-восток Евразии и так далее.

— *А вы можете предположить, кто именно стоит за этим так называемым заказом по очернению СССР и России?*

— Да посмотрите, что происходит сегодня. Направление оттеснения России на северо-восток Евразии и расписание расширения НАТО точно повторяет конфигурацию двух германских «дранг нах остен» XX века. А карта пангерманистов 1911 года, она у меня приведена, просто точно совпадает с картой и расписанием расширения НАТО: как сначала туда входят близкие страны, Прибалтика отделяется, потом в качестве ассоциированных членов там Украина и прочие. Поэтому не надо нас обманывать, что сущностью международных отношений XX века была борьба тоталитаризма и свободного мира. Борьба идет за вытеснение России на северо-восток Евразии и отнятия двух позиций, которые в свое время делали ее державой, без которой ни одна пушка в Европе не стреляла — это Балтика и Черное море, «восточный вопрос». Обретения Петра Великого не дают покоя старушке Европе 200 лет.

— *Кстати, вот США вроде бы тоже присоединились к хору голосов, которые требуют осуждения действий СССР после Второй мировой войны...*

— Поскольку Советский Союз был признанным всемирно государством, с какой стати сейчас мы должны позволять его задним числом приводить к виртуальному Нюрнбергскому процессу?! И поэтому все оскорбления в адрес даже символики СССР должны быть пресечены, потому что это грубейшее нарушение международного права и дипломатической этики. Одно дело мы сами в своей семейной истории разбираемся, но когда кто-то чужой, видите ли, оскорбляет нашу семью, нашу историю, мы должны это пресекать, тем более что за этим стоят некие геополитические цели.

— Не могли бы вы привести пример этому на конкретном тезисе из вашей книги?

— Я тут разбираю пакт Молотова — Риббентропа, который овеян уже столькими сказками, и цитирую документы. Этот пакт вовсе не приблизил войну, она была неизбежна по-любому. Еще в 1935 году в дневнике Геббельса было написано: «Россия должна быть расчленена. Нельзя потерпеть на Востоке такого колоссального государства».

А кайзеровская Германия в 1914 году? Ведь тогда не было большевизма, была православная Россия, однако интеллектуалы 1914 года написали заявление — 100 подписей, — что граница Германии должны быть по Волге. Пакт Молотова — Риббентропа был заключен потому, что, во-первых, за пять месяцев до этого Польша в лице своего министра иностранных дел предлагала Гитлеру услуги для завоевания Украины, если Гитлер согласится, что Польша будет «от моря до моря». Не была она невинной жертвой! Все прибалтийские республики, кстати, в то время были изгоями, потому что там были полуфашистские режимы, они были осуждаемы всей Европой и категорически не желали вступать ни в какие конфигурации, направленные против Германии. Во-вторых, Сталин знал, что за два года до этого Британия на секретных переговорах прямо санкционировала аншлюс Австрии, чтобы Гитлер шел на Восток. Пакт Молотова — Риббентропа ничем не отличается от любых подобных международных договоров, когда одни державы чертят границы для других.

— *Вопрос о границах тоже стал необычайно болезненным перед юбилеем Победы. Латвия, к примеру, открыто говорит о территориальных претензиях к России.*

— Сейчас протестуют только против территориальных итогов в пользу СССР, а никто не говорит о том, что Польша получила в дар от Красной Армии треть своей территории! Была изменена франко-итальянская граница в пользу Франции. Родос был передан от Италии Греции. Между прочим, с согласия Сталина. Греки до сих пор страшно ему благодарны, потому что в тот момент все греческие коммунисты были брошены в тюрьмы, и, тем не менее, Сталин все рав-

но согласился на это. Поэтому осуждать готовность Сталина воспользоваться шансом для восстановления территории дореволюционной, которая раньше никем никогда не оспаривалась, — я настаиваю на этом, это же не Франция была, Прибалтика-то, — и закрыть глаза на устремления Польши — это лицемерие. Позиция СССР ничем не отличалась по прагматизму или, если угодно, цинизму от позиции, скажем, Британии, которая прямо сказала Гитлеру: не будем мы беспокоиться об Австрии, вот если бы это была Бельгия в непосредственной близости от нас, тогда не трогайте. Я цитирую эти документы.

— *Наталья Алексеевна, я знаю, что вы работали с ранее не использованными и малоизвестными архивными документами. Расскажите об этом поподробнее.*

— У меня в книге впервые вводятся в оборот рассекреченные только в середине 1990-х годов документы Архива внешней политики России — это бывшие Архивы внешней политики СССР. Из Конгресса США есть стенограммы заседаний и дипломатические документы Соединенных Штатов. Книга хоть и острая по форме, но абсолютно научная, потому что она базируется исключительно на документах. Вообще, это была моя мечта — вот это все написать. Я рада, что именно к Победе успели за неделю эту книжку выпустить. И благодарна всем, кто помог это сделать.

Страна. Ру, 2005

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНО ПОРУГАНИЕ ИСТОРИИ

Главы из книги «За что и с кем мы воевали»

В преддверии Дня Победы все беззастенчивее становятся заявления, будто бы в войне этой виноват СССР и Победа была не победой, а поражением. Война велась, якобы, не за право на национальную жизнь, не за сохранение народов в

мировой истории, а за американскую демократию. Этот тезис тиражируется в западных СМИ. Им оперируют депутаты Совета Европы — этого IV либерального Интернационала, самодовольно раздающего сертификаты на цивилизованность. Требуя извиниться за «оккупацию» и возводя памятники легионам СС, дерзко оскорбляют Россию прибалтийские страны и Польша, которые, если бы не наша Победа, вообще исчезли бы с карты. Но виноваты в этом мы сами. Ибо поругание Победы и истории никогда не было бы начато на Западе, пока его не совершили на Родине Победы.

Наш внутренний семейный спор и осуждение реальных и мнимых грехов мы вершили, увы, не с подобающим христианским осмыслением истоков наших взлетов и падений. Подобно библейскому Хаму, мы выставили Отечество на всеобщее поругание, за что и терпим теперь кару.

Именно отечественные глумители первыми внедрились суждение, что Советский Союз — еще худший тоталитарный монстр, чем нацистский рейх. Война же была между двумя хищниками за мировое господство, и СССР, якобы, чуть ли не первым готовился напасть на Германию, но Гитлер, мол, просто опередил Сталина. Наш постсоветский либерал, который «нежно чуждые народы возлюбил и мудро свой возненавидел» (Пушкин), уверен, что у плохого государства не могло быть ничего правильного и праведного.

Но в памяти о войне Отечественной — войне с чужеземцами, пришедшими завоевать и поработить, споры о том, плохим или хорошим было государство, вообще неуместны. Беда случилась не с государством, а с Отечеством (это в гражданской войне решается спор о государстве).

В нынешнем состоянии национального презрения нам внушают, что можно ненавидеть свое Отечество и даже желать ему поражения, если государство устроено не так, как хотелось бы. Но бывает ли идеальное государство без несовершенств и грехов? Когда уместно и правомерно спорить о государстве, и когда нация обязана подняться над этим, отложить распри по поводу устройства государства и объеди-

ниться, чтобы защитить Отечество, иначе нечего будет об-суждать потом, не будет вообще никакого *потом*?

Почему А.И. Деникин, воевавший против большевиков, С. Рахманинов и тысячи других, никогда не симпатизировавших революционным идеям, изгнанные революцией, из-за нее потерявшие Родину, тем не менее, желали победы Красной Армии?..

Любовь оказалась больше ненависти, как и требует христианская заповедь. Они не отождествляли Россию с «большевицкой властью». А власовцы и их сегодняшние единомышленники, похоже, считают, что лучше никакой России, чем Россия большевистская.

* * *

Внимание к книге «История Латвии» — незатейливому справочнику по этнографии и истории латышей, которую президент Латвии Вайре Вике-Фрейберге торжественно вручала государственным деятелям на официальной церемонии в Освенциме, неслучайно, как, впрочем, и финансовая помощь международных фондов и посольства США в Латвии в лице некоей Комиссии по демократии. Книга «История Латвии» — не просто неприятный эпизод в двусторонних латвийско-российских отношениях.

На самом деле — это «справочник-путеводитель» по истории XX века, вернее, пособие по новому ее прочтению. С предисловием президента страны книга становится первым официальным вызовом интерпретации Второй мировой и Великой Отечественной войны. Тиражируемый до сих пор в основном в СМИ, образ двух тоталитарных монстров, попеременно порабощавших народы вплоть до сегодняшней эры вселенской демократии, становится инструментом международной стратегии, которая должна увенчать все, достигнутое Западом в последние 15 лет.

Стратегия заключается в полной и окончательной демонизации коммунистического «сталинского» СССР. Для этого нужно отождествить коммунистический Советский

Союз с гитлеровским нацистским режимом, привести уже несуществующий СССР задним числом к некоему виртуальному Нюрнбергскому процессу и уже открыто объявить Ялтинско-Потсдамскую систему итогом борьбы равно отвратительных тоталитарных режимов, результатом «пакта Молотова — Риббентропа», с которым Запад вынужден был временно смириться.

Почему мы допускаем это? Ведь СССР вплоть до его распада был всемирно признанным государством, основателем ООН и подписантом Хельсинкского акта ОБСЕ. Россия признана мировым сообществом его правопреемницей, унаследовавшей его права и обязанности по договорам. Как бы мы сами ни относились к своей истории, оскорбления иностранцами, тем более официальными лицами в отношении СССР и его символики, являются вопиющим нарушением не только дипломатической этики, но и международного права, и должны быть пресечены раз и навсегда.

Иначе, следующий этап — обесценение подписи СССР под важнейшими международно-правовыми актами и всем юридическим основанием территориальных реалий и военно-стратегических симметрий, включая оставшуюся договорную систему вооружений и Устав ООН с его принципами невмешательства и суверенитета и правом вето, отторжение Калининградской области, вытеснение России с Балтики, Черного моря и Тихого океана.

Противодействие этой стратегии накануне 60-летия Великой Победы — есть не дань оскорбленной гордости, а непременное условие сохранения России как самостоятельного и значимого субъекта международных отношений, что должно стать задачей ответственного политического руководства и всего общества.

Следует осознать, что демонизация «сталинского СССР» осуществляется вовсе не из моральных побуждений, иначе осуждали бы и В.И.Ленина, поскольку по критерию репрессий и истреблению населения (не без помощи латышских стрелков) ленинский период был не лучше. Однако Ленина Запад всегда щадит, по-видимому, в благодарность за со-

крушение Российской империи. Именно при Сталине СССР вновь стал великой державой, восстановив при этом территорию исторической России, вот это великодержавие и нужно обесценить. Но как? Увязав с репрессиями.

Но, заметим, ни в пресловутый 1937 год, ни в 20-е годы СССР не был великой державой, он едва справлялся с давлением окружающего мира. Следовательно, советское великодержавие оплачено вообще не репрессиями как ленинского, так и сталинского периода, хотя нельзя их отрицать — они осуждены нами самими сполна. Советское великодержавие создано жертвенной борьбой против гитлеровской агрессии и духом Мая 1945, Ялтинско-Потсдамской системой.

Именно этот итог Второй мировой войны, невозможный без Великой Отечественной войны СССР, и призваны развенчать все дерзкие заявления Балтийских стран и Польши. Конгресс США уже потребовал от России извиниться за оккупацию! Впрочем, извиняться предлагают отнюдь не за все территориальные итоги войны, а только за итоги в пользу СССР. Подвергается сомнению статус Калининградской области, но не измененная итало-французская граница или передача Додеканезских островов Греции по соглашению Сталина.

При этом никому на Западе не кажется абсурдным, что Ялтинскую систему осуждает Варшава, получившая в дар от Красной Армии Силезию — почти треть своей территории. Литва же и вовсе своей столицей обязана «преступному» секретному протоколу к пакту Молотова — Риббентропа. Архивы свидетельствуют не о стыде литовцев, а о ликовании. Получив Вильно через два месяца после «позорного протокола» в октябре 1939 г., Литва праздновала, и, как сообщали дипломаты, «весь город украсился государственными флагами, люди целовались, поздравляли друг друга». Территория Литвы сегодня — единственный оставшийся результат пакта Молотова — Риббентропа.

Хочется напомнить Варшаве, сочувствовавшей уголовному мятежнику Масхадову с его головорезами, что именно СССР против воли союзников подарил ей Силезию, ко-

торой Германия владела 400 лет. В августе 1946 г. Государственный секретарь Дж. Бирнс обнародовал доктрину США в Европе со ставкой на Германию и заявил, что, якобы, линия Одер — Нейсе не являлась частью решений союзников, так как «передача Россией Силезии и других восточных районов Германии Польше состоялась до Потсдамской встречи». Это подстегнуло на 25 лет надежды у так называемых «реваншистов» Германии, не желавших платить за необузданные амбиции Гитлера утратой многовекового достояния.

Какие же слезные ноты тут же обрушили на советское руководство министр иностранных дел Польши В.Жимовский и Президент Чехословакии Ян Масарик, заклиная продолжить миссию «освободителя» и защитить территории, «не окончательно определенные Потсдамской встречей!» Поляк говорил, что «Польша в течение веков была объектом германской экспансии, которая привела к присоединению и германизации обширных польских территорий». Чех не менее патетично взывал к советскому руководству и говорил о «столетней борьбе Богемии против германской агрессии». Теперь же их главная трагедия — пребывание в орбите СССР.

Главные беды латышей в книге «История Латвии» также, разумеется, начались после оккупации ее Советским Союзом, против которого «всенародно» боролись и только из-за этого вступали в Ваффен-СС. При этом количество жертв от «Советов» куда превосходило страдания от гитлеровцев. Те вместе с латышами лишь устраивали «исправительно-трудовые» лагеря вроде Саласпилса, где, правда, погибли тысячи евреев и прорусские латыши-антифашисты.

* * *

Нынешняя мода отождествлять гитлеровский фашизм и советский коммунизм возникла не сразу с началом холодной войны, хотя тогда острота взаимоотношений с недавними союзниками была сильнее, чем сегодня.

Эту идею не приняли бы в 50-е годы те, кто обнимался на Эльбе и сопровождал северный конвой. В домах миллионов на Западе еще хранились британские газеты, исполненные восхищения перед защитниками Сталинграда. Все помнили, как союзники ждали от СССР объявления войны до победного конца, боясь, что он остановится на собственных границах.

«Спор об истории» был открыт крупным германским историком Э. Нольте в начале 1970-х годов, когда оправданием геополитического давления на СССР стала борьба «тоталитаризма и демократии». Борьба с «империей зла» требовала новых идеологем, и книги Э. Нольте пришлось как нельзя кстати. В них виртуозно решалась задача: развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него.

Э. Нольте интерпретировал Вторую мировую войну не как продолжение извечных стремлений к территориальному господству, а как начатую Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну» между двумя «идеологиями раскола». Европа же, по Нольте, впала в грех фашизма исключительно для защиты либеральной системы от коммунизма и лишь потом уподобилась своему сопернику. В такой схеме мишенью возмущенного сознания естественно становился «советский тоталитаризм» и пресловутый пакт 1939 года, которые, якобы, и стали причиной Второй мировой войны.

С легкой руки Э.Нольте коммунизм, всегда и везде считавшийся главной антитезой фашизму, стали называть его прототипом. Концепция Э. Нольте сумела даже затушевать различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом Гитлера, всегда признаваемого наукой о политических учениях. Теперь главный критерий — отсутствие «американской демократии». Однако желание или нежелание какого-либо народа установить у себя демократию в разных формах есть его право, и само по себе не несет угрозы миру, если только не сопровождается насильственным навязыванием этого выбора.

Что же было вызовом миру со стороны Гитлера?

Если бы Германия, жестоко наказанная победителями в Первой мировой войне, ограничилась мелкими тяжбами за сопредельные территории, то столь обычное явление мировой истории вряд ли привело бы ее к Нюрнбергскому трибуналу. Но Гитлер провозгласил претензии на земли и народы, никогда не бывшие в орбите германцев ни на Западе, ни на Востоке. Такой проект родила языческая доктрина природной неравномерности людей и наций, присущая исключительно нацизму.

Вместе это и стало грандиозным вызовом миру — как суверенности народов, международному праву, так и фундаментальному понятию монотеистической цивилизации об этическом равенстве людей и наций, на которых распространяется одна мораль и которые не могут быть средством для других. Отрицание права других народов на историю позволяло истреблять второсортных и их культуру, жечь города и села. Ни в одной войне прошлого не было такой гибели гражданского населения на оккупированных территориях.

Но сегодня отождествление нацизма и большевизма превратилось в клише западного обществоведения. Этот тезис, помимо аморальности в отношении главного борца против нацистской агрессии, просто антинаучен.

Коммунизм — порождение философии прогресса, корнями уходящей в ересь хилиазма, ставил цель облагодетельствовать все человечество, ради чего следовало пожертвовать всем национальным и даже превратить свою страну в «вязанку хвороста».

Германский нацизм провозгласил право обескровливать и порабощать другие нации для того, чтобы облагодетельствовать свою. Целые аспекты нацистской доктрины основаны не только на идее неисторичности разных народов, свойственной классической западной философии, но и на расовом превосходстве. Это отход от основополагающего начала монотеистической цивилизации — этического равенства людей. Нацизм — это возврат к язычеству, к принципу «что

дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Это деление народов на «тварей бессловесных» и «тех, кто право имеет».

Теперь оказывается, что война США и Британии против Гитлера велась не за то, чтобы французы и датчане оставались французами и датчанами, не за то, чтобы латыши и поляки не превратились в свинопасов и горничных у арийцев, а за «торжество американской демократии». И эта война продолжилась в Европе, пока второй «тоталитарный монстр», СССР, самоустранился, чтобы «бедняжка Запад», уже его не пугаясь, мог доставлять свою демократию наискорейшим образом — с бомбардировщиков.

Но целью всей стратегии была замена итогов Второй мировой войны итогами «холодной войны». Вот ключ к пониманию беспрецедентных слов Дж. Буша на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002 года: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты».

Объявление ялтинской системы тождественной гитлеровской агрессии — это полная ревизия духа и смысла Второй мировой войны и сотрудничества в ней Антигитлеровской коалиции. И об этом надо напомнить бывшим союзникам.

Отречение от общей победы — это вызов памяти не только русских, но и погибших американцев и англичан. Это оскорбление России, разрушенной доглат фашистской агрессией и отдавшей миллионы жизней не только за право на собственную историю. Они погибли в том числе и за то, чтобы поляки, эстонцы, латыши и литовцы не прекратили бы свою национальную историю вообще. По нацистскому плану они должны были бы едва читать на немецком географические указатели в «Ингерманландии». В СССР они получили свою долю от всего — и плохого, и хорошего, — но они становились академиками и генералами, литераторами и изобретателями и награждались Государственными премиями. Плохи или хороши законы, но, если они одни для всех, никакого оккупационного режима нет!

Теперь Латвию патрулируют натовские самолеты, а этнократические режимы лишают русских права на язык и культуру, гражданских прав на том основании, что Латвия и Эстония были под оккупационным режимом. Президент Латвии Вике-Фрайберге не постеснялась сказать, что «русские должны стать латышами русского происхождения». Это принудительная ассимиляция или вытеснение. И вот парламентарий Кирштейнс уже требует «вывести всех оккупантов на поезде». Накануне Дня Победы возводятся мемориалы бывшим эсэсовцам. Такая демократия теперь — норма «объединенной» Европы, представляемой эталоном. Не похоже ли именно это на нацистские времена?

Многократно увеличившееся давление на некоммунистическую Россию, очередное вытеснение ее на северо-восток Евразии ведется под самыми фарисейскими за всю историю лозунгами. Поистине не схватка «идеологий раскола» и не «борьба демократии и тоталитаризма» составляют суть истории XX века. Похоже, все еще «нельзя потерпеть на Востоке такого колоссального государства». Но главным инструментом нашего унижения является разрушение нашего собственного исторического и национального самосознания. Не пора ли защитить от глумления нашу Победу и нашу Родину?

НЕЛЬЗЯ ОПРАВДАТЬ ВЛАСОВЩИНУ

Из книги Н.А. Нарочницкой «За что и с кем мы воевали»

Когда к Деникину неофициально обратились эмиссары от власовцев с предложением благословить власовскую армию, он в гневе отверг такое предложение и воскликнул: «Я воевал с большевиками, но никогда с русским народом. Если бы я мог стать генералом Красной Армии, я бы показал немцам!» Рахманинов до изнеможения давал концерты по всем Соединенным Штатам и пересылал деньги Сталину,

после чего его произведения, ранее запрещенные, стали исполняться в СССР. Для них сохранение любимого Отечества для будущих поколений было выше желания увидеть при жизни крах ненавистного «режима». Любовь оказалась больше ненависти, как и требует христианская заповедь... Они не отождествляли Россию с «большевицкой властью». А власовцы, похоже, считали, что лучше никакой России, чем Россия большевистская. Этого не смогли понять и не хотят до сих пор усвоить ни постсоветские прекраснодушные либералы (не прекраснодушные это понимают и всячески стремятся развенчать память о войне), ни ортодоксальные ленинцы, ни, как это ни парадоксально, кипящая ненавистью к ним та часть русской эмиграции, именующая себя белой, которая тщится морально и исторически обесценить Великую Победу и оправдать власовщину... Даже беглый взгляд на сложную мотивацию эмигрантов, чье решение в меньшей степени было определено обстоятельствами личных перипетий судьбы (казаки и некоторые другие), связавших себя с власовцами, показывает: размежевание за некоторыми исключениями прошло именно по линии: либералы и почвенники. Для либералов, как и для пламенных ультралевых большевиков, важнее соответствие устройства государства некой универсальной доктрине, для почвенников — сохранение вечного Отечества, даже при «неудобном государстве». Не будем судить солдат власовской «армии» по отдельности — среди них оказались не только банальные предатели, но и несчастные, морально сломленные люди со сложнейшей личной судьбой. Но сам генерал Власов подлежит суду историческому, ибо взял на себя ответственность за других и предлагал им историческую цель. И приговор ему уже вынесен. В истории он останется предателем, помогавшим врагу терзать и убивать Родину-мать. Не менее важно дать ответ поклонникам и адвокатам Власова из русского зарубежья. Они желали победы оккупантам и поражения собственному правительству — точно повторяя подход и мышление В.И. Ленина в 1914 году. Сам Власов в пропагандистских обращениях обосновывал свою измену разочаро-

ванием «в большевицкой власти», которая «не оправдала чаяния, которые с ней связывали...». ...Именно с позиций «белого» патриотизма А. Власов более всего и развенчивает себя сам. Как белый патриот мог иметь «чаяния» в идеях революции, которые именно в начале в наибольшей степени содержали и демонстрировали антихристианские и антирусские цели? Пожалуй, лишь генерал Краснов с его казачьей армией могут вызвать скорбное сострадание их судьбе — быть раздавленными жерновами истории, — для них гражданская война не кончалась... Столь же абсурдны, сколь морально удручающи рассуждения о лучшем исходе для русских в случае завоевания фашистской Германией. Гитлер имел план «Ост»: сокращение европейского населения СССР, то есть русских, белорусов и украинцев — славянских народов — на 40 процентов, насильственное перемещение рабской рабочей силы. Также смешны и рассуждения теоретиков Народно-трудового союза о временности союза с Гитлером и будущей борьбе жалких формирований Власова (танки и пушки откуда возьмутся?) уже против рейха и его колоссальной военной машины. Даже если бы СССР, освободив свою собственную территорию, заключил бы сепаратный мир с гитлеровской Германией, то у Германии оставалась еще под полным контролем не только своя достаточная сила, но и совокупная мощь всей Европы, поставленной на службу рейха. Чтобы ее сломить до конца, потребовались десятки миллионов жизней и четыре года невиданного духовного и предельного физического напряжения. И, наконец, главное, нравственная и мировоззренческая сторона вопроса: исторически невозможно оправдать попытки развязать войну гражданскую в ходе войны Отечественной. Ибо против чужеземцев, пришедших превратить нацию в рабов, «сожрать ее пшеницы груды и высосать ее моря и руды», любой народ во все времена сражается только и только за Отечество, какие бы символы ни были на знаменах. Народно-трудовой союз (НТС) — зарубежную эмигрантскую опору власовцев — некоторые сегодня в России пытаются представить рупором всей старой русской эмиграции. Но, по свидетель-

ству Н.И. Толстого, внука великого писателя, выросшего в русской среде довоенного Белграда, 80—85% эмигрантов, ненавидя большевизм, сочувствовали Красной Армии, потому что страстно переживали за Родину, которую топтали чужеземцы. «Пораженцев» было не более 15—20%. Они-то в «холодной войне» и стали на сторону «мировой закулисы», как и сам НТС, который поначалу объединял пламенных патриотов России. Их деятельность именно после мая 1945-го стала исторически абсурдной. В это время самые прозорливые уже понимали подоплеку мировых процессов и чувствовали, что после Великой Отечественной войны Запад боролся не с коммунизмом, который остался лишь инструментом соблазна для постколониального мира, а с геополитически преемственным ареалом исторического государства Российского. Это обрекало все заграничные русские структуры с политическими целями вольно или невольно оказаться под колпаком западных спецслужб. Как бы искренни ни были их члены, эти организации и их деятельность против СССР не только не могли способствовать «освобождению» России от «большевизма», но, став инструментом могущественных антирусских сил, лишь помогли обрушить ее с трудом устоявший каркас. Однако тезис, что не русский народ, а лишь «большевики» и подневольные сражались с фашизмом за мировое господство, продолжает внедряться в сознание в течение десятилетий, чему служит и проникшая в посткоммунистическую Россию пропаганда НТС. В такой интерпретации «ярость благородная» обесмыслена, а война перестает быть опорной точкой национального сознания, ибо у русских в XX веке вместо национальной истории остается лишь погоня за ложными идеалами. Хотя сами стратеги западной политики хладнокровно оценили, что война стала Отечественной, изменила сознание в коммунистической России и воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось навеки, нить русской и советской истории. При исследовании процессов в общественном сознании нельзя обойти тот факт, что в годы Отечественной войны в ВКП (б) всту-

пила огромная масса людей, по своему происхождению и сознанию (крестьяне) отличавшаяся от ранних большевиков, замышлявших мировую революцию в женевских кафе, для которых Россия была «вязанкой хвороста» в великом пожаре планетарных классовых битв. Второе «советско-партийное» поколение значительно выхолостило ортодоксально-марксистские основы воззрений на отечественную историю и развитие мира, ибо связало с коммунистическими клише собственный традиционализм. Они инстинктивно искали совмещения с марксизмом естественного побуждения человека созидать на своей земле, а не разрушать ее во имя всемирных революционно-прогрессистских абстракций. Строительство «коммунизма» парадоксально стало «продолжением» русской истории, что вызвало бы (доживи они) ярость Ленина и Троцкого. Этому второму советско-партийному поколению менее всего за весь XX век было свойственно «западничество» в какой-либо форме. Благодаря этому военному поколению... был смещен акцент с «внутренней классовой борьбы» на единственно возможный тогда (вместо русского) «советский» патриотизм. Именно это, в сочетании с осязаемыми итогами Великой Победы, не устраивало Запад. Западу было чего опасаться. Российское наследие было препарировано и инкорпорировано в советскую государственную доктрину, уже сильно отличавшуюся от замыслов пламенных революционеров ленинско-бухаринско-троцкистского типа. Многие работы основоположников были заперты за толстыми стенами ИМЭЛа. Третий Интернационал в итоге оказался в гостинице «Центральная» под домашним арестом, в партии наметилось негласное противоборство национально-державной и космополитической линий, за которым пристально следили спецслужбы США, а также внутренние носители антирусского начала... Как ни малы и объективно ограничены ни были эти колебания в рамках господствовавшей идеологии, одна лишь возможность выживания не то что ростков — семян русского самосознания таила страшную опасность для антирусского про-

екта XX века. Его творцы чувствовали себя спокойно лишь при полном вытравливании этих семян. Сколько бы русские ни спорили о войне, суждения и деятельность титанов западноевропейской политики — Черчилля, де Голля и других, вся западная стратегия и, наконец, обширная зарубежная литература по международным отношениям свидетельствуют: после мая 1945 года Советский Союз в западном мире рассматривался как «опасная», а сочувствующими силами мира — как обнадеживающая геополитическая предпосылка к потенциальному восстановлению России. В общественном сознании противостояние Запада и СССР после войны намеренно было сведено исключительно к демагогии о борьбе коммунизма и демократии. Это было нужно для того, чтобы потом обосновать правомерность замены итогов Второй мировой войны, которую СССР выиграл, на итоги «холодной войны», которую СССР проиграл, причем проиграл в роли носителя коммунистической идеи...

«ЗАПАД НЕ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ПОСЛЕ МЮНХЕНА ГИТЛЕР ОСТАНОВИЛСЯ»

ИА «REGNUM»: Когда идет речь о Мюнхенском сговоре, то всегда традиционно вспоминается негативная роль Англии и Франции. При этом почему-то мало говорится о роли Польши, которая на тот момент по факту являлась союзником гитлеровской Германии (у них существовал договор от 1934 года) и которая в результате раздела Чехословакии приобрела новые территории, присоединив Тешинскую Силезию. Как вы оцениваете роль Польши в геополитической игре западных стран в те годы?

Н. Нарочницкая: Польша — это любимое детище Запада, когда дело касается противодействия России. Правда, потом, когда Россия усиливается, это становится неактуальным, и Запад сдает потерявшую ценность Польшу. Так произошло во время переговоров Черчилля со Сталиным в 1944 году.

Черчилль тогда сказал Сталину, что поляки обязательно согласятся на то, о чем мы с вами договорились, только нужно держать это в тайне, иначе они поднимут страшный шум, что может повредить американскому президенту на выборах. Беседа заканчивается заверением Черчилля Сталину в том, что британское правительство с полным пониманием относится к желанию Советского Союза иметь в Польше дружественное правительство. То есть прежде враждебную СССР Польшу сдали, как ненужную карту.

Но сейчас Польша — это та самая «новая Европа», о которой говорил Дональд Рамсфельд. Она выполняет роль сторожевого пса, поэтому ей прощается все. В том числе и интервью историка Павла Вечорковича газете «Речь Посполита» в 2005 году, где он откровенно сожалеет о том, что Польша не до конца договорилась с Гитлером, ибо иначе она принимала бы победоносный парад польско-германских войск на Красной площади. Я всегда стараюсь обратить внимание своих западных собеседников на то, что такие слова еще двадцать лет назад вызвали бы в Европе гораздо больший шок, чем высказывания иранского президента Ахмадинежада об Израиле. Однако сегодня это вполне политкорректно. Русофобия, ненависть к России — это, скорее индальгенция, которая искупает любые грехи, даже мечты о несостоявшемся союзе с Гитлером. Кстати, Вечоркович в своем интервью говорит, что присоединение к Польше Литвы, Белоруссии, Украины и Тешинской Силезии — это, на самом деле, торжество исторической справедливости. То есть Польше не вменяется наличие имперских амбиций и претензий на чужие территории хотя бы в историческом сознании. В то время как России, даже если она просто заботится о своем многовековом достоянии, немедленно предъявляются претензии по поводу имперских замашек.

Что касается Мюнхенского сговора, то нам сейчас нужно обратить внимание на должное освещение этого важнейшего события тридцатых годов. Я не сомневаюсь в том, что в следующем году, когда будет годовщина пакта Молотова — Риббентропа, весь Запад тут же поднимется, чтобы оконча-

тельно свести счеты с Советским Союзом и нынешней Россией. Гарантированно последуют обвинения в том, что этот пакт и был началом Второй мировой войны, равно как и ее главной причиной. Но, на самом деле, именно Мюнхенский сговор был первым абсолютным сломом всей системы международных отношений и началом крупномасштабного передела европейских границ, который только потом перешел в кровавую стадию. Западные демократии не только согласились на захват Гитлером Чехословакии с ее последующим разделом: в своем соглашении они особо предписали Праге, чтобы она не смела вывозить из Судетской области заводы, фабрики и средства связи, разрушать инфраструктуру. То есть в эту договоренность без всякого стеснения были включены предписания ограничить реакцию жертвы, а не агрессора. После чего последовала цепь захватов целого ряда государств. Мюнхенское соглашение сполна показало, к чему приводит политика невмешательства и умиротворения. Это и стало предвестником начала Второй мировой войны. В конечном итоге, Мюнхен сломал всю систему французских союзов, советско-французско-чехословацкое соглашение, ничего не оставил от остатков влияния пакта Бриана — Келлога, фактически положил конец существованию Лиги Наций. Главное, что Советский Союз оказался в некоей геополитической изоляции. Стало ясно, что не удастся заключить с Западом такое соглашение о безопасности, которое могло действительно сдерживать гитлеровскую Германию. В таком соглашении должны были быть прописаны гарантии всех западных и восточных границ государств, которые примыкали к Германии. Западные державы, в свою очередь, категорически отказывались гарантировать западные границы прибалтийских стран, что, кстати, должно показать сегодняшней Прибалтике настоящую цену их государств в большой геополитической игре. А с другой стороны, это открывало Гитлеру дорогу на восток.

Сами прибалтийские страны в то время, что сейчас не многие помнят, оценивались в Западной Европе почти как

гитлеровский рейх. Прибалты уничтожили парламентаризм, установили полуфашистские режимы. Эти государства все время уклонялись от предложений советской стороны заключить какое-либо подобие соглашения, направленное против амбиций Германии, из документов видно, что руководство прибалтийских стран категорически возражало против попыток включить их в любые антигерманские конфигурации.

К моменту неизбежного начала кампании по обвинению СССР в развязывании Второй мировой войны, которая будет приурочена к годовщине пакта Молотова — Риббентроппа, нужно будет обязательно представить исследования, выполненные в легкой для восприятия форме, и растиражировать их на нескольких языках для распространения в Европарламенте, Совете Европы и других международных организациях, так как они в своих парламентских ассамблеях обязательно примут какое-нибудь антироссийское заявление. Конечная цель такой кампании — это, конечно, отождествление коммунистического СССР с Третьим рейхом, объявление Советского Союза преступным государством. А так как все итоги его побед наследовала Россия, то можно будет подвергнуть сомнению все позиции России, вытекающие из ее правопреемственности.

ИА «REGNUM»: Когда вы говорите, что нам необходимо предпринять те или иные действия для осуждения годовщины Мюнхенского сговора и подготовиться к годовщине пакта Молотова — Риббентропа, то речь идет о действиях историков и экспертов. Но что, по вашему мнению, должно быть предпринято на государственном уровне? В частности, стоит ли дезавуировать постановление Верховного Совета СССР об осуждении пакта Молотова — Риббентропа?

Н.Нарочницкая: Мы не можем отменять решения парламента, но мы можем дать новую оценку этим событиям в гораздо более широком историческом контексте. Я убеждена, что та оценка была навязана Западом в такой форме,

что события августа 1939 года были декларативно объявлены не связанными ни с какими другими событиями ни до, ни после подписания договора. По сути, это демонстрация действия принципа антиисторизма, потому что любое историческое событие вытекает из предыдущего периода, и мотивации сторон в заключении каких-либо соглашений объясняются ситуацией, в которой оказались государства. После Мюнхена, когда стало ясно, куда идет европейская политика и что скоро гитлеровская машина неизбежно обрушится на Советский Союз, для СССР не осталось ничего иного, кроме как отдалить нападение Гитлера. При этом я совершенно не считаю чем-то предосудительным стремление воспользоваться ситуацией для того, чтобы восстановить территорию Российской империи, которая была собрана в полном соответствии с международно-правовыми стандартами своего времени и которую, кстати, до революции никогда не оспаривали даже злейшие враги России.

Что касается линии, которую целесообразно было бы выдерживать нашему МИД и государственным структурам, то это должна быть многоуровневая дипломатическая работа. Помимо каких-то заявлений, которые привлекают внимание к Мюнхенскому сговору, следовало бы давать понять нашим западным партнерам, что если они предпримут очередную историческую атаку, то у нас есть и документы, и неопровержимые доказательства той постыдной политики, которую проводили западные демократии. Иногда это имеет определенный эффект: Запад негласно решает не будоражить какие-то проблемы, потому что неизвестно, кому потом будет хуже. Но для этого надо быть вооруженными, владеть документами и фактами, запускать их в информационное поле. Безусловно, в следующем году я предвижу попытки уже в полной мере использовать пакт Молотова — Риббентропа для давления на сознание обывателя, который воспринимает информацию лишь из газет и экранов телевидения, с тем, чтобы убедить его, будто с одной стороны были два тоталитарных монстра, только и мечтающие, как

поделить мир, а с другой стороны — несчастные жертвы, к примеру, та же Польша. Было бы полезно показать некоторые интересные фотографии: в частности, у польского министра иностранных дел Юзефа Бека в кабинете стоял портрет Гитлера в рост. А за несколько месяцев до пакта Молотова — Риббентропа Польша предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины.

Британские газеты тогда открыто писали, что после Мюнхена именно Украина станет следующим шагом Гитлера. Поэтому для меня как для историка совершенно очевидно, что, хотя Чемберлен, сходя с трапа самолета, и заявил, что привез мир, на деле для британских правящих кругов и стратегов было бы совсем нежелательно, если бы Гитлер просто удовлетворился результатами Мюнхена и остановился на этом. Это означало бы, что весь германский потенциал собран в единственном государственном теле. Такая возможность всегда была одним из главных кошмаров всей британской геополитики, начиная с возникновения Германской империи при Бисмарке.

Лондон рассчитывал на дурман нацистской идеологии и гитлеровских амбиций, которые после Версаля многократно превышали то естественное недовольство, которое испытывает любое государство, потерпевшее поражение в войне. Для Британии было очень важно, чтобы после Мюнхена Германия пошла дальше, что она и сделала.

ИА «REGNUM»: В чем, в таком случае, была конечная цель Британии? Ведь если бы Гитлер действительно победил Советский Союз и создал Германию до Урала, он получил бы весь континент, что означало бы полный внешнеполитический крах Лондона.

Н.Нарочницкая: На этот вопрос можно ответить, процитировав доклад Рузвельта своему кабинету в 1938 году, который он предварительно обсудил с Ренсименом, представителем британского кабинета Болдуина. Там четко прописано, что если будет просто война между Германией и СССР, то США будут сохранять нейтралитет, а если вой-

на будет вестись между Гитлером и западными государствами, то Вашингтон вступит в войну. Это прямо повторяет тактику США в Первой мировой войне — подойти к шапочному разбору и стать руководителями послевоенного устройства. США обещали вступить в войну только тогда, когда начнутся «изменения структурного характера». То есть если возникнет угроза, что Гитлер станет господином Евразии, вытеснив Россию за Урал, тогда, конечно, англосаксы не позволят Германии продолжать, поскольку это полностью противоречит всем канонам англосаксонской политики. При этом планировалось бить Гитлера с запада, оттесняя его на восток, в глубь России.

Американцы обязательно высадились бы на Дальнем Востоке якобы для того, чтобы предотвратить занятие этой территории Японией. В конечном итоге, Гитлера бы победили, но нам бы никогда не позволили вернуться из тундры, куда бы мы были загнаны. Это был бы конец России в любом виде. Так что пакт Молотова — Риббентропа в тех условиях, в которые СССР был загнан западными государствами, прекрасно знавшими об истинных планах Гитлера, был единственным выходом для Советского Союза.

Это был один из самых больших провалов англосаксонской стратегии за весь двадцатый век. Именно поэтому данный договор будут всегда демонизировать, хотя он мало отличается от десятков и сотен других договоров между великими государствами, которые потихоньку перечерчивали границы и заставляли их признавать. Так было на Берлинском конгрессе, так было при аннексии Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины, так было в Версале, так было и в эпоху демократии в Дейтоне. Поэтому желание представить пакт Молотова — Риббентропа как невиданный заговор, возможный только между чудовищными государствами, должно вызывать только улыбку. Но, к сожалению, история уже давно стала инструментом политики.

СТАЛИН И ПОБЕДА НАД ФАШИЗМОМ...

Интервью Н.А.Нарочницкой радиостанции «Эхо Москвы».

Версия для печати

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, с чего предпочтительнее начать: с дня сегодняшнего или все-таки с дня вчерашнего?

Н.Нарочницкая: Для того чтобы понять сегодняшний день, конечно, нужно хорошо знать свою собственную историю, причем в полной ее преемственности.

Н.Болтянская: Тогда давайте так. Может быть, обозначим тему — не столько о роли Сталина в победе над фашизмом, сколько, я позволю себе процитировать название вашей книги — «За что и с кем мы воевали».

Н.Нарочницкая: Да, не случайно книга моя названа именно так. Она вообще задумана как ответ на книгу «История Латвии» президента Латвии Вике-Фрейберге. Дело в том, что сейчас на наших глазах происходит полная смена интерпретации смысла Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как главного ее компонента. Если раньше всегда считалось, что, поскольку Гитлер поставил цель завоевать весь мир и превратить другие нации в рабов для нации господ, то война была за жизнь европейских народов, за то, чтобы француз остался французом, датчанин датчанином. Чтобы латыш, эстонец и поляк не превратились в свинопасов, в горничных для господ из Третьего рейха, т.е. не исчезли из истории как нация, не превратился в безликий человеческий материал без своих собственных грехов, взлетов, т.е. без истории. Теперь же с легкой руки некоторых историков и наших собственных, увы, очернителей интерпретация войны стала совсем иной. Якобы война велась... за американскую демократию. А итоги Второй мировой войны — это итоги передела мира двумя тоталитарными хищниками, равно отвратительными монстрами: Советским Союзом ста-

линского периода и гитлеровским рейхом. И поэтому нужно подвергнуть сомнению эти итоги.

Но причина-то нынешней демонизации так называемого сталинского СССР — вовсе не моральные побуждения, а... создание великой державы, которой стала страна... только после мая 45-го года, после жертвенной борьбы против гитлеровской агрессии. А значит, предмет ненависти и очернения — великодержавие нашей страны в любой из когда-либо существовавших форм.

А что сделала великая держава? Ялта и Потсдам означали восстановление территории дореволюционной России и огромный престиж Советского государства как главного борца против фашизма. Вот это и нужно развенчать. Причем заметим, что не все территориальные итоги Второй мировой войны подвергаются сомнению. Никто не оспаривает, например, пересмотр в пользу Франции итало-французской границы или передачу островов с Родосом Греции и, кстати, с согласия Сталина... Никто не подвергает сомнению, что, например, Варшава, Польша, получила треть своей территории из рук Красной Армии. Силезию, которая 400 лет была Пруссией, никто не оспаривает. Хотя даже западные союзники Советского Союза не хотели ее передавать. Нет, подвергаются сомнению только территориальные итоги в пользу СССР. И это наводит на мысль, что... главная цель всей этой стратегии демонизации и отождествления СССР с гитлеровским нацизмом — эти итоги подвергнуть сомнению, обесценить подпись СССР под всей международно-правовой территориальной системой второй половины 20-го века, под Уставом ООН и право вето. Может, даже отнять его потом. И тогда можно делать все, что угодно. У нашей страны тогда нет ни легитимной территории, ни легитимной государственности. Но, поскольку Советский Союз до 91-го года был всеми признанным государством, никогда никем не осуждаемым, и Россия сегодняшняя есть признанный правопреемник Советского Союза, поскольку мы унаследовали все его подписи, все его права и обязанности, то мы должны пресекать попытки оскорблять Советский Союз и его символику, как бы мы сами

внутри своей семьи ни разбирали наши реальные и мнимые грехи того времени. Потому что это является грубейшим нарушением международного права и дипломатической этики. И я бы считала, что накануне Дня Победы противодействие этой стратегии — не просто дань оскорбленной гордости великороссов, это единственное условие сохранения нашей страны как самостоятельного и значимого субъекта международной жизни и нашей собственной истории.

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, но мне кажется, что все-таки, когда мы говорим о победе над фашизмом, ... из Ваших же слов я вытащила следующее: победа над фашизмом или победа Советского Союза. Так? Если заострить вопрос.

Н.Нарочницкая: Мы воевали с гитлеровской Германией, которая ставила цель поработить, уничтожить, «сожрать нашей пшеницы груды и высосать моря и руды», выражаясь словами Максимилиана Волошина. Поэтому беда случилась не с государством, всегда греховным и несовершенным политически, а с Отечеством. Это не тождественные понятия. ... Бывают моменты в истории, когда жизнь нации как субъекта истории под угрозой, когда надо подняться над спорами о том, плохим или хорошим было государство, чтобы защитить Отечество...

Н.Болтянская: Итак, тема, которую мы подняли буквально перед новостями: все-таки — победа над фашизмом, или победа Советского Союза, или победа советской страны? Наталия Алексеевна, а что касается роли самого Сталина?

Н.Нарочницкая: Вы знаете, нынешнее оскорбленное чувство, когда народ устал слышать глумление над своей историей, в качестве реакции вызвало такое в принципе иначе бы не возникшее чувство защитить и реабилитировать Сталина. Я считаю, что Сталин был порождением революции, таким же как Ленин, и сталинские репрессии, которые почему-то единственные признает Запад, и абсолютно не признает ленинские... Но сталинские репрессии гильотинировали, так сказать, октябрьских дантонов и робеспьеров, понимаете?

Н.Болтянская: Но не только.

Н.Нарочницкая: Но не только, безусловно. Кстати, и мой дядя, брат моего отца, сгинул именно в сталинские времена...

Но... при Сталине была частично реабилитирована русская история, приправленная густо классовыми заклинаниями, разумеется, но, тем не менее, о русских царях, об Александре Невском перестали писать, что это был классовый враг, как в 20-е годы. И Наполеона перестали называть освободителем, поскольку царская отсталая Россия была более отсталой, чем французский революционный режим. Вот же какое извращение было классовой историей. Дело в том, что если говорить о роли Сталина в войне, то, несмотря на, безусловно, и какие-то просчеты, и жестокости, и такую «этику целесообразности», когда иногда брали города к юбилею, что стоило лишние сто тысяч жизней... Все это мы обязаны знать, разъяснять и т.д.

Н.Болтянская: И помнить, главное.

Н.Нарочницкая: И помнить, да... Но в целом-то опять же нельзя противопоставлять... Я против того, чтобы считать, будто победили коммунистическая власть и советский режим, как многие коммунисты считают. Нет, я считаю, что победила в образе Советского Союза великая Россия, потому что нация под влиянием внешней агрессии вдруг возвратила себе чувство национальной солидарности. У людей были разные претензии к государству, но они отложили это в сторону. Более того, кровь, пролитая в защиту Отечества, я бы сказала, ...очистила от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей, а значит — в нашем потенциальном сегодняшнем будущем нить русской и советской истории, которые, казалось, были разорваны навеки... И, например, в 43-м году уже люди умирали за советскую Родину в танке, носящем имя «Александр Невский», а в 20-е годы по школе Покровского кричали, что это классовый враг, подавлявший новгородское восстание. Понимаете? Поэтому не благодаря советской власти, но и не вопреки. Вот давайте поднимемся и через другую призму вообще будем смотреть. Это очень трудно...

Н.Болтянская: То есть вы останавливаетесь ровно по середине?

Н.Нарочницкая: А я даже не посередине, я — над... Для того чтобы события такого масштаба оценивать, надо подняться так высоко, что мелкие черточки сливаются в одну линию. Понимаете? И поэтому не надо глумиться над историей и не надо стесняться того, что Сталин был лидером победившей страны. И когда мы говорим о трех лидерах: Черчилль, Рузвельт, Сталин... Слушайте, Черчилль был вообще родоначальником концлагерей в бурской войне... Циником был приличным. Рузвельт знал о Перл-Харборе, но ему нужен был повод, чтобы изменить общественное сознание в пользу вступления в войну. Он интернировал 200 тысяч японцев, хотя не грозило вторжение сухопутное. Т.е. все были хороши! Не бывает иначе в политике. Давайте отделим революционный проект, прямо предполагавший репрессии, уничтожение так называемых враждебных классов, навсегда отвергнем этот революционный проект, осудим его, но давайте не будем переносить это на борьбу против внешней агрессии, против врага, потому что, как я уже сказала, беда случилась не с государством, а с Отечеством. Это была война не за демократию и не за коммунизм. Это была война за то, чтобы остаться в истории нацией со своим собственным выбором, иногда греховным, иногда правильным, неправильным, но самостоятельным.

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, у нас звонок.

Слушатель: Я абсолютно согласен с Вашей гостьей, потому что все, что происходит в Евросоюзе, это есть 4-й рейх. И 4-му рейху нужна новая идеология.

Н.Болтянская: Вы так считаете?

Слушатель: Они все время презирают Россию, говорят, что она стремится к своему имперскому прошлому, а сами строят империю, которая, по всей видимости, будет куда хуже.

Н.Нарочницкая: Вы знаете, наш слушатель, спасибо ему за поддержку, интуитивно высказал мнение, которое совпадает с историческими и социологическими исследованиями

одного моего знакомого британского консерватора, который считает, что паневропейские идеи — это продолжение. Такая же идея была у Муссолини и Гитлера, между прочим... Серьезная очень книга есть. Ну, конечно, не будем абсолютизировать это. Наверное, те либералы, которые строят единое либеральное сверхобщество, вряд ли думают о Третьем рейхе. Они уверены, что они как раз антипод ему, но их идеи на самом деле очень похожи на идеи Третьего Интернационала. Там тоже мечтали о бесклассовом, едином глобальном сверхобществе, где субъектом является не нация, а класс. А здесь субъектом является не нация, а индивид. Поэтому им действительно нужна новая идеология, ...что меня как историка и международника беспокоит. Я очень хорошо знаю историю, и я знаю, что... обретения Петра Великого, т.е. позиция России на Балтике и на Черном море — вот предмет ненависти. И любой шанс: либо внутренняя нестабильность России, либо внешняя агрессия — это повод для того, чтобы попытаться оттеснить Россию на северо-восток Евразии. Так было в Первую мировую войну, так было во время революции и Гражданской войны. Те же цели ставила и кайзеровская Германия в первой войне, и гитлеровская. И сегодня, простите, карта расширения НАТО как две капли воды похожа на карту пангерманистов 1911-го года, которая у меня есть. Оттеснение прежде всего от Балтики...

Н.Болтянская: Но на сегодняшний день балтийские страны уже независимые государства.

Н.Нарочницкая: Да.

Слушательница Лариса Васильевна: Я хочу мнение свое высказать. Даже не мнение, а благодарность Наталии Алексеевне за ее правдивые добрые слова о прошлом нашей страны, потому что уже просто тяжело слушать всю ту грязь, которая льется со всех сторон.

Н.Нарочницкая: Спасибо. Вы знаете... Я ведь не из тех, кто хотел бы скрыть все грехи и падения нашей страны и нации. И мне чужда революционная идеология, безусловно, но мы вот это наше семейное дело — осуждение реальных и мнимых, приписываемых грехов, — вершили как-то без хри-

стианского смирения и достоинства. И мы вывалили свое Отечество на всеобщее поругание, как библейский Хам. И теперь мы терпим кару, ведь на Западе никогда не началось бы поругание Победы, если бы оно сначала не было совершено на родине Победы.

Слушательница: К Наталии Алексеевне вопрос.

Н.Болтянская: Пожалуйста.

Слушательница: Я училась у ее батюшки, Алексея Лентьевича, тоже историк. И читаю, историю знаю. Я не могу понять даже, о чем она говорит, о каком поругании. Что это за комплекс непонятный совершенно? Вот для меня необъяснимо это... разговоры людей, которые сейчас так болезненно воспринимают любую информацию, которая идет... по радио, из газет. Откуда это все?

Н.Нарочницкая: Нет, я именно говорю о поругании и не отказываюсь от этого суждения, потому что сопричастное обсуждение, как я сказала уже, и грехов, и поражений, и не просто ошибок, а преступлений — это одно. А когда объявляют твою страну неудачницей мировой истории, пытаются зачеркнуть сначала все то, что было до 17-го года, как ненужное, неисторичное, а затем все то, что до 91-го года... История не прощает такого самопредательства. Именно... большевики упраздняли уже все то, что было до 17-го года. Им история отомстила. Она послала на них братьев по классу во вражеской военной форме. И страна тогда возопила о помощи к своей попранной истории, которая простила на первый раз. Сейчас мы глумимся над всем, что было в советские времена. Было очень много страшного. От этого надо отказаться. Но почему нужно выворачивать наизнанку все? Вот демонируют пакт Молотова — Риббентропа. Да я как историк вам хочу показать, и в книге показано, что он ничем не отличался от тысяч других подобных договоров, когда одни державы чертят границы других. Только еще чертят границы совсем чужих государств, а Советский Союз просто восстановил территорию дореволюционной России, которая, кстати, до революции никем не оспаривалась, и страна не считалась колониальной империей.

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, давайте к дню сегодняшнему. Ваше впечатление от интервью президента немецкому журналу «Бильд»?

Н.Нарочницкая: Ну, как историк я всегда слежу очень внимательно за тем, как трактуются те или иные исторические события. Мне кажется, что президент в целом очень правильно все объяснил, в присущей ему спокойной, достойной манере. Вот я как человек более свободный... — депутат вообще свободнее, чем любое официальное лицо правительства и президент, — могла бы гораздо более резко, более остро сказать, но, наверное, именно так и надо, как он это сделал. Он все-таки старается и накануне Победы не уступать в трактовках.

Н.Болтянская: А что касается роли, скажем, Советского Союза в судьбе стран Балтии?

Н.Нарочницкая: ...Я уже, по-моему, говорила сегодня, что по плану гитлеровского рейха — причем это документировано — эти страны должны были стать частью Ингерманландии...

Н.Болтянская: Я сейчас об оценке президентом всей ситуации со странами Балтии.

Н.Нарочницкая: Она была освобождена именно от уничтожения как нации. И это никто не может оспорить.

Н.Болтянская: Вы считаете, что президент именно так трактовал взаимоотношения?

Н.Нарочницкая: Так, да.

Слушатель: Вы знаете, у меня к вам один вопрос. Очень принципиальный. Вот слушаешь ваше радио, а я его постоянный слушатель. Все время идет оценка Сталина, Ленина. А где у вас оценка ублюдка Ельцина?

Н.Болтянская: Ну, вы знаете, я считаю, что мы не имеем право так себя вести.

Слушатель Юрий Михайлович: Я считаю, что вот эта реакция стран Балтии немножечко болезненная — реакция на выступления наших лидеров. Я думаю, что мы их просто обижаем как маленьких. Надо как-то... не надо упираться, надо понять их точку зрения. Конечно, ошибочная точка зрения, но ее можно понять.

Н. Нарочницкая: Я не могу понять, почему надо строить свое уже никем не оспариваемое будущее на доктрине негативизма против кого-либо. Почему нельзя найти основания для своего будущего, для будущего истории без этого? Любовь к своему, но не ненависть к иному. Вот эта бесплодность такой исторической концепции обрекает как раз латышей, эстонцев и литовцев оставаться в пеленках исторического детства, никогда не выйти из стадии самоутверждения. Понимаете? Они, мне кажется, должны признать, что, да, они были освобождены от уничтожения как нации...

Н. Болтянская: Наталия Алексеевна, но все-таки, наверное, речь идет о том, что и в Германии был процесс денацификации. Россия, так скажем, не вполне покаялась за преступления против собственного народа.

Н. Нарочницкая: А это не имеет международного аспекта. Понимаете? Гитлеровский режим поставил цель уничтожить другие нации, превратить их в рабов. Коммунистическая идея — ничего нет более противоположного нацизму. Она ставила цель облагодетельствовать весь мир, и на этот алтарь даже положить все национальное.

Н. Болтянская: Все собственное.

Н. Нарочницкая: Конечно... Там — языческая доктрина природной неравномерности людей и наций. Здесь — порождение философии прогресса, так сказать, со всеми уродливыми извращениями, репрессиями и т.д. Да не нужны нам эти репрессии. Никогда мы не должны их ни повторить, ни позволить ничего подобного. Но мы...

Н. Болтянская: Но мы должны о них помнить.

Н. Нарочницкая: Но мы говорим о войне.

Н. Болтянская: Вопрос, наши уважаемые слушатели, к вам: нужно ли предоставить 450 тысячам русскоязычных граждан Латвии возможность получения российского гражданства по упрощенной схеме? В нашей студии депутат Государственной думы Наталия Нарочницкая. Она примет участие в беседе.

Слушатель: Я хочу из истории нашей семьи напомнить... Из нашей страны были интернированы во время

войны мои родственники из-под Гжатска в Латвию, и они были там рабами. Так вот, прибалты нам какие-то претензии предъявляют, что мы их оккупировали, что их там унижали, угнетали. А то, что вот эта деревня была полностью разгромлена, то, что они во время войны работали там батраками...

Н.Нарочницкая: Да. Вы знаете, сейчас эти данные очень важны. Я знаю, что на сайте МИДа есть большая статья, где документально вот эти стороны латышской деятельности во время войны показаны очень хорошо, еще был ответ очень возмущенный со стороны посольства Латвии и т.д. Это очень важно показать. Латыши выставляют себя в этой книге «История Латвии»... будто они якобы только потому, что им угрожало порабощение Советским Союзом, только поэтому они вынужденно вступали в СС и т.д. Но это совершенно не так. Понимаете, там... каким-то образом, по недосмотру редактора, есть такой эпизод: оказывается, каратели-гитлеровцы уничтожали целые деревни латышские, которые почему-то (по логике этой книги — почему-то) поддерживали красных партизан. Т.е. на самом деле то, что там написано, не надо переносить на всех латышей... Я знаю, что многие латыши воевали вместе с русскими и совершенно не стремились к такой независимости. Другое дело, что они тоже получили все сполна от режима, но не более, чем другие, поэтому никакого особого оккупационного режима там не было.

Н.Болтянская: Ну, есть разные мнения на этот счет.

Н.Нарочницкая: Потому что оккупационный режим и пребывание в составе государства — разные вещи. Понимаете? Если законы для всех одни, даже если они не очень хорошие, то нет оккупационного режима. При оккупационном режиме не награждаются литераторы государственными премиями и не выбираются академиками и профессорами.

Слушатель Игорь Иванович: Дело в том, что если почти 30% населения того самого государства, которое, как мы считаем и кто-то считает, было оккупировано, тем не менее, рвется к оккупантам, значит, это не так плохо. Значит, эти так называемые оккупанты были на самом деле освободителями.

Н.Болтянская: Ну, насколько я поняла со слов Наталии Алексеевны, далеко не каждый русскоязычный гражданин рвется получить российское гражданство. Ведь так?

Н.Нарочницкая: Да, дело в том, что на самом деле большинство русскоязычных и русских в Латвии хотели бы стать полноправными гражданами Латвии, участвовать в политической жизни, в общественной жизни, т.е. иметь право избираться и быть избранным, занимать какие-то посты, т.е. полноценно участвовать, при этом сохраняя себя как русских. И это соответствует демократическим стандартам Европы. Вообще, при, например, отделении части государства от другого есть демократические принципы предоставления гражданства. Любой человек на отделяющейся части имеет право взять гражданство страны большей... и остаться жить на маленьком куске. Или, наоборот, взять новое гражданство. Все это было нарушено. Т.е. правило демократической адаптации, т.е. выбора было нарушено. И объявляют это результатом... Это грубейшее нарушение всех стандартов Европы. Мы должны все-таки встать на защиту наших соотечественников. Те, кто хочет получить российское гражданство, они его получают. А вот те, кто хочет стать гражданами Латвии, должны ими стать.

Слушатель Петр Иванович: Меня зовут Петр Иванович. Конечно, нужно предоставить гражданство им по упрощенной схеме, но я не уверен, что многие граждане русские в Латвии захотят это гражданство иметь. Они хотят иметь равные права с латышами.

Н.Болтянская: Да, только что об этом говорила наша гостья.

Слушатель Петр Иванович: Но эти права им никогда латыши не дадут. Потому что при советской власти они ненавидели русскоязычное население на корню. Так было всегда.

Н.Болтянская: Петр Иванович, но может быть, маятник?

Слушатель Петр Иванович: Какой маятник?

Н.Болтянская: Элементарный маятник. В советское время считали оккупантами.

Слушатель Петр Иванович: Да нет, они считали, что им плохо, хотя они получили от России, от Советского Союза, будем так говорить, получили много того, что они бы не имели, развиваясь сами, даже примыкая к буржуазным своим анналам, прежней истории.

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, какого сочетания голосов Вы ждете?

Н.Нарочницкая: Я думаю, что большинство скажет: признать, дать гражданство.

Н.Болтянская: Совершенно верно. 91% считают, что нужна такая...

Н.Нарочницкая: Ну, это настолько естественно. Только я хотела бы еще раз повторить, далеко не все живущие в Латвии русские хотят российского гражданства. Они боятся, что их вытеснят, что им будут чиниться те же препятствия. Они хотят стать полноценными гражданами с равными правами, но оставаться при этом русскими.

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, вот пришло сообщение Вам на пейджер: «Гитлер — преступник, потому что проводил геноцид в чужих странах, а Пол Пот и Сталин уничтожали свой собственный народ, — и это внутренний исторический процесс. Получается несоответствие».

Н.Нарочницкая: В чем несоответствие?

Н.Болтянская: В том, что одного называют преступником, а в отношении других Вы это якобы допускаете.

Н.Нарочницкая: Да нет, я с самого начала говорю, что когда мы обсуждаем грехи и несовершенство политического института нашего государства, мы осуждаем эти грехи... Поэтому когда мы говорим о революционном проекте, с его замыслом уничтожить враждебные буржуазные классы и т.д., мы это осуждаем все, но когда мы говорим о войне, не надо... переносить. Это ложная призма, через которую мы рассматриваем борьбу против внешней агрессии, целью которой было порабощение страны, просто ликвидация ее как субъекта мировой истории. Получается так: если государство было плохим, то можно ему не сочувствовать, когда на него напали... Понимаете, логика вот такой этики ужасна.

Вот идет человек по дороге. На него нападает разбойник. А вы думаете: а может, он изменил жене утром или побил своих детей или вчера украл. Значит, он что, не заслуживает помощи? Вы когда руку протягиваете утопающему, Вы что, спрашиваете: «А не грешил ли ты сегодня утром?» Да разные вещи, вот я о чем говорю. А то, что мы копаемся в собственной истории, это наше семейное дело. И будем дальше копать, и будем разбирать, и будет это уроком для нас на будущее. Это безусловно.

Н.Болтянская: Наталия Алексеевна, а как вы считаете, нужна ли все-таки какая-то форма покаяния перед собственным народом?

Н.Нарочницкая: А кто должен каяться? ...Наше безбожное атеистическое общество все время использует категории вероучительные, перенося их на политическую жизнь. Покаяние — это сугубо личная категория. Каяться может только один человек, личность — душой. Все коллективные организмы не имеют души. Понимаете? И поэтому об этом вообще говорить странно.

Н.Болтянская: Но когда существовали структуры, специальные структуры, которые...

Н.Нарочницкая: Да, но ведь осудили уже. Сколько было и во времена Хрущева, который сам был вообще-то...

Н.Болтянская: Не безгрешен.

Н.Нарочницкая: Да, да, да. Но, тем не менее, осудили культ личности, репрессии и т.д. Люди вернулись из концлагерей... Но никогда почему-то никто не реабилитировал жертв репрессий ленинских, которые проводились против представителей традиционных русских сословий. Об этом почему-то никто не говорит. А знаете почему? А я вот подозреваю, потому что тогда... нужно будет посочувствовать объекту уничтожения: России великой, единой и неделимой... Вот эту неделимость, единство страны, вот эту ее территорию почему-то объявляют совершившимся то «под сиянием пролетарской революции» — как коммунисты говорят, то «под железным обручем тоталитаризма» — как говорят враги коммунизма. А то и другое определение тождествен-

ны, потому что они отказывает государству в историческом прошлом. Поэтому, как только, например, возникают сомнения в целесообразности и благе «сияния пролетарской революции», сразу возникают сомнения в целесообразности единства страны, как в 1991 году. А борьба против «железного обруча» вообще всегда правомерна.

Н. Болтянская: Наталия Алексеевна, мне почему-то кажется, что Вы человек достаточно счастливый в приватной жизни. Я думаю, что я не ошиблась, но если, не дай Бог... Ваш спутник жизни говорит: «Ну, не хочу я с тобой жить». Ну, что, держать его парткомом?

Н. Нарочницкая: Нет, конечно.

Н. Болтянская: И получается, что великая и неделимая в какой-то определенный момент дала трещину. Ну, не можем больше мы жить вместе.

Н. Нарочницкая: Я же сейчас не обсуждаю данность разрушения и распада Советского Союза... Но, тем не менее, я... для того все время ввожу вот эти понятия и дореволюционную Россию, чтоб показать, что все осуждения — и сегодняшние, и советского прошлого — почему-то имеют одну цель только: так или иначе обосновать неизбежность утраты территории. Понимаете? От Балтики до Черного моря, «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». Значит, задача всех этих сил — не идеология на самом деле, а ликвидация геополитического гиганта, который всегда был великой державой. Сначала была великая Россия, потом был Советский Союз, только ставший великой державой после жертвенной борьбы против гитлеровской агрессии...

Н. Болтянская: Ну, а кто же ее развалил-то, эту великую державу?

Н. Нарочницкая: Да, мы сами тоже, безусловно, участвовали.

Н. Болтянская: Слава богу, Наталия Алексеевна, слава богу!

Н. Нарочницкая: Я и сказала, что в этом поругании Победы виноваты те, кто первые начали... Никто на Западе не смел, в 1991 году все поляки, латыши были так благодарны,

что их отпустили, никаких вот таких заявлений не было. Мы сами позволили прийти там к власти и вырасти воинствующим антирусским элитам, которые сейчас уже просто не могут выйти из этой паранойи, понимаете? Нам нужно приложить усилия, чтобы помочь воспитать там нормальную здоровую элиту и общественные силы, которые смотрят в будущее, а не в разделяющие нас символы прошлого, по которым мы никогда не найдем согласия. Мы должны дать лозунг: «Нас разделяют символы прошлого, мы должны объединить задачи будущего». Мы ведь никуда друг от друга не денемся. Мы будем рядом жить.

Н.Болтянская: А как Вы считаете, нам удастся вот использовать такой лозунг?

Н.Нарочницкая: Это трудно, потому что много сейчас уже ложного. Не всегда мы умно пользуемся и вообще пользуемся теми возможностями, ресурсами, которые у нас есть. Но это возможно и нужно.

Н.Болтянская: Скажите, пожалуйста, вот с Вашей точки зрения: очень многое нам открыла перестройка в 85-м году, чуть позже открылись шлюзы больших потрясений в отношении сторонников Ленина. Потому что долгое время была теория, что был хороший Ленин, а потом пришел Сталин и все испохабил. Вот на Ваш взгляд, сегодня есть прецедент для оценки ленинской роли в истории в погромах?

Н.Нарочницкая: ...Когда началась перестройка, наши постсоветские диссиденты и либералы возродили не что иное как ленинскую большевистскую нигилистическую интерпретацию всей русской истории. Помните, сахаровско-горбачевская школа говорила о том, что надо 53 субъекта государственной территории СССР восстановить... Это же ленинские принципы внешней политики, простите. Все то, что говорили Ленин и Троцкий о России, как тюрьме народов, все было воспроизведено буквально вот всеми нашими гуру идейными...

Я изумлялась просто, думала: боже мой, это же как будто я возвращаюсь во времена 20-х годов — возвратилось то, о чем мне отец рассказывал, как это было, — вместо того,

чтобы действительно с христианским смирением подумать о том, что привело к нашим падениям, что к кризису внутреннему безусловному привело, что... Наше государство мы сами разлюбили к 91-му году, понимаете?

Н. Болтянская: Да у меня такое ощущение, что мы раньше его разлюбили.

Н. Нарочницкая: Да, да, вот мы его разлюбили. Мы не верили этой идеологии, она не соответствовала реалиям... Это была сугубо материалистическая идеология, и, тем не менее, в материальной сфере она не могла соревноваться больше с другой системой... Хотя сейчас многие, конечно, на волне чудовищного расслоения и структурной бедности миллионов людей, — именно не случайной, а структурной, т.е. запрограммированной экономической системой, — сейчас многие вспоминают с ностальгией социальную защищенность.

Н. Болтянская: Колбасы не было, но ее можно было достать.

Н. Нарочницкая: А медицина и т.д.? Были, конечно, социальные вещи, которыми нам надо было гордиться, и надо было не выплескивать их. И Европа, кстати, завидовала нам после войны. Она все 50 лет шла к бесплатной медицине. Но, тем не менее, мы все это сделали. И в моей большой книге «Россия и русские в мировой истории» я как раз пишу о том, что, к сожалению, у нас весь спор после перестройки идет фактически между Лениным и Сталиным, а не между Россией и коммунистическим проектом. Я стою на позициях России, именно вот той прежней, и хочу ее преемственность как-то вот провести до сегодняшнего дня.

То есть были два порождения революционного проекта... Другого просто не могло быть, вы понимаете? Другого просто не могло быть. И потом государство прошло стадию насилия, и оно бы не просуществовало 75 лет, если бы не миновало эту стадию. Потому что общество тогда становится самовоспроизводящимся, когда этими идеями овладевают нормальные люди, и они уже рождаются с мыслью о том, что у них лучше. Кстати, вот наградили всю Восточную Европу коммунизмом, но ведь наградили тем, что было

у самих себя, и что считали лучшим на свете. Если бы им навязали что-нибудь ужасное, как Гитлер хотел, а для себя-то приберегли бы что-то гораздо лучше...

Н.Болтянская: Но социализм тоже не сладко.

Н.Нарочницкая: Да у них не было десятой доли того, что у нас было.

Н.Болтянская: Я благодарю нашу гостью. И, наверное, Наталия Алексеевна, Вы хотите кого-то поздравить?

Н.Нарочницкая: Я хочу, прежде всего, поздравить все поколение моей мамы. Моя мама — бесстрашная партизанка Великой Отечественной войны. И я склоняюсь низко перед их подвигом, вечная слава этим героям. И чтобы им ни глумились в спину наши гуманисты профессиональные. Они защитили нашу страну от исчезновения из мировой истории. И подвиг только потому и подвиг, кстати, что совершался не за цену и не по расчету.

«Эхо Москвы», 2005

СТРАТЕГИЯ АНТИПОБЕДЫ

Об освещении войны, об интерпретации причин, роли и значения Победы говорит доктор исторических наук, депутат Государственной думы Наталия Нарочницкая.

— Прошедший телесезон в том, что касается военной темы, выглядит ужасно. Мне казалось, что естественным образом возникла тема 60-летия Победы, с помощью которой можно восстановить утраченное единство нации, восстановить необходимое, должное единство между властью и обществом на основе совместного исторического переживания. Свести в единый смысловой центр все, что объединяет старого и молодого, бедного и богатого, образованного и простого. Расставить должным образом точки над «i», исторические акценты. Наконец, на каком-то более высоком уровне понимания прийти к осмыслению нашего прошлого в XX

веке, без чего, конечно, невозможно и будущее. К сожалению, я убедилась в том, что в сравнении с ситуацией десятилетней давности мало что изменилось.

Как будто бы пройден некий цикл, и мы вернулись в атмосферу начала 90-х годов... Я бы сказала, что эта спираль постоянно существовала. Каждая юбилейная дата и связанное с ней торжество (не только 9 Мая, но и воспоминание других событий, битв, той же Сталинградской битвы) сопряжены со стремлением развенчать подвиг, постоянно возобновляемыми попытками «показать», что «не победа была, а поражение», что воевали «подневольные, гонимые заградотрядами». В самом начале антиисторической вакханалии, когда в исступлении разбрасывались отеческие гробы и краугольные камни нашей истории, было ощущение, что все же мародерами интуитивно отвергалось попираание памяти войны. Вспоминаю 50-летие Победы — несмотря на поругание многого, эта тема была каким-то образом ограждена. Даже под руководством Ельцина в то время мы все-таки отметили юбилей достойно.

— *У новейшей телеатаки на Победу есть причины...*

— Именно на основе анализа этой темы можно судить о мировоззрении тех, кто делает погоду на телевидении. Сегодня фактически невозможно сказать доброго слова о войне, чтобы параллельно нас не заставили напомнить о том, каким плохим было государство.

Для меня совершенно очевидно, что смысл масштабного глумления — не просто какая-то свойственная части российской интеллигенции тяга к копанию в грязном белье. Нет, это глумление включено в очень четкую, целенаправленную стратегию, суть которой — окончательное развенчание СССР как главного борца с фашизмом. Отождествить государственный строй Советского Союза с гитлеровским нацизмом, привести нас задним числом к некоему виртуальному новому Нюрнбергскому процессу. А также обесценить подпись Советского Союза не только под документами Ялтинско-Потсдамской системы, но и под всеми документами, лежащими в фундаменте международно-правовой и территориальной системы второй половины XX века. После чего

с нами можно будет делать все, что угодно. Объявить все, на что мы по праву претендуем и еще пока имеем, результатом «преступного пакта Молотова — Риббентропа и других «преступлений тоталитарных хищников», одним из коих и объявят нашу с вами страну.

Нам сейчас действительно кажется, что от наследия Победы уже мало что осталось. Однако все предыдущие изменения происходили вне пересмотра итогов Второй мировой войны, и они не влекли за собой оспаривания остальных итогов как юридического следствия. Происходящее же сейчас служит как раз подведению всей критики и пропаганды наших недругов под конкретный пересмотр итогов Второй мировой, которые объявляются результатом схватки за мир и его дележа двумя «тоталитарными кровавыми хищниками». Я все время привожу знаменательные слова Буша, произнесенные им на праздновании официального приглашения Литвы в НАТО: «Границы, начертанные диктаторами, исчезают, больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты». То есть Ялтинскую систему ставят на одну доску с Мюнхенским сговором.

Речь идет о том, чтобы окончательно демонизировать «сталинский СССР» и объявить страну-победительницу преступной. И тогда будут обесценены все наши подписи под международно-правовыми уложениями, под Уставом ООН, под всеми договорами в сфере разоружения, в том числе и ядерного. Что в перспективе повлечет возможность начать разговор о нынешних границах России, возможность ее исключения из Совета Безопасности ООН с лишением права вето, а также возможность включения в него новых стран без ее согласия.

Противодействие этой стратегии является не просто данью оскорбленной гордости, но непременным условием сохранения России как значимого и самостоятельного субъекта международных отношений и должно стать задачей любого ответственного правительства.

Свою книгу «За что и с кем мы воевали» я специально посвятила разоблачению кампании клеветы на Победу. ...

В ней, как я надеюсь, коротко, с использованием документов разоблачены все антипобедные мифы, в том числе отождествление коммунизма как доктрины с гитлеровским фашизмом. Так же и миф о пакте Молотова — Риббентропа ...

Смысл Второй мировой войны вовсе не в борьбе за американскую демократию, как нам сейчас внушают. Если в этом была цель, то, естественно, через подобную призму можно при желании узреть, что воевали два недемократических государства и сначала было повержено одно из них, а потом, при помощи холодной войны, всех прочих стратегий, — и другой «тоталитарный монстр», а чуть позже — и более мелкие «монстрики» вроде Югославии и Ирака. И теперь Запад может безбоязненно доставлять свою цивилизацию и демократию скорейшим образом, прямо с бомбардировщиков...

Меня поражает, насколько разрушенным оказалось за последние 15 лет наше историческое сознание. Люди порой просто не чувствуют всю коварность ведущегося информационного воздействия!

Невозможно привести какую-либо аналогию с тем постоянным самобичеванием, ворошением собственной истории, что происходит у нас. Это небывалое. Я часто об этом задумываюсь. Да, мы рассуждаем об упадке европейской культуры, о западных бездуховности, дехристианизации сознания, философии «где хорошо, там и Отечество». Но все равно я не знаю на том же Западе примера, когда бы общество позволило глумиться над собственной армией и историей. В России же традиция пренебрежения и презрения к собственной истории со стороны большей части интеллигенции сильна. Такого извращения сознания больше нет нигде. Необходимо не допустить эту тенденцию хотя бы в учебники, не допустить в школу, в университет.

Затапывается опорный пункт нашего национального самосознания, который мог бы всех объединить, сплотить, дать свет, дать возможность простить друг другу.

КАК НАМ ЖИТЬ С НОВОЙ ЕВРОПОЙ

Наталья Нарочницкая унаследовала дело своего отца — академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого, историка-энциклопедиста. Потомственный ученый, Нарочницкая обладает не «богемным» (по ее выражению), а государственным видением мира. А потому в своих работах — «Россия и русские в мировой истории» и приуроченной к 60-летию Победы книге «За что и с кем мы воевали» — последовательно отстаивает идею сильного государства Российского. Считая, что в основе государственной зрелости — экономической, политической — лежит зрелое общественное мировоззрение, объединяющие нацию ценности бытия. Именно эта мысль стала главной в нашей беседе об исторических уроках Великой Победы.

— Наталья Алексеевна, рискну быть охаянной многими. Но тем не менее... Горько, что юбилей Великой Победы не обошелся без выноса порядком потрепанных знамен идеологической битвы с тоталитарным советским прошлым.

— Те, кто занимается изучением реальных и мнимых грехов нашего государства, не замечают, что под флагом прощания с тоталитаризмом нас хитро побуждают выкинуть на свалку истории отечественные гробы вовсе не советской, а трехсотлетней российской истории. Ведь территорию Российской империи до революции никто не оспаривал, и собрана она была не большевиками, а Петром и Екатериной. Поэтому навязанный тезис, будто Советский Союз был искусственным образованием, направлен отнюдь не против коммунизма, а против исторического государства Российского. Что при разрушении СССР, с удовлетворением и присущей ему откровенностью констатировал главный разработчик европейской стратегии США Збигнев Бжезинский: «Наконец-то исчезла Российская империя»...

Сталина ненавидят не за злодеяния, а за возникшую при нем новую форму великодержавия, хоть немножко напоми-

навшую территориально историческую Россию... Абсолютно не будучи сталинисткой, а принадлежа к семье, в которой в 37-м году сгинул брат моего отца, а отец долгие годы был братом «врага народа», я тем не менее встаю на защиту военного прошлого нашей страны. Когда мы говорим о внешней агрессии и борьбе против порабощения, споры о том, хорошим или плохим было государство, неуместны. Беда случилась не с государством, а с Отечеством. А эти понятия не тождественны. Война стала именно Отечественной, потому что внешняя агрессия с идеей мирового господства востребовала национальное чувство, не окончательно порушенное классовым интернационализмом. Востребовала чувство национальной солидарности, объединения людей, которые по-разному относились к государству. И это чувство восстановило, казалось бы, на века разорванную нить русской и советской истории...

Сейчас давление на некоμμунистическую Россию увеличилось десятикратно по сравнению с давлением на Советский Союз. Коммунизм здесь ни при чем. Речь идет о великой державе: о выходах к морям, о незамерзающих портах, через которые проходят не только имперские пушки, но и танкеры с нефтью. Речь идет об оттеснении России на северо-восток Евразии, от одного из главных коммуникационных подступов к центру мировых ресурсов: Средиземно-морско-Черноморско-Каспийского региона.

— *Лидеры бывших советских балтийских республик с одобрения Евросоюза требуют от России официального покаяния за их оккупацию. Не получается ли, что своими затянувшимися антитоталитарными разборками мы фактически это покаяние совершаем?*

— Его совершают люди, обладающие богемным, а не государственным умом. Они способствуют тому, что страну полностью отождествят с гитлеровским нацизмом, приведут задним числом к виртуальному Нюрнбергскому процессу и перечеркнут подпись СССР под всей международно-правовой и территориальной системой второй половины XX века. После чего не останется ни одной неоспариваемой грани-

цы нашего государства, а от Балтики до Черного моря будет создан санитарный кордон, задвигающий Россию на северо-восток Евразии.

Для того чтобы осознать это, нужно историческое мировоззрение. Нужно понимать, что Россия родилась не только не в 1991 году, но и не в 1917-м. А у нас последние 15 лет ссоры ведутся внутри постсоветского мировоззренческого круга. СССР у нас оценивается исключительно с точки зрения соответствующих идеалов революции...

— *Похоже, что США уже перечеркнули подпись СССР под послевоенной международно-правовой картой. Почти три года назад на церемонии официального приглашения Литвы в НАТО президент Буш произнес беспрецедентно знаковые слова: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты»...*

— В России это высказывание предпочли выдать за стандартное клише американской борьбы за вселенскую демократию против тоталитаризма. Однако оно отражает исключительно геополитическое мышление и означает: Восточная Европа отныне не будет сферой влияния ни Германии, ни России, но США. В том же ключе следует трактовать и заявления Дональда Рамсфелда о том, что Франция и Германия — это «старая Европа», а центр перемещается в «новую Европу» — Восточную, представленную новыми членами НАТО. Оба тезиса обнажили глубокую удовлетворенность Вашингтона тем, что сегодня достигнута одна из главных целей всей геополитической стратегии англосаксов XX века — овладение Восточной Европой, значение которой точно определил выдающийся русский политический географ Семенов-Тянь-Шанский: это ключевой регион между «двумя Средиземными морями — Балтийским и Черным», контроль за которыми обеспечивает роль «господина мира».

— *Какие новые задачи ставят перед «новой Европой» США?*

— Восточноевропейские страны, «обновленные» США, находясь на стыке двух соперничающих геополитических

систем, никогда не могли иметь независимой внешней политики. Они, слабые и лишь формально независимые, всегда будут либо в российской, либо антироссийской орбите. Рукоплескать тому, что там отменен коммунизм и они теперь находятся на острие НАТО, может только человек, не понимающий азов мировой политики и преемственности исторических интересов своей державы, которые не зависят от того, какая власть внутри.

Европа «старая» — Франция и Германия — постепенно начинает ощущать, что не российское великодержавие угрожает их роли в мировой политике, а, наоборот, его отсутствие. Чем больше исторически российских зон влияния переходит под атлантическую эгиду, тем меньше они служат европейскому историческому проекту. Они служат исключительно евразийской стратегии Вашингтона, в которой «старая» Европа всего лишь обеспечивает тыл. Расширение НАТО должно было обязательно сопутствовать чисто европейским процессам расширения ЕС, чтобы поставить их под атлантический контроль. Иначе эти процессы неизбежно получили бы большую самостоятельность с неизбежным усилением роли Германии и с установлением более прочных, менее подчиненных задачам Вашингтона отношений с Россией.

— *Не поможет ли Европе развиваться по более самостоятельному проекту обсуждаемая сейчас общеевропейская конституция?*

— Пан-Европа — это реализация сугубо левой наднациональной космополитической идеи, в которой на самом деле умирает великая европейская культура. Общеевропейская конституция — скучный образчик творчества некоего либерального «госплана». И даже терминология у «пан-европейцев» схожа с советской бюрократической терминологией. Они видят мир как гигантское хозяйственное предприятие, нуждающееся в оптимизации.

— *Можно ли считать, что Россия окончательно оказалась перед фактом установления нового порядка в «новой Европе»? Можно ли говорить об окончательном похищении Восточной Европы у России?*

— Об этом нужно было думать раньше, чтобы не позволить сформироваться и прийти к власти в этих странах воинствующе антирусским элитам, для которых Россия — это «варварская Московщина», которая их всегда якобы угнетала. В первые годы после распада Варшавского пакта этого не было — там радовались, что их отпустили, и дрожали от страха: а вдруг заберут назад. Но поспособствовали наши либералы, рукоплескавшие тому, что те, кто был с нами, оказались против нас. И это при условии, что отнюдь не все восточноевропейские потенциальные члены евроатлантических структур имели историческую неприязнь к нашей стране, что давало возможность гибкой и плодотворной восточно-европейской стратегии России.

Почему американцы четко, словно по учебнику, готовят и приводят к власти удобные им политические элиты? Потому что проводят системную политику внедрения, внушения определенных исторических воззрений, которой занимаются профессионалы в сотнях неправительственных организаций. А мы за 15 лет не потрудились не только не воспитать, но и просто поддержать пророссийски настроенных людей. Все наши аналитические центры, исследующие международные проблемы, сформировались в период нигилизма. Они не обладают ни мировоззрением, ни языком, ни энергетикой, чтобы оценивать происходящее вокруг России через призму ее национальных интересов. С горечью убеждаюсь, что большинство наших ведущих политологов-международников свои оценки дают через призму интересов американских. Поэтому я создала «Фонд исторической перспективы». Его задача — формирование альтернативного информационно-аналитического поля, в котором вырабатывается подлинная повестка дня России, определяемая преемственностью ее исторических интересов.

— *Насколько атлантические установки новоевропейских политических элит размыли традиционно пророссийские настроения масс?*

— Там, где эти настроения исторически существовали, они живы до сих пор. Разрыв между прагматизмом полити-

ческих элит и традиционализмом масс существовал всегда. Но при любом лавировании элит народ, особенно балканских стран, настроен пророссийски.

Англо-американская стратегия на Балканах была минитюрной моделью для всей Балто-Средиземноморской дуги. Эта стратегия еще перед Первой мировой войной противодействовала формированию однородных славянских государств, особенно «Великой Сербии», являющейся для Запада пугалом из-за традиционной привязанности простых сербов к России.

— *Сербские дипломаты даже в неофициальных беседах сегодня всячески подчеркивают «принадлежность» их страны к Европе, которая ее уничтожала, шельмовала...*

— А теперь подкармливает — в целях реализации евроатлантического Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы.

Я не идеализирую сербскую политическую элиту. Она всегда стремилась к укреплению собственных клановых позиций и, кстати, поплатилась за это. Но все-таки мы должны были подняться над этим. Чтобы не только не потерять собственные позиции в регионе, но и не разрушить пророссийскую ориентацию и надежды балканских народов.

В разгар событий в бывшей Югославии и нашего предательства в Белграде я стала свидетельницей, как толпа закидала мелочью — «сребрениками» российское посольство. После этого я впервые постеснялась, что я русская, и разговаривала на улице по-английски. Как-то меня «распознали». И я ждала, что меня сейчас же забросают «сребрениками». А меня бросились обнимать и приглашать на кофе...

— *Осознала ли Европа, что наш уход с Балкан не принес ей стабильности?*

— У меня была на это надежда год назад, когда в Косове произошел очередной страшный всплеск погромов со стороны албанских террористов. Тогда я подготовила выступление для Совета Европы, показывающее, что косовские события — это и есть самый опасный вид терроризма — терроризм как инструмент изменения геополитических границ.

И этот терроризм угрожает только Европе и России. Америке он не угрожает.

В том, что Европа невольно пособничает терроризму, есть элемент какого-то извечного цивилизационного отчуждения от православного славянства, которое проявилось в чудовищно-непорядочной и иррациональной демонизации сербов как последнего оплота тоталитаризма. Так что историческая дилемма Россия — Европа по-прежнему актуальна. Европа, построившая «свой рай» на земле, который никогда не создать России, так и не избавилась от нигилизма и неуверенности перед нашей огромной страной — потенциально самодостаточной, способной выстаивать в испытаниях, которые не под силу другим, с ее вечно самостоятельным поиском некоего универсального смысла бытия. Как и во времена Пушкина, «Европа в отношении России столь же невежественна, сколь неблагодарна». Поэтому все попытки наших лидеров протянуть Европе руку, забыть про навязчивый образ «варварской Московщины» пока, увы, тщетны.

— *События в бывшей Югославии оказались неким «лекалом» для «перекройки» постсоветского пространства... Точно такая же схема применяется сейчас Западом в отношении Белоруссии. Можно ли ждать полного повторения здесь сербского сценария? На что, вероятно, небезосновательно намекнул недавно ведущий американский советолог Ариэль Коэн: «Если Россия сможет утрясти процесс установления демократии в Белоруссии с ЕС и США, я вижу достаточно быстрый, плавный и, возможно, не кровавый вариант. Если этого не произойдет, Лукашенко может кончить, как Милошевич.*

— Белоруссию шельмуют вовсе не из-за «тоталитарного» режима. Белоруссия — недостающий элемент евроатлантической «мозаики», выкладываемой от Балтики до Черного моря. Соучаствуют в этом наши внутренние противники объединения с Белоруссией. Их мотивация о недемократическом режиме нелепа. Крошечная Белоруссия не может остановить процесс «демократизации» России. Наоборот, объединение с Белоруссией — это «распространение демократии» на нее. Очевидно, что идея Союзного государства в нынеш-

нем виде зашла в тупик. Но Соломоново решение состояло бы в осознании геополитической необходимости объединения. Важно заявить о едином стратегическом пространстве. А утряска экономик, валют — это чисто технический вопрос, который может решаться постепенно.

— *Наталья Алексеевна, есть ли у России реальные альтернативы тем ультимативным вариантам, которые ей навязывает Запад?*

— На фоне очевидного передела мира ради контроля над планетарными источниками энергии Россия, похоже, задумалась о значении двух критических факторов своего будущего. Это колоссальные природные богатства. Россия незаметно, но неуклонно превращает фактор энергетики в инструмент политики. Поэтому Запад столь патетически, сколь и абсурдно увязывает судьбу олигархии с «судьбой российской демократии». Второй фактор — консолидация национально-государственной воли. В этом — залог устойчивого внутреннего развития России и ее способности предложить Западу альтернативу навязываемых отношений.

Елена Калядина, «Трибуна», 2005

«ЗАВОЕВАТЬ РОССИЮ МОЖНО, ЛИШЬ СТЕРЕВ ПАМЯТЬ НАРОДА»

«Новая книга Натальи Нарочницкой должна наделать много шума!» — обещали обозреватели французской газеты Le Figaro. Как в воду глядели: Париж, прочитав ее книгу «Что осталось от нашей победы?» (в России вышла под названием «За что и с кем мы воевали»), до сих пор не придет в себя, а ведущие издания Франции и радио продолжают ожесточенные дискуссии. Отзывы самые разные. От «нам открыли глаза» до «психоза, характерного для путинской элиты». Чем же так уколола европейцев экс-депутат Наталья Нарочницкая, недавно возглавившая парижское отделение Института демократии?

— *Наталья Алексеевна, какую победу вы имели в виду, озаглавливая книгу?*

— В узком смысле — Победу в Великой Отечественной войне. Ведь из страны-победительницы мы как-то вдруг за последние полтора десятка лет стали страной-монстром. И скоро окажется, что это мы напали на Германию. На Западе тиражируется мнение, что СССР был таким же преступным государством, как гитлеровский рейх...

— *Но зачем и кому понадобилось чернить нас?*

— На Западе очень хотели бы подменить нашу Победу в войне своей победой в «холодной войне». Для этого им нужно поставить под сомнение все, чего мы достигли в XX веке...

Второе: именно Запад совершил грехопадение нацизмом — языческой доктриной природной неравномерности людей и наций. Сегодня им нужно так извратить смысл нашей войны и нашей Победы, чтобы, не реабилитируя нацизм, избавить Запад от вины за него. Заметьте, с Запада к нам в нашу страну усиленно внедряется тезис о тождестве коммунизма и нацизма, что привело бы в шок всех западных же политологов еще 20—30 лет назад. Эти доктрины всегда считались и в науке, и в политике полными антиподами. Сегодня на Западе и, увы, в некоторых ультралиберальных кругах нашего общества уже открыто говорят, что Россия — родина еще худшего монстра — «сталинского СССР», фашизм, мол, был ответом... Все это не выдерживает никакой критики и сопоставления как теорий марксизма и нацизма, так и фактов. Такое сопоставление с философским анализом доктрин, историческим анализом фактов внешней политики держав я и сделала в своей книге на документах. Она и вызвала большой переполох.

— *Кстати, вас уже обвиняли в приверженности сталинизму?*

— Пока меня обвинили в национализме, который заключается в защите «сталинского наследия» — так теперь они именуют договоры в Ялте и Потсдаме, подписанные главами СССР, Великобритании и США. Договоры, без которых не было бы их «демократии»...

Я прекрасно понимала, что мой ответ документированной книгой на глумление над нашей Победой сделает меня мишенью критики. Но сталинисткой никогда не была. Мой дядя сгинул в 1937 году, и отец двадцать лет был братом «врага народа». Точно уж я предпочла бы нашу историю без Лениных и Сталиных. Однако я и в книге, и в полемике задаю своим западным оппонентам очень для них неудобный, «неполиткорректный» вопрос: почему они Сталина пытаются превратить в демона всех времен и народов, но никогда не делали таковым Кромвеля, залившего кровью Англию, или своего Робеспьера, например, — родоначальника термина «революционный террор»? Ведь по количеству крови на душу населения никто не превзошел французских революционеров.

— *А они что?*

— Смущаются и немедленно пытаются повернуть дискуссию в другую плоскость... Ведь ни в одной рецензии не было полемики ни по одному факту или документу, которые я в изобилии привела в книге, показывая тайные переговоры западных демократий с Гитлером, демонстрируя буквальное повторение одной и той же политики Запада в отношении дореволюционной России в годы Первой мировой войны, в отношении коммунистического СССР перед Второй мировой войной и против демократической России в 90-е годы! Обрушиваются исключительно на мировоззрение: «Как она смела считать, что у «преступного» государства могло быть что-либо правильное и праведное!!!»

— *Неужели верите, что можно кого-то переубедить?*

— Я не наивна. Однако разворошить их осиное гнездо лицемерия получается!

— *Ну хорошо, Запад пытается украсть эту нашу Победу, всячески принижая роль СССР в той войне. Но нам-то какая разница, что они там говорят? Байка про медведей, разгуливающих по Красной площади, тоже ходит, и ничего, живем...*

— О, не так все просто. ...Ведь сегодняшняя Россия является правопреемником всех подписей СССР под всеми важ-

нейшими договорами и решениями XX века, которые их не устраивают. Далее: они стремятся внедрить мысль о нашей моральной и политической ничтожности в XX веке в наше же сознание. Великая Отечественная война для нас — опорный пункт национального самосознания. Потеряв эту опору, предав ее, мы автоматически становимся деградирующей нацией, у которой нет объединяющих подлинных исторических переживаний, ничего положительного в истории. Разрушая историю Великой Победы, кое-кто добивается, чтобы у нас в сознании не осталось ничего, чем мы могли бы гордиться и на чем воспитывать поколения. Разрушение национального исторического сознания нации лишает ее ориентиров, понимания, откуда мы и куда идем. Нигилизм, самоотрицание, распад, апатия, атомизация — о каком будущем можно говорить тогда! Если человеку постоянно внушать, что его родители негодяи, а сам он неудачник и ничтожество, то человек и руки на себя наложить может. А у такого народа происходит распад национально-государственной воли к продолжению себя в мировой истории, и он становится материалом для чужой истории, для чужой экономики, для чужой безопасности.

— *То есть промывка мозгов одной только Великой Отечественной не ограничивается?*

— Если кратко о сегодняшней сути, то международные отношения ведущих держав вокруг России имеют главную истинную цель — интернационализировать наши ресурсы и оттеснить Россию от Балтики и Черного моря. Все это было и во время Первой мировой войны, и в ходе Гражданской, и Второй мировой, и в 90-х годах, когда мы сами расчленили собственное государство и на время отреклись от всех основ своей внешней политики, объявив, что нами теперь двигают «общечеловеческие ценности». Нас стали шаг за шагом оттеснять от морей. А ведь без выходов к морям невозможно быть державой, стратегически независимой от давления извне. Именно они сделали когда-то Россию сильной страной, без которой в Европе ни одна пушка не стреляла.

Политика эта не нова. В течение веков, пока Россия осваивала Север, это не вызывало пристального интереса со стороны Европы. Но как только Россия вышла к Черному морю и Кавказу, этот регион немедленно стал объектом самого пристального внимания тогдашней владычицы морей — Британии. Хотя ни один фунт английских товаров не проходил через черноморские проливы. В первой четверти XIX века в договорах Британии с Персией Лондон даже включал статьи, обязывающие Иран продолжать войну с Россией! А всего через несколько лет после того, как Грибоедов, который был не только автором знаменитого «Горя от ума», но и искуснейшим дипломатом, утвердил влияние России в Иране, англичане начали вооружать кавказских горцев против России. После первого дипломатического скандала английское посольство даже принесло извинения, но потом уже без стеснения открыто поддерживало отряды Шамиля...

Цель? В Лондоне, не стесняясь, говорили в ходе Кавказской войны середины XIX века, что граница России должна проходить севернее Терека и Кубани.

— *Кстати, о Кавказе...*

— А его роль в западной стратегии отеснения России от черноморско-кавказского региона не меняется. Лорд Бальфур в 1918 году, когда Антанта оккупировала дорогу от Баку до Батуми, изрек: «Единственное, что меня интересует на Кавказе: кто контролирует железную дорогу, по которой везут нефть. А аборигены пусть разорвут друг друга на куски». Кстати, эту фразу воспроизвела газета «Гардиан» во время бесланской трагедии. Это была одна из немногих честных статей, где автор стыдил западных политиков за то, что они убийц детей называют «повстанцами» и «борцами с режимом» и что у Запада есть своя заинтересованность в дестабилизации обстановки на Кавказе. С этим автором мы впоследствии подружились, и он сейчас сотрудничает с нашим Институтом демократии и сотрудничества в Париже.

— *Наталья Алексеевна, недавняя операция по принуждению к миру — тоже наша победа? Судя по всему, кое-кому ее тоже хотелось у нас отнять. Зачем?*

— Конечно, победа! Впервые за 15 лет Россия поступила так, как велели ей ее совесть, честь, национальное достоинство, исторические обязательства и собственные интересы. И все это — без оглядки на Запад! Россия показала, что мнение о ней собственного народа выше, чем похлопывание по плечу Буша. Ясно ведь, что весь сыр-бор в западной прессе по поводу грузино-осетинского конфликта вовсе не из-за Грузии, а из-за новой силы и проявления воли России! Ну и, конечно, крах надежд на создание плацдарма против нас в нашем южном подбрюшьи. Бьюсь об заклад: находишь Грузию где-то в районе Ленской губы, никто на Западе так бы не переживал о ней. Но именно антироссийская грузинская политика очень необходима Западу. Особенно, как все уже заметили, Штатам и Британии, и именно в таком важнейшем регионе, как Черное море, — оно не утратило своего значения за три века! Более того — сегодня это военно-морские подступы к региону мировых ресурсов. Грузия Саакашвили должна была выполнить роль тарана для вытеснения России как главного военного игрока из Черного моря. Вход американского флота в Черное море — это же мечта лорда Пальмерстона времен Крымской войны и лорда Бальфура времен Гражданской! Но для нас потерять эту позицию означает поставить крест на своем. Не говоря уже о том, что все российские народы, которые, как осетины и абхазы, осознанно добровольно соединили свою судьбу с русскими, вообще бы перестали уважать Россию и надеяться на нее. Недоброжелатели только того и ждали: нам бы устроили быстро десять новых Бесланов, подожгли бы весь Кавказ, оттесняя нас на северо-восток Евразии.

— *Можно ли провести параллели с попыткой украсть Победу в Великой Отечественной с тем, что творилось в западной прессе после грузино-осетинского конфликта?*

— Пресса на Западе ангажирована не менее, чем наша в советские времена. Во Франции она очень русофобская, хотя некоторые каналы ТВ все же держатся объективнее. Я уже дважды выступала в полемике, и мне давали высказаться.

— *И даже по кавказской теме?*

— Недавно участвовала в дискуссионном клубе на канале «Франс-3». Отлично получилось: пять участников и публика. Французский депутат, журналист, известнейший профессор-демограф Эммануэль Тодд, кстати, написавший очень пророчливую книжку, где предсказал крах американской бумажной финансовой системы — гигантской пирамиды — и крах американского доминирования. Далее я — ваша покорная слуга, и в качестве представителя грузинской позиции — интеллигент режиссер Отар Иоселиани, давно живущий в Париже. Большого вреда своей Грузии эта кинематографическая знаменитость не мог принести. Он начал с того, что «таких наций, как осетины и абхазы, нет, таких языков не существует, что спустились дикари с гор на их «грузинские земли», «российское правительство — это наследники Берия и Сталина», конфликт «устроила оставленная советами подрывная гэбистская сеть с бомбами и террористическими ячейками», а русские — «так это вообще монголы, неевропейская нация, у них, мол, даже физиогномические черты это доказывают»... Позорище!

Ведущий заерзал, стал его перебивать: во Франции нет большего криминала, чем оскорбить какую-то нацию. Эммануэль Тодд бурно возмутился: «Так может говорить о других только неевропейская нация!» Я проворковала, что вот, мол, мой уважаемый оппонент выбрал такую логику, в которой и вашу Французскую революцию, наверное, сделали британские шпионы, чтобы уничтожить соперницу, русскую революцию — немецкие шпионы. Объяснила публике, откуда ведется конфликт, как Грузия выходила из СССР, как нарушила закон, лишив автономии права на отдельный референдум, как те не подчинились насилию, как Грузия никогда не контролировала эти территории, потому-то у осетин и абхазов никогда и не было грузинских паспортов, а оставались лишь истекшие советские. В заключение, нежно улыбаясь, сказала, что самым желательным для России всегда была бы большая сильная и дружественная Грузия, но сами видите, какое отношение...

— *Украина и Грузия в декабре снова попытаются стать субчленами НАТО. Не получится ли так, что теперь каждый раз в дело будет вмешиваться их «старший брат»?*

— Не думаю, что Вашингтону так легко удастся убедить европейских членов НАТО принять Грузию в НАТО и взять на себя тем самым обязательство воевать вместе с Грузией во всех ее авантюрах. С Россией ссориться Европа не очень хочет — это уже ясно. Вот Меркель, например. Уж какая «атлантистка» была при занятии поста канцлера ФРГ! А теперь уже иначе говорит. Тем более когда США явно надорвались. Ведь финансовый кризис — это на самом деле государственная катастрофа, крах престижа. Это рубеж, после которого уже начинается «постамериканская эра» — об этом уже пе- стрят заголовки серьезных изданий. Надо при этом пони- мать, что потенциал США еще очень велик, его еще надол- го хватит...

— *Как вы думаете: как изменится мир после конфлик- та на Кавказе? Мир откажется от Грузии? И как нам вести себя, чтобы снова не получить обвинения в агрессии?*

— Мир уже изменился. Однополярный мир не состоял- ся, он потерпел крах. Будет выстраиваться многоцентрич- ность, и нам надо самим определить свою стратегию. Надо немедленно развивать Восточную Сибирь, искать там нефть, но строить там не только трубопроводы в другие страны, а полноценную переработку и нефтехимию. Политически не надо перегружать свой корабль одновременными резкими движениями сразу на всех направлениях. Наш корабль по- шел по трудному фарватеру, но он идет и управляется впол- не надежно. А что касается обвинений в агрессии, то напо- мню слова Ивана Аксакова: «Если поднимается свист и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знай- те, что какая-либо западная держава готовит бессовестней- ший захват чьей-либо чужой земли».

— *На какие наши победы, как вы думаете, будут поку- шаться в ближайшее время?*

— Если сами не будем глумиться над своей историей, то и другие не посмеют. В ноябре будет 90-летие окончания

Первой мировой войны, а у нас война 1914 года по-прежнему считается империалистической. А ведь нам угрожала потеря итогов двухсотлетней истории. И кайзеровская Германия нам объявила войну, а не мы ей! Кстати: карта планов кайзеровской Германии 1911 года как две капли воды похожа на карту расширения НАТО!

А у нас даже памятника героям Первой мировой войны нет! Так что поем «Прощание славянки»! И непременно всем нашим 142-миллионноголосым хором!

Алексей Овчинников, «Комсомольская правда», 2008

КАВКАЗ, ВОСТОК И РОССИЯ

КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ — СРЕДСТВО ГЕОПОЛИТИКИ

Панорамный взгляд на события в Черноморско-Кавказском регионе приводит к выводу: и Чечня, и системность терактов, и напряженность в Грузии, и борьба за пути газопроводов через Каспий и Черное море — суть события связанные. Они объединены неким общим геополитическим сценарием, в итоге которого Россия будет оттеснена на Северо-Восток Евразии от главного коммуникационного региона, ключом к которому является Черное море.

Пристальное внимание сегодняшних вершителей мира к южному подбрюшью России уже нельзя объяснять заботой о правах человека и вселенской демократии — оно уже структурно оформилось в объявленном намерении США передислоцировать свои ракеты по границам СССР. О целенаправленном стратегическом вытеснении России с рубежей ее трехвекового влияния свидетельствует упорное вмешательство «цивилизованного сообщества» во внутренние дела России на Кавказе. Этому служит и поощрение рискованных провокаций Грузии против своих пророссийски настроенных автономий — Южной Осетии и Абхазии, конституционные права которых были нарушены при выходе из СССР. Еще красноречивее — создание всевозможных конфигураций и механизмов военного взаимодействия в Черном море без России.

На деле перед нами проявление весьма старых геополитических констант. К ним относится «восточный вопрос» и присутствие на Кавказе, стоявшие за неудачной для России Восточной (Крымской) войной 1854—1855 гг. Но сюжет Восточного вопроса разыгрывался и в течение всего XX века —

на полях обеих мировых войн, в годы Гражданской войны и сразу после распада СССР, в ходе дипломатических баталий в Версале и на сессиях Совета министров иностранных дел в 1945—1947 гг., в 90-е годы в Боснии и Косово, в Дейтоне и на Стамбульском саммите.

150-летний юбилей Крымской войны весьма оттеняет современную стратегию заинтересованных держав. Россия в начале 90-х годов почти добровольно сдала позиции, важность которых осознавали все, кто 343 дня с беспримерным героизмом отстаивал Севастополь. Что же касается участников Крымской коалиции против России, то их политика весьма преемственна и не менее энергична, что видно на примере Чечни.

История Кавказских войн XIX века стала чуть ли не нормативным клише исторического мышления на Западе, эдаким пособием по политике «захватнической колониальной» России. На деле — это воспроизведение большевистской нигилистической интерпретации русской истории, созданной из русофобских штампов Фридриха Энгельса из его «Внешней политики русского царизма» и суждений Карла Маркса. Но, как показывает анализ источников Маркса, они заимствованы исключительно из британской публицистики времен Крымской войны. Авторами же их, как правило, были капитаны британских кораблей, осаждавших Севастополь. Однако созданный образ России — «угнетательницы кавказских народов», приправленный злодеяниями сталинского режима, выселившего невинных чеченцев, не выдерживает никакой исторической проверки.

Кавказская война XIX века началась вовсе не в связи с попыткой России «завоевать» Кавказ. Кавказ вошел в состав России много раньше и в основном с добровольного согласия. Посольства от адыгов, кабардинцев, осетин, аварцев и других народов Дагестана с челобитными, чтобы «их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопы, а от крымского хана оборонил», поступают с XVI века. Эти народы стремились найти защиту у России от турок и персов, постоянно грабивших их и угонявших в рабст-

во. Именно по просьбе влиятельных северокавказских владетелей и были построены первые русские крепости на Северном Кавказе, в частности, Терский городок в начале второй половины XVI века.

Добровольные присягания на верность и подданство кавказских общин и владетелей есть документированный исторический факт, как и даже нередко повторяющееся предложение «креститца». Медленное течение этого процесса, растянувшегося на два века, объясняется просто. Россия не искала в этих регионах материальных выгод или земли, а лишь укрепления перед давящими на нее, как, впрочем, и на всю Европу, Османской империи и Персии. Другой причиной, осложнявшей процесс, были устойчивые междоусобицы между кавказскими князьями, которые сами стремились под эгиду России, но не желали, чтобы это же делали их соседи-соперники. Россия же уклонялась от их тягб и втягивания ее в борьбу с иранскими шахами и султаном. Так, несмотря на прошения дагестанских князей, Россия, будучи в состоянии мира с шахом, признавала за дагестанскими правителями «обчего холопства», то есть подданства Ирану и Москве. Нежелание обострить отношения с Персией и Оттоманской империей, а начиная с середины XVIII века и с западными странами, также побуждало к осторожности. Стоило кавказскому командованию поддержать одну из группировок кавказских владетелей по их просьбе, как другая начинала искать поддержку у Порты. Все это типично для процесса формирования государств и наций и мало чем отличается от западноевропейской истории.

Не имеет аналогов в европейской истории другое. Никакого завоевания земли, стона населения и насильственной русификации, что сопровождало всегда западноевропейское расширение, при этом не было. Наоборот, русское подданство позволяло горцам занять плодородные долины и спуститься с гор, куда их загнали в свое время монголы и Тамерлан, а потом удерживали турки и персы. Терский городок стал местом не устрашения, а защиты. К концу XVII века к его стенам прилепились «слободы великие» — «Черкасская», «Окоцкая», «Татарская», и население аборигенов в три раза

превосходило русское. Если в британской Индии мальчишка-англичанин, войдя в вагон, мог вытолкать вашей семьей раджи, то дочь кабардинского князя Темрюка Идарова, много сделавшего для вхождения Кабарды в Россию, княжна Кученей, во святом крещении Мария, в 1561 году стала русской царицей — женой Иоанна Грозного.

Однако Кавказ принадлежит к таким геополитическим точкам, которые определяют соотношение сил во всем южноевропейском-малоазийском регионе. Европа и Турция не волновались освоением русскими Ленской губы, но выход России к Черному морю превратил кавказские проблемы в предмет весьма заинтересованного участия и беспардонных интриг всей Европы. На пороге Нового времени постоянным подстрекателем Крыма и горцев против России были поляки, которые до всяких «разделов» в течение четырех веков (XIII—XVII) с Болеслава Смелого до Сигизмунда неустанно давили на Русь. Польша видела в султанах и Крымском ханстве потенциальных союзников в борьбе за Малороссию. Франция, особенно при Наполеоне, мечтавшем контролировать оба побережья Средиземного моря, рассматривала Россию как соперницу на Востоке, была заинтересована в доминировании Порты на Черном море и была весьма активна против России на южном направлении.

Не желая осложнений с державами и понимая, какой язвой был Кавказ, Павел I еще в начале XIX века не хотел окончательно оформлять присоединение Кавказа и Закавказья, предпочитая «устойчивую «горскую федерацию», — буфер, который бы успешно выстоял против «покушающихся врагов». Это так же мало соответствовало кавказской действительности и мировой геополитике двести лет назад, как и сегодня. После присоединения Крыма и вхождения Грузии стало ясно, что удержаться в качестве черноморской державы, не имея в тылу Кавказ, невозможно. Но с момента утверждения на Черном море подрыв южных рубежей России стал константой стратегии владычицы морей — Британии.

До сих пор закрыты внешнеполитические архивы в Англии, в которых, по единодушному суждению историков,

кроется британский след за убийством в Персии Александра Грибоедова, заключившего в 1829 г. важный Туркманчайский договор с Ираном, после чего русское влияние в Персии было принципиально утверждено.

В 1833 году был заключен Ункиар-Искелесийский договор России с Турцией о совместном контроле проливов. Это так и осталось кульминацией дипломатических успехов России на Ближнем Востоке в XIX веке. Этот договор между двумя единственными тогда черноморскими державами, достигнутый дипломатическими, а не военными средствами, фиксирующий статус-кво и не нацеливающийся на чужие территории, тем не менее вызвал «негодование» Франции и Англии, которые в ноте к Турции отказались с ним считаться и начали создавать коалицию, втягивая в нее Австрию. Это достижение столь очевидно показало западным державам перспективу закрепления России в геополитически важном регионе, что движение к Крымской войне представляется естественным. Именно тогда Англия начинает открытую помощь горцам Кавказа против России. У берегов Черного моря была застигнута британская шхуна «Виксен», выгружавшая оружие для «черкесов». Был дипломатический скандал.

Вот геополитический фон, на котором надо рассматривать Кавказскую войну XIX века, начавшуюся не из-за уже давно состоявшегося присоединения Кавказа, а в связи с действиями российских властей в новой обстановке. Она вступила в конфликт, среди прочего, с интересами северокавказских владетелей, связанных с Персией и Турцией, за которыми стояла Британия.

Литература по кавказоведению неизменно указывает на особую остроту отношений горных чеченцев и ингушей как с другими кавказскими общинами, так и царскими властями. Однако и чеченцы с ингушами добровольно вошли в состав России. Именно с началом Русско-турецкой войны Чечня и Ингушетия сами вновь подняли вопрос о принятии их в российское подданство. В 1768 году «со своими детьми и народом» повторно присягнул Али-Султан Казбулатов. В 1770 году 24 ингушских старейшины во главе с Гарси Чопановым

и Сурховом Мирзахановым явились в Кизляр к коменданту генералу И.Немичу с «доношением» как «присланные от всего народа их общества», в котором говорилось, что они имеют «усердное желание поступить в вечное е.и.в. подданство» и желают все «генерально криститца».

Деятельность и идеи мюридизма имама Шамиля имели взлеты и падения. Судя по документам и исследованиям, движение горцев во многих районах было направлено против кавказских же местных владельцев и имело ярко выраженный социальный и религиозный характер. Но именно в Чечне на первое место выдвинулась «борьба против царских властей». После первого периода войны с его успехами и итоговым поражением Шамиль бежал в горную Чечню.

Горные чеченцы никого не любили и торговали одинаково как русскими невольниками, так и кавказскими рабами. Следует для того времени отличать отношения России с горными и с равнинными, «плоскостными» чеченцами, занимавшимися хозяйственной деятельностью. В горах же в массовом порядке укрывались все, кто бежал от правосудия, — прежде всего кавказского, а не только царского. Фактом является и то, что Шамиль, опорой которого были именно горные чеченцы, куда более жестоко, чем царский генерал Ермолов, вырезал целые аулы и кланы, не желавшие идти вместе с ним. В Дженгутае Шамиль сжег дворец Ахмед-хана Мехтулинского, угрожал Темир-Хан-Шуре, уничтожил в ряде селений «греховодную знать». В Гидатле были истреблены «16 почтеннейших людей», истреблена также знать Андаляля, Кадиба, Соситля и многих других селений. Мюридам приходилось оружием и убийствами насаждать шариат и теократические порядки имамата. На Кавказе не было ни общекавказского национального самосознания, ни основ для объединения даже под знаменем мюридизма, раздираемых междоусобицами общин, соперничающих за рынки работорговли.

Опыт Кавказской войны нельзя трактовать как однозначно негативный: ибо за победой российской власти последовал самый длительный мирный период в этом всегда бурлившем регионе. Однако этот период дает назидательное

представление о константах мировой политики вокруг этого региона, вызывает яркие аналогии с сегодняшним международным спектаклем вокруг чеченской темы.

Закат дела Шамиля и приближавшаяся русская победа примечательно совпадает с началом неудачной для России Крымской войны. В Британии наиболее радикальные круги, в частности, лорд Пальмерстон открыто ставили цель отторжения от России Крыма и Кавказа и создания марионеточного государства «Черкесия». «Таймс» открыто писала, что «граница России на Кавказе должна проходить к северу от Терека и Кубани». Предполагалось отторгнуть от России все Закавказье — Грузию, Армению, Мингрелию, Имеретию, передать Ирану и Турции все части, вопреки Гюлистанскому и Андрианопольскому договорам.

В стремлении использовать против России кавказских горцев участники крымской коалиции сразу нашли общий язык. Турецкое и англо-французское командования пытались установить связи с горцами. В «совете союзных держав» было решено с помощью Османской империи и Шамиля комбинированным ударом — с фронта и тыла — разгромить русские войска на Кавказе и отбросить их за Кубань и Терек. К горцам были отправлены тысячи османских и английских эмиссаров с воззваниями и письмами, призывавшими к «священной войне» против России.

Вопрос о «независимой Черкесии» пытались ставить на Парижском конгрессе, выработывавшем итоги Крымской войны, хотя Кавказ вообще не был причиной и темой Крымской войны. Примечательно, что именно после падения Севастополя — русской военно-морской твердыни — английские уполномоченные по переговорам немедленно заговорили об отторжении от России Закавказья и Северного Кавказа, что противоречило всем признанным трактам по региону.

Поражение английской дипломатии по северокавказскому вопросу на Парижском конгрессе по итогам проигранной Россией Крымской войны вызвало бурю негодования в Англии. Британский парламент обрушился с обвинениями на Министерство иностранных дел (почти как датский парламент

обрушился на задержание Ахмеда Закаева), некоторые ораторы протестовали против ратификации Парижского мира и настаивали на продолжении войны, потому что северокавказские проблемы не были решены в пользу Британии.

Однако придать новый импульс горскому движению уже не удалось. Шамиль не спешил выполнять призывы к совместным действиям и сразу заслужил откровенное суждение английского посла в Константинополе. Тот назвал Шамиля «фанатиком и варваром», «с которым не только нам, но и Порте будет трудно установить какие-либо достойные уважения отношения». Кавказская война закончилась победой России, но тут же началась дипломатическая война, эксплуатировавшая кавказскую тему, удивительно напоминающая сегодняшнюю ситуацию.

Роль османских и английских эмиссаров на Кавказе резко активизировалась после пленения в 1859 году Шамиля. В Лондоне и Константинополе были созданы «черкесские комитеты» под флагом защиты «независимой» Черкесии. Они были тесно связаны с парижским центром польской эмиграции, яростно интриговавшей против России. Не стоит удивляться поэтому ни сегодняшним комитетам в защиту Чечни, ни демонстрациям поляков-католиков в поддержку бандитов, режущих на пороге третьего тысячелетия от Рождества Христова головы христиан...

Имелся и свой «ахмед закаев»: в 1862 году в Лондоне и Париже появился некто Измаил-Баракай-Ина-Дзиаш, представитель «Черкесии», «присвоивший», как говорят документы того времени, «себе исключительную роль дипломата», который по возвращению на Кавказ заявил, что «Европа расположена оказывать нам помощь».

XX век с его борьбой тоталитаризма и демократии заслонил неизменность мировых реалий, но от этого они не стали менее постоянными.

О планах перекройки Кавказа в начале Первой мировой войны свидетельствуют посулы младотурок, которые они раздавали российским народам в надежде на то, что «на Кавказе восстанут против русских татары, грузины и горцы».

В случае «изгнания русских» младотурки обещали «на северо-западе создать автономную Грузию в пределах Кутаисской, Тифлисской, Батумской и части Трапезундской губерний», в северо-восточной части «выделить автономную мусульманскую область в составе Дагестана, Бакинской и части Елизаветпольской губерний».

В документе крупного германского дипломата и рейхсканцлера Германии перед Первой мировой войной фон Бюлова записано: «в войне с Россией... мы должны в конечном счете оттеснить Россию от обоих морей — от Балтийского и от Понта Евксинского, на которых и зиждется ее положение мировой державы.»

Фактически эту цель двух германских «дранг нах Остен» XX века в точности повторили англосаксы. Союзники России по Антанте сразу воспользовались большевистской революцией и временным распадом страны.

В годы Гражданской войны старые русские дипломаты, имевшие дело с союзниками по Антанте, с горечью констатировали: «Осложнения с англичанами происходили на почве несомненной двуличности их политики». «Подобно тому, как на берегах Балтийского моря наши прибалтийские окраины находили у Великобритании могущественную поддержку... то на берегу Черного и Каспийского морей такую же поддержку встречали и кавказские народы», — пишет в мемуарах Н. Михайловский, записки которого случайно найдены в начале 90-х годов XX века. Этот общий тон открыто был определен Ллойд Джорджем в английском парламенте, когда он прямо усомнился в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России.

Предпоследний царский министр иностранных дел С.Д. Сазонов, представлявший белых за рубежом, пишет в воспоминаниях о «грандиозном плане Англии, имевшем целью расчленение России. Балтийские государства должны были окончательно отрезать Россию от Балтийского моря, Кавказ должен быть буфером, совершенно самостоятельным от России, между нею и Турцией и Персией... таким же самостоятельным должен был стать и Туркестан... «независимость» Кавказа,

Туркестана и Балтийских государств ограничивалась бы практическим протекторатом Англии над этими областями».

Англичане появились на Кавказе и в Закавказье к ноябрю 1919 года, заняв Баку и железную дорогу до Батуми... Как писал белый генерал А.И.Деникин в «Очерках русской смуты», «с поощрения англичан грузины заняли враждебную позицию к русским». Когда простодушный полковник Роулинсон из британской военной миссии призвал горские народы подчиниться власти Деникина, указав, что противодействие — это акт недоброжелательства к союзникам, Британия публично его дезавуировала. Опубликованное обращение к министру иностранных дел Гегечгори гласило, что «мысли Роулинсона совершенно не выражают воззрений британского правительства», и грузинский лидер Гегечгори заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России». Ничего не изменилось и сегодня.

В архиве полковника Хауза, загадочного советника президента Вильсона, Россия трактуется как «чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу народов, населявших Российскую империю». В этом «новом мышлении» рассматривались переориентация Средней Азии на нового «опекуна» и структурное включение «Кавказа как части проблем Турции».

А в это время идеологическое доктринерство и геополитический нигилизм большевиков вдохновлял их на утопические расчеты. Таковыми был план через поощрение всемирной исламской революции сначала сокрушить противников пролетарской революции, а затем подчинить ее нуждам сам ислам. Большевики вооружали и финансировали националистических лидеров панисламистского и пантюркистского толка. Однако те имели свои цели и, лавируя между Германией, Англией и Россией, обращали полученные средства против России, территории которой и были предметом их вождлений.

Так целью Энвер-паши — члена младотурецкого триумвирата и будущего басмача — было возвращение Турции утраченных позиций в Европе, на Кавказе и Азии. Ленин,

Троцкий и даже хитрый Сталин соблазнились идеями поставить на ислаимизм, поощряя «стремление мусульманских народов к самоопределению», чтобы затем создать всемирную социалистическую федерацию. Они поддались на предложения Энвер-паши подорвать позиции Англии через советизацию мусульманских окраин России. Но рапорт российского морского агента в Турции свидетельствует, что английский консул в Кашгаре был уверен в обратном: Энвер-паша с планами, совсем не совпадавшими с планами большевиков, прямо должен был способствовать укреплению позиций Великобритании. Так и случилось, и вскоре проекты мировой социалистической революции, разработанные в Москве, повернули на 180 градусов и грозили обернуться мировой исламской революцией, угрожавшей отнюдь не Лондону, а именно Москве.

* * *

Белое Терское казачество было враждебно революции и стало первым кавказским народом, подвергнутым выселению. Большевики жестоко расправились с ним. Сотни документов советских архивов до сих пор не опубликованы из политических соображений (ЦГА РСФСР, РЦХИДНИ, ЦГА ЧР). Следующие выдержки из них — лишь малая доля правды. С начала 1914 года, когда все силы казаков были брошены на фронт, станицы подверглись чудовищному разграблению и убийствам со стороны немедленно спустившихся с гор горных чеченцев и ингушей. Вторая волна грабежа последовала в 1917 году. Сами пострадавшие казаки не относили зверства на счет всех горцев. В их прошении на имя Государя отмечалось, что «всех жителей обвинять в этом позорном деле ни в коем случае не приходится, однако среди них есть самые скверные элементы, которые этим и занимаются» (ЦГА РСФСР). Однако большевики воспользовались услугами именно «скверных элементов».

Директива ЦК РКП (б) от 24 января 1919 объявила «беспощадную борьбу со всем казачеством путем поголовного

истребления» и задачу «уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях». Исполнители этой установки быстро и свирепо реагировали по телеграфу: «(станция) Нестеровская занята белыми при активной поддержке населения. Необходимо обрушительной быстротой выбить их оттуда и выселить всю станицу и передать их горцам» (1920 г., ЦГА РСФСР).

И. Сталин с удовлетворением телеграфировал В.И. Ленину из Владикавказа: «...Выселено в военном порядке пять станиц. Недавнее восстание казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев. Положение на Северном Кавказе можно считать устойчивым...» (РЦХИДНИ).

Казаков выселяли без средств, даже не позволив собрать урожай, обрекая их на голодную смерть. Выдержка из протокола заседания ЦК Советов Терской области весьма типична: «Постановили:... 1) Не разрешать казакам уборку озимых хлебов; ...разработать и представить план использования этого хлеба; 4) Предложить Чеченскому окружному исполкому немедленно вселить чеченцев во все станицы, откуда выселены казаки, и приступить к немедленному посеву на свободных землях этих бывших станиц» (ЦГА РСФСР).

Все это дорого обошлось и русскому, и чеченскому народу, да и самим Советским властям в годы Второй мировой войны. Очень вскоре сами большевики попытались остановить выходящую из-под контроля вакханалию насилия «скверных элементов» уже не только над «врагами» революции, но и над собственным народом. Но в 30-е годы казачество опять подверглось репрессиям и выселению — теперь уж в русле борьбы с кулачеством.

Тем временем фашистская Германия готовилась к новому переделу мира. Секретная докладная записка НКВД СССР «О положении в Турции и Ближнем Востоке» от 5 ноября 1940 года прямо указывала, что «в случае предполагаемого возникновения военных действий между Германией и СССР турки намерены выступить против Советского Союза с целью отторжения Кавказа и образования на его террито-

рии Второй Кавказской Федерации». С началом войны многие чеченцы героически сражались в рядах Советской Армии, но одновременно неизбежно вспыхивает бандповстанческое движение все тех же «скверных элементов», которых большевики натравливали на казаков, отдавая им земли.

Редкий документ «Обзор материалов о банддвижении на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР» НКВД от 1943 года показывает сухие статистические данные о массовом дезертирстве, бандповстанческом движении и его доказанных связях с германскими диверсантами в годы войны. Если бы применить к чеченцам, виновным в сотрудничестве с гитлеровцами, те законы, по которым единообразно судили за подобное всех других граждан страны без учета их национальности, то пришлось бы посадить за решетку немало. Но Советские власти решили скопировать американский опыт и депортировали чеченцев, причем целыми семьями, в которых были ни в чем не повинные люди — способе, как видим, столь же неэффективном, сколь и аморальном. Следует напомнить, что США не только истребили коренное население Америки, но в годы Второй мировой войны интернировали и держали в концлагерях сотню тысяч японцев, среди которых не было ни одного дезертира или диверсанта.

Этот далеко не полный исторический экскурс необходим для того, чтобы понимать, что такое Кавказ для России и что такое Кавказский узел в мировой политике, к которой сегодня добавилась яростная борьба за контроль над нефтяными и газовыми ресурсами и путями их транспортировки.

А теперь совместим знание кавказского узла с общим направлением мировой политики.

Нынешний очевидный передел мира явно нацелен среди прочего на вытеснение России одновременно с Балтийского и Черного морей. Это была цель Германии в обеих мировых войнах, эту цель успешно продолжают США. Им опрометчиво подыгрывает по инерции старушка Европа, значение которой для США уменьшается прямо пропорционально сокращению влияния России, после чего Европа окончательно превратится в тыл для евразийской стратегии Бжезинского.

Кавказ и Черное море неразрывно связаны между собой. Чеченские боевики, подстрекаемые извне, пытаются взорвать Кавказ изнутри, выйти к Причерноморью. Элементом общей мозаики является и рискованная провокационная политика нового грузинского руководства, явно пытающегося угодить своим спонсорам. Южная Осетия — ворота из Закавказья на Северный Кавказ.

Чеченская война имеет не только геополитический аспект. Помимо роли Кавказа для позиций на Черном море, он объект геоэкономики, ибо основной нефтепровод России идет через Чечню и Дагестан. Непосредственную выгоду от чеченской войны получали именно англо-американские нефтяные концерны, стремящиеся к полному контролю над путями трубопроводов из Каспийского бассейна.

Россию явно оттесняют от региона мировых ресурсов, который обнимает Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Северный Иран, российское Предкавказье. Северная кривая этого эллипса — это и есть Средиземно-Черноморо-Каспийский регион, являющийся военноморскими и стратегическими подступами к сырьевой кладовой. Начинаясь от Средиземного моря, эта кривая идет через Черное море, Российское Предкавказье, захватывает Грузию и Закавказье, далее в Среднюю Азию и замыкается в Афганистане.

Южная кривая, начинаясь от того же Средиземного моря и проливов, соединяет Турцию, Персидский залив с Пакистаном и замыкается опять в Афганистане. Афганистан и Ирак были уничтожены, кто следующий? Иран?

Заметим, что северная граница этого эллиптического региона примыкает к Украине, Молдове, Кавказу и Закавказью. Это объясняет стратегию втягивания в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря. Этой стратегии подчинены истерическая травля Белоруссии — недостающей части выкладываемой мозаики, борьба за Украину, вовлечение Грузии в американскую орбиту. Эта же цель определяет и постоянные попытки Запада придать чеченско-

му уголовному мятежу ореол национально-освободительного движения.

Неслучайно чеченский конфликт из обыкновенного уголовного мятежа превращен в инструмент мирового проекта. Разумеется, в Чечне реализуется и проект радикального нетрадиционного ислама и его террористических центров. Но исламский экспансионистский импульс всегда имел не-исламского дирижера, направлявшего его по нужным геополитическим линиям.

Однако дудаевский режим со всей очевидностью не только не выражал волю большинства чеченцев, но и вообще не имел вначале характер национального или религиозного явления. Психологический портрет Дудаева, позировавшего не в национальной одежде, а исключительно в парадном генеральском мундире Советской армии, его риторика демонстрировали скорее образ латиноамериканского диктатора, а не выразителя национальных и религиозных чаяний. Переворот генерала Дудаева носил чисто властно-экономический мафиозный, а не религиозный характер, и ничто не угрожало всекавказским сопротивлением при его своевременном подавлении.

Но «миротворчество» после первой военной кампании оказалось тем более губительным — оно обесмыслило жертвы, уже понесенные армией и достигнутые немалые успехи, поставило в критическое положение русский народ и народы Кавказа, а также отдало в руки бандитов лояльную часть чеченского народа, который был попросту оккупирован бандформированиями и разноплеменными идеологами и наемниками, давно готовыми к десанту из международных центров.

Когда террористические акции перекинулись в Дагестан, именно дагестанцы, опровергая миф о всекавказской солидарности с иностранными наемниками и местными бандитами, показали урок подлинного общероссийского гражданского самосознания. Это было предупреждением, что дальнейшее безволие центральных властей приведет к краху российской государственности, если Москва окажется не-

способна защитить ни русских, ни народы, связавшие свои судьбы с Россией и осознанно сохраняющие ей верность. Именно попустительство чеченскому уголовному мятежу и его ложная интерпретация позволили ему обрести такие внутренние и международные параметры, которые сделали его инструментом международного давления и терроризма.

После Хасавюртовских соглашений, новые уголовные чеченские авторитеты и их боевики, профессионально подготовленные в афганских и пакистанских лагерях, уже были поставлены вовсе не внутренними силами, а извне, из единой кузницы идеологических кадров и профессиональных террористов. В Центральной Азии, на Кавказе и на Балканах были задействованы новые тайные операции на базе пакистанских военных и разведывательных структур. Ваххабитские миссионеры из Саудовской Аравии были внедрены в мусульманские республики исторического государства Российского.

Й. Бодански, руководитель Рабочей группы Конгресса США по терроризму и нетрадиционным методам войны, утверждал, что нынешняя стадия чеченского конфликта как инструмента международной террористической сети была запланирована на секретном саммите организации Хезболлах Интернэшнл в 1996 году в Могадишо (Сомали). Его участником был Бен-Ладен, который в свое время был поставлен ЦРУ, и высокопоставленные чины пакистанской разведки, сыгравшей ключевую роль в организации банд Шамиля Басаева и Хаттаба. Перед этим в 1994 году Межведомственная разведка (Inter Service Intelligence) Пакистана организовала для Басаева и его доверенных командиров интенсивный курс исламской идеологии и боеподготовки в афганском лагере Амир Муавиа, созданном еще в начале 1980 годов ЦРУ и МБР, после чего Басаева перевели в пакистанский лагерь Марказ-Давар для спецподготовки.

В Пакистане Басаев встречался с тогдашними министром обороны А. Ш. Мирани, министром внутренних дел Н. Бабаром и главой отделения МБР по поддержке исламских движений Дж. Ашрафом. Басаеву было поручено возглавить нападения на федеральные силы в первой чеченской кампа-

нии в 1995 году. В Афганистане Басаев установил прочную связь с уроженцем Саудовской Аравии моджахедом-ветераном Аль-Хаттабом. После возвращения Басаева в Грозный в начале 1995 года Хаттаб был приглашен создать базу подготовки боевиков в Чечне. Этот отряд действия на местах получал финансы и оружие не для того, чтобы жить в независимой и изолированной нищей «Ичкерии». Их цель — через кровавые междоусобицы втянуть весь Кавказ в войну против России, отторгнуть его, Ставрополье и Краснодарский край, который неслучайно именуется в их картах как «исламская республика Адыгея», выйти к Черному морю, взять Крым, Балканы.

Широко применяемый дипломатический тезис «солидарность в борьбе с международным терроризмом» не должен вводить в заблуждение — цели международного терроризма против США и против России совершенно различны. От США террористы требуют всего лишь невмешательства в дела иных миров, тогда как от России — территории, те самые, за которые в течение трехсот лет шли войны. США воюют с международным терроризмом за интересы, Россия — за жизнь и территориальную целостность своей страны. Странно, что Европа до сих пор не осознает, что из всех явлений, объединяемых сегодня термином терроризм, именно в Чечне и в Косово действует самый опасный терроризм — терроризм как инструмент геополитических планов и перекройки границ.

Запад, который утверждает лишь о правах человека и о политическом решении чеченской проблемы, не может не видеть, что в Чечне действует хорошо отрежиссированный сценарий, разработанный далеко от российских границ, и что России угрожает отторжение огромной территории, и это дает ей право защищать свою территориальную целостность, подавляя уголовников и террористов.

Вряд ли на Западе не понимают, что во время дудаевского правления в Чечне были нарушены все без исключения положения известных Международных пактов по правам человека ООН (International Covenants on Human Rights). Совет

Европы знает, что не Российская армия, а боевики являются варварами, освободившими себя не только от этики войны, но и от всякой человеческой этики вообще. И хотя эти варвары режут на пороге III тысячелетия от Рождества Христова головы христиан, «Священная Римская империя» молчит.

В соответствии с основополагающим принципом международного права — уважением территориальной целостности государств, — полагается применять общий стандарт для внутренних конфликтов как в Испании, в Ольстере, так и в Чечне. Но «правозащитники» направляют пафос на обличение Российской армии, хотя равнодушны к бандитскому геноциду собственного чеченского народа, к русским девочкам, изнасилованным в станице Асиновская, тысячам русских рабов в подвалах чеченских «борцов» за свободу, к изгнанию еще из дудаевской Чечни ограбленными и униженными 300 тыс. русских и более 400 тыс. мирных чеченцев. Полностью игнорированы факты, когда «мирное население» — «семьи», вооруженные приборами ночного видения и системами залпового огня, откровенно признавались перед телекамерой, что «готовили это оружие целых три года». Вооруженные люди, соучаствующие в военных действиях, по международному праву считаются «комбатантами» — «сражающимися» и не относятся к мирному населению. Ясно, что тезис о якобы «массовом нарушении прав человека» во время военных действий муссируется исключительно для обоснования «права на самоопределение»...

И хотя Россия своим сопротивлением переделу мира и радикальным параисламистским стратегиям защищает собой Европу, хотя решительность российского руководства в отношении терактов и в Москве, и на территории Чечни безусловно обесмыслила многие потенциальные теракты против западных стран, «Европа в отношении России», как и во времена Пушкина, — «столь же невежественна, как не благодарна».

АГРЕССИЯ ГРУЗИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Комментарий руководителя парижского отделения российского Института демократии и сотрудничества, президента Фонда исторической перспективы Наталии Нарочницкой.

Если Саакашвили думает, что, совершив такую агрессию, он безнаказанно, ничего не потеряв, вернется в прежнее положение, то он, конечно, глубоко заблуждается. Как правило, все подобные шовинистические агрессии и амбиции заканчиваются тем, что совершающий их теряет не только вновь завоеванные, но и прежние позиции.

Геополитический контекст происходящего всегда был очевиден — это Восточный вопрос, это Саакашвили торгует перед Западом своим геополитическим положением. Ведь никому Грузия не была бы нужна, если бы она находилась где-нибудь на Кольском полуострове, в районе вечной мерзлоты и не имела бы стратегического выхода к Черному морю. Это регион, за который войны шли 300 лет, и англосаксы всегда пристально следили за всем, что здесь происходило. В начале XIX века Англия поддерживала все время Иран в войнах против России, и, например, в одном из договоров даже поставила пункт, обязывающий Иран продолжать войну с Россией — это факт исторический.

Считаю, что сейчас создались такие условия, о которых сказал премьер-министр Путин, — Грузия нанесла смертельный удар по своей территориальной целостности. Безусловно, можно ставить вопросы, которые раньше из деликатности Грузии не ставились на международном уровне. Откуда вообще этот конфликт? Где его корни? Как Грузия выходила из Советского Союза? Как формировался ее нынешний территориальный и юридический статус? Грузия грубо нарушила закон 1990 года «О выходе из Советского Союза», по которому, если союзная республика имела на своей тер-

ритории автономии, то нужно было проводить референдум отдельно по автономиям. Им было в этом отказано. На самом деле, уже тогда шел конфликт между этими народами, конфликт именно по вопросу выбора государственного будущего. На него закрыли глаза. Признали Грузию противоправно в этих границах без необходимых процедур, а потом объявили конфликт сепаратистским, как если бы он возник на территории давно сложившегося и существовавшего как субъект международного права государства. Вот почему стороны в этом конфликте, в том числе и абхазы, и осетины, имеют право считать процесс незаконченным, а их права нереализованными.

Сейчас создалась возможность этот тезис продвигать. Я его разработала еще в 1992 году, но на том внутривнутриполитическом фоне, который тогда существовал, с этой козырьщиной во внешней политике и прочим, все были глухи к этому. А сейчас, безусловно, есть шансы ставить этот вопрос и, по крайней мере, на непосредственно грядущем этапе принудить мировое сообщество, все заинтересованные стороны смириться с новой парадигмой рассмотрения этого вопроса.

После того, что произошло в Южной Осетии, у России, как главного субъекта в этом регионе, есть возможность для политической инициативы.

15 лет Россия мирилась, терпела, никогда не подвергла сомнению территориальную целостность Грузии, ожидая: вдруг грузинское руководство образумится и предложит тем народам, которые противоправно увела, какой-то приемлемый для них исторический проект. Этого не произошло. Грузия проводит последовательную антироссийскую политику, в стране была развязана беспрецедентная кампания шельмования российской истории, все исторические события, даже бесспорные, трактовались в русле борьбы с «угнетательницей Россией».

В российских СМИ, в Интернете сейчас раздаются голоса, что политика России недостаточно жесткая, что нужно разорвать дипломатические отношения с Грузией... В целом

мы видим совсем иное отношение, нежели та вялая реакция нашего сообщества в начале 90-х на происходящее по всему периметру российских границ. Тогда не было национального консенсуса по вопросам внешней политики, которые оказались заложниками внутривнутриполитической борьбы.

Вспомним, как глумилась доминировавшая в то время либеральная пресса над нашей армией в Чечне...

А сейчас ситуация другая, даже на таких программах, в которых часто можно слышать скорее чужую позицию, нежели российскую. Приведу также один забавный эпизод. На днях, после выхода из студии телеканала «Вести», меня ждала камера нашего англоязычного канала Russia Today и, когда мы готовились к записи, устраивались на углу улицы, мимо проходила толпа молодых людей, явно очень веселых, они выкрикивали патриотические лозунги. Их невозможно было отогнать, они хотели принимать участие в передаче, пришлось их уговаривать и даже силой оттаскивать от камеры.

Но, с точки зрения реализации главной цели, реализации исторических интересов России — сохранить свои позиции, покровительствовать тем народам, которые верны ей, непродуманные резкие движения были бы неверными. Разрывать отношения — это значит лишиться себя возможности участвовать в урегулировании конфликта. Не может же вести переговоры страна, разорвав дипломатические отношения! Наоборот, мы ведем себя так, что все время ответственность — на Грузии.

Здесь нужна продуманность каждого шага, потому что нельзя давать воли эмоциям в таких серьезных вопросах.

Рисковать, впадая в эмоциональное состояние, совершенно нельзя. Пусть даже западные СМИ, в рамках своих хорошо нам знакомых двойных стандартов, не освещали гибель Цхинвали под грузинским артобстрелом, тем не менее, уже налицо очевидный факт: Грузия — агрессор, она бесчинствовала на этой территории, убивая гражданское население в течение многих часов и только после того, когда уже никаких сомнений не оставалось в том, что это не случайная,

отдельная акция, а настоящий военный поход, Россия вступилась, применила силу, и наши миротворцы имеют на это мандат.

Реакция должна быть разумной. Потому что слишком велика ставка и слишком важна историческая цель.

Столетие.ру, 2008

С ИНТЕРЕСАМИ РОССИИ ТЕПЕРЬ ПРИДЕТСЯ СЧИТАТЬСЯ

Реакция Запада на признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии была предсказуемой. Так, Лондон называл это решение «агрессией России в Грузии», Берлин — «абсолютно неприемлемым», а Вашингтон выразил чрезвычайное сожаление в связи с тем, что Москва пошла вразрез с их мнением. Ситуацию оценила в интервью каналу «Вести» руководитель Парижского отделения Института демократии и сотрудничества Наталия Нарочницкая.

— *Что, по-вашему, все-таки происходит в мире? Вроде бы все высказывают единое мнение, но, в то же время, есть разные оттенки, разные действия и кажется, что западные страны, Евросоюз, США пока еще не определились с тем, как реагировать.*

— *На Западе, наверное, действительно не ожидали, что национальная государственная воля России настолько уже консолидирована, что мы, сказав «а», скажем «б». Мы совершенно правильно сделали, иначе бы нас вообще тут же начали вытеснять со всего Кавказа и устроили бы нам двадцать Бесланов. Но ждать аплодисментов от тех, кто в течение 20 лет лелеял надежду вытеснить Россию из Черного моря, из региона, из-за которого 300 лет шли войны с Турцией и Персией, за спиной которых была Британия, а потом США, невозможно. Поэтому проанализируем это с другой*

точки зрения. Ведь это кажется таким неприятным только тем, кто в период так называемого нового мышления почему-то наивно решил, что в международных отношениях бывает либо конфронтация, либо объятия. Это реликт эпохи холодной войны. На самом деле международные отношения — сложная ткань, где есть дырочки, которые надо латать. Это очень серьезная работа. Есть темы, по которым у нас никакого согласия нет. Есть темы, по которым мы должны работать вместе и будем работать вместе. Все это сейчас понимают. Главная цель всей стратегии Запада, руководимой, конечно, прежде всего из Вашингтона, — это ведь не просто прием каких-то там восточных европейцев в НАТО. Вся эта линия давления главным образом была затеяна ради втягивания Прибалтики в НАТО и вытеснения России из Черного моря. Первое им все-таки удалось сделать. Но вот со вторым у них не получилось. Ну, дайте им немножко в истерике побиться! Я считаю, победные реляции здесь не нужны, но определенная твердость потребуется. Заметьте, что никто из них не заявил о том, что все, сворачиваем, разрываем дипломатические отношения. Меркель, при всей определенности ее отрицательного отношения, не сказала, что нужно прекращать контакты. Наоборот, она призвала их немедленно усилить, чтобы прояснить ситуацию.

— *Сегодня ей вторил министр иностранных дел, он сказал, что с Россией обязательно нужно вести открытый диалог.*

— Да, а что касается Франции, то такое впечатление, что бедного Саркози немножечко отругали в Вашингтоне, потому что он вроде считается атлантистом, а вот «Шесть пунктов...» подписал, хотя там нет пункта о территориальной целостности Грузии. Надо сказать, что в Москве все было виртуозно сделано. Это говорит о том, что на самом деле резервы выхода из этой внешне такой неприятной ситуации, но на самом деле абсолютно рабочей, штатной, как выражаются военные и техники, — они есть. Список так называемых санкций, которые обсуждают сейчас эксперты в отношении России, он, простите, смехотворный. Задержать вступление России в ВТО. Да кто туда особенно стремится? Если

бы стремились, мы бы давно пренебрегли негативными последствиями этого шага и полезли бы туда раньше. Так что это не та карта, которая вообще может нас интересовать.

Дальше. Не приглашать нас в «восьмерку». Ну и что? Ведь «восьмерка», по сути дела, это встреча в вип-клубе с шампанским. Встреча на самом высоком уровне, быть там престижно, но там ничего не решается. А если туда не будут приглашать тех, от кого зависят судьбы мира, то и встреча перестанет быть престижной. Я, наоборот, слышала от некоторых немецких политологов, что скоро уже и Китай надо будет пригласить, и Индию, потому что динамизм экономического развития давно переместился на Восток, который демонстрирует и рост, и развитие, и модернизацию. Но Запад тоже можно понять, они размышлялись о том, что Россия откатится от Черного моря, что туда войдет эскадра НАТО. Поэтому я думаю, что нас будут шантажировать многим. И вот здесь хотелось бы высказать такие важные вещи.

Нам будут говорить, что тогда надо признать Чечню и прочее. Уже сказали, Джон Маккейн высказался. Но здесь ведь надо обязательно указывать на то, что Грузия не правовым способом вышла из Советского Союза, не предоставив по закону референдумы своим автономиям. И только поэтому уже осетины и абхазы имеют отложенные права реализовать себя в свободном волеизъявлении. А РФ, например, не заявляла о выходе из Советского Союза, и ее автономии не стояли перед такой дилеммой. А по Конституции просто автономии не имели права выхода. То есть никаких параллелей не может быть. Забавно, когда госпожа Кондолиза Райс выражает некие сожаления и напоминает нам, что когда-то были какие-то резолюции ООН, которые мы подписывали и в которых так или иначе упоминалась территориальная целостность Грузии.

А они не подписывали резолюций, в которых говорилось бы о территориальной целостности Сербии, Югославии и так далее? То есть все, что они говорят, — зеркальное отражение того, что говорил им президент Путин и потом Медведев. В общем, их бесит, я не побоюсь этого резкого слова,

что Россия возомнила себя равной и считает, что с ее мнением, с ее интересами теперь придется считаться так же, как весь остальной мир, увы, считается, с интересами Соединенных Штатов Америки. Вот этот крах надежд на реализацию однополярного мира, он ведь тоже произошел вчера.

— *А свыкнуться-то все равно придется?*

— Свыкнуться придется, да. И у нас рычагов, чувствительных для них, тоже предостаточно, причем, гораздо более чувствительных, чем, простите, откладывание приема нас в ВТО. Это и транзит в Афганистан, и энергетическая безопасность Европы.

— *Наталья Алексеевна, недавно пришло сообщение, что глава Минсельхоза России Гордеев сказал, что Россия рассматривает возможность ограничения квот на ввоз мяса птицы и свинины из зарубежных стран. В частности, как известно, очень много продукции поставляется из фермерских хозяйств США, те же самые «ножки Буша».*

— За «ножки Буша» Америка готова воевать. Вот надо, кстати, поучиться у них, как защищать интересы своего производителя. Я же проработала 8 лет в Соединенных Штатах. Я прекрасно знаю эти замороженные ножки с желтым жиром, по 39 центов за фунт. Почти несъедобные. Ничего, наши производители кур за это время окрепнут, может быть, модернизируют свое производство, выйдут на конкурентоспособный уровень. Я думаю, что они почувствовали, что Россия сделала этот шаг, тщательно просчитав его. Посчитав, во-первых, что если она не сделает это, то это будет хуже, чем если бы мы вообще не вмешались. Что все покатится тогда просто по наклонной плоскости.

— *Это было бы просто уничтожение народа.*

— Уничтожение народа, плюс нам просто подорвали бы весь Кавказ. Мы давно осознали, что на самом деле это противодействие интересам идет уже очень давно. Просто сейчас истинные соперники оказались лицом к лицу, как писал Данилевский. Но мы тщательно просчитали, есть ли у нас силы и резервы выдержать эту неизбежную позиционную борьбу. И они есть. Мы сейчас самодостаточные. У нас

есть нефть, есть энергоресурсы, причем, мы не задираемся, я бы так сказала, мы готовы продолжать все рабочие встречи, все рабочие направления. Я думаю, сразу слишком много проблем решить нельзя. Нужно по отдельности, и тогда мы будем действовать с большим успехом. Я помню, как была в Нью-Йорке, работала в Секретариате ООН, когда началось очень резкое охлаждение отношений. Прошло несколько лет, Горбачев приехал в Нью-Йорк, и люди уже висели на окнах и махали ему рукой. Потом опять — империя зла. Потом объятия. И так далее. Это естественное развитие международных отношений, потому что изменяется соотношение сил, страны занимают немножко другое место. К нему надо привыкнуть. Но эта тенденция им не нравится, потому что она в пользу России.

— *Сейчас корабли НАТО заходят в Черное море, скажем так, играют мускулами. Это очевидно. А они говорят, что везут в Грузию гуманитарные грузы.*

— Трюмы, конечно, набиты оружием.

— *Непонятно, как в данной ситуации поведет себя Саакашвили. Как вы считаете, как будет развиваться ситуация в Грузии дальше?*

— Ну, во время войны, даже неудачной, обычно президенты и правительство не меняются. Как говорят, во время брода лошадей не меняют. Но совершенно ясно, что он завел в тупик и грузинскую национальную идею, и страну. Поставил крест на любой возможности даже конфедеративного устройства. Поэтому им недовольны все. И ярые шовинисты, я не назову их националистами, потому что националисты заботятся о национальной культуре, традиционных ценностях, а не унижают других. И сторонники более сбалансированного курса. Поэтому я не исключаю, что над Саакашвили тоже сгустились тучи. Он давно очень неудобная фигура для Запада. Его терпели, потому что он торгует своим геополитическим положением. Никому Грузия не была бы нужна без абхазского побережья. Поэтому я не исключаю, что Саакашвили сейчас больше всего боится за собственную поли-

тическую судьбу, а может быть, и вообще за свою судьбу. Думаю, что Грузия накануне серьезных перемен. Но нам нужно укреплять свой флот. Потому что только державы, имеющие выход к морю и военно-стратегически обеспеченные, именуется великими державами. И борьба за выходы к морю в течение всей истории была главным содержанием мировой политики до окончательного формирования политико-географического облика мира. Причем, проливы нужны не только для имперских пушек, но и для танкеров с нефтью. Я думаю, наша бизнес-элита это тоже поняла.

«Вести», 2008

НЕ ДАДИМ ПРОГЛОТИТЬ НАШИХ СОЮЗНИКОВ

Вокруг проблемы определения независимого статуса Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья разгорается жесткая полемика. Россия отстаивает право непризнанных республик на независимость, Запад пытается воспрепятствовать этому. Аргументируя свою позицию, обе стороны приводят кажущиеся неопровержимыми доводы. Но вот на чьей стороне нормы международного права? Об этом — руководитель Парижского отделения Российского института демократии и сотрудничества, известный политик, доктор исторических наук Наталия Нарочницкая.

— *Наталия Алексеевна, Запад не устает утверждать, что ни одна из непризнанных республик не имеет оснований требовать от мирового сообщества признания независимости. Вместе с тем сам факт, что дискуссия по этой проблеме ведется уже почти два десятка лет, говорит об обратном. Как, по вашему мнению, выглядит ситуация?*

— *Вопреки утверждениям западных политиков, что все давно решено, а у непризнанных республик нет никаких правовых оснований оспаривать навязанную им судьбу, на самом деле дело обстоит совсем не так. Особенно это ярко в*

отношении Абхазии и Южной Осетии. Их явно оторвали от России, что не может быть признано вполне законно.

Грузия была союзной республикой СССР, субъектом Федерации, имевшим на своей территории автономии — Абхазию и Южную Осетию. Действовавший на тот момент закон о выходе из СССР — причем закон современный, уже перестроечный (от 3 апреля 1990 года), — четко прописывал механизмы обретения союзной республикой независимости. Прежде всего, он требовал от властей согласования вопроса о статусе республики со всеми входящими в ее состав автономиями. И никак иначе. Все было просто: если союзная республика имела на своей территории автономии, если она желала покинуть Советский Союз, то она должна была провести референдум по автономиям. И только при консенсусе всех сторон процесс отделения мог быть продолжен. Однако Тбилиси отказал абхазам и осетинам в проведении такого референдума. Мировое сообщество признало Грузию в действовавших на тот момент границах, закрыв глаза на протесты Сухуми и Цхинвали.

Более того, возникший между общинами конфликт Запад назвал сепаратистским. Как если бы он разгорелся на территории давным-давно сложившегося, тысячу лет существовавшего, легитимно признанного государства.

— *Но ведь не просто так Абхазия и Южная Осетия оказались в составе Грузии? Видимо, на это были некие исторические основания?*

— Никаких оснований не было. Давайте вспомним, что государство Российское складывалось веками. И оно вобрало в себя сотни народов. Гораздо больше, чем количество субъектов Федерации. Входящие в состав России народы и их тогдашние правители заключали самостоятельные государственные акты с Москвой. Осетия присоединилась к империи чуть ли не раньше Грузии. Абхазия вошла в состав России как независимое княжество. Ничего, кроме добрососедства, их тогда не связывало.

Когда большевики рисовали границы Грузии, они руководствовались своими соображениями. Перекраивая карту

Кавказа, молодая советская власть совершенно не учитывала геополитику, историю и культуру региона. Решения принимались исключительно на основании текущих политических и экономических интересов.

В итоге всей этой региональной политики Южная Осетия и Абхазия были вписаны в границы Грузии.

То, что впоследствии они насильно были оторваны от России, уведены без соблюдения правовых процедур — даже без нормального опроса, то есть без ярко выраженного, демократическим способом зарегистрированного волеизъявления народа, — это факт.

Таким образом, можно с уверенностью считать процесс выхода Абхазии и Южной Осетии из состава СССР незавершенным. А нынешний территориальный статус Грузии — небыстречным. Именно об этом я говорила на парламентской ассамблее Совета Европы во время полемики с тогда еще спикером грузинского парламента Нино Бурджанадзе.

— *И как реагировала на ваши слова «железная леди» Грузии?*

— Грузины очень ерзали. Они страшно не любят слушать именно эту подоплеку. А что им здесь можно ответить? Это же чистые факты.

— *А как насчет фактов в ситуации с Приднестровьем?*

— Что касается Приднестровья, тут иная аргументация, но тоже очень действенная. Молдова, будучи союзной республикой, охватывала территорию, границы которой сложились далеко не естественным путем. Объединение Бессарабии (нынешней Молдовы. — *Авт.*) и Приднестровья произошло только после Второй мировой войны по воле советской власти внутренними государственными актами СССР. До этого судьбы регионов складывались совершенно по-разному в силу огромных этнических, социальных и культурных различий.

— *На что же тогда опирается Кишинев, аргументируя свои претензии на Приднестровье?*

— В период развала Советского Союза Молдова объявила, что выходит из СССР на основе отрицания пакта Мо-

лотова — Риббентропа. Как известно, пакт очерчивал сферы влияния Москвы, в которые Берлин обещал не вмешиваться. И Бессарабия, конечно же, входила в интересы Советского Союза. Иначе и быть не могло. Молдова была присоединена к России по итогам Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Однако в 1918 году она была незаконно оккупирована Румынией. Москва последовательно никогда не признавала оккупацию, во всех международных документах оговаривая этот момент. Поэтому восстановление советской власти в Бессарабии на основании пакта Молотова — Риббентропа есть правосоставительный акт. Россия лишь вернула себе территории, принадлежащие ей по берлинскому трактату 1878 года.

Но дело не в этом. Отрицая пакт Молотова — Риббентропа, молдаване сами подарили приднестровцам хороший козырь. Ведь аргументация Кишинева создает логику рассуждения о статусе только той территории, которая кочевала от России к Румынии и обратно — то есть Бессарабии, а никак не той, которая была передана Молдове гораздо позже уже в составе СССР — после 1939 года, соответственно, и после советско-германского пакта. Это безупречный юридический инструмент для дальнейшей борьбы Приднестровья за право быть с Россией.

— Однако этот «безупречный юридический инструмент» особо не помогает Приднестровью отстаивать свое право на независимость. Может быть, он недостаточно известен на Западе?

— Этот тезис я разрабатываю уже десять лет. И он очень хорошо известен на Западе. В свое время Ассоциация адвокатов Нью-Йорка подготовила доклад «Размораживание замороженного конфликта: правовые аспекты сепаратистского кризиса в Молдове». Этим докладом юристы пытались опровергнуть аргументацию Тирасполя, требующего независимости.

Так вот, в докладе адвокатов Нью-Йорка в качестве наиболее сложного для опровержения аргумента Приднестровья указана ссылка на способ обретения Молдовой независимости. Американские юристы назвали «наиболее веским ква-

зиправовым аргументом в пользу автономии» тезис Тирасполя, что «в результате денонсации со стороны СССР пакта Молотова — Риббентропа, который устанавливал современные границы Молдовы, Приднестровье должно вернуться к автономному государству».

— *Получается, что Запад все-таки признал аргументацию Приднестровья. Пусть даже и косвенно. Почему же тогда институты международного права не на стороне Тирасполя?*

— По нормам международного права в последние десятилетия нанесено несколько сильнейших ударов. Сначала бомбежки Югославии в 1999 году, затем отторжение Косова. Во все времена право наций на суверенитет считалось непререкаемым. Страны не совершали гуманитарной интервенции под фарисейскими предлогами — они честно объявляли войны. Сегодня действует иной международный закон — кто сильнее, тот и прав. Что тут может сделать маленькое и слабое Приднестровье? Не говоря уже о Южной Осетии и Абхазии.

— *Вы упомянули Косово. Если косовским албанцам было предоставлено право оформить свою независимость, то почему таким же правом не могут воспользоваться и другие непризнанные республики?*

— Вы говорите о косовском прецеденте? Абхазия и Южная Осетия, по моему мнению, вообще не нуждаются ни в каком прецеденте, причем абсолютно. Точно так же, как и Приднестровье. История с Косовом — прецедент политический. Такой свершившийся факт, когда можно вот так взять и расчленить суверенное государство в центре Европы. Для непризнанных республик он может служить лишь неким толчком, который создает столь нужный сегодня политический климат. И не более. У Косова с точки зрения международного права не было никаких оснований заявлять о своей независимости. У Абхазии и Южной Осетии они, бесспорно, есть.

Вопрос в другом: будет ли этих оснований достаточно. Я хочу сказать, захочет ли Запад обратить на них внимание

и отнестись всерьез к желаниям непризнанных республик жить самостоятельной жизнью.

К примеру, мировое сообщество не признало итоги референдумов, прошедших в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье, поскольку их проведение обеспечивали якобы нелегитимные власти. Хотя с точки зрения права такое отношение неверно. На территории непризнанных республик проживают люди, которые, как и все остальные народы, реализуют свои гражданские права. В том числе и право на самоуправление. В этой связи избранные всенародным голосованием власти могут считаться вполне законными. А уж признает их ООН или нет — вопрос второстепенный.

Запад во внешней политике применяет двойные стандарты, расчлняя вопреки всем нормам международного права одни государства и народы, одновременно категорически отказывая другим в праве на единство, восстановление законности и исторической справедливости. Это давно уже всем понятно.

— *Насколько известно, свое нежелание давать свободу непризнанным республикам мировое сообщество объясняет опасностями развития сепаратизма.*

— Действительно, эта проблема сегодня беспокоит многих. Говорят, что вслед за Абхазией и Южной Осетией — если им все-таки позволят выйти из состава Грузии, — вольную попросят и другие народы. В России, конечно же, вспоминают Чечню. Но все эти страхи не обоснованы. В международном праве, вопреки иллюзиям, право на национальное самоопределение не трактуется как право на отделение. Оно трактуется как право на национально-культурную автономию, предполагающую возможность продолжения национальной жизни в рамках другого государства. Это касается вопросов сохранения национального языка, культуры, религии и так далее. Удовлетворить желание автономии на независимость не так просто. Для этого нужно доказать, что в регионе имеет место геноцид народа и нет никакой возможности сохранить культурную идентичность нации.

Вспомним отношение Запада к чеченской войне. Попытки изобразить российских солдат звероподобными монстрами призваны создать нужный антураж и политическую почву. Чтобы доказать, что чеченские бандиты, которые режут головы христиан, не имеют возможности продолжать свою национальную жизнь.

Но все это не имеет никакого отношения к решению вопроса о статусе Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья. У них достаточно и правовых оснований добиваться независимости.

— *Почему же тогда Запад создает столько препятствий на пути обретения непризнанными республиками самостоятельности?*

— Хотите знать, почему Запад так печется о Грузии, Абхазии, Южной Осетии? Почему Европа и США ухаживают за этим великим, в кавычках, демократом Саакашвили? Все очень просто. Решается классический восточный вопрос. Ведется планомерная политика вытеснения России из Черноморско-Средиземноморского бассейна, который сейчас обретает все большее значение. Ключевой вопрос сегодня: кто будет главным военно-стратегическим субъектом на Черном море, за которое Россия и Турция (при непосредственной поддержке англосаксов) воевали 300 лет.

Без батумского порта и абхазского побережья, без кавказских ворот Южной Осетии Грузия никому не нужна...

— *Ясно, что вопрос независимости Абхазии и Южной Осетии — это вопрос выбора внешнеполитического будущего Кавказа. Тбилиси уже давно смотрит в сторону Запада, Сухуми и Цхинвали мечтают о союзе с Россией. Ситуация тупиковая — в рамках одного государства пытаются ужиться две кардинально противоположные внешнеполитические доктрины. Есть ли с точки зрения международного права возможности разрешить эту ситуацию максимально безболезненным путем?*

— Абхазию и Южную Осетию в некоторой степени могла бы удовлетворить конфедеративная форма сотрудничества с Грузией. Причем с очень слабыми политическими свя-

зьями, допускающими возможность проведения самостоятельной внешней политики: с правом самостоятельного вступления в СНГ и, если хотите, даже в ООН.

Другой вариант — построение договорного сообщества. Историческая практика показывает, что это самая слабая и неустойчивая форма интеграции. Договорное сообщество, так или иначе, приобретает черты либо более серьезной связи — конфедерации, а потом и федерации, — либо распадается. В свое время по такому принципу строились отношения ГДР и ФРГ. Но Грузия вряд ли рискнет идти по такому пути сотрудничества с непризнанными республиками. Договорное сообщество Тбилиси, Цхинвали и Сухуми долго не проживет.

— *А каковы шансы на то, что Абхазия и Южная Осетия войдут в состав Союзного государства Беларуси и России? Ведь это для них тоже один из вариантов интеграции с Москвой?*

— При том статусе, который есть сейчас у непризнанных республик, присоединиться к Союзному государству будет очень непросто. Но вот если пройдет их легализация и международное признание, если мировая обстановка будет благоприятной, то отказать Абхазии и Южной Осетии в их желании стать частью Союзного государства уже никто не сможет. Сухуми и Цхинвали заинтересованы в интеграции с Россией, и такая форма национального сотрудничества выглядит очень перспективной. По крайней мере, она вызовет меньше нареканий со стороны Запада, который очень не хочет видеть абхазов и осетин в границах России.

— *Какой, по вашему мнению, должна быть политика России? На что она должна опираться в решении вопроса о статусе непризнанных республик? С учетом того, что на законы международного права уже давно никто не обращает внимания.*

— Россия должна рассчитывать на свои силы. На свое укрепление. Понимаю, что корабль российской внешней политики перегружен проблемами. Вместе с тем это не дает оснований бросать на произвол судьбы наших союзников.

Москва не может себе позволить безучастно относиться к территориям ее стратегического интереса. Она не может спокойно наблюдать, как регионы устойчивой принадлежности к России, ее геополитическому ареалу втягивают во враждебные нам союзы и блоки.

Тема это сложная, вписана в международный контекст и естественным образом провоцирует серьезные осложнения в мировой обстановке. Россия и так ведет себя очень сдержанно, несмотря на то что у нее есть все юридические аргументы ставить вопрос о пересмотре юридических актов, которыми был разделен Советский Союз. Однако мировая обстановка пока не позволяет этого сделать.

Поэтому нужно оттягивать решение вопроса до той ситуации, когда у России будет больше силы, до того момента, когда международный контекст будет максимально благоприятным. На данный момент задача-минимум для Москвы — не дать проглотить непризнанные республики.

«Союзное государство», 2008. Беседу вел Александр Газов

«МЫ НЕ МОЖЕМ ПРЕДАТЬ ЭТОТ НАРОД»

— *Наталья Алексеевна, после того, как прошел шок, ужас первых дней войны Саакашвили с народом Южной Осетии, уничтожением Цхинвала, давайте вернемся к истокам той беды. Не на пустом же месте все началось.*

— Осетины как единый народ, без всякого разделения, за 25 лет до грузин вошли добровольно в состав России. Они никогда не изменяли России, что бы ни происходило в столицах. Они были верны Российской империи, коммунистическому Советскому Союзу. Потому что понимали прекрасно: именно с Россией им по пути и Россия их защитит. И поэтому мы не можем сейчас предать этот народ, который веками доказал свою верность и в тяжелейших условиях блокады уповал на нас. Тем более что все правовые основания

ставить вопрос о их правах на свободную национально-государственную волю есть.

— *Вы имеете в виду пример Косова?*

— Здесь даже не нужен никакой косовский прецедент. Я всем своим западным интервьюерам говорю, что Косово, скорее, прецедент политического климата.

Если можно было расчленить абсолютно незаконно, не имея на то ни одного юридического основания, Косово, то почему нельзя поставить вопрос о реализации Южной Осетией абсолютно бесспорных юридических оснований, которые были проигнорированы всего лишь десятилетие назад?

— *Подробнее можно об этих юридических основаниях, Наталия Алексеевна?*

— Грузия как союзная республика с автономиями на своей территории обязана была предоставить своим автономиям, по закону о выходе из СССР 1990 года, отдельный референдум и право свободного волеизъявления по вопросу своего государственного будущего. И только при условии согласия всех автономий продолжить процедуру выхода в тех границах, которыми была наделена только в Советском Союзе. Грузия пренебрегла этим, подавила все попытки осетин и абхазов участвовать в обсуждении этого вопроса на государственном уровне. Международное сообщество признало Грузию, закрыв глаза на то, что конфликт, именно по вопросу выхода из СССР, уже существовал, что очень важно, и объявило Грузию независимым государством в границах ГССР, а потом объявило сепаратистским конфликт, начавшийся еще в союзной республике Грузия из-за несогласия Южной Осетии и Абхазии с насильственным отторжением от СССР, как если бы этот конфликт возник на территории государства, существовавшего в этих границах сотни лет.

Вот почему и абхазы, и осетины вправе считать процесс превращения Грузии в независимое государство еще не завершенным, ибо их права так и не были реализованы, а нынешний статус Грузии с юридической точки зрения, выразимся деликатно, небезупречным. Такая аргументация, кстати, не создает никаких прецедентов для многонациональных

государств. Именно эту аргументацию и надо применять, и ни в коем случае нельзя обращаться к так называемому праву на самоопределение — это подрывает все многонациональные государства и, кстати, не трактуется современным международным правом как право на отделение. После того, как Грузия, никем и ничем не спровоцированная и до всякой ответной реакции миротворческих сил в течение 16 часов сравнивала с землей осетинские села, разрушила Цхинвал, вызвав чудовищную гуманитарную катастрофу, убивая мирных жителей, совершенно очевидно, что решение конфликта в прежнем формате территориальной целостности Грузии уже невозможно, и Грузия должна это признать. Россия справедливо вмешалась, принуждая Грузию к миру и предотвращая гуманитарную катастрофу.

Наше руководство с полным основанием высказало четко и недвусмысленно тезис, что Грузия сама нанесла смертельный удар по своей территориальной целостности.

Рассчитывать на ее сохранение Грузия уже не может после содеянного ею в Южной Осетии, причем во второй, даже в третий раз. Ведь звиадисты уже в начале 90-х годов повторили зверства меньшевистского правительства Ноя Жордания в 1918—1921 годах. Последствия того геноцида ощущались до 1980 года. Население Осетии, имевшее 100 тысяч в канун революции, после геноцида даже к 1980 году было еще на 20 тысяч меньше. Ибо убивали не столько мужчин — боевую силу, а именно женщин с детьми, нанеся удар по репродуктивной способности нации.

— *Трагедия повторилась уже в XXI веке.*

— Конечно, это тяжелое испытание для всех. Там налицо гуманитарная катастрофа, не просто грубейшее попрание прав человека, а надругательство над человеческими жизнями. Столько страшных эпизодов проходит в информационных лентах! Чудовищная немилосердность, буквально языческое варварство, ненависть... Неужели Саакашвили думает, что после этого можно наладить мирные отношения и принудить народ жить вместе?

— Ясно, что Саакашвили не сам вдруг решил напасть на Южную Осетию.

— Эксперты рассуждают на эту тему. Но все единодушно в том, что даже если заокеанские покровители Саакашвили и не давали конкретных рецептов, Саакашвили все же явно получил санкцию как-то решить территориальные вопросы, без которых невозможен прием в НАТО даже по уставу этой организации. А Саакашвили мечтает на ближайшей сессии НАТО получить официальное приглашение, для чего и нужно «решить» территориальные проблемы. Он явно хотел блицкригом захватить Цхинвал, возможно, поставить марионеточное правительство и объявить, что все остальные — смутьяны и сепаратисты. Объявить о контроле. Это захлебнулось. Теперь он требует от Запада помощи.

На днях в дебатах на Би-би-си грузинский представитель говорил, что Россия оккупирует другие державы, вводит свои войска, поэтому не может быть партнером Европы, на что я со смехом сказала, что Соединенные Штаты уж столько стран оккупировали и бомбили, однако никто не оспаривает, что это партнер Европы. И они «заткнулись».

— Саакашвили удачно выбрал момент для нападения. Путин на Олимпиаде в Пекине, Медведев в отпуске...

— Действительно, внимание мирового сообщества было приковано к открытию Олимпиады. Только профессионалы следили за политикой. А ведь нынешняя эпоха характерна тем, что во всех вопросах требуется зримая поддержка общественного мнения. И поэтому влияние на общественное мнение, манипуляция общественным сознанием в век информационного общества — это главный инструмент политики.

Западные СМИ не случайно начали освещать ситуацию только после того, как Российская армия уже подошла к территории Южной Осетии. На первом месте была новость, что «русские танки идут на Грузию». В этом страшное лицемерие, потому что до этого 16 часов мы наблюдали чудовищную картину уничтожения Цхинвала, стон и плач.

Саакашвили, конечно, очень своеобразный, экстравагантный лидер. Многие говорят о его очевидной эмоцио-

нальной неуравновешенности, импульсивности, экспансивности. Положение у Грузии тяжелое. Там нет единства в политическом классе. Он перессорился со всеми своими попутчиками, у которых свои амбиции. К сожалению, среди тех, кто на авансцене, как-то не видно таких, с которыми бы нам можно было надеяться на конструктивные переговоры. Экономики нет, огромное количество безработной молодежи, которую легче отвлечь от проблем исключительно на шовинистических лозунгах, еще учитывая пылкость южного темперамента. Саакашвили пошел ва-банк. Он с некоторых пор уже является некоей обузой для Запада, особенно для Европы, поскольку и во внутренней политике натворил такого, что о демократии говорить не приходится. Теперь и вовсе неловко выставлять его, как это делает пока с упрямством уходящая администрация Буша, проводником западных ценностей.

Уничтожение политических противников, политические убийства, тюрьмы, разгоны протестующих. Ведет себя абсолютно как диктатор. Какая уж там демократия! Поэтому, возможно, Саакашвили посчитал, что блицкриг придаст ему новый вес в глазах Америки, подтвердит, что лучше него никто не справится с ролью антирусского остряка. Но, похоже, он несколько просчитался. Он со всей очевидностью не рассчитывал на такую твердость России. США, конечно, его не сдают, поскольку он является проводником их геополитики в регионе.

— *И больших планов.*

— Да, планов отторжения всего Кавказа, сеяния вечной смуты на наших южных рубежах, которые Россию обескровливают и парализуют ее внешнюю политику, отягощают грузом даже в работе на других внешнеполитических направлениях. Эта политика, увы, будет продолжаться, и США будут всячески пытаться сократить значение нашего успешного отпора. США и весь Запад будут пытаться интернационализировать конфликт, внедряться в регион со своими «миротворцами», чего мы допустить не должны. Все нацелено создать тяжелые обстоятельства для нас, чтобы нам было неспокой-

но, чтобы наша общая стратегия была перманентно отягощена тяжелыми конфликтами, чтобы мы разрывались в дилемме — как помогать тем, кто на нас уповает, как защищать свои преобладающие интересы в важнейшем стратегическом регионе. Ведь нас шантажируют (правда, в основном антирусские СМИ) серьезными осложнениями с западным миром.

Рассчитывать на очень спокойную жизнь нам не придется, но чем больше даешь спуску, тем больше на тебя наступают.

Было бы неразумным сразу по всем азимутам, по всем вопросам, которые нас с Западом разделяют, одновременно выдвигать непримиримо жесткую позицию. Но в каждый решающий момент из всех нужно выбрать одну-две, где надо выстоять твердо. И это залог того, что в будущем и по другим проблемам твое мнение будут уважать. Сегодня, это совершенно очевидно, мы должны проявить твердость в проблеме с Южной Осетией и Абхазией. Если мы здесь выстоим, а шанс налицо, что выстоять можно, то мы окончательно повернем вспять политическую тенденцию последних 15 лет, которую мы уже переломили по сравнению с периодом, когда мы уступали, теряя позицию за позицией, а значит, и союзников, которые ориентируются лишь на сильного с сильной национально-государственной волей.

Неизбежный при этом сугубо временный свист и гам весьма скоро уляжется на Западе, и они будут уважать того, кто уважает себя. Они уважают только силу.

Ситуация диктует нам сейчас выступить защитником народов, которые подвергаются унижению национального достоинства, которым грозит уничтожение самого существования как исторического народа. Ситуация диктует нам проявить ответственность за наши собственные исторические и военно-стратегические интересы. На карте двухсотлетняя работа России на Юге.

— *В связи с ситуацией в Южной Осетии складывается новый мировой порядок?*

— Если уступим, если не конвертируем военный результат в успешный отпор авантюре Саакашвили в политиче-

скую позицию, тогда и начнет рушиться весь региональный порядок, причем через весь Кавказ до Поволжья. Геополитический контекст здесь очень силен. И вообще все конфликты по периметру границ нынешней Российской Федерации — собственно, это конфликты на территории исторического государства Российского — связаны с нарушением мирового равновесия. Я эти конфликты предсказывала еще в 1991 году.

Как только произошел развал Советского Союза, началась борьба за российское наследство. Все пришло в движение как после тектонического сотрясения.

Сколько амбиций сразу появилось! Мир не терпит пустоты. Когда Россия, пусть и на время, но сама отреклась от своей геополитической миссии, туда устремились другие силы.

В последнее пятилетие реализуется громадный геоэкономический проект.

Геоэкономика — новое явление — соединение усилий государств и крупных транснациональных финансовых структур, которые на огромный исторический период программируют переориентацию крупных регионов на совершенно других партнеров, меняя многовековую обстановку в регионе. Возьмем, к примеру, нефтепровод Баку — Джейхан. Все специалисты в области нефти в один голос говорят, что с точки зрения экономики никакого реального воздействия на ценовые параметры нефтерынка этот проект не даст. Это чистая политика.

Тбилиси здесь тоже был очень активной движущей силой. Поэтому у России есть серьезные конфликтные темы с Западом, наряду с наличием вопросов, которые только вместе мы можем решить. Это и есть естественные международные отношения.

Общество наше пришло к пониманию, что в классических международных отношениях не бывает ни состояния полных объятий, ни тотальной конфронтации, потому что это тоже провал. Во времена коммунизма у нас идеологическое противостояние окрашивало все, даже приемственные

геополитические устремления, которые тянутся чуть ли не с середины прошлого тысячелетия. И этот менталитет — либо конфронтация, либо объятия, — который сейчас вовсю переняли Соединенные Штаты, это и есть рудимент холодной войны. Надо приучить Запад к тому, что есть темы, по которым мы сотрудничаем, во всяком случае, находим компромиссы. Но есть темы, в которых мы говорим: «Позвольте, наши интересы не позволяют этого сделать, извольте уважать их». Американцы отвыкли от этого в течение 15 лет. Им очень тяжело привыкать к новой силе России, даже к ее новому состоянию национально-государственной воли. А воля, оказывается, сильнее, чем даже большой валовый внутренний продукт. Не одной экономикой измеряется сила государства на международной арене. И не одним уровнем доходов на душу населения. Вот Швейцария, например. И уровень жизни, и ВВП на душу населения многократно выше, чем у других держав. Но Швейцария — это комариная точка на планете. И ее мнения не спрашивают ни в обсуждении иранской ядерной программы, ни по конфликтам, ни по вопросам разоружения.

Надо осознать, что Запад достаточно доказал: в то время, как мы были в эйфории от нового мышления, отказываясь от всех традиционных основ нашей внешней политики и даже понятия «национальные интересы», весь остальной мир и прежде всего «образцовые» страны воспользовались прекрасно старым мышлением. Все, что сегодня происходит по периметру границ России, это повторение многовекового давления, которое шло на Российскую империю со стороны Запада. Это давление прежде всего на ее морские рубежи — Балтику и Черное море. Балтикой мы уже расплатились за безволие начала 90-х годов. Прибалтика оказалась в НАТО. И это, пожалуй, самое главное, если не единственное, крупнейшее и серьезнейшее изменение всей ситуации в Европе не в пользу России. Потому что прием какой-нибудь Польши или Румынии в НАТО и Евросоюз на самом деле ничего уже не меняет.

Второй регион, который сделал Россию великой державой, это выход к Черному морю и Кавказу. Кавказ и Причерноморье всегда были связаны. Еще русские государи пришли к выводу, что нельзя твердо стоять на Черном море, не имея за собой обеспеченный тыл — Кавказ. Ведь Павел I сначала не хотел присоединять Кавказ. А многие народы уже тогда просились. Они устали быть объектом бесконечного соперничества Персии и Турции за рынки работорговли. Они тоже хотели порядка. Павел I понимал, что это язва, которая будет кровоточить. Но стало ясно: без того, чтобы Кавказ был обеспеченным тылом, невозможно быть державой.

Если вы посмотрите на дугу развития большой конфликтной зоны, то проведете от Балкан этакой полумесяц до Кавказа. И вы увидите общую цепь событий, которая отрезает Россию от важнейшего международного региона — Средиземноморо-Черноморско-Прикаспийского региона. Все это замыкается в Центральной Азии.

А что собой представляет Черное море? Это «полузамкнутое» море по трактовке Конвенции по морскому праву, часть Мирового океана. Но вход в Черное море — есть лишь доступ к позиции черноморских держав. И лишь выход из Черного моря есть выход в Мировой океан. И поэтому запретить Россию в Черном море, еще канцлер Горчаков говорил, — значит перекрыть легкие и удушить державу. Это была цель в течение двух веков.

А что такое сейчас Кавказ? Я цитирую все время лорда Бальфура, который в момент оккупации британцами железной дороги от Баку до Батуми в 1919 году говорил, что его интересует только то, кто контролирует железную дорогу, по которой качается нефть. А аборигены пусть разорвут друг друга хоть на куски.

И сейчас Западу достаточно безразлична гибель мирных жителей там. Их трескотня о правах человека, гуманитарных катастрофах лишней раз показывает, насколько давно это превращено в политический инструмент давления и реализации собственных военно-стратегических целей. Там, где это выгодно, можно и придумать нарушение прав человека,

и из десяти погибших можно сделать десять тысяч погибших. Как это было в Югославии. А там, где это невыгодно, можно закрыть глаза на чудовищные преступления. Поэтому для России уйти из кавказского региона означает конец ее как великой державы.

Кроме всего прочего, этот регион — подступ сегодня и к мировым энергоресурсам, так называемому мировому энергетическому или углеводородному эллипсу. Если посмотрим географию давления на Россию и географию спровоцированных конфликтов по периметру, увидим явное желание теснить Россию на северо-восток континента, к тундре. Хватит уже, мы достаточно терпели и достаточно ждали благоразумия, учета наших интересов. Иначе нашей безопасности и нашему будущему будет нанесен невосполнимый урон. Тогда прощай великая держава, прощай самостоятельность во внешней политике. Для России невозможно не быть великой державой. Это страна с огромной протяженностью, имеющая границы со всеми цивилизациями мира, со всей сложностью этого контекста. И Россия не может не проводить политику мощную, панорамную, с учетом тенденции, глядя на сто лет вперед и на сто лет назад. Потому что быть великой державой — это большая ответственность. Если она таковой не будет, она распадется.

Эти несколько дней изменили ситуацию, продемонстрировали новую национальную волю России. Мировому сообществу и прежде всего нашим западным партнерам и западным покровителям нынешнего тбилисского режима придется смириться с тем, что ситуация на Кавказе должна будет обсуждаться и рассматриваться в новой исторической и правовой парадигме. Это факт. Заявления наших лидеров были достаточным посланием в этом отношении. Здесь очень важно, с одной стороны, не упустить темп, но с другой стороны, тщательно просчитать возможности. Очень важно быть последовательными и довести это до конца. У нас достаточно правовых оснований — и исторических, и юридических, и прочих — для того, чтобы обеспечить права народов, ко-

торые попираются, чтобы сыграть решающую роль в решении этого конфликта.

У них, кроме фальши, нет оснований нас в чем-то обвинить. Российская армия не начинала этого конфликта. Даже наши миротворцы в течение многих часов не получали приказа вмешиваться.

— *Хотя их бездействие в первые часы, вызывало, честно скажу, недоумение.*

— Недоумевали все, даже сытая и довольная беспечная молодежь на хороших работах, о которой принято было еще недавно говорить, что она абсолютно аполитична и Родина для нее вроде бы там, где ниже налоги. Ан нет! Она наша молодежь! Не правы, судя так о ней, старики! Но эта осторожность создала абсолютно бесспорное правовое поле. Миротворцы вмешались, когда стало совершенно очевидно, что это не случайная перестрелка, а агрессия, ведущая к гуманитарной катастрофе. Российская армия пришла и дала отпор, а затем ушла на свои позиции. И на этом основании мы вправе требовать сейчас полного отвода грузинских соединений восвояси. Поскольку и наши миротворцы были обстреляны, и погибли люди, то Россия вправе произвести военные операции, которые лишают другую сторону военных возможностей повторять подобное. Здесь ничего нового, отличающего действия России от действий в таких ситуациях других стран, нет. Почему-то Запад только себе оставляет право реализовывать свои интересы. Более того, без всяких на то провокаций с другой стороны.

Представьте себе, если бы несчастный покойный Милошевич, оболганный, ошельмованный в общественном мнении Запада, пошел с танками усмирять непокорную Приштину? Какой бы вой поднялся во всем мире! Хотя у Косова не было никаких правовых оснований на независимость. Ситуация была намеренно искажена. А к Тбилиси, к Саакашвили, начавшему убивать людей, действуют двойные стандарты. Мы ими научены. Сами Соединенные Штаты ввели в практику международных правовых обоснований тезис о гуманитарной интервенции, принуждения к миру. Если в слу-

чае с Косовом доказано, что огромная масса албанских беженцев из Косова бежала именно от натовских бомб, то здесь гуманитарная катастрофа была налицо именно от рук грузинских отрядов.

— *То есть термин «принуждение к миру» — не мы изобрели?*

— Нет. Это было изобретено американцами еще 15 лет назад. Прямой мандат и прямая задача любых миротворческих сил — разъединять воюющие стороны и не давать им нападать друг на друга. Если иной возможности заставить грузин не нападать на осетин нет, кроме как защитить осетин, то это полностью в мандате наших сил. Просто грузины шли с тяжелым вооружением, а наши миротворцы, точно в соответствии с законом, имели только легкое вооружение, и их количество не превышало трех тысяч человек по соглашению.

— *Что будет дальше?*

— Очень важно, на мой взгляд, проявить последовательность и не отступать ни в одном из тезисов. Быть выдержанным, если хотите, даже позволить оппоненту и спонсорам сохранить лицо во имя будущего. Но, тем не менее, нельзя оставаться на месте, ибо будет происходить эрозия достигнутой позиции. Надо конвертировать военный результат в политический тигль, изменить логику обсуждения конфликта, и на это у нас есть право. Необходимо поставить на повестку дня пересмотр тезиса о территориальной целостности Грузии как неприкасаемой темы. Мы вправе ставить ее во всей юридической полноте изначально, с момента выхода Грузии из Советского Союза. Мы прежде этот тезис не ставили. Апеллировать к праву нации на самоопределение бессмысленно, потому что всегда найдутся охотники проводить параллели с другими национальными меньшинствами во всех многонациональных государствах и у нас тоже. А вот неопровержимые юридические доказательства нарушенных Грузией положений закона о выходе из СССР, не дают никаких опасных параллелей ни с кем. Это дает нам право обос-

новывать требование уважать волеизъявление осетинского и абхазского народа.

И, конечно, мы категорически не должны допускать вступления в НАТО Грузии. Я думаю, Грузия без Абхазии — стратегического побережья и ворот на Кавказ — Осетии никому на Западе не была бы нужна. Если мы отступим, это будет крупнейшее за 200 лет геополитическое и военно-стратегическое ослабление позиций России, смена ситуации во всем этом очень важном стратегическом регионе. От того, как мы поведем себя, будем ли мы продвигать в нужном направлении решение этого вопроса, будет очень зависеть и позиция на балкано-дунайском направлении, и положение нашего Черноморского флота. Проявим мы достаточную твердость, силу, она скажется и в решении других вопросов.

— *Наши доблестные правозащитники, однако, требуют уже исключить Россию из большой восьмерки. Тот же Сергей Ковалев, Елена Боннэр...*

— Ковалевы не устают демонстрировать, «как сладостно Отчизну ненавидеть», и призывают к поражению собственного правительства в войне, как и учил «великий Ленин» в 1914-м! Для них всегда Россия виновата. Она виновата уж тем, что она есть. Потому что они отрицают и отторгают всей своей душой всю русскую историю.

Я одно время наблюдала за Новодворской, гротескной фигурой, которую уже всерьез невозможно воспринимать, когда она писала, что со времен Ивана Калиты вся русская история — это что-то отвратительное. Чему же тогда удивляться, что начиная с 2003 года народ наш перестал голосовать за этих людей. Эти люди уже потеряли всякую связь с реальным пульсом нашего общества. Общество устало презирать свое Отечество, как они учили в начале 90-х.

Ясно, что время этих кумиров в обществе миновало давно. То, что Запад их все время тасует, говорит о том, что Запад абсолютно не заботится о том, на какой человеческий и общественный материал он опирается в России. На людей, которые давно не играют никакой роли, не являются лидерами общественного мнения. Хотя в первой половине 90-х

они были лидерами. Это говорит о том, что западная информационная политика в отношении России давно захлебнулась и находится в том же кризисе, в каком была коммунистическая советская пропаганда на Запад.

— *Ветераны-правозащитники не одиноки. Есть мнение одной из публицисток, что конфликт в Южной Осетии выгоден только нашим силовикам...*

— Если человек буквально брызжет ненавистью к государству как к механизму управления и суверенитета, он придумывает любые аргументы. Я не вижу большого расхождения в нашей политической элите по поводу общих стратегий. Силовики ли, несловики, наши финансовые бонзы тоже уже прекрасно осознали: если Россия уйдет из нефтеносного региона, если ее вытеснят с Кавказа и Черного моря, это катастрофа для нашего участия в мировой экономике...

— *Украина готова помочь Грузии, грозит не пустить в Севастополь наш Черноморский флот.*

— Украинское руководство опрометчиво разыгрывает карту, которая губит на глазах самого Саакашвили. Известно, что в украинском обществе нет единства. Ющенко, непопулярный уже не только на востоке Украины и в Крыму, но и даже в Центральной Украине, хватается как за соломинку за чисто антироссийские акции, шаркая перед Западом. Но этим самым подвергает опасности и так хрупкое равновесие в украинском сообществе и может спровоцировать выступления и крымского населения, которое переживает за судьбу Черноморского флота, которое подвергается постоянно давлению, унижению, принудительной дерусификации. Я настаиваю на этом термине, потому что граждане Украины — русские по своей самоидентификации — совсем не против украинского языка. Они протестуют против дерусификации, а не против украинизации.

Все это тоже может переполнить чашу терпения. Для того чтобы со стороны украинского руководства не было таких укусов нам в пятку, нужно проявлять силу и твердость. Только так. Просто они слишком привыкли, что мы многое им спускали. Твердость и последовательность в этом вопро-

се приведут к укреплению наших позиций во всех вопросах, которые стоят на повестке дня.

— *Международную информационную войну мы проигрываем?*

— Здесь ничего не поделаешь. Западные СМИ давно проявили свою ангажированность в государственную политику. Я знакома с западными СМИ, читаю на разных языках. Это для меня не новость. Еще в 80-е годы, живя в Америке, я убедилась, как все подчинено, только более виртуозно, реализации государственной линии. Н. Михалков рассказывал, как отправил черновую версию фильма «Сибирский цирюльник» американским коллегам с просьбой высказать свои пожелания. Ему пришел кондуит на нескольких страницах, какого он никогда не получал от ЦК, где были чисто идеологические советы: «Вот у вас тут негативный образ американки. А нельзя ее сделать полькой или румынкой?» Солдат, вернувшийся с вьетнамской войны, в американских фильмах всегда герой, который вступает в одиночку в борьбу со всеми силами несправедливости в маленьком городке. Я была в военной академии в Вест-Пойнте на экскурсии. Это обычное общевоинское училище. Посмотрела фильм, которым встречают новобранцев.

Все воспитывает необычайную гордость за то, что молодой человек из глубинки живет в такой замечательной стране, которая является знаменосцем всего благородного, всех великих моральных канонов вселенной.

— *Что нам делать в этой информационной войне?*

— Ничего. Проводить свою политику. Демонстрировать свою уязвимость от дразнения — это еще с детства мне, рыжеволосой, подвергавшейся насмешкам мальчишек, достаточно ясно, — может привести к слабости.

Чем больше человек демонстрирует свою уязвимость от мнения самопровозглашенных идейных гуру, тем больше его поносят. И только когда ты показываешь свое спокойствие и самодостаточность, внутреннюю суверенность духа, тогда тебя начинают уважать.

Общественное мнение складывается не только из прессы. Но и из деятельности огромной разветвленной сети неправительственных организаций, которые сейчас являются тоже большим инструментом народной дипломатии. Поэтому я вижу задачу нашего Института демократии и сотрудничества, который в Париже начал свою работу, в том, чтобы как можно больше заводить контактов, выступать на всех неправительственных форумах, которые только есть, и приносить туда и факты, и идеи, и трактовки, и интерпретации, и разворачивать дискуссии.

Мой опыт говорит о том, что многое удастся сказать, если ты имеешь дело с достаточно честными и не совсем ангажированными людьми. Они вынуждены признавать правду, которую мы несем. Нам нужно многократно умножить свои усилия в этой сфере и не бояться этих контактов. Наши полемисты вооружены сильнее, прочь комплекс неполноценности! Имперская личность привыкла мыслить некими более глубокими категориями, даже если выражается простым языком. И это сразу отличает.

Сегодня вызывает улыбку, что на Западе на форумах по демократии, где выносятся вердикты, царствует догматика и тавтология почище той, что была в советские времена на «политучебах». Про демократию говорят что-то вроде «учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Одни и те же клише повторяются изо дня в день. Они пасуют перед любым вопросом, если предложены более глубокие и всесторонние трактовки. Поэтому не надо бояться этих дискуссий. Им свойственно чудовищное замалчивание фактов, искажение их, страшная примитивизация всех общественно важных политических и философских категорий, которые сейчас занимают умы современного человека.

— *Есть мнение, что Запад сдаст Грузию в обмен на то, что мы сдадим Иран.*

— Для меня как эксперта по международным отношениям ясно, что при переговорах в таких вопросах затрагиваются все серьезные темы международных отношений. Идет приспособление позиций друг к другу. Иран совсем сдать не-

возможно. Иран является язвой для Запада не потому, что так уж Россия его поддерживает. Иран очень самостоятелен и своенравен. Он стал бельмом на глазу не только из-за подозрений о разработке ядерного оружия, а потому что это самостоятельное государство с единством национального сообщества в сердцеvine региона мировых ресурсов является еще воинствующим обличителем меркантильной материалистической западной цивилизации. Он для них ненавистен и опасен именно как сочетающий в себе и важное геополитическое положение, и абсолютное философское отторжение западного образа жизни, тех западных ценностей, которые выродились в современный рационалистический демонизм. И плюс еще он способен стать лидером незападного мира, который давно разочарован в Америке, возмущен ее вторжением везде и всюду. От поддержки России Иран так уж прямо не зависит. Но мы не можем тоже себе позволить роскошь, чтобы Иран стал протекторатом США. Это слишком близко от наших берегов.

Нам бы не хотелось, чтобы у Ирана было ядерное оружие. Это тоже слишком близко от наших границ. Вот те узкие врата, в которых мы пока успешно стоим. Наша позиция по Ирану и то, как мы сумели удерживать этот вопрос в равновесии, пусть и хрупком, это уже успех нашей внешней политики. Но я думаю, что для нас самое важное — решение вопроса с нашими российскими народами.

— *Говорят, что это еще и удар по Олимпиаде в Сочи. Вот уже и МОК обеспокоился ситуацией...*

— Грузия в своей антирусской эйфории хотела бы подпортить все, что Россия делает. Следует ожидать, что чем ближе Олимпиада, тем больше будут пытаться враждебные силы устраивать всякие провокации в регионе. Думаю, мы справимся. Как в Китае.

Помните одновременные выступления ангажированных тибетцев перед Олимпиадой? А сейчас тишина. Они перестали быть нужными как инструмент давления... Тибет, кстати, в течение пяти веков управлялся китайскими чиновниками.

— *Как будут развиваться события?*

— Это трудно сказать. Если Россия проявит последовательность, она не позволит войти в регион вооруженным силам третьих стран и побудит Запад признать все юридические и исторические аргументы Осетии и Абхазии как основу для поиска решения мирным путем. При этом мы обязаны закрепить такие точки и форматы нашего присутствия, которые не дадут возможности повторения подобных военных преступлений против населения.

Е. Черных, «КП», 2008

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР

Из выступления на международной конференции «Россия и Индия. Стратегическое партнерство в XXI веке»

Выработка национальной исторической стратегии России XXI века происходит на фоне крупных геополитических сдвигов и качественно меняющих мир экономических тенденций. Передел мира, кроме преемственной борьбы за выходы к стратегическими морям и проливам, очевидно нацелен на контроль над планетарными источниками энергии и на политический и экономический отрыв от России бывших частей исторического государства Российского по всему периметру ее границ.

В быстро меняющихся условиях необходимо верно оценить тенденции мирового развития, произвести оценку факторов, критических для собственного национального будущего, и потенциала, способного утвердить место России в мировой политике.

После многовекового возрастания роли и столетнего доминирования Запада в мировых процессах динамизм мирового развития перемещается в Азию.

Азиатские гиганты Китай, Индия демонстрируют стабильный рост, развитие, модернизацию, поступательный подъем на качественно новые ступени. Судорожные и бессильные попытки западных аналитических центров выработать стратегию «сдерживания», очевидная тревога на Западе проистекают не только из-за впечатляющих количественных показателей динамики азиатских локомотивов. Эти нации, являющиеся одновременно самобытными цивилизациями с людским потенциалом в два с половиной миллиарда человек, опровергают тезис, будто модернизация и экономическое развитие возможны только при тотальной вестернизации, а это уже означает банкротство всего мирового либерального проекта «глобального управления».

В этих условиях суверенитет России над ее природными ресурсами (территория Российской Федерации — самая богатая в мире кладовая полезных ископаемых) и прямая заинтересованность в освоении российского Зауралья энергозависимых Китая и Индии, а также других мощных экономик Азии дает нашей стране исторический шанс, который не должен быть упущен.

Основой для такой исторической перспективы является разработка ресурсной и энергетической стратегии России как инструмента ее собственного развития и как фактора мировой политики с упором на масштабные инициативы в Азии и на Дальнем Востоке.

На повестке дня — национальный комплексный проект социально-экономического развития востока России от Урала до Тихого океана.

Здесь, на востоке, сосредоточена подавляющая часть ресурсов российской территории. Здесь мы можем в полной мере использовать выгоды континентального соседства с крупнейшими государствами Азии — наиболее динамично развивающимися рыночными экономиками современного мира.

Стратегический курс на развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока, формирование новых, устремленных в

будущее проектов глобального значения и масштаба немедленно даст России вес и отношения с Западом. Именно такая стратегия продемонстрирует нашим западным партнерам будущую парадигму оценки исторического потенциала, в которой Россия сразу оказывается равновеликой всему совокупному Западу.

Если мы произведем объективную экономическую оценку совокупного природного потенциала России и станем, наконец, учитывать запасы российских недр в подсчетах национального богатства, наша страна в той же Группе восьми (G8) перейдет с одной из самых нижних ступенек на самую высокую.

Однако назревшая переоценка и, что важнее, новая самооценка реального потенциала России в мировом хозяйстве требует избавления от иллюзий интеграции нашей страны с «мировым цивилизованным сообществом».

Планы подчинения государств «global governance» (мировому управлению) и «универсальным демократическим стандартам», вовлечение ресурсного потенциала России в решение собственных задач определяет сегодня деятельность ведущих западных учреждений стратегического планирования. Запад уже давно не располагает обязательным набором факторов, необходимых для устойчивого развития в XXI веке: ресурсная самодостаточность; военная мощь, исключаяющая посягательство на национальные ресурсы; высокий образовательный уровень населения и полный цикл научных исследований; отсутствие перенаселения и внушительная территория; относительно невысокий уровень потребления; позитивный потенциал в свете не подвластных человеку изменений климата (потепления).

В настоящее время в мире существует только одна такая страна, соединяющая полный набор факторов устойчивого развития — Россия. Даже после всех экспериментов XX века она сохраняет способность к самостоятельному развитию как равновеликая Западу духовная, культурная и геополитическая сила.

Спокойное и неафишируемое освобождение от идеологических клише «нового мышления» необходимо для перехода в стратегическом планировании к собственному историческому проекту, не враждебному Западу, но независимому от его ценностного, политического и экономического диктата.

«Поворот к Востоку» не имеет антизападного аспекта. Многовекторная политика России — традиционна и соответствует ее географическому евразийскому положению. Наличие у России такой стратегической модели не только определяет сферу собственной незаменимости, но и даст ей стабильные партнерские отношения на долгосрочную перспективу со всеми государствами мира в обоих полушариях планеты. Наибольшая активность России на западном направлении в течение предыдущих веков была естественной, ибо именно Европа тогда была центром, где свершались события и экономические прорывы всемирного значения, на Западе располагались как главные угрозы для России, так и главный потенциал сотрудничества. В XXI веке мир меняется, и важно не опоздать с его оценкой. Напомним, что З. Бжезинский свою великую шахматную партию разыгрывал именно на евразийской доске.

Перспективный «Восточный национальный проект» имеет исключительно важное значение и с другой точки зрения — он способен остановить стремительную депопуляцию России, выправить (хотя бы частично) возросший за последние 10—15 лет демографический дисбаланс между донуральской и зауральской частями страны. В оценках западных мозговых центров именно депопуляция России и нарастание этнического неравновесия рассматривается в качестве критического слабого места России. Именно это делает громадную и незаселенную российскую территорию — кладовую мировых ресурсов — объектом усиливающегося геополитического давления. Если эта многолетняя угрожающая тенденция не будет обращена вспять, эту территорию будет трудно удерживать, особенно на фоне тщательно провоцируемых конфликтов.

Масштабный проект энергетического освоения Сибири и Дальнего Востока способен стимулировать возникновение динамичных очагов жизнедеятельности и импульса к демографическому росту и миграции. Для этого «восточные проекты» должны не ограничиваться добычей и транспортировкой углеводородов азиатским партнерам — Китаю, Японии, Индии. Эти проекты должны быть выстроены на основе комплексного анализа будущего «развития и размещения производительных сил», включать переработку и производство конечных продуктов, создание в перспективе полноценных экономических центров, скрепляющих страну и стимулирующих и обеспечивающих региональное развитие Сибири и Дальнего Востока.

В современном контексте и на фоне очевидного проектирования Западом геополитического кольца вокруг России и за счет территорий исторического государства Российского, чисто экономические инициативы, какими бы грандиозными они ни были, не способны выполнить исторической задачи.

Необходимо историческое действие на уровне геоэкономики. Соединение масштабных экономических и финансовых проектов исторического значения со столь же программными политическими инициативами для потенциальных партнеров единственно могут создать устойчивую геополитическую конфигурацию, благоприятную для России, образовать вместо создаваемого пояса отчуждения — пояс притяжения, а значит — пояс безопасности вокруг России.

Индия и Китай демонстрируют стабильное развитие и модернизацию, обещающие устойчивый и масштабный рост энергопотребления и заинтересованность в энергопоставках России и развития ее восточных регионов. В отличие от Европы, где Запад ограждает себя мощными наднациональными институтами (ЕС) и военно-стратегическими механизмами (НАТО), Азия и Дальний Восток относительно открыты для исторического и экономического проектирования.

Заинтересованность азиатских партнеров и соседей России в создании энергетической базы Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, возможность увязать с этим инновационную стратегию — соединение высоких технологий России с возможностями недорогих технопарков в Китае и Индии для последующего совместного выхода на мировой рынок высокотехнологической продукции, — все это создает условия не только для повышения роли России в мировом нефтегазовом пасьянсе и стимула ее собственного развития, но и для восстановления ее влияния на решение мировых проблем.

Восточный проект способен дать совершенно новую конъюнктуру для укрепления уже существующих институциональных связей — ШОС, а также, что сегодня не менее актуально, для отношений с государствами Средней Азии, где Киргизия, Узбекистан на собственном драматическом опыте осознают, что означает для них оказаться инструментом западной игры против России.

«Восточный проект», с инициативой которого выступила корпорация российских нефтегазопромышленников, органично увязанный по периметру российских границ с политической и исторической инициативой и вовлекающий соседей и их политический класс в масштабную долгосрочную и амбициозную перспективу, способен не только превратить энергетические и ресурсные возможности России в инструмент развития собственной страны, но и консолидировать геополитическое пространство вокруг России, предотвратить втягивание бывших частей исторического государства Российского в новые конфигурации.

Комплексный ресурсный проект, охватывающий самые различные аспекты социального, экономического, демографического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, — это подлинно национальный проект — мощный фактор консолидации российского общества на рубеже перехода в 2007—2008 годах от одного политического цикла к другому.

Как верно отметил председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России Ю.К. Шафраник, сегодня на российском Востоке речь идет не только об увеличении добычи углеводородов и строительстве новых экспортных трубопроводов. Речь идет о нашем общем будущем (и о будущем государств — соседей России в Евразии).

Пока тезис, гласящий, что «природные ресурсы планеты должны принадлежать всему человечеству, а пользование ими должно быть под глобальным контролем», не набрал силу и «демократический прогресс» новой отрасли международного права — экологического права — не создал юридического механизма глобального контроля над ресурсами, Россия обязана сосредоточиться на выработке стратегии ресурсной безопасности, сделав ее инструментом развития, демографического восстановления, защиты национальной безопасности.

ОТ БАЛТИКИ ДО ЧЕРНОГО МОРЯ

РОССИЯ, СНГ И ЗАПАД: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Отрывок из книги Н.А.Нарочницкой «Россия и русские в мировой истории». Глава была написана в 1998 г.

Когда в декабре 1991 года был упразднен СССР и на его обломках провозглашено Содружество Независимых Государств, лишь З.Бжезинский с присущей ему откровенностью заявил, что произошло крушение исторической Российской государственности. Сегодня очевидно, что процессы на ее геополитическом пространстве, соединяющем многие цивилизации, очевидное соперничество ведущих сил мира вокруг ее обломков, как в капле воды отражают глубинные противоречия мировой истории, глобальные геополитические и идеологические сотрясения двадцатого столетия и катаклизмы своих наций. Это не только плачевный для коммунизма итог соперничества двух рационалистических проектов земного рая — марксистского и либерального, отразившийся в глубоком кризисе и расколе элит и национального сознания посткоммунистических стран и обществ, но и очевидная борьба вокруг поствизантийского пространства, России и ее бывших сфер влияния. Это соперничество воплотилось как в новом всплеске «Дранг нах Остен» со стороны латинского Запада, далеко не исчерпывающегося геополитическими и военно-стратегическими задачами, так и в процессах общественного сознания, отразивших вновь духовную и религиозно-философскую дилемму «Россия и Европа». От исхода этого соперничества немало зависит будущий вектор мировой истории.

Анализ проявившихся тенденций, вскрытие глубинных причин неадекватности СНГ требованиям времени и обстановки позволяет определить те **реальные международно-политические и духовные условия, в которых приходится осуществлять главную геостратегическую задачу нынешнего Российского государства: сохранить геополитический облик ареала исторического государства Российского, воспрепятствовать кардинальной опасной переориентации новых государств на иных недружественных партнеров, устранить соблазны для третьих стран превратить территории исторического государства Российского в свои сферы влияния, противоречащие интересам России.**

Очевидно, что параметры нынешнего состояния СНГ и направление его динамики есть следствие как внутренних, так и внешних факторов, и неотделимы как от обстоятельств ликвидации СССР и его «трансформации», так и от общего течения мировой политики, начиная с середины 80-х годов. Потенциал и будущее СНГ, как и его отдельных членов и перспективы взаимоотношений между ними, можно анализировать реалистически лишь в самом широком контексте. Такой панорамный взгляд на насыщенный событиями и идеями период мировой истории на пороге третьего тысячелетия может расширить парадигму оценки будущего.

Исторический и внешний контекст провозглашения СНГ на месте геополитического пространства исторической России, существовавшего в XX веке в форме СССР, во многом определил его аморфное будущее. Создание СНГ объявлялось и многими воспринималось гарантией от конфликтов и хаоса, а также представлялось, по меньшей мере, в качестве действенного, соответствующего духу эпохи инструмента сохранения существовавших «многовековых» связей между народами. Немногие осмеливались открыто признавать, что распад СССР породил конгломерат не всегда дружественных, нередко соперничающих и даже враждующих квазигосударств, ни одно из которых не имело ни бесспорных территории и границ, ни однородного и единодушно-го населения, ни стабильных государственных институ-

тов, гарантировавших бы от экстремизма вовне и внутри расколотых обществ. Ни одна республика не являлась продуктом самостоятельного исторического развития в основополагающих государственных категориях: территория, нация, государство. Практически все субъекты социалистической федерации никогда не имели бы ни той территории, ни тех границ, а некоторые вообще прекратили бы свое национальное существование, если бы странствовали по мировой истории самостоятельно.

Принято считать, что распад СССР был неизбежен, и такой точки зрения придерживаются не только те, кто считали его «тюрьмой народов» или «последним из вымирающих видов — реликтом — многонациональной империей», как выразился эксперт по проблемам межнациональных отношений в СССР М. Мандельбаум в альманахе, выпущенном американским Советом по внешним сношениям в преддверии распада СССР. Однако в этом же сборнике А. Мотыль замечает, что «вопреки широко распространенному убеждению, народы Советского Союза вовсе не столько сами пробуждаются, как их пробуждают. Они самоутверждаются вплоть до требования независимости потому, что к этому их принудила перестройка. По иронии, не кто иной, как Михаил Сергеевич Горбачев, доморощенный пролетарский интернационалист *par excellence*, должен считаться отцом национализма в СССР».

РОССИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛЬНОСТЯХ

...Одна из главных целей сегодняшнего передела мира — контроль над природными ресурсами и геостратегическими и военно-морскими путями к ним — за это ведутся войны современности. В этом процессе важнейшую роль играет оттеснение России на северо-восток Евразии от одного из главных коммуникационных подступов к центру мировых

ресурсов — Средиземноморско-Черноморско — Каспийского региона. Он составляет северную границу Мирового энергетического или углеводородного эллипса, обнимающего Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Северный Иран, российское Предкавказье, замыкаясь в Афганистане. Конечная цель сегодняшнего передела мира — оттеснение России от одного из главных коммуникационных центров сегодняшнего мира, мира, где главное — ресурсы.

Южная кривая, начинаясь от того же Средиземного моря и Проливов, призвана соединить англосаксонские позиции в Турции через Персидский залив с Пакистаном и замыкается опять в Афганистане. Афганистан вышел из-под контроля, Ирак был препятствием, и их уничтожили. Скоро наступит черед Ирана.

Заметим, что северная граница этого эллиптического региона примыкает к Украине, Молдове, Кавказу и Закавказью. Это объясняет стратегию втягивания в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря, истерическую травлю Белоруссии — недостающей части выкладываемой мозаики, борьбу за окончательное вытеснение России из Крыма, придание чеченскому уголовному мятежу ореола национально-освободительного движения и, наконец, вовлечение Грузии в американскую орбиту.

Задача масштабнейшей евразийской стратегии Вашингтона — обеспечить себе решающий контроль над мировым углеводородным эллипсом и необратимо отстранить от участия в регулировании пользования этими ресурсами все потенциальные и существующие центры силы, которые находятся в более выгодном географическом положении по отношению к этому региону...

Нетрудно ожидать в регионе попытку реконструировать пакт СЕНТО — Организацию Центрального договора под модным названием вроде «пакта стабильности». Напомним, что начинался он с Багдадского пакта. Эта конфигурация призвана связать в единую цепь стратегические точки на линии: Средиземноморье — Малая Азия — Персидский залив — Пакистан, что возможно только с Ираком и

Кувейтом — Месопотамией, вожделенным призом, к которому Британия стремилась в Первой мировой войне (соглашение Сайкса — Пико) и куда она за столетие многократно входила с войсками и базами. Ирак — современный Карфаген Персидского залива — должен был быть разрушен! Только тогда «четвертый Рим» овладеет огромным евразийским эллипсом.

Заклинания об окончании «холодной войны» на этом фоне вызывают скепсис. Ее интерпретация — чистый продукт идеологии. Серьезная западная историография уже признает искаженность восприятия этого периода, указывая на волнообразные колебания интерпретаций как в русле антисоветизма, так и антиамериканизма. Наконец, появилось и признание ранее скрываемой «британской» версии, в которой холодная война имела одной из задач растворение Германии, которую вместе с антигерманским импульсом «бережно» передали британцы Америке, научив ее своему классическому видению европейского миропорядка.

Однако рискнем вообще опрокинуть постановку вопроса о «холодной войне» как об анахронизме и подвергнем сомнению саму парадигму мышления, в которой этот период представляется невиданным и более ужасным, чем ранее известные.

Международные отношения XX века, включая сегодняшнюю эру демократии, отличаются от «имперского» прошлого двумя лишь основными чертами — невиданной идеологизацией и неаристократической грубостью. Новое также и в чаяниях «демоса», слепо уверенного в своей мнимой «кратии», хотя за спиной охлоса судьбами мира вершит олигархия. Социальная психология отражает жажду идеальной модели, веры в прогресс и хилиастический мир. Человечество, забывшее о мире с Богом и о своей греховности, ожидает горизонтального мира между людьми и государствами и, не находя этого, ищет «жертву отпущения», чтобы снять с себя ответственность за грехи мира. Поскольку в качестве цели внешней политики и международной дипломатии уже давно выставляются не национальные интересы, а «счастье че-

ловечества», «вечный мир», «демократия», соперник становится врагом человечества. Сущность проблем и противоречий международных отношений периода «холодной войны» повторяла геополитические константы и историко-культурные тяготения прошлого... Ни Корейская война, ни вторжение США на Кубу, ни ввод советских войск в Венгрию и Чехословакию, по сути, не явили ничего нового в международных отношениях, но сопровождались невиданным отождествлением интересов с морально-этическими канонами универсума, что делало соперника врагом света и исчадием ада... В итоге преемственные геополитические устремления рассматриваются в XX веке в манихейской дихотомии борьбы добра и зла.

Подобная «теологизация» собственного исторического проекта явно продолжена нынешним «единственно верным, потому что всемогущим» либеральным учением. Глобальное сверхобщество, проповедуемое марксизмом, затем либерализмом, становится подобно идее метафизического «Рима» «*translatio imperii*», переходящей то с Запада на Восток, то обратно с Востока на Запад. Сходство даже в обличии изгоев в духе хрущевского агитпропа 60-х годов: «По мере того как история уверенной поступью движется к торжеству рынка и демократии, некоторые страны остаются на обочине этой столбовой дороги». Приходится опять нарушать политкорректность и указать на продолжение не только всех констант многовекового соперничества за выходы к морю и источники сырья, но именно тех черт «холодной войны», что делали ее похожей на религиозные войны.

Проявляется это в возврате к довестфальскому правовому сознанию и подрыву суверенитета и классического международного права.

* * *

Начиная с Вестфальского мира 1648 года, положившего конец войнам между протестантами и католиками, то есть войнам «по идеологическим мотивам», источником между-

народной правосубъектности всегда было само понятие государства, а не система ценностей или тип государственного устройства. Идея «суверенитета народа» является основополагающим постулатом Просвещения и западноевропейской либеральной демократии. Международное публичное право зиждется именно на принципе абсолютной суверенности государства-нации и суверенитет не может быть первого и второго сорта в зависимости от «цивилизованности».

Устав ООН в Главе I «Цели и принципы» не отдает предпочтения ни одной религиозно-философской или общественно-политической системе и вообще не упоминает слово «демократия». В ней утверждается суверенное равенство всех многообразных субъектов международных отношений — то есть республики и монархии, общества религиозного, будь-то христианское, исламское или индуистское, и общества либерально-демократического (западного типа). С точки зрения классического международного права и Устава ООН они абсолютно равноценны и между ними нет отношений прогрессивного к отсталому.

И.Кант утверждал, что «карательная война (*bellum punitivum*) между государствами недопустима, поскольку между ними нет отношения высшего к подчиненному». Еще в начале 80-х годов доминировал тезис, нынче полностью отвергаемый школой глобалистики: «при основополагающем принципе суверенности государства» только интервенция с целью повлиять не на внешнее международное поведение объекта, но на его внутренние дела, безусловно должна быть расценена как противоправная» — писал известный политолог С.Хоффман.

Вызов принципам суверенитета готовился давно. Параллельно с «организацией безопасности» — ООН — был создан Совет Европы. В его уставе и документах постулированы стандарты униформного гражданского общества и ни единого раза не упоминаются слова «суверенитет» или «невмешательство». Совет Европы — организация сугубо идеологическая, нечто вроде Четвертого (либерального) Интернацио-

нала, раздающего аттестаты зрелости на цивилизованность. Ему принадлежит лидерство в подмене международного права, то есть права между народами, «всемирным правом» («world law»), где субъектом выступает не государство, а индивид — гражданин мира с философией *ubi bene ibi patria* — «где хорошо, там и отечество», чьи права обеспечивает «мировое правительство». Именно в такой парадигме трактуется проблематика прав человека, различно интерпретируемая в философских критериях безрелигиозного либерализма и в религиозном обществе.

Теоретические изыскания в области «относительного», «функционального» суверенитета давно служат политическим обоснованием применения силы. Согласно новым концепциям Запад имеет право защищать права человека в «нарушающих» их странах, совершая гуманитарные интервенции, к которым охотно прибегают, так как Устав ООН запрещает объявление войны. «Международное право регулирует отношения между государствами, но не между людьми, обеспечивает порядок, но не справедливость, чему мешает акцент на суверенитете... в то время как «world law» — «новая форма права больше соответствует мировому обществу людей, нежели сообществу государств», — сетуют юристы-новаторы. Такая эволюция правового сознания может привести к полному разрушению международного публичного права, к концу эры государства-нации. Малые страны без ядерного оружия существуют лишь по милости сильных, договоры и соглашения становятся протоколом о намерениях с клаузулой «*rebus sic stantibus*» (пока условия сохраняются).

Перед выбором стоит и ООН, сохранение которой как главного «механизма принятия решений» было определено в качестве цели в Послании Президента В.В.Путина Федеральному собранию.

Если интерпретировать одобрение Советом Безопасности снятия санкций с Ирака как «возвращение конфликта в правовое русло и восстановление роли ООН», то в такой

логике кризис создала сама ООН. Попытки подорвать авторитет ООН налицо, однако они не обоснованы. Подлинный кризис заключался в бессилии международно-правового механизма, созданного в условиях паритета после войны, удержать США от нужного им для передела мира сознательного моделирования конфликта и запланированного военного сокрушения Ирака — регионального структурного элемента прежнего биполярного мира. Но это кризис не самой ООН, а мировой системы равновесия.

Вряд ли можно назвать кризисом эпизод, когда США, опасаясь вето, сняли с голосования проект, санкционировавший агрессию. Наоборот, в этом проявились рудименты эпохи легитимности, когда неизбежно случавшиеся нарушения международного права всегда квалифицировались как нарушения, а значит, сам принцип и роль ООН как его хранителя сохранялись. Заставлял же стороны придерживаться порядка только паритет сил.

О подрыве философии международного права свидетельствовало ползучее принятие концепции, что государства бывают первого и второго сорта, а квалифицируют их по группам самопровозглашающие себя первосортными арбитры, что только «примерным» государствам разрешается иметь оружие, и, наконец, что «лучшие» могут примерно наказать «худших». В свое время такое проявление социал-дарвинизма — борьбы государств-организмов за выживание — было осуждено не только всей христианской, но тогда еще прекраснодушной либеральной человеческой мыслью. Этнос войны, в которой лучший народ убирает с дороги неисторичных — «худших», как и лозунг «Дейчланд юбер аллес» был разработан немецким историком Генрихом фон Трейчке еще во времена Бисмарка

Само допущение, что государство, которое ни на кого не нападает и никому не угрожает, почему-то должно быть «принудительно разоружено», в том числе и с помощью военной силы, — это кризис правосознания и принципа суверенного равенства. Именно применение военной силы за-

прещено Уставом ООН, а отказ от применения силы, как и суверенное равенство всех субъектов международного права входят в так называемые основополагающие принципы международного права, с которых начинаются как Устав ООН, так и все учебники международного публичного права.

Заявление Генерального секретаря ООН Кофи Аннана от 20 марта всячески избегало осуждение агрессии: «Возможно, если бы мы упорствовали чуть дольше... мир мог бы принять меры для урегулирования этой проблемы на основе коллективного решения, придав этому большую легитимность и, тем самым, обеспечив более широкую поддержку, чем в настоящее время».

Значит, если бы больше стран высказали свою поддержку, это сделало бы правонарушение легитимным? И разве задача ООН в том, чтобы придать правонарушению легитимность?

Важно четко определить, в чем роль и задача ООН — в обслуживании некоего порядка, устанавливаемого сильным, или в установлении неких универсальных норм и принципов международно-правового характера, которых обязан придерживаться и сильный, без чего его «действия» не будут признаны даже в случае, если этому нельзя противодействовать. В обоих случаях ООН может быть «механизмом принятия решений», но будущее развитие мира будет совершенно различным.

США пока полностью не разочаровались в ООН, и нельзя исключать, что они вознамерятся добиться изменения Устава. И первым, на что они посягнут, будет принцип единогласия великих держав в Совете Безопасности, бывший главным камнем преткновения при обсуждении проектов Устава ООН в 1944—1945 годах, из-за которого чуть не провалилась конференция в Думбартон-Окс.

В ходе обмена проектами Устава с комиссией М. Литвина в 1944—1945 гг. США фактически предлагали замену основополагающих принципов суверенитета механизмом «глобального управления», который сам идентифицировал бы наличие «угрозы международному миру» во внутренних делах

государств, выносил вердикт о «неправильной внутренней политике», которая должна быть подчинена единым стандартам, и решения которого были бы обязательными даже для государств не членов. Вашингтон и Лондон резко выступали против единогласия постоянных членов и настаивали на том, чтобы решения Совета принимались без участия заинтересованных сторон конфликта, даже если ими окажутся постоянные члены. (Представим ситуацию: у России конфликт с сопредельной стороной из-за укрывательства той чеченских бандитов, а Совет Безопасности без участия России принимает решение о ее насильственном разоружении.)

СССР настаивал, что постоянные государства-члены должны сохранять право голоса в любых обстоятельствах. В конечном варианте Устава на более поздней стадии появилась хитрая клаузула: если разногласия между субъектами квалифицируются как «спор», подлежащий рассмотрению Советом Безопасности, то постоянный член СБ, оказавшийся стороной в споре, теряет право голоса, но если разногласия квалифицируются как «ситуация», то постоянный член — фигурант «ситуации» сохраняет свои права голоса и вето. Поскольку для квалификации конфликта как «спора» нужно письменное признание наличия спора всеми его сторонами, то постоянный член всегда может предпочесть «ситуацию» со своим правом голоса и вето.

В рассекреченных в 90-е годы «директивах» советской делегации на конференции в Думбартон-Окс не было иллюзий: «Можно представить мало случаев и положений, когда организация могла бы быть использована нами в наших интересах, между тем как у Америки... имеется много шансов поставить организацию в определенных случаях на службу своим интересам... Нам необходимо заботиться о том, чтобы организация не могла быть использована против наших интересов, и это соображение является мерой наших уступок при предстоящих переговорах». Задача сохранения роли ООН и принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности важна сегодня, как и тогда.

Существуют немало споров о глобализации как прогрессе или уничтожении многообразного мира, идущих в лево-троцкистском и в сугубо правохристианском ключе. Однако практически нет работ, посвященных религиозно-философским аспектам этого явления.

Естественная глобализация жизни обществ порождена «теснотой мира» и необратимо свободным движением культурных потоков, людей, капиталов и ресурсов. Но она совсем не тождественна навязываемой «идеологии глобализма» — наследию идеологической борьбы, оставшейся флагом мирового либерального сверхобщества под американским «глобальным управлением». Принятие как западным, так и посткоммунистическим миром идеологии глобализма как естественной является наследием пресловутой идеологической борьбы, в которой соперничали две родственные идеи униформного мира под эгидой глобального управления. А почти тоталитарное навязывание идеологии глобализма и перенесение ее в область международного права — это прямой итог победы либерального универсализма над коммунистическим.

Концепция, с которой Америка вступила в Первую мировую войну и на мировую арену, охарактеризована Г. Киссинджером как «вселенская, основополагающая гармония, пока что скрытая от человечества». В лучах первого «нового мышления» и проекта «демократической перестройки» мировой системы должна была безнадежно померкнуть имперская мысль Старого Света. В. Вильсон на Парижской мирной конференции 1919 года витийствовал, что «Америке уготована невиданная честь осуществить свое предназначение и спасти мир». По признанию исследователей американского мессианизма и его религиозно-философских истоков именно вильсонизм соединило с либеральным багажом кальвинистский пафос «орудия Бога» англосаксонских пуритан, доктрину «нации-искупительницы» (Redeemer Nation) и «Бо-

жественного предопределения» (Manifest Destiny). В этих доктринах, освящающих моральное право на экспансию и руководство «дикарями и народами зла» (сенатор Беверидж), всегда проявлялась кальвинистская уверенность в том, что Бог воздаст уже на земле именно тем, кто достоин Его милости, а проявлением этой милости и показателем богоизбранности и предназначенности ко Спасению является земной успех и богатство. Трудно увязать подобную гордыню с Нагорной проповедью: «Блаженны нищие духом... Блаженны изгнанные за правду».

Похоже именно сейчас девиз на государственной печати США «Novus Ordo Seclorum» — «новый порядок на века» — из мистического задания стал воплощаться в синтезе империализма времен Теодора Рузвельта и мессианизма в духе Вудро Вильсона. «Мы управляем вами, так как это в ваших же лучших интересах, а те, кто отказывается это понимать, представляют собой зло», поскольку «США соответствуют высоким принципам политического порядка, превосходящего все остальные политические порядки, и новый американский империализм служит высшей моральной цели». Экспорт клише и стереотипов сознания — идеологическое программирование — необходимое условие успеха «глобального управления» расколотыми нациями, состоящими из исключительно свободных индивидов. Во всех странах обывателю внушается псевдолиберальный идеал несопричастности к делам Отечества, а элите — иллюзия сопричастности к мировой олигархии.

Однако незападный мир воспринимает проповедь права от имени вселенской демократии наносить превентивные удары по государствам с иным типом правления, якобы агрессивным по определению, — как банкротство самих западных ценностей, которым Запад так гордился целое столетие, зарабатывая себе на них немалые геополитические и экономические дивиденды. Прежняя альтернатива — коммунистический универсализм — также утратила привлекательность. Поэтому сегодня незападный мир может выбрать и уже выбирает «терроризм».

Вновь приходится выходить за рамки политкорректности и высказать то, что давно назрело: «терроризм» может стать и уже становится структурным компонентом сегодняшнего мира, и, как таковой, он — одно из следствий глобализации, вернее «глобального управления». Оно же неспособно защитить собственных граждан, безопасность которых никогда еще так не снижалась, несмотря на впечатляющую военную мощь и непобедимость в традиционных критериях.

Христианский мир не может ответить на это страшное явление подобными методами не только потому, что либерализм утратил нравственное целеполагание за пределами земной жизни и способность умирать за идеалы. Убийство «несопричастных» в качестве «возмездия» за политику государства или террористического образования для христианина неприемлемо этически. В истории христианского мира XIX и XX веков все террористы были воинствующими атеистами, революционерами или леваками-троцкистами. Но фанатики-террористы из экстремистских диссидентских течений ислама мнят себя «орудием Бога». Для них жертва — даже не адресат требований, а просто вещь. Но христианская культура, где самопожертвование — идеал («нет больше той любви, как если кто душу свою положит за други своя»), утверждает этическое равенство людей перед Богом и невозможность превращения человека в средство.

Если говорить о «международном терроризме» как формуле мировой политики, то это клише сознательно используется в отношении весьма многоликих явлений, а «борьба с международным терроризмом» стала политической доктриной. Использование ее в качестве дипломатического и политического инструмента показало некоторое удобство и, в принципе, вполне правомерно, к тому же кузница кадров «террористических центров» для борьбы с Россией и США одна. Однако необходимо осознавать, что цели этой борьбы совершенно различны. От США «терроризм» требует невмешательства в дела других миров. Побудительные мотивы как у США против террористов, так и у «террориз-

ма» против США — это новое явление и по сути целей, и по страшному методу.

Цели же против России, выдвигаемые чеченскими уголовными мятежниками-террористами и их международными пособниками, не являются порождением сугубо новых явлений в мировой политике, а продолжение старых геополитических устремлений — отторжение Кавказа, Ставрополя и Краснодарского края, который именуется на их картах «исламской республикой Адыгеей». От России методом терроризма требуют территории, за которые с ней воевала в прошлых столетиях Османская империя и Персия, подстрекаемые Британией.

США воюют с террористами за имперские интересы и «глобальное управление», Россия — за «живот». В этой борьбе союзник почему-то не проявляет должной солидарности с Россией в вопросах ее территориальной целостности и ее сфер влияния от Балтики до Черноморья.

«Антитеррористическая солидарность» носит ситуационный характер. К обращению протеста к форме терроризма приводит и общее возрастание фактора силы при фантастическом развитии военной техники. «Обычные вооружения» достигли качественно невиданного уровня, а методы их применения — системы электронного наведения и средства доставки с воздуха — принципиально изменили стратегию и тактику военных действий. Развитие «обычных вооружений» повторяет путь, на котором в свое время оказались ядерные вооружения, когда стремление к превосходящим параметрам разрушительности было обесмыслено. Сдерживание обеспечивалось только системами противоракетной обороны. Точно так же противостоят новейшим системам обычных вооружений США, опробованных в Югославии, Афганистане и Ираке, могут лишь считанные страны, обладающие столь же совершенными системами ПВО. Такое положение принципиально изменяет само понятие о боевых действиях. В них участие личного состава нападающей армии стало фактически номинальным, а сопротивление са-

мой самоотверженной и многочисленной армии обороняющейся стороны — технически невозможным и бессмысленным. «Рядовой Райан» боится и не собирается воевать лицом к лицу, он воюет по компьютеру против армии, уже неспособной отразить удар суперсовременных обычных вооружений, но еще способной от него укрыться, в отличие от удара ядерного. В итоге качественно новые методы «обычной» войны также нацелены, вопреки псевдогуманистической риторике, во все большей степени против гражданского населения.

Почему в Югославии бомбардировки целенаправленно уничтожали объекты жизнеобеспечения городов? Погибло менее 100 военнослужащих сербской армии, но несколько тысяч гражданских лиц, более 400 детей. Что порождало в сознании террористов шанс на успех при захвате заложников в Москве?

Урбанистическая индустриальная цивилизация капитулирует, не когда армия разбита, а когда останавливаются водопровод и канализация в миллионных городах, а шантаж властей как гуманитарными интервенциями, так и террористическими актами удается, когда либеральное сознание «граждан мира», несопричастных судьбе своего Отечества, не отождествляет себя с нацией, ее историей и ее армией. Такое сознание — современный продукт идеологии глобализма и проповеди открытого гражданского общества.

* * *

Новый мир ставит в повестку дня целый букет проблем: извечная историко-философская дилемма «Россия и Европа», дилемма «Россия против или вместе с Америкой», наконец, новые дилеммы — «Америка и мир» и «Америка и Европа». В этих сложных конфигурациях, которые, взаимодействуя, рождают еще не завершенную систему международных отношений, Россия должна сама определить свое место. Только самостоятельность такого выбора сделает ее вновь системообразующим элементом.

Первое десятилетие «однополярного» мира завершилось всплеском более глубокого, чем когда-либо, антиамериканизма в Европе и кризисом в НАТО. Однако Европа пока не показала, что у нее есть и воля и способность выдвинуть некий новый культурно-исторический и политический проект, альтернативный тому, который привел к глобальному управлению и ею самой в том числе.

Но начавшийся передел мира не только имеет геополитический сценарий, но по-новому группирует международно-политические силы. В тот момент, когда Россия окончательно утратит обретения Петра Великого, не дававшие покоя «старушке Европе» с XVIII века, «закат Европы» и утрата ею положения центра всемирно-исторических событий станет свершившимся фактом. Старая Европа на мгновение ощутила, что одно из следствий этого — неизбежное падение ее собственной роли в мире и как союзника Вашингтона. Европе предстоит еще осмыслить очевидный вывод, что не российское великодержавие угрожает роли Европы в мировой политике, а, наоборот, его упадок.

Тем временем, «старая» Европа утрачивает себя как исторический проект. Это парадоксально на фоне впечатляющих перспектив территориального роста Евросоюза и роли евро как второй мировой резервной валюты. Однако Европейский Союз — это не более чем гигантский «оргпроект», не осмелившийся даже включить какие-либо цели и ценности за пределами земного бытия в Европейскую конвенцию. Этот скучнейший образчик творчества либерального «госплана» своим сугубым материализмом и рационализмом подтверждает саркастическое суждение 20-х годов консервативного философа права К. Шмитта о единстве философской парадигмы марксистского и либерального экономического демонизма: «Картины мира современного промышленного предпринимателя и промышленного пролетария похожи одна на другую как братья-близнецы... У крупного предпринимателя нет иного идеала, кроме того, что есть и у Ленина, а именно «электрификация всей земли». Спор между ними ведется только о правильном методе электрификации».

Мир и Европа в сознании нового всемирного fraternite левых социал-демократов не более, чем гигантское хозяйственное предприятие, требующее оптимизации для унифицированного удовлетворения постоянно растущих материальных потребностей одномерных индивидов. Солана, д'Алема и Фишер принадлежали к космополитическим леволиберальным кругам, воспринявшим идею глобального сверхобщества еще в своем розовом социал-демократическом, красном коммунистическом или ультралевацком прошлом.

Новые конфигурации не могут служить Европе, если она утрачивает духовное задание, двигавшее ей в те времена, когда она возростала и являла миру великие державы и великую культуру. Они служат глобальному управлению и евразийскому проекту Вашингтона.

Разговоры о новой Антанте могут только вызвать улыбку. Однако новые вызовы, в том числе и соблазны материального рая, побуждают по-новому взглянуть и на дилемму «Россия и Европа», которая не изжита именно Европой, и на печальный и назидательный исторический опыт построения сугубо материального рая, погубивший православную империю. Россия продемонстрировала своим упадком тот факт, что территория, внушительная экономика, даже ядерное оружие не могут удержать от вытеснения на обочину истории, ибо материя без духа не творит историю. Философия гедонистического и нарциссического либертарианства бросает вызов всем великим национальным и духовным традициям человечества и требует устранить эти традиции для продолжения истории без всякого нравственного целеполагания.

Либерализм в его стадии вырождения и утраты всякого духовного задания, не менее чужд Европе, чем православной России. На этом пути и Россия, и Европа станут провинцией нового мира, не имеющей права на историческую инициативу. Произойдет не просто конец либеральной истории по Ф.Фукуяме, но подлинный «Закат Европы» по Освальду Шпенглеру. Только заново осмысливаемое культурно-историческое сотрудничество России и «старой» Европы может дать обоим необходимый исторический импульс.

Известный французский ученый и общественно-политический деятель Эмманюэль Тодд начал свою нашумевшую книгу тезисом: «Соединенные Штаты Америки становятся проблемой для всего мира». Впрочем, его главный вывод гласит: «глобальная» американская держава вступила в фазу заката своего военного, экономического и идеологического могущества.

В краткосрочной перспективе бесспорно, однако, лишь то, что Америка и попытки глобального управления с новыми идеологическими и правовыми параметрами — это новая геополитическая реальность, в которой должны осмыслить свое место Россия, Европа и сама Америка. Очевидно также, что та глобальная структура, которую пытается выстраивать Вашингтон, не обретает характер устойчивой системы. Для ее удержания и замены региональных конфигураций биполярного мира приходится ежегодно истерически театрализовать второстепенные конфликты для военной оккупации очередного региона и использовать клише «терроризма» для институционализации перманентного состояния войны в масштабе планеты.

Судорожность «Global Governance» побуждает уже сегодня разрабатывать модель равновесия. Признаком подлинной системы международных отношений, даже если она структурирована вокруг одного системообразующего элемента, является состояние саморегулирующегося равновесия, способность к самовоспроизводству. Война против Ирака, вопреки протестам франко-германского альянса, слишком ясно показала, что для Вашингтона гораздо важнее стать распределителем мировых ресурсов и овладеть военно-морскими подступами к ним, чем сохранять верность устаревшим союзническим обязательствам. Трансатлантическая платформа интересов, созданная Ялтинским порядком, устояла при разрушении противовеса — СССР, не слишком, как видно, укрепилась продвижением в Белград, но дала тре-

щину в Багдаде, от которого, возможно, будут отсчитывать новую эпоху «столкновения цивилизаций» с ее совершенно иными ролями.

Многие эксперты предполагают нарастание и поиск новых форм европейского противодействия американской евразийской стратегии по мере усиления американского экспансионизма. Именно от России зависит, сможет ли первое десятилетие XXI века стать временем оформления более или менее равностороннего треугольника центров силы: Америка — Европа — Россия — как необходимой опоры нового мирового геополитического устройства. Но для сильной европейской роли необходима сильная азиатская политика.

Россия, похоже, восстанавливает свою многостороннюю историческую стратегию, как и подобает великой евроазиатской державе, — политику, соответствующую ее естественной геополитической миссии — быть держателем равновесия между цивилизациями, между Западом и Востоком. Именно отречение от этой миссии привело мир в движение и пробудило соперничество между цивилизациями в том числе и за российское наследство и геополитические позиции в ключевых для равновесия регионах. П.Столыпин как-то сказал: «Наш орел, наследие Византии — двуглавый орел. Хотя одноголовые орлы также могущественны, мы не сделаем своего орла одноглавым, если отсечем ему голову, обращенную к Востоку. Мы только заставим его истечь кровью».

Возможность восстановить эту столь востребованную роль России и сегодня позволяет стратегическое центральное положение на Евразийском континенте. Оно оказалось более важным в сегодняшних реалиях, чем представлялось инфантильной сахаровско-горбачевской школой, и более прочным, чем казалось Зб.Бжезинскому, нацеливавшему свою «великую шахматную партию» именно на его уничтожение. Но важно сознавать, что политической осью Евро-Азиатского геополитического пространства Россия может оставаться лишь до тех пор, пока она не позволит себя отсечь от Балтийского и Черного морей.

Россия как держатель равновесия между цивилизациями должна не опоздать и сама себя «позиционировать», как сейчас модно говорить, то есть определить свое место в каждой из системообразующих или крупных конфигураций. Россия не может себе позволить быть используемой любым партнером в противостоянии между Америкой и исламом, между Китаем и Америкой, между Индией и Пакистаном, между Америкой и Европой. Однополярный мир — это временное явление, исторически краткий переходный период от двухполюсной системы к полицентричности, которая уже обрела реальность с выходом Китая в космос и неостановимой динамичностью и неизбежной консолидацией исламского мира.

Для России совершенно ложен выбор: «с Америкой против Европы» или «с Европой против Америки». Сама постановка вопроса: «либо конфронтация, либо вечная дружба» — также совершенно неуместна в международных отношениях. Антиамериканизм в официальной политике был бы в сегодняшней ситуации пустым и бесплодным блефом, как шум вокруг Олимпиады в Солт-Лейк-Сити. Имея стратегические цели, отнюдь не совпадающие в главном с США, Россия, тем не менее, весьма заинтересована в поддержании на высоком уровне рабочих отношений с Вашингтоном. Дж.Кеннан в свое время метко определил диалектику взаимоотношений США и России/СССР: они должны быть «в разумной степени хорошими, в разумной степени отдаленными». Сегодня эта мудрая формула может означать отношения, связанные только интересами и реалиями, но свободные от уз идеологических доктрин.

Однако памятуя о том, что горчаковское «Россия сосредоточивается» возымело в свое время куда большее воздействие, чем «кузькина мать» Никиты Хрущева, полезно было бы также осознавать, что в формуле «стратегического партнерства» развивается никогда не прекращавшееся стратегическое соперничество.

СЛАВЯНСКИЙ МИР — ОСЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРАЗИИ

О судьбе славянства и России можно рассуждать, лишь выйдя за рамки наскучивших клише о правах человека и вселенской демократии. Меньше всего демократии сегодня именно в международных отношениях. Разве под флагом прав человека и демократии не идет откровенный передел мира, разве на неудобные режимы не сыплются бомбы, разве не готовится расчленение суверенного государства в центре Европы, все еще претендующей на учительство?

Славянство как самобытная часть общеевропейской семьи испытало на себе и многовековой «Дранг нах Остен» тевтонов, и монгольское нашествие с Востока. Через славян прошли два эпохальных нашествия на Россию — наполеоновское и гитлеровское. В период эмансипации XX века, к его концу западные и южные славяне испробовали как объединения, так и самоопределение в узкоэтнических рамках. Но и в итоге обеих мировых войн, и на рубеже XXI столетия это было результатом не только и не столько собственных проектов, как схем, служащих интересам более мощных субъектов мировой политики.

На Балканах из-за двойного подчинения — Австро-Венгрии и Оттоманской Турции — процесс собирания наций в едином государственном теле даже в начале XX века еще не был завершен. Но на Западе никогда не было заинтересованности в естественном формировании там крупных, однородных в этническом, языковом и религиозном аспектах наций. Может, потому, что все православные так или иначе оказались бы в орбите России, а католики — в орбите тогдашней амбициозной Германской империи? Такого англосаксы, конечно, не могли допустить в регионе Проливов, где каждая конфигурация до сих пор меняет соотношение сил в Европе.

Сербская национальная идея и вовсе рассматривалась Западом как «крамола», начиная с «Начертания» Илии Гарашанина (1840 год). Тем не менее после Первой мировой войны в Версале победителям понадобилось крупное Королевство сербов, хорватов и словенцев, ибо победившая англосаксонская Антанта хотела стереть все следы австро-германского присутствия в Южной Европе. Разные формы объединения балканских славян и послеверсальская Чехословакия стали важным этапом исторической эмансипации славян, обретением ими роли субъектов мировой политики.

Сегодня мы являемся свидетелями нового этапа фрагментации славянства на малые государства, которые втягиваются в евроатлантический мир под флагом расширения демократии и реализации национальных чаяний. Так что же ждет славян в «единой Европе»?

Славянство неоднородно, и его исторические и геополитические тяготения всегда были разнообразны и порой противоположны. И это обязательно связано с соперничеством католического и православного опыта, как у хорватов и сербов, у поляков и русских. Если навязчивая мечта поляков об историческом реванше над Россией периодически заводит Варшаву и ее покровителей в тупик, то спокойное и дружеское отношение к России католических Словакии и Словении дает вдохновляющий пример синтеза российского и западного векторов истории!

И все же тот факт, что по славянству пролегает граница латинской Европы и поствизантийского пространства, делает Восточную и Юго-Восточную Европу особенным регионом не только потому, что линия от Балтики до Черного моря есть осевое пространство Евразии. «Кто владеет Восточной Европой, тот господствует над Евразией» — такова сентенция классика британской геополитики Х. Маккиндера. Даже в век общечеловеческих ценностей противоречия между однородными, но разноверными народами не менее сильны, чем в кровавые годы религиозных войн католиков

и протестантов, когда треть населения цивилизованной Европы была истреблена. Вестфальский мир 1648 года запретил идеологически обосновывать использование силы для изменения внутреннего порядка государств. Но сейчас напрашивается не совсем политкорректный вопрос: не является ли ссылка на установление демократии при бомбардировках неудобных режимов неким рецидивом довестфальского сознания?

Можно только изумляться Западу, поощряющему сегодня косовский сепаратизм и терроризм самого опасного толка — терроризм с целью изменения границ.

Опрометчиво поощряя албанских боевиков, настаивая на абсолютно противоправном отторжении от Сербии Косова, Запад возвращает воинствующее исламское образование в сердце Европы. Далекой Америке такой терроризм не угрожает. Он угрожает только России и Европе, которая сама через три поколения будет наполовину исламской и в которой десятки государств еле выдерживают собственный сепаратизм и этническое и конфессиональное неравновесие.

Неужели Европа забыла, как турки осаждали Вену? Неужели в Вашингтоне и Брюсселе не знают об идее «великой Албании», о претензиях на Северо-Западную Грецию — Эпир, на 40% Черногории, на половину Македонии? Неужели они забыли, что в «исламской декларации» покойного А. Изетбеговича речь шла об «исламской федерации от Адриатики до Великой Китайской стены»? Неужели в Вашингтоне полагают, что любовь к Америке албанских боевиков-мусульман спасет Америку от неприязни многомиллионного исламского мира? Неужели можно всерьез принимать заявления о том, что отторжение от Сербии Косова — колыбели сербской государственности — не станет концом Устава ООН, мира и стабильности? И неужели можно после этого будет фарисейски препятствовать жителям непризнанных территорий, которые имеют все права на выбор своей судьбы, ибо эти права были грубо нарушены в ходе расчленения СССР?

Разве втягивание в западный ареал стран Прибалтики, Венгрии, Чехии, Польши и балканских государств сделало Европу самостоятельнее? Чем больше перемен, тем очевиднее неспособность оскудевшей духом Европы выиграть от них и обрести новый исторический импульс, не говоря уже о том, что ее экономическая и социальная конструкция едва выдерживает дополнительный груз. А значит, новые конфигурации служат не самой Европе, а евразийской стратегии США, нацеленной на оттеснение России на северо-восток континента, подальше от морей. Но тогда Европа может превратиться из центра мировых событий в лишь обеспеченный тыл.

«Новая Европа», о самостоятельности которой в евроатлантическом проекте не приходится говорить, — это и есть славянство, которое помещено судьбой на стыке устойчивых геополитических систем. В таком положении редка возможность независимой внешней политики, к которой, впрочем, не все стремятся, и это их право. Но сегодняшний замысел либеральной технократии ставит под сомнение и продолжение самостоятельного культурно-исторического проекта. Тревожно, что христианским ценностям уже не нашлось места в Евроконституции, но замечательно, что поляки-славяне отстаивали их. В будущем гигантский киборг может предпочесть микрочип Платону, Шекспиру, Гете и Достоевскому. В таком мире нет места не только православной России, славянству, но и самой великой европейской культуре.

Первыми растворятся как явления мировой культуры и истории малые нации. Если таким останется путь единой Европы, то в нем незавидна судьба славянства с его чудными языками и фольклором, тайнами, исканиями, геополитическими и духовными сомнениями и тяготениями, с его героической летописью выстаивания и выживания между католиками и мусульманами, между тевтонами, монголами и турками: останется мертвый экспонат в маленькой витрине этнографического музея униформного мира.

Все же хочется вспомнить, что идея всеединства, понятие европейской христианской цивилизации на протяжении

веков были вдохновляющим идеалом и великой ценностью для обеих половин Европы. Прекраснодушные европейцы на Западе и Востоке стремились к гармонизации исторических поисков, подчеркивая не только различия, но и бесспорное единство.

Сотрудничество России и Европы действительно могло бы дать обеим мощный и столь необходимый импульс в начавшемся третьем тысячелетии от Рождества Христова. Но для этого нужно признать, что не только самой России, но и всем в Европе нужна сильная Россия как системообразующий фактор международных отношений. Иным кажется, что, шумя на «российского слона», можно заслужить звание европейца. Но это ли нужно тем, чья национальная история, славянская история, пылавшая в костре Яна Гуса, уже давным-давно стала великой всеевропейской историей?

Подлинный импульс, подъем и самостоятельность Европе может принести только признание вселенской равноценности наших опытов. Наше будущее — в конструктивном соединении исторического наследия и творчества всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: германской, романской и славянской, Европы латинской и Европы православной.

Именно на поле защиты общеевропейского духовного наследия и лежит потенциал исторической роли славянства и региона в целом. Вот цель, которая не разделяет, не ущемляет, вот в чем не стыдно соревноваться нашим народам, обнаружившим после принуждения к безверию живую тягу к христианским ответам на великие вопросы человека и человечества. Вот поле, на котором можно быть равновеликим игроком европейской истории, ибо для утверждения Истины не нужны заволаживающие цифры «валового внутреннего продукта». Нужно всего лишь сохранить потребность различать грех и добродетель, красоту и уродство, истину и ложь, добро и зло.

И ПЕРВЫЕ СТАНУТ ПОСЛЕДНИМИ...

*Размышления после премьеры документального фильма
«Гибель империи. Уроки Византии»*

Фильм архимандрита Тихона «Гибель империи. Уроки Византии» очень важен сегодня прежде всего тем, что он приподнимает современного человека над сегодняшним, сиюминутным и показывает, куда течет река вселенской истории.

Но воспринять это непросто. Современный человек склонен видеть только отведенный ему крошечный изгиб берега и полагать, что это и есть магистральное направление. А когда ему пытаются показать в панораме весь путь и его смысл, указать на истоки и открыть перспективу, он затыкает уши, закрывает глаза. Его это раздражает, потому что обременяет ответственностью за то, как влияет его собственная жизнь с ее целями и ценностями на направление общечеловеческой истории. И далеко не каждому такая ответственность по плечу. Она слишком тяжела.

Этим во многом и объясняется та истерика, которая разразилась в современных либеральных СМИ после выхода фильма. Слишком уж несовместим его смысл с бытующими в этой среде стереотипами, с ориентацией человека на автономность личности от всех религиозных, нравственных, национальных и семейных устоев.

Атомизация — вообще черта современного сознания, которому свойственно отгораживаться от великих вопросов, замыкаться на потребительстве во всех сферах.

А в фильме путь, судьба отдельной личности сопрягаются с руслом истории всего человечества. И это русло способно размываться и меняться в зависимости от наших поступков. Такое осознание, конечно, осложняет жизнь.

Но из всех земных существ лишь человек имеет историю, один он в своих поступках руководим не только сию-

минутными обстоятельствами жизни, но и пониманием той роли, которую он призван выполнить в этой истории, служа своей личной жизнью осуществлению ее общих задач, связующих прошлое человечества с будущим. Только человек имеет и летопись, и предания, и собственные понятия о своих исторических задачах и своих исторических обязанностях. Мы обязаны извлекать уроки из нашего исторического опыта, если хотим иметь будущее.

Именно поэтому так необходим этот фильм. И именно этим он так раздражает критиков, чьи придирки к деталям и упреки в схематизме так беспомощны и малосущественны! Конечно, определенный схематизм неизбежен в таком жанре. Иначе нужно было бы сопровождать каждый тезис томами документов. При известной плакатности фильм отличают глубокие и лаконичные формулировки. И он, несомненно, правдив.

Другое дело, что оценить правдивость и точность фильма — задача для многих сегодня непосильная. У современного человека, как правило, нет достаточных знаний, и потому многое в подлинной истории ему кажется невероятным, притянутым, искаженным. Так, некоторые термины в фильме, над которыми подсмеиваются критики, по их мнению, искусственно опрокинуты из сегодняшнего дня в прошлое, но они-то как раз и пришли к нам из глубокой древности. К примеру, «олигархия» — власть группы, сопровождаемая всегда охлократией — властью толпы, управляемой через обработку сознания, — термин, введенный в оборот еще Аристотелем и Полибием двадцать два века назад как извращение демократии.

Из сознания человека изъято вселенское значение Византийского наследия. И потому современнику кажется таким удивительным и неправдоподобным, что в течение полутора тысячелетий Византия была культурной метрополией мира, а Запад — его задворками, где царили грубость нравов, грязь, вонь, плыли нечистоты прямо по улицам. Но это было действительно так. Дочь византийского императора Комнина, Анна, описывала западных варваров так, как в

XIX веке выглядело бы нашествие ковбоев в изысканный парижский салон. А европейские короли еще во времена д'Артаньяна мыслили дважды в жизни: при рождении и положении во гроб.

Но не только Константинов град был солнцем культуры. Киевско-русская культура, вопреки скепсису наших западников, была куда выше западной. Древний Киев был одним из самых богатых и культурных городов Европы, на западе которой, по словам крупнейшего французского историка школы Анналов Жака Ле Гоффа, «варвары вели убогую жизнь в примитивных и жалких местечках (западные «города» насчитывали лишь несколько тысяч жителей и городская цивилизация была там неизвестна)». Дочь Ярослава Мудрого Анна, выданная замуж за французского короля, до конца своих дней была при французском дворе единственной персоной, умевшей читать и писать. Ее супруг — король ставил крестик, а киевская царевна знала греческий, славянский и латынь.

Средневековый мир Запада, как пишет Ле Гофф в книге «Цивилизация средневекового Запада», был «итоном конвергенции римских и варварских структур», преемником Римской империи не времен расцвета, а ее заката. И не только для византийцев, но и «для мусульман интеграция в западный христианский мир означала бы упадок, переход на более низкую ступень цивилизации». А вот что пишет Арнольд Тойнби — патриарх британской историографии: «В экономическом и культурном отношении ислам подарил искусство цивилизации грубому, неотесанному латинско-христианскому миру». Всплеск науки, техники, мысли на Западе действительно связан с вынужденным переездом туда из разрушенной Византии всего образованного слоя.

И столь же достоверен фильм в той части, когда речь идет об источниках резкого обогащения Запада в результате ограбления Византии.

До сих пор недооценивается масштаб вывезенных из Византии и затем из Южной Америки в период Конкисты богатств, сопоставимых с многовековыми трудами поколений.

Это для многих неудобная правда. И не только на Западе, но и среди наших отечественных либералов-западников.

Два тысячелетия христианства не породили в западном сознании универсализма, свойственного столь разным размышлениям В. Соловьева и А. Хомякова. В мировой европоцентристской общественной мысли только титаны западно-европейского Возрождения и Просвещения представлены выразителями и двигателями общечеловеческого начала. Но они исполнены нигилизма ко всему неевропейскому. Архетипическое пренебрежение к «восточным варварам», перенесенное на соперничающий образ в христианской истории (Византию и ее наследников), питало идеологию не только в период натиска на Восток Священной Римской империи. Мыслители Возрождения, когда речь заходила о сопернике, также теряли «вселенский» подход. Гуманист и поэт Франческа Петрарка, поздравляя «Дожа и Совет Генуи» после очередного разграбления Византии купцами-пиратами, высказывает свое удовлетворение погромом «лукавых малодушных гречишек», выражая пожелания, чтобы «позорная их империя и гнездо заблуждений были выкорчеваны генуэзцами через «возмездие, не к добру затянутое всем католическим народом». У него можно обнаружить и некоторые настроения, вовсе неприличные для «столпа» общечеловеческих ценностей: Петрарка выражает отвращение к «скифским мордам, наводнившим его родной город» — христианам-славянам, проданным турками в рабство. Можно было бы счесть расизм гуманиста и лирика случайным проявлением сугубо личных склонностей, однако в эпоху Просвещения И.Г. Гердер, представитель немецкого идеализма, вскользь — всегда вскользь(!) — пишет об «омерзительной византийской истории». Гегель, венчая западноевропейскую философскую мысль, в своей «Философии истории» наделяет лишь Запад правом «свободно творить в мире на основе субъективного сознания», не найдя кроме него «всемирно-исторических народов».

Если не враждебность, то равнодушие к иным культурам, незнание культурного наследия внутри самого хри-

стианства пронизывают западноевропейское историческое мышление и сегодня.

Еще более раздражающе действует на постсоветских западников то, что фильм весьма убедительно рассказывает о роли Запада в крушении Византийской империи. И во время грозы над Византией, христианской сестрой, и сегодня по отношению к сербам, — разве не одно и то же повторяется: хотите покровительства, идите в подчинение? Почти дьявольское искушение: «Видишь царствие сие, поклонись. И будет все твое...»

Россия должна знать, что Византия — наша прамактерь. А потому правда о величии и причинах упадка должна быть нам дана во всем объеме не только ради праздного любопытства.

Ведь даже признанный знаток всемирной истории А. Тойнби прямо признавал, что Россия чужда Западу не из-за мнимых экспансионистских устремлений. «Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской «варварской отметиной» была Византийская цивилизация восточно-православного христианства», — признает Тойнби, который и опровергает «бытующее на Западе понятие, что Россия — агрессор».

Отрицание Западом пути России связано с разным отношением к сути христианства — преодолению искушения хлебом и властью и заповедям Блаженств. Разное понимание человека и Божественного замысла о нем на земле проявило разные толкования свободы — «от чего» на Западе, «для чего» в России.

Именно в этом источник дилеммы «Россия — Запад», которую неслучайно не обошли вниманием все крупные умы прошлого. А разве сегодня можно решить очевидную задачу всесторонней модернизации России и полноценного, равноправного участия в современном мировом историческом процессе без самоопределения по отношению к целям и ценностям бытия, собственной и мировой истории? Попытка

вовлечения России в глобальный проект униформации мира под знаменем «вселенской», одинаковой для всех либеральной демократии уж слишком напомнила драму России при столкновении с первой универсалистской идеей XX века — марксизмом.

Трудно избавиться от впечатления, что и истерика по поводу фильма прикрывает на самом деле панический страх перед самой мыслью о морально санкционированной дискуссии о месте России в мире. Но разве сверка с историческим компасом не назрела? Разве осуществление эффективной внутренней и внешней стратегии возможно без определения исторических целей и контекста?

Критики фильма не способны на серьезную дискуссию и предпочитают цепляться к деталям. На самом деле они боятся дискурса в широких историко-философских категориях. Но без этого не нащупать исторический проект, связующий прошлое, настоящее и будущее, связующий Россию и мир, не найти согласия по таким животрепещущим вопросам, как: Кто мы? «Европа» ли? Да и что такое Европа — вчера, сегодня, завтра? Камо грядеши? Нужна ли нам модернизация, хотим ли продолжить себя в ней? Что есть демократия и что есть сегодняшний либерализм? Связка этих, вовсе не обязательно парных, категорий нам навязывается как священная корова, что довольно абсурдно для термина Аристотеля и Полибия...

Исторически жизнеспособная национальная государственность во все времена, и тем более в эру глобализации не может быть основана опять, как это было в 1917-м, на заимствованных идеологических схемах и абстрактных планетарных идеях. Она должна опираться на воплощенный в праве (соответствующем своей эпохе) органический строй народной жизни. Эксперименты XX века слишком очевидно продемонстрировали: для России одинаково губительны как самоизоляция, так и насильственное обезличение; как самонадеянное противопоставление себя миру, так и раболепное эпигонство.

Фильм побуждает задуматься о России и о мире, ведь человеку имманентно присуще побуждение обрести равновесие между индивидуальным и всеобщим, между национальным и универсальным, это и дает импульс к развитию, к той самой модернизации без утраты смыслообразующего ядра самого побуждения к историческому творчеству нации...

В дискуссии об историческом проекте России в мире неизбежно встает перед нами опять дилемма «Россия и Европа», которую не обошли вниманием самые крупные русские умы прошлого. Исполинская размерами, куда более равнодушная, чем Запад, к земному и парадоксально выносливая в посылаемых ей испытаниях и нашествиях с Востока и Запада, Россия принадлежала к тому же духовному наследию, но явила иной исторический опыт. Она и добродетельствовала и грешила всегда по-своему, а заимствуя что-то у Запада, преобразовывала это до неузнаваемости.

На всем протяжении превращения Московии в Российскую империю, а в XX веке в коммунистический СССР, этот феномен, независимо от наличия реальных противоречий, вызывал заинтересованную ревность особого характера, присущую лишь разошедшимся членам одной семьи.

И даже когда Россия превратилась из православной в коммунистическую державу, она осталась империей и родила нечто, далекое от ортодоксального марксизма. Арнольд Тойнби убежден, что коммунизм — это оружие западного происхождения и «в российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно». Но именно применение коммунизма на русской православной почве, в той самой соперничавшей ойкумене, сделало его в глазах Запада куда более опасным, на определенное время, идейным оружием, чем любой гипотетический коммунистический эксперимент на самом Западе...

Так дилемма «Россия и Европа» органично вошла в новую «великую схизму» эпохи постмодерна на фоне колоссально возросшей роли финансовых интересов и ненасытной жизнедеятельности за пределами своих государств. В этом дискурсе бедой российской элиты в 1990-е годы являлось

не отсутствие интеллектуального потенциала, а мировоззренческая нищета, ангажированность в проект «глобального управления», пренебрежение к духовно-историческому наследию России, безрелигиозное и космополитическое, европоцентристское видение мира, как идущего к единому одномерному образцу. Для постсоветского либерального сознания, оторванного образованием и идеологией не только от преемственной русской православной культуры, но и от подлинной западноевропейской культуры, стократно верно определение С. Булгакова несложненькой философии истории среднего русского образованца: «Вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация, то есть просветительство, материализм, атеизм...», права человека, гражданское общество.

Однако кроме либерального плода, выросшего на ветви Просвещения, европейская цивилизация, на что пытался обратить внимание Булгаков, имеет не только многочисленные ветви, но и корни, питающие дерево, обезвреживающие своими здоровыми соками многие ядовитые плоды. Эти корни — христианство. Поэтому даже опасные учения, если они уравновешены другими могучими духовными течениями, не имеют столь губительных последствий, «нежели когда они появляются в культурной пустыне и притязают стать единственным фундаментом». Но именно культурная пустыня и есть фундамент нынешних западников — убогонькой пародии на великое западничество прошлого, — которое было не отрицанием, но стороной русской мысли.

Чтобы выйти из этого порочного круга, надо быть способными рассматривать Европу как целостность двух опытов и саму Россию — как ценность, без которой мир неполон.

А наше положение среди центров силы и цивилизаций, наши социально-экономические задачи, духовно-нравственное состояние, национальную культуру видеть в едином контексте продолжения русской цивилизации в современном модернизационном проекте.

Российское государство ведет отсчет своего существования не от распада СССР. Жизнь России охватывает тысяче-

летие мировой истории, она протекала и протекает на огромном географическом и многоцивилизационном пространстве. Все это русские и соединившие с ними судьбу другие народы вместе успешно защищали. Неужели Россия, не подавляемая натиску католического романо-германского духа, обладавшего бесспорным культуртрегерским обаянием, ответившая на схематизм «острого галльского смысла» Пушкиным, Достоевским и Толстым, неужели Россия, выстоявшая дважды перед «сумрачным германским гением», сейчас капитулирует перед «попсой» — цивилизацией «Пепси»?

И надо признать, что для многих цивилизаций соприкосновение с Западом приводит к их уничтожению... Об этом не стоит забывать. И уж совсем не пристало отворачиваться от очевидных фактов, исторических аналогий, называть их передергиваниями и спекуляциями... Надо разрушать мифы и стереотипы, созданные в отношении одних стран, как абсолютно неприкасаемых с точки зрения критики и, наоборот, превращающие другие страны в изгоев.

И архимандрит Тихон в своем фильме разрушает застарелые стереотипы, говорит честно о важном и остром, помогает понять многое о нас самих.

Несостоятельны и намеки на заигрывания автора с властью. Никакой лести по отношению к властям в фильме нет. Напротив, там содержатся весьма смелые, даже дерзкие размышления о том, что если элита разложилась и утратила гражданское чувство, то не помогут ни удачные преемники, ни какие-либо другие меры. И прямо сказано об опасности даже для успешного и созидательного правления так и остаться отдельным ответственным правлением.

Российскому «образованному слою», претендующему, как и перед революцией 1917-го, на учительство по отношению к презираемому им же народу, неплохо было бы сначала выполнить «домашнее задание» и сдать экзамен на аттестат зрелости в понимании подлинных истоков взлетов и падений собственной, европейской и мировой истории, научиться не просто выговаривать чужие клише, но понимать сущность и исток таких великих категорий, как гражданское

общество, права человека, свобода совести, отличать демократию — механизм организации общества через представительство всех его идейных и реальных секторов — от либерализма, давно выродившегося в обстановке культурной пустыни в рабство плоти и гордыни, не способного родить ни великую культуру, ни подлинную свободу, ни прав. По пылкому суждению Ивана Ильина, наши отечественные нигилисты отвергают Россию «за то же самое, за что они отвергают христианство». Именно к ним весьма подходят ильинские слова о том, что они судят о России с нищенской точки зрения, отвергая христианство как выдумку, а «Россию как страну рабов, пошедших за ней в желании упорно увековечить деспотию и варварство»...

И все же показательно, как заинтересованно принят в обществе этот фильм! Народ-то, оказывается, гораздо менее, чем интеллигенция, был проутюжен историческим материализмом. Фильм обсуждают даже в трамваях. Не надо оглулять наш народ. Он принимает и понимает самые серьезные вызовы, способен почувствовать глубину действительно насущных проблем. Несмотря на то, что его усиленно кормят «Аншлагом» и бесконечными сериалами.

«ЕВРОПА ТАК БЛИЗОРУКА»

Беседа немецкой журналистки Керстин Хольм с руководителем европейского представительства Института демократии и сотрудничества Наталией Нарочницкой

— Госпожа Нарочницкая, вы возглавили новое отделение российского Института демократии и сотрудничества в Париже. Какие российские идеи вы будете экспортировать на Запад?

— Пропагандистских мероприятий не будет точно. Акцент сделан на исследованиях и обмене опытом с европейцами. Для меня прежде всего важно более глубоко понять,

как возникли такие великие идеи, как свобода и права человека и какие изменения они претерпевали. В моей стране мне многое не нравится. Россия совершает много грехов. Мы всегда развиваемся стремительно, что-то пробуем, бросаем, резко меняем направление. Я бы хотела, чтобы в России было более сильное гражданское общество. Дискуссия с европейскими партнерами, надеюсь, внесет свой вклад в этом плане.

— *Что отличает российские представления о правах человека от западных?*

— Идеалом, конечно, является гармония и свобода каждого гражданина, а также общие интересы, которые должны быть защищены законом. На Западе свобода человека понимается в первую очередь как отсутствие ограничений. В России, скорее, возникает вопрос о том, зачем нужна свобода. Моя позиция умеренно консервативная. Свобода должна стоять на службе христианской добродетели, а законы сами по себе не являются источником добра. Правовое сознание всегда должно быть основано на морали. Поэтому в России сегодня не все хорошо. Законы часто нарушаются. Когда мы находились в политическом конфликте с Грузией, сотрудники милиции останавливали на улице людей с кавказской внешностью. Это было противозаконно. Если сравнивать с европейцами, привязанность к родине у большинства россиян гораздо сильнее. Когда во время одного опроса людей спрашивали, какое преступление никогда нельзя прощать, 92% респондентов назвали измену родине. Режиссеру Никите Михалкову однажды один французский оператор сказал: «Моя родина там, где самые низкие налоги». Такая поговорка, как *Ubi bene ibi patria* («Где хорошо — там и родина»). — *Прим. ред.*), для русских не подходит.

— *С какими проблемами вы, как россиянка, сталкиваетесь в области прав человека в Западной Европе?*

— Права человека всегда имеют границы. Иногда кажется, что у европейцев теряется чувство этого. Я считаю очень важным защищать права детей. Но во Франции некоторые дети на законных основаниях обязаны доносить на

своих родителей юристам, работающим в государственных структурах. Например, ребенок недоволен строгостью своего отца. Существует даже возможность обвинить родителей в том, что они «подавляют» излишней любовью развитие своего отпрыска. Во время последних президентских выборов в США российские наблюдатели проехали по американской провинции. На некоторых избирательных участках вообще не проверялись документы избирателей. Можно было зарегистрироваться как Леонардо да Винчи или Иоганн Вольфганг фон Гёте и проголосовать.

— *Бюджет российских демократических институтов на Западе еще не утвержден. В прессе идут разговоры о 60 млн. евро. Кто будет финансировать вашу работу?*

— Мы ожидаем пожертвований от представителей российского бизнеса, которые, как мне кажется, должны быть заинтересованы в сравнительных исследованиях социокультурного окружения России и тех стран, где свое присутствие в будущем планирует наш финансовый капитал. Через Общественную палату мы, как и другие неправительственные организации, будем участвовать в конкурсе на получение государственных грантов. Но, прежде всего, мы рассчитываем на частный сектор экономики.

— *Архимандрит Тихон, которого считают духовным отцом уходящего президента Путина, в своей телевизионной саге «Гибель империи: византийский урок» объявил Запад главным врагом России. Бюрократически организованная империя показана в фильме как идеал, в гибели которой повинны разорительные походы крестоносцев и принесенный из Европы вирус эгоизма и индивидуализма. Авторитетные аналитики посчитали фильм пропагандистским манифестом нового духа верноподданничества.*

— Фильм «Гибель империи» по своей сути плакатный, и там не обошлось без преувеличений. Но в XII веке в Константинополе действительно процветало образование и искусство, в то время как Франция, к примеру, представляла собой довольно жалкое зрелище. Об этом вы можете прочитать у Жака ле Гоффа. Крестоносцы в те времена всех состоя-

тельных молодых людей, которых встречали на улице, принимали за принцев из-за их красивой одежды.

Византия — это наша праматерь. В XVIII—XIX веках наша культура испытывала сильное западноевропейское влияние. Тогда мы переняли у западных мыслителей, например Хердера, и пренебрежительное отношение к византийской истории. В XX веке у нас царил марксизм, тоже заимствованный из Западной Европы, который, однако, отошел от своих европейских корней. Восточное и западное христианство являются братскими цивилизациями. И поэтому их обида друг на друга такая горькая.

— *Как с точки зрения соблюдения прав человека вы оцениваете решение Евросоюза предоставить Косово контролируемую независимость?*

— При принятии решения по Косово права человека служили фарисейским предлогом, чтобы оправдать агрессивные шаги против суверенного государства в Центральной Европе и создать новые границы, потакая военно-стратегическим интересам Соединенных Штатов. Как близорука Европа! Со временем закипят этнические конфликты, и Америка использует это для того, чтобы настроить друг против друга конфликтующие стороны. Под предлогом защиты прав человека перекраивается карта мира. Даже во времена тиранов международное право больше уважалось. Я сомневаюсь, что права сербов будут соблюдены. Когда албанские боевики оскверняли алтари православных церквей эксcrementами и помечали расстрелянные иконы надписью УСК, натовские военные и пальцем не пошевелили, чтобы их остановить.

— *Российской интеллигенции, которая симпатизировала бы Западу, сегодня днем с огнем не найдешь. Журналисты, культурологи, режиссеры становятся православными священниками. В своей книге «Анти-Ахматова» Тамара Катаева собрала воспоминания о поэтессе, чтобы доказать, что Анна Ахматова шаг за шагом тщеславно создавала собственный имидж.*

— То, что Россия отчуждается от Европы, является, на мой взгляд, печальной тенденцией. Но в этом, к сожалению, виновны и наши либералы, который презирают российскую историю и традиции. Они презирают народ так же, как власть. Они ничего не сделали для государства, они его только высмеивают. Подобный нигилизм, свойственный многим представителям интеллигенции, провоцирует фундаментлистскую реакцию народа. Российский Институт демократии должен заставить европейцев засомневаться в распространенном здесь стереотипе, что мы — это нация варваров.

— *Но не являются ли русские в общем действительно более непредсказуемой, великодушной и даже дикой по сравнению с европейцами нацией? Другими словами, варварской?*

— Как это у Шиллера?

Перед своим зверинцем
С принцессами и принцем
Король сидел
На троне, в золотой короне.
Пред ним, на высоком балконе
Круг дам огнецветно блестел... —

и так далее...

(Ф.Шиллер. «Перчатка». — Прим.ред.)

— *Сегодня это стихотворение не каждый немец помнит.*

— А кто сегодня помнит, что «Пролог на небе» из «Фауста» Гёте указывает на историю библейского Иова? Либералы XIX века были готовы умереть за свободу. Сегодня вряд ли кто поставит на кон свою жизнь ради какой-то идеи. В России XX века Шиллер с его идеями был вытеснен Эмилем Золя с проблематикой ежедневного поиска хлеба насущного. Сегодня у Запада заканчиваются ценности, не связанные с экономикой. Этот вид свободы приводит к мясному рабству. На фоне натиска нехристианских цивилизаций это беспокоит вдвойне. То, что христианская традиция не упоминается в европейской конституции, скандально. Когда такой политик-католик, как Рокко Баттиглионе, не может ска-

зять, что в Библии гомосексуалисты названы грешниками, это становится новой формой тоталитаризма. Я не враг гомосексуалистов. Но я защищаю не Европу гей-парадов, а Европу Моцарта, Гёте и Шиллера.

Керстин Хольм. Перевод: Инопресса.Ру, 2008

КЛЮЧ К ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Беседа главы Парижского отделения Российского Института демократии и сотрудничества Н.А. Нарочницкой с британским политологом и журналистом Д. Лавлэндом.

Д. Лавлэнд получил докторскую степень философских наук в Оксфордском университете, читал лекции в Сорбонне. В 1997 году опубликовал книгу «Испорченный источник: Недемократическая Европейская идея».

Наталья Нарочницкая: *Сегодня у нас в гостях британский журналист Джон Лавлэнд, который был тесно связан с Британско-хельсинкской группой по защите прав человека, не раз присутствовал в качестве наблюдателя на выборах в странах на территории бывшего Советского Союза, изучал деятельность, особенно в правозащитной области, таких организаций, как ОБСЕ и многих других неправительственных организаций. Сейчас, мне кажется, мнение господина Лавлэнда о всей этой системе очень актуально для нас. Скажу также, что он был одним из немногих известных британских публицистов, который во время бесланской трагедии напечатал прекрасную статью, где пристыдил западную прессу за то, что убийц детей там называли повстанцами.*

Господин Лавлэнд, как вы вообще пришли к изучению деятельности правозащитных организаций и их методов, ведь вы сами были правозащитником?

Джон Лавлэнд: *Мы никогда не были частью этой системы, оставаясь независимой организацией. Мы никогда не*

принадлежали, например, к Хельсинкской группе, но нас она заинтересовала, потому что мы изучали Восточную Европу и посткоммунистические общества. Что касается лично меня, то я интересовался вопросами национального суверенитета (верховой власти) и правилами международной организации. В книге, которую я написал в 1997 году, я критикую уничтожение национального суверенитета государств Европейским союзом. Примерно тот же метод анализа я использовал, анализируя деятельность международных организаций в бывших коммунистических странах.

Н.Н. Таким образом, вы, занимаясь проблемой суверенитета, заметили, что он в опасности. С вашей точки зрения, эти организации приносят больше пользы или вреда? Например, когда они приезжают наблюдателями на выборы?

Д.Л. Наблюдая за наблюдателями на выборах в странах на территории бывшего Советского Союза и Варшавского договора, я заметил, что Запад имеет четкую стратегию поддержки одного кандидата против другого, одной партии против другой. У Запада есть четкое представление о том, кто является носителем демократии, кого надо поддерживать. Они начинают критиковать организацию выборов в том случае, если тот, кого они прочли в победители, проигрывает, и закрывают глаза на нарушения, если выигрывает нужный им кандидат.

Н.Н. Но ведь по окончании миссии они должны обнародовать доклад о своих наблюдениях, основываясь на фактах...

Д.Л. Важно понять, что отчет пишется перед тем, как выборы состоятся. Я сам видел, как многие наблюдатели, например, в Белоруссии или на Украине, приезжали, скажем, в пятницу, если выборы в воскресенье, и находили отчет в номере отеля уже написанным. Наблюдатели, конечно, видели то, что на самом деле происходило, но если их мнение не совпадало с тем, что было в отчете, то их замечания просто не учитывались и не попадали в конечный отчет. Я видел несколько подобных примеров собственными глазами.

Н.Н. Такое откровение, конечно, шокирует. У нас до сих пор многие наивно считают, что именно мнение таких ав-

торитетных организаций и придает настоящую легитимность выборам.

Д.Л. Как я уже сказал, Запад понимает демократию скорее, как результат, а не как процесс, отдавая явные предпочтения одному кандидату перед другим. А для того, чтобы соблюсти видимость легитимности, используется несколько тактик. Одна из самых распространенных — атаковать выборы еще до их проведения, например, сообщив, что их результаты будут сфальсифицированы или, что СМИ находятся под контролем. Так, например, было на Украине во время оранжевой революции.

Н.Н. *А вы были на Украине во время оранжевой революции?*

Д.Л. Я был наблюдателем на первом туре выборов в ноябре 2004 года. Тогда раздавались обвинения как со стороны международных организаций, так и со стороны украинских журналистов в подтасовке результатов, фальсификации, манипуляциях, в том, что СМИ под полным контролем, что это фиксируется на 100 процентов американскими организациями. Эти обвинения звучали еще задолго до голосования, когда же они были повторены после выборов, то сразу были приняты всеми на веру. Оранжевая революция победила в тот момент, потому что западные СМИ постоянно атаковали выборы еще до того, как они состоялись, и мысль о том, что выборы будут проведены неправильно, уже закрепились в сознании людей. То же самое произошло в Грузии во время революции роз, когда за несколько недель до выборов начали снова и снова утверждать, что они будут фальсифицированы. Когда это заявление прозвучало из уст тогдашней оппозиции, все поверили в это, так как почва была подготовлена.

Н.Н. *Господин Лавлэнд, передо мной перевод вашей очень интересной работы, которая названа «Технология государственного переворота». В ней вы перечисляете те успешные попытки свержения неугодных режимов, которые уже были совершены. И выстраивается такая любопытная геополитическая линия — от Балтики до Черного моря и Средиземного. Почему именно так, как вы думаете?*

Д.Л. Не все запланированные перевороты были удачны. В Белоруссии, например, пытались избавиться от президента Лукашенко, но все попытки провалились. Есть особые тактики свержения режимов, однако не все они успешны, так как многое зависит от различных обстоятельств. Но существует план, который был представлен в качестве доклада группой американских стратегов, среди которых Збигнев Бжезинский, бывший помощник президента США по национальной безопасности в администрации Картера, и некоторые другие: «20-летнее окно возможностей».

Чтобы добиться намеченных целей и консолидировать американское доминирование, Бжезинский и другие полагают: надо «присоединить» к Западу некоторые страны, в первую очередь Украину и Центральную Азию. То есть ключ к геополитической экспансии — в окружении России. Что странно, они не основывают свою идею на доминировании над Китаем, чье население гораздо больше, чем в России. Именно Россия — главная точка в этой стратегии мирового лидерства Запада.

Н.Н. Джон, *ваши суждения очень близки нам. Но у нас в стране принято считать, что таким образом против планов «глобального управления» возражают в основном люди левых убеждений, хотя это неверно. Я знаю вас как человека консервативных убеждений, человека верующего и бунтующего против перехода на Запад марксистских идей мировой социалистической революции. Что же происходит на самом деле?*

Д.Л. Главная коммунистическая идея — это идея мировой революции, никто не ждал, что социализм установится только в одной стране. План самого Маркса не предполагал, что подобное может случиться в России, предполагалось, что революция произойдет на Западе, в более промышленно развитых странах.

Я думаю, что причина окончания холодной войны кроется отчасти и в том, что часть интеллектуалов Восточной Европы перечитали и переосмыслили Маркса. Я помню, Михаил Горбачев говорил в начале перестройки, что он хотел бы вернуться к Марксу и Энгельсу, как верующие хотят вер-

нуться к Иисусу. Он хотел бы вернуться к «чистому тексту», не искаженному Сталиным. Никто не ожидал, что социализм будет погребен в пепле. Так же, как ранее никто не предполагал, что революция произойдет именно в России. В манифесте марксистов написано, что социализм — для мирового рынка. Рынок и есть орудие революции... Диссиденты хотели адаптировать догматы марксизма и вернуться к его более чистой форме после сталинской «девиации».

Н.Н. Я иногда цитирую Кондолизу Райс, когда она еще не была Государственным секретарем США и говорила языком докладов съезда КПСС хрущевских времен: «В то время, как все страны триумфально движутся к рынку и демократии, некоторые хотят остаться в стороне от этой столбовой дороги»...

Д.Л. Неоконсерватизм — движение, которое так распространено в администрации Буша, имеет свои корни на самом деле в троцкизме, крестный отец неоконсерваторов Ирвинг Кристал в 1980 году написал, что он был счастлив читать Троцкого. Многие влиятельные представители неodemократии, можно сказать, троцкисты, связь с его идеями очевидна.

Н.Н. В своих работах вы очень точно подмечаете порочное развитие западной политики в сторону исчезновения наций, уничтожения национальных особенностей и христианских категорий. Вы критикуете политику Запада не только с точки зрения конкретной геополитики, но и ее философскую сущность, идею единого, униформного мира на либеральных основах — для всех одинаковых, как перекодированную в либеральных клише троцкистскую идею «соединенных штатов мира».

Тогда получается: для того, чтобы нам освободиться от заблуждений прошлого, нужно не поддаваться этому диктату космополитического мирового управления, потому что это единое, униформное, безрелигиозное, безнациональное сверхобщество — идеал совсем не России.

Д.Л. Но идея революции продолжает восхищать и завораживать Запад. Это было отчетливо видно на примере оранжевой революции на Украине. И левые газеты, и правые кон-

сервативные издания Guardian, Times, Independent, Telegraph пели абсолютно одно и то же. Восхищаются тем, что где-то свергаются старые режимы, возникают новые режимы. Все та же песня интеллигенции рубежа XIX—XX веков.

Н.А. Я читала работу П. Чихачева, русского аналитика конца XIX века, о британской прессе того времени: он проанализировал ее и пришел к выводу, что вся британская пресса изображает все континентальные правительства в качестве деспотов, тиранов и симпатизирует и поддерживает всякого рода бунты.

Но вернемся к правозащитной теме, которая волнует русских людей, потому что не все в порядке у нас в государстве — и грехов, и недостатков более чем достаточно. Многие наши шумные правозащитники обычно хвастаются своими связями с международными организациями, часто выступают в радиопрограммах таких станций, как «Голос Америки», «Радио Свобода». Как вы считаете, с точки зрения вашего опыта, они искренни, это сотрудничество с западными известными правозащитными менторами действительно приносит пользу? И почему только некоторые из сторон правозащитной деятельности так заботливо охраняются на Западе, а другие стороны совершенно игнорируются? Почему такие двойные стандарты?

Д.Л. Я полагаю, это потому, что они подтверждают западные предубеждения о России. Они говорят то, что от них ожидают услышать, так как на Западе очень большое желание у людей верить только в то, во что они хотят верить — прогресс, эмансипацию, либерализм и т.д. И, когда приезжает кто-то из-за границы и подтверждает их точку зрения — его хорошо принимают, так как легче говорить с той аудиторией, которая готова с тобой соглашаться.

Еще один важный момент. Существует, например, элита, берущая на себя обязанность интегрировать эти права. Раз существуют права человека, значит, должен быть какой-то авторитет, который пояснит, что же это за права, что правильно, а что — нет. Но существует избранная политическая власть, которая передается другим, иного рода организаци-

ям, самопровозглашающим себя авторитетами. Это противоречит самой идее прав человека. Там, где демократия, теоретически, власть дается обычным людям, а идеология прав человека дает власть активистам прав человека.

Н.Н. Это очень интересное замечание. Мы наблюдаем порой, как десять человек формируют организацию, которая ничем не доказала свою авторитетность, не опирается в своей деятельности даже на документы. Она начинает выдавать суждения о нарушениях прав человека и, вопреки принципу презумпции невиновности, государство и все другие должны оправдываться. Таким образом, вся политика переносится в сферу абсолютно не структурированной, какой-то новой системы. Но это же и возможность манипулировать общественным сознанием?

Д.Л. Я часто спорил с одним американским правозащитником, который утверждал, что права человека очень важны, но обычные люди слишком заняты, чтобы думать о них, так как им надо заниматься своими делами и жить своей жизнью. А вот роль интеллектуалов — думать вместо них и учить их о том, что такое права человека! Данный спор показывает, как это ни парадоксально, что «права человека» как концепция всей политики — это в высшей степени элитарный проект и программа, так как она передает власть от государственных институтов власти избранной элите. Смотрите: эта элита имеет право предъявить «страшное» обвинение политику — обвинение в популизме. Мы часто слышим подобные обвинения в адрес политиков. Но ведь популизм — хорошая вещь, особенно если ты легитимно избран и популярен. На деле же, популизм сделан оскорбительным термином теми, у кого — снобистское отношение к обычным людям. Я часто вспоминаю высказывания русского философа-эмигранта Александра Кожева, который писал, что в глобализованном мире будет царить тирания, все ценности исчезнут, единственной ценностью станет снобизм... В этом, считаю, и заключается феномен современного мира. (Книга А. Кожева «Понятие власти» была написана в 1942 году, впервые опубликована во Франции в 2004-м, в России напечатана в 2007 году. — Ред.)

Н.Н. Некоторые партии сейчас открыто заявляют, что они — для умных и успешных людей. Как это унижительно должно быть для обычного человека! Права человека — это действительно очень важный аспект жизни, но интерпретация свобод и прав весьма различается в зависимости от той мировоззренческой рамы и философской картины мира, которая есть у человека. У божественной интеллигенции — одно представление о свободе, а у человека земли, консерватора — совсем другое.

Как вы относитесь к тому, что сегодня главным правом человека порой считается чуть ли не возможность совершать любую мерзость? То, что всегда осуждалось, сейчас становится апофеозом свободы.

Д.Л. Такова, к несчастью, культура современного западного мира — все то, что аморально, публично провозглашается нормой. Либерализм в моральном плане, другими словами релятивизм или, возможно, даже нигилизм, стали доминирующей идеологией... Любой, кто задает вопросы, любой, кто демократически избран на основе конституции, подозревается в авторитарности и тирании. Эта тенденция, к несчастью, наблюдается во всем мире, но на Западе она особо распространена, там ее корни.

Н.Н. Россия явно сопротивляется такому извращению всех традиционных представлений. Причем, она сопротивляется скорее интуитивно, на уровне самого общества... Нас за это постоянно клеймят как отсталых варваров, а выясняется, что мы просто по-другому интерпретируем даже понятие «левые». Для нас «левые», может быть, наследие XX века, — это социальная справедливость, сильное участие государства в ликвидации общественного неравенства, а все то, о чем мы говорили, наше общество отторгает. На ваш взгляд — держаться нам крепче на своих консервативных ценностях?

Д.Л. Мы знаем, что таков один из принципов христианской религии — спасение души мы получаем через страдания... Я имею в виду страдания любого человека. Страдания — не только часть жизни, но также и часть спасения.

Россия, что очевидно, сильно страдала (и как общество, и как государство) не только во время коммунизма, но и в посткоммунистический период. Весь этот страшный опыт дал России то, чего нет у западных людей. В России у людей есть, например, здоровый скептицизм по отношению к политической власти и к тому, что говорят СМИ. Странно, но такого рода скепсиса практически нет на Западе, где люди с готовностью верят всему, что видят по ТВ. Это делает западное общество очень легко поддающимся манипуляциям со стороны того, кто контролирует СМИ.

Не мне советовать России делать то или иное, но я надеюсь, что Россия, в результате пережитого ею страшного опыта и благодаря той силе, которую она получила в результате своих страданий, будет оставаться верна себе, соберет свои духовные и материальные силы на благо всего мира.

Н.Н. Спасибо. То есть будущее России, как я написала в одной из статей, — это будущее Европы.

Столетие.ру, 2008.

«МЫ ДОЛЖНЫ ДУМАТЬ О ТОМ, ЧТО НАС СБЛИЖАЕТ»

Ответы Н.А. Нарочницкой на вопросы журналистов из Дании, представляющих Датский центр развития журналистики «UPDATA». Группа журналистов состояла из 17 сотрудников датского телевидения и прессы, в их числе главных редакторов и корреспондентов отделов международных новостей. Цель поездки датчан в Россию — лучше понять внутривнутриполитическую обстановку в нашей стране и ее место в системе международных политических и экономических отношений.

— Какова ваша идея формирования ценностных ориентаций у молодежи? Какие у вас есть программы?

— Не хотелось бы, чтобы это звучало как претенциозная прокламация — мы стремимся не изменить ценности, а раз-

вить, расширить кругозор молодежи. К сожалению, сейчас молодежь черпает информацию и видение мира из телевизионных программ, Интернета, и так происходит не только у нас, а везде. Кругозор у людей все больше сужается, становится подчас совсем детским. Вот говорят: сегодняшняя молодежь ничем не интересуется, но, несмотря на то, как она осознает или проявляет себя в своей специфической молодежной манере, порой она чувствует намного глубже, чем мы можем себе представить.

Когда мы говорим об общности западной и русской христианской культур, мы должны больше думать о том, что нас сближает, делает одной цивилизацией. В своих статьях я, как консерватор, стараюсь проследить процессы, уходящие корнями в историю. Одна цивилизация — русские, сербы, французы, датчане, немцы, британцы. Тогда не существовало конституций, не существовало современных клише, таких как права человека, гражданское общество. Существовала *patria postea*. Религиозно-философская картина мира была общей и ценности — представления о добре и зле, о чести и бесчестии — были одинаковыми. И в наши дни, когда мы говорим о разных подходах к демократии, мы должны понимать, что демократические институты и декларации сегодня заложены во всех мировых конституциях, но это не делает Россию или Данию одинаковой цивилизацией с Индией, Китаем или странами Африки. Все гораздо глубже. Если русские интеллигенты на протяжении всей истории восхищались великой классической европейской культурой и были подвержены ее влиянию, то некоторые из наших воинствующих либералов, стремящихся к примитивной вестернизации, они ничего не знают о глубоких христианских корнях европейской культуры, просто безграмотны. Сегодня необходимо расширять и лелеять элементы общности и понять, что мы по-прежнему один мир.

К сожалению, молодые люди в России сегодня тоже не просвещены относительно своей собственной русской культуры. Это тоже проблема, думаю, она возникает и в других странах... Считаю, что мы должны сделать все, чтобы

сохранить и свою, и великую европейскую культуру. Наш фонд был создан с этой целью, у нас есть «Столетие» — ежедневная общественно-политическая интернет-газета и сайт «Перспективы», где представлены «сливки» российской и зарубежной аналитики. Последние два года мы регулярно организуем в фонде круглые столы, печатаем альманахи по их итогам. Мы запустили несколько телевизионных проектов на региональном телевидении: записываем беседы в формате «без галстука», беседуем с публичными людьми первой величины — олигархами, кинорежиссерами, учеными, профессорами или военными высокого ранга. Выстраивается задушевная беседа, без деклараций, в течение которой мы стараемся обсудить нравственные, исторические или политические проблемы нашей жизни. Мы, конечно, представляем определенные ценности.

— *Вы часто говорите о защите русских ценностей, русской культуры. Как в этом ключе вы оцениваете советскую эру, этот период российской истории?*

— Ответом на этот вопрос будет реплика из моего интервью к годовщине революции для «Российской газеты»: мы должны учиться осмысливать свои грехи и заблуждения, истоки взлетов и падений вне зависимости от того, как мы их оцениваем. Это наша история, это мы сотворили ее. Даже если наша мать не во всем совершенна, мы все равно должны уважать ее. Мы не можем отделять себя от своей истории. Для себя я полностью отвергаю революцию, как идею, как проект. Для меня революция — это трагедия. Но в течение этих 70 лет миллионы людей влюблялись, женились, рожали детей, учили их быть честными и хорошими, не врать. Мы не должны отрицать этот исторический опыт, мы должны уважать его.

Я чувствую, что нация приближается к более философскому подходу к этой теме. Это естественно по истечении времени. В СССР ходило много анекдотов, мы смеялись над доктринами: «Прошла зима, наступит лето — спасибо партии за это!» В ранние 1990-е произошло крушение иллюзий, потеря единственного авторитета. Мы должны быть более

зрелыми, посмотреть на вещи более философски... Мы большие нигилисты. Это типично для российской социальной психологии: любое учение у нас становится религией, и, когда происходит разочарование в ней, мы встаем на противоположную позицию — полного отрицания. Мы нация крайностей — это и хорошо, и плохо.

— Хотелось бы узнать, как повлиял коллапс советской системы и сама система на образовательные стандарты в России?

— Когда я работала в Секретариате ООН, а это продолжалось все 1980-е годы, я, конечно, перед этим получила образование в политическом институте, в МГИМО, к тому же у меня были очень образованные родители. Я была удивлена и шокирована неграмотностью и полным отсутствием эрудиции практически у всех моих коллег, особенно американцев... Конечно, советская система образования была далеко не совершенна и была сильно идеологизирована, но, с другой стороны, она впитала в себя старые традиции дореволюционных гимназий. Мы изучали даже немецкую литературу в оригинале. Конечно, теперь стандарты ниже, но они ниже везде. Страдает системность образования. Мы получаем очень узких специалистов, которыми легко манипулировать.

— Вы фокусируетесь на христианстве, как это сочетается с тем, что Россия — многонациональная многоконфессиональная страна?

— Я много писала об этой дилемме. Это исторический факт, что многие национальные меньшинства Российской империи, а затем Советского Союза присоединялись к нам без вооруженных конфликтов, даже просили об этом. Они присоединялись к русской православной монархии, и это не беспокоило их. Они знали, что никто не будет заставлять их изменить свое вероисповедание, национальные традиции.

Я уверена, что представление о структуре государства, где должен обязательно превалировать атеистический нейтральный подход, это неправильное представление. Мне довелось работать в ООН в группе представителей различных стран. Кто-то из моих коллег был неверующим, а одна моя

приятельница была мусульманкой, она владела пятью языками, читала Толстого и Достоевского. Она носила длинную юбку и хиджаб, но это не мешало ей быть высокоинтеллектуальной. И христиане были для нее более прозрачными, более понятными, поскольку она знала, что они верят во что-то хорошее и высокое. Плоть и кровь разделяют, но дух соединяет.

Я выступала в таком ключе во многих мультикультурных аудиториях в России, и у меня никогда не было проблем. Проблемы возникали скорее с воинствующими либералами-атеистами. Представители других конфессий понимают мое послание: будьте собой, не пытайтесь раствориться. Если ты глубоко верующий, ты понимаешь ответственность перед Богом. Но не следует использовать свою веру как инструмент борьбы.

— *Нам рассказывали, что одна из целей фонда — укрепление позиций России во внешней политике, возвращение ее влияния. Какое место в мире, по-вашему, должна занимать Россия?*

— Иметь независимую внешнюю политику, участвовать во всех трендах глобализации безо всякого диктата с чьей-либо стороны. Это единственный путь. Я считаю, это естественно — большие страны, большие национальные объединения обладают особой социальной и психологической энергией. Вспомните период ранних 1990-х — у России все еще было ядерное оружие, необъятная экономика. Но мы потеряли все — уважение, роль в мире, право говорить да или нет, когда это в наших интересах, — просто потому что не существовало национальной воли, морального ядра, не было возможности найти в обществе консенсус относительно нашего прошлого, настоящего и будущего, общество было атомизировано. И это в стране с такой историей, победившей фашизм, с такими природными ресурсами! И с таким, я надеюсь, великим будущим.

Мы хотим быть равным партнером. Другие акторы международного процесса должны уважать нашу идентичность и уважать наше право соглашаться и не соглашаться с чем-

либо. Конечно же, надо быть мудрым в политике и соблюдать баланс сил для того, чтобы национальные интересы не трансформировались в национальное эго, игнорируя другие стороны. Однако, как только у нас постепенно начался процесс восстановления, мы увидели, что некоторые на Западе предпочитают иметь дело с таким государством, каким Россия была короткое время в начале 1990-х...

— В Русской православной церкви традиционно существует концепция «Москва — третий Рим». Идет ли речь об усилении влияния православной церкви?

— В моей фундаментальной работе «Россия и русские в мировой истории» я, как ученый, анализирую этот тезис, озвученный в литературном произведении — письме монаха Филофея русскому князю. Совершенно очевидно, что этот текст принадлежит к эсхатологическим рассуждениям и отнюдь не призывает нас к мировому господству. Я могу проанализировать каждую фразу. Большинство интерпретаций не опирались на сам этот текст. Впервые он был издан в России в 1940 году как памятник средневековой литературы. У этого произведения существует исторический подтекст — вечная дискуссия между славянофилами и западниками. Быть третьим Римом — это сугубо метафизический концепт, а вовсе не империалистический призыв, как трактуют его некоторые. Он утверждает главенство добра над злом. После падения Византии Россия долгое время была единственной страной, где православие было государственной религией. В письме Филофея артикулируются следующие вещи: не полагайся на земные богатства, на территории — они существуют на земле, на ней и останутся, мы не можем забрать их с собой. Ты лишь доверенное лицо на земле, поэтому ты отвечаешь за нее.

Это просто стало клише — сейчас даже советского маршала Буденного объявляют адептом этой доктрины. Кстати, «Рим» часто упоминается в средневековой истории: Тирсо де Молино называет Римом Толедо, болгарские летописцы называют Тырново третьим Римом...

— Каким образом вы определяете отношения вашего фонда с русскими националистами?

— В моей деятельности, а мне приходится много ездить по стране, я ни разу с ними не сталкивалась. Иногда вижу их по телевизору и задаюсь вопросом: где они их взяли? Может быть, это делается специально для того, чтобы продемонстрировать, что русский фашизм опасен для мира? Конечно, проявления этого уродливого феномена отмечаются в нашей стране, — как правило, в таких группировках собираются очень ограниченные, безграмотные и бескультурные молодые люди. Вот, между прочим, еще одна причина для просвещения молодежи. Если национальное чувство освящено высокими ценностями и идеалами, оно способствует творчеству, работе над собой. А эти люди даже не знают, за что они борются и с кем, они не могут даже это сформулировать. Нужно работать с молодежью и их энергией.

— Недавно появилась информация, что Российский Институт демократии и сотрудничества в сфере прав человека планирует открыть свои филиалы во Франции и США. Вы будете возглавлять его европейское направление. Какова цель этой организации?

— Когда я возглавляла парламентскую комиссию по изучению практики в области прав человека за рубежом, я столкнулась со следующей проблемой: различием в интерпретации прав человека в Европе, стандартах поведения и восприятием этой темы в России и других культурах. Мы опубликовали несколько аналитических альманахов — отчетов о соблюдении прав человека в Европе, США, в которых это различие четко прослеживается. Нам очень важно сейчас свести воедино интерпретации этого понятия, если мы хотим быть единым пространством без морально-этических различий. Мы планируем проводить семинары, круглые столы, конференции по этой проблематике, будем налаживать рабочие связи с организациями, которые уже существуют, чтобы состыковать наши усилия. Мне приходилось защищать роль российских организаций в дискуссиях по правам человека. Мы хотим быть частью этой дискуссии, участвовать в выработке критериев, в мониторинге соблюдения этих

стандартов. Кроме того, это продолжение того, чем я занимаюсь уже два года.

— *А как вы оцениваете право на самоопределение этнических и религиозных меньшинств, живущих в России?*

— Я не возражаю против их самоопределения. Россия всегда была большой семьей народов. После Октябрьской революции члены Академии наук СССР создавали алфавиты для маленьких этнических групп, у которых ранее не было даже своего собственного языка. Тогда, конечно, действовала доктрина: «Культура этническая только по форме, но не по содержанию». Коллапс этой идеологии привел к тому, что многие народы и этнические меньшинства почувствовали желание вернуться к своим национальным корням. Но в советское время у них было на это часто даже больше прав, чем у русских. Я хочу увидеть мир, как гармонию идентичностей, а не обработанного универсального человека.

— *Что вы думаете о Путине?*

— Я думаю, Путин сделал очень многое для страны. Прежде всего, он восстановил в нас чувство самоуважения, либералы на нас больше не вешают ярлык «совок». Президент утвердил позиции России на международной арене, олигархи больше не открывают кремлевские двери ногой. Люди ценят это. Но это не значит, что я на 100% согласна с социально-экономической политикой его правительства. Я отдаю себе отчет, что многие вещи далеки от совершенства. Но после нигилистической эры 1990-х, эры самоуничижения, Путин стал символом иной эпохи. Именно поэтому его уважает и любит большинство.

— *Русские, живущие за рубежом, как-то участвуют в жизни России?*

— Я думаю, это зависит от каждого конкретного человека — кто-то может принести пользу и в эмиграции, а кто-то нанести вред и оставаясь в стране. В 1990-е годы уезжали в поисках счастья, прежде всего материального благополучия, свободы реализовать свои способности. Сейчас многие из этих людей вернулись, но даже те, кто остался, начинают чувствовать свою сопричастность Родине. Возник новый феномен у зарубежных русских, они начинают становиться со-

обществом, чего раньше не наблюдалось — они были индивидуалистами. Сейчас даже появился Русский европейский альянс. Наши эмигранты становятся потенциальными «посланцами русской культуры».

— *Нужно ли захоронить Ленина?*

— Да. Как христианка считаю, что да. Как политик, я считаю, что мы можем еще чуть-чуть подождать, пока утихнут страсти. Это не самая наша большая проблема.

— *«Кто есть мистер Медведев?» Вы лично с ним знакомы?*

— Я могу повторить о Медведеве только то, что вы можете прочесть в газетах. Он достаточно либерален, чтобы нравиться Западу. Он молод, даже слишком, для российской политики. Он, конечно, будет продолжать линию Путина. Я не ожидаю радикальных изменений в ближайшие пару лет, даже в климате. Хотя Россия, как известно, страна непредсказуемая.

Записала Светлана Коник. Столетие.ру, 2008

«САМЫЕ ОПАСНЫЕ ДЛЯ НАС ИЗМЕНЕНИЯ — НА БАЛТИКЕ И НА ЧЕРНОМ МОРЕ»

Президент Дмитрий Медведев сказал, что 8 августа 2008 года для России — это как 11 сентября для США. То есть это переломная дата, после которой, как принято говорить, «мир уже не будет прежним». О значимости и последствиях событий на Кавказе, о том, как они расцениваются на Западе, говорит руководитель Парижского отделения Института демократии и сотрудничества, известный политолог Наталия Нарочницкая.

— *Наталия Алексеевна, работы в Париже много?*

— Знаете, на самом деле, все главное происходит в Москве, в России. Сейчас именно здесь центр мировых событий...

В Париж я, конечно, езжу регулярно, и каждый день там наполнен сразу несколькими встречами и выступлениями. Вот сейчас еду в Европарламент по приглашению группы «зеленых» — депутаты попросили выступить на тему российско-грузинского конфликта.

— *То есть представительство института не замыкается только на изучении демократии и на правах человека — это еще и площадка для общения с различными политическими силами в Европе?*

— Конечно. Я сразу им, в первых же интервью, изложила свою концепцию: я не буду выискивать тамошних маргиналов, которые ненавидят собственное правительство, то есть не буду действовать так, как они действуют в России. Наоборот, я хочу влиться в гущу общественной дискуссии в Европе, пообщаться там с интеллектуальным сообществом, с неправительственными организациями. Причем я уверена, что ставить вопросы для обсуждения надо в разрезе, с которым они до этого не сталкивались. Я давно заметила: европейская общественная мысль настолько за последние 30 лет закоsnела в догматизме и кликушестве! Точно так же, как у нас в период застоя, когда, кроме «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», трудно было что-то найти, у них сейчас все разговоры про их либерализм. И поэтому я их, например, спрашиваю: как эволюционирует категория свободы? Вот великие либералы нашего прошлого, которых я на самом деле почитаю, они разве не перевернулись в гробу, увидев современного обывателя, которому абсолютно безразличны великие темы человечества и для которого апофеозом свободы считается парад сексуальных меньшинств? Вот к чему это свелось все...

— *Раз вы последнее время часто бывали в Европе, расскажите, какое там сейчас к нам отношение. То и дело можно слышать, что Россия, мол, действиями в Грузии запугала европейцев...*

— На самом деле наоборот: европейские СМИ запугивают в значительной мере своего обывателя. И не секрет, что давление на Россию — идеологическое, мировоззренческое,

с обидными кличками — сейчас многократно превосходит то, что было во время СССР. Европа так и не избавилась от своей неуверенности перед нашей огромностью, потенциальной самодостаточностью; перед нашим всегда самостоятельным поиском; перед нашей способностью выстаивать и возрождаться после таких испытаний, которые, казалось бы, должны были уничтожить само побуждение к исторической жизни. Пушкин был прав: «Европа по отношению к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». Иррациональное беспокойство европейцев в отношении России подкрепляется тем, что наша страна — слишком большая величина, которая, даже в состоянии упадка, все равно не позволяет управлять миром из одной точки. Вокруг России всегда будут, по истечении короткого периода хаоса и паралича, складываться какие-то конфигурации, которые не позволят управлять миром, не считаясь с ней. То есть Россия всегда будет системообразующим элементом международных отношений. А этого хотели ее лишить, думали, что на этом уже поставлен крест. И поэтому Европа нервничает. И я считаю, что весь сыр-бор на Западе не столько из-за Грузии, сколько из-за проблемы, которую они увидели: что им делать с более сильной Россией, которая осмеливается отстаивать свои интересы, которая провела красную линию: все, дальше мы отступать не будем!

Но, с другой стороны, я знаю много интеллектуалов в Европе, представителей истеблишмента, бизнеса, особенно в Германии, которые придерживаются мнения, что Россию надо воспринимать такой, какая она есть, и не надо ее учить. Так что на самом деле у меня нет апокалиптических настроений, даже глядя на некоторую истеричность отношения к действиям России на Кавказе, потому что за этой истерикой ничего особенного и нет. С экспертной точки зрения — есть лишь призыв как-то внять мнению Запада. Конечно, наш корабль нагружен, идет по бурному морю, но есть все шансы пройти...

— Так что в итоге с проектом однополярного мира? Он не удался?

— Сама идея однополярного мира была обречена, она могла реализоваться только в том случае, если бы Россия умерла как историческая инициатива. Я пришла к выводу, что американский проект однополярного мира, запущенный в начале 90-х годов, оказался плохо просчитанным. Американцы просто неверно оценили скорость движения других участников среды, в которую они запустили свой проект. Он летит, а траектория других участников изменилась: есть Индия и Китай, которые развиваются быстрее, чем они думали; Россия не умерла, начинает восстанавливать свою национальную государственную волю (конечно, мы можем сколько угодно критиковать внутреннюю экономическую политику и социальную — здесь действительно масса непаханого, но факт тот, что резко сократились возможности экономического и прочего давления на Россию). На самом деле американцы просто не сумели через этот проект создать самовоспроизводящейся и саморегулирующейся системы международных отношений. Вот биполярная система — как угодно к ней можно относиться, но она была настолько самовоспроизводящаяся, что американцам пришлось насильно разрушить региональные опорные структуры этой системы. В каждом регионе они устраивали катаклизмы, чтобы поломать региональную структуру соотношений сил и сделать ее пригодной для реализации уже своего доминирования. И в итоге они уже везде завязли, и их ресурс единоличного управления в конце концов проявил свою небезграничность, они очень отягощены этим.

— *Как вы считаете, могли бы мы действовать на Кавказе как-нибудь по-другому? Отказаться, например, от признания Южной Осетии и Абхазии? Ведь именно это просто взбесило Запад...*

— Решение наше правильное совершенно, и если бы мы не защитили и не признали Абхазию и Южную Осетию, в конечном итоге нас оттуда бы вытеснили, и высадились бы туда американцы — и тогда все. По их замыслам, плацдарм для поджога Северного Кавказа должен был быть, конечно, в Абхазии и в Южной Осетии. Глубоко убеждена, что если

бы по итогам этой авантюры Саакашвили мы не конвертировали военные результаты в политическую позицию, было бы хуже, чем если бы мы вообще не вмешивались. Потому что точно начался бы пожар на всем Кавказе: было бы десять новых бесланов. Все кавказские народы сочли бы, что на Россию нельзя положиться. Считаю, что произошедшее теперь очень сдержит любые сепаратистские брожения на Кавказе. Очень важно, чтобы наши кавказские пылкие народы могли ощущать себя носителями большой российской гражданственности. Но ощущение это у них будет только в том случае, если эта гражданственность того стоит: если они понимают, что Россия — действительно сильное волевое государство, которое берет на себя ответственность и способно защитить.

Так вот, если бы мы поступили сейчас на Кавказе как-то иначе, тогда там начался бы пожар и точно осуществились бы мечты лорда Пальмерстона во время Крымской войны о том, чтобы граница России проходила севернее Терека и Кубани. Кстати, не надо забывать про преимущество англосаксонских интересов в отношении этого региона. Есть неизменное желание укротить влияние России именно через оттеснение от стратегических регионов. Британия абсолютно равнодушно относилась к тому, что русские осваивали подступы к Северному Ледовитому океану, но когда они вышли к Кавказу и к Черноморью — все! Британия стала проявлять к этому самое пристальное внимание и заинтересованное участие. Лондон всегда вмешивался во все договоры и отношения России со всеми средиземноморскими и черноморскими державами, стремился, чтобы без него там никогда и ничего не происходило.

— *Насчет Британии... Каков сейчас ее вес в Европе на фоне заметного усиления позиций Франции и Германии?*

— В течение последних 10 лет отчетливо прослеживается, что континентальная Европа все-таки имеет достаточно выраженные собственные интересы, которые несколько — хотя это и не надо преувеличивать — отличаются от интересов британских. Британия и США по-прежнему сохраня-

ют роль особого дуэта, который стремится оказывать определяющее влияние на соотношение сил в Европе. Принцип такой политики — препятствование возникновению любого преимущественного влияния какой-либо европейской силы на континенте и обязательно русско-германского *modus vivendi*. И, кстати, все, что сделали практически американцы в Европе — то же расширение НАТО, — сделано не только против России. Но и против Германии, безусловно. Чтобы после ее воссоединения не проснулись идеи так называемой Центральной Европы, «Миттель-Европы», в которой Германия могла бы стать столпом европейского равновесия. Это всегда был кошмар для американцев и для британцев.

— *Что помимо этого принесло им расширение НАТО, что на деле потеряли от этого мы?*

— Одна из важнейших задач при приеме новых государств в НАТО заключалась, в частности, в том, чтобы отрезать нас от Балтики. Эта мечта существовала у них 200 лет. После Петра они не могли с этим смириться. К сожалению, это им удалось. Это самое драматическое для нас геополитическое изменение. Никакая Польша или Румыния в НАТО на самом деле значения для нас не имеют, а вот Прибалтика в НАТО — это очень серьезно.

— *И теперь они хотели сделать то же самое на юге, на Черном море?*

— Да... И если бы сейчас это получилось, произошло бы просто трагическое геополитическое изменение, которое поставило бы под вопрос вообще безопасность развития России. Не физическую безопасность — никто вырезать нас не собирается, — но именно безопасность исторического развития как независимого государства. Потому что из всех сложных развивающихся на наших границах международных явлений самые опасные для нас, критические — это, как я уже сказала, на Балтике и на Черном море. Где-то можно уступить, потянуть... Но не здесь.

Кстати, если бы так произошло, это бы и антиевропейский аспект тоже имело. Как европейцы не понимают, что эти изменения ничего не дают самой Европе? Ведь с вытес-

нением России Европа сама перестает быть центром свершения всемирных исторических событий: центр перемещается тогда в Центральную Азию.

— *Теперь, судя по всему, нас ждет борьба за Украину?*

— Украина — это вообще одна из главных тем в нашей исторической стратегии. Еще Бжезинский при распаде СССР говорил, что с Украиной вместе Россия — это империя, а со всем остальным, но без Украины — уже нет. И огромные усилия были приложены Западом для того, чтобы изменить ориентацию Украины, чтобы постоянно лелеять и воспроизводить прозападный, замешанный на русофобии менталитет части ее населения. Это очень печально, потому что пока тратится энергия на поиски антропологических отличий между русскими и украинцами, можно утверждать, что не вышла из стадии самоутверждения украинская национальная идея и поэтому она не способна пока произвести некие исторические проекты, которые не проявляют черты комплекса младшего брата, очень желающего самоутвердиться. Зрелость украинских идей наступит, когда они избавятся от этого комплекса и не будут воспринимать себя оскорбленными. Как я не чувствую себя оскорбленной, что мне иногда приходится говорить на английском языке.

Я думаю, что сейчас перед США стоит дилемма: торопиться ли, пытаться ли немедленно взять Украину под контроль, чтобы все-таки в Севастопольскую бухту вошли корабли, как мечтал лорд Пальмерстон, или подождать. Ведь их действия могут произвести раскол Украины. Крым, Восточная Украина категорически не желают себя видеть в НАТО. А кому нужна Украина без Крыма, без побережья? Тогда весь смысл теряется... Думаю, и нам тоже надо быть достаточно осторожными сейчас, а уж украинской элите тем более.

— *Наталья Алексеевна, а у нас вообще есть настоящие союзники? Где они? Все эти события на Кавказе показали, что у нас все-таки с этим сейчас проблемы...*

— Наверное, мы должны сейчас осознать, как много было упущено нами в 90-е годы, когда мы действительно растеряли союзников, не защищали никого. Это лишней

раз показывает, как легко растерять и как непросто, не с первого раза удастся восстановить. Ведь что было в последние годы? Казалось бы, даже такой частный случай, как выдача Хонеккера, был позором, показывал, что государство способно сдать кого угодно, кто ему служил. Действительно, в последнее время мир просто привык к тому, что Россия уступала. После такого людям требуется время, чтобы убедиться: период действительно новый, теперь будет все не так...

— *Вы действительно считаете, что теперь, после наших действий на Кавказе, все будет не так?*

— Нам надо еще выстоять. Если мы выстоим, выдержим — только тогда, кстати, мы сможем судить о том, как реагируют наши потенциальные и существующие союзники. Нам надо, чтобы силы, которые вынуждены были из-за своей слабости приспособливаться к однополярному миру, поверили в то, что это действительно начало восстановления равновесия. Тогда уже можно будет судить. Но действительно от нас этого все-таки не ожидали.

— *То есть фактически мы впервые за последние годы стали свидетелями настоящего проявления политической воли?*

— Абсолютно. Я ждала этого 15 лет... Боже мой, сколько я за это выступала!

Александр Латышев, «Известия», 2008

ТРЕУГОЛЬНИК «РОССИЯ — УКРАИНА — ПОЛЬША»: РОССИЙСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Ох как непросто русскому, да еще с бабушкой польских кровей — Марией Владиславовной Закшевной (Zakrzewska), — рассуждать о польско-русских отношениях, переживающих не лучшие времена. Тем более что по-настоящему их анализировать можно только во всей честной полноте — в межрелигиозной, исторической, геополитиче-

ской ретроспективе и на фоне передела мира. Так что придется посягнуть на политкорректность.

Польско-русские отношения, особенно в треугольнике Варшава — Киев — Москва, подтверждают, что не только современные процессы, но даже и противоборство коммунистического и либерального проектов мировой истории вобрали в себя геополитическое соперничество и стереотипы, рожденные предыдущим спором внутри христианской цивилизации. Дилемма «Россия и Европа» органично вошла в новую «великую схизму» эпохи постмодерна. Она не замедлила обнажиться, как только Россия на время утратила роль равновеликого совокупному Западу геополитического и духовного противовеса. Начавшаяся реструктуризация Восточной Европы, в которой расположен и наш «треугольник», проявляет знакомые геополитические и духовные устремления Старого Света...

Балто-Черноморская дуга с пока еще недостающим элементом — Белоруссией — это старый проект XVI века, отрезающий Россию от выходов к морю, а Косово поле — единственный сухопутный военный маршрут до Салоник — соединяет, как и сто лет назад, Западную Европу с регионом проливов. Папа Иоанн Павел VI во время своего визита на Украину странно назвал только украинцев наследниками святого Владимира, а также последовательно создавал католические епархии на территории России. Опять возникает аналогия — не продолжение ли это дела Папы Урбана VIII, взывавшего через несколько лет после Брестской Унии 1596 года: «О мои русины! Через вас-то я надеюсь достигнуть Востока»?

Одна из главных целей сегодняшнего передела мира, в который так или иначе втянуты все региональные узлы, — контроль над природными ресурсами и геостратегическими и военно-морскими путями к ним — за это ведутся войны современности...

На этом фоне, наверное, есть в Польше политики, усматривающие в ситуации некий исторический шанс. Польша — это та самая «новая Европа», на которую, якобы, дела-

ют ставку США в своей евразийской стратегии, так выпукло объясненной Зб. Бжезинским. Насколько мним этот шанс и насколько рационально это желание «реванша» — покажет ближайшее будущее.

Историк не имеет право делать вид, что не знает о тысячетлетнем грузе. И в Москве, и в Варшаве наготове списки взаимных обид и упреков, и у каждого своя правда. Поляки предъявят нам разделы, подавление польского восстания, пакт Молотова — Риббентропа, убийство в Катыни... Русские припомнят письмо епископа Краковского Матфея, призывавшего в 1146—1148 годах Бернарда Клервосского к крестовому походу против русских варваров, поход на Кремль в 1612 году, Пилсудского, мечтавшего о походе на Москву, убийство тысяч красноармейцев, Ю. Бека, предлагавшего Гитлеру за три месяца до пресловутого пакта услуги по завоеванию Украины.

Разница в обстоятельствах: для русских сегодняшняя ситуация явно неблагоприятна. Русских сегодня не хотят слышать, наоборот, со смаком толкуют даже грехи интернационального большевизма как имманентно присущее русским варварство: мол, «марш Буденного» — это реализация Филофеева Третьего Рима — империалистического завещания царизму!», сталинский деспотизм — это не западный марксизм, а не что иное как русский империализм, варварство варягов и диких скифов!

Иная ситуация для поляков: маятник пошел в обратную сторону, и сегодня, как писал Ф. Энгельс Вере Засулич, снова «мнение Польши о России стало мнением Запада». Вот, например, Павел Вечоркович в «Rzeczpospolita» сетует о несостоявшемся союзе с Гитлером и мечтает о параде «победоносных польско-германских войск на Красной площади». Еще 20 лет назад такие слова ужаснули бы мир больше, чем слова Ахмадинежада об Израиле. Но сегодня ненависть к России не просто политкорректна — это индульгенция, искупающая любые грехи. Так что идея реванша над Россией — этот навязчивый исторический соблазн — вполне может на время одурманить некоторые польские головы, но, конеч-

но, не умы. Вечоркович не постеснялся пометать о «Польше от моря до моря», которой благодарный Гитлер, как ему представляется, отдал бы Украину, Литву, Чехию и Словакию. И польский историк полагает, что «отнятие Западной Белоруссии и части Украины у советских республик, Вильнюса у Литвы, Тешинской Силезии у Чехословакии были актами исторической справедливости», даже «безусловного торжества справедливости».

Обратимся к региональным эскизам в сегодняшних геополитических реальностях. Соперничество за лидерство в славянском мире, неприязнь к православному славянству — все это было задолго до всяких разделов Польши и наполняло в равной мере умы магнатов и шляхты XVI века, либералов XIX века, было ядром «антикоммунизма» Ю.Пилсудского и лидеров польской «Солидарности». Какими бы ни были исторические реминисценции, очевидно, что Польша примеряет на себя роль организатора региона и лидера его «демократизации», которая сменила культуру трегерский импульс католичества. Амбициозный проект имеет геополитические очертания, весьма напоминающие Балто-Черноморскую унию, которая весьма вписывается в геополитический проект Вашингтона. Вопрос только в том, насколько может Польша рассчитывать на США, предлагая нести за него «ответственность» перед Вашингтоном.

К сожалению, приходится напомнить, что Запад всегда Польшу предавал, причем это делали и «марксиды», и монархи, и лидеры демократий.

Казалось бы Ф.Энгельс, оставивший неприличные для классика интернационализма уничижительные суждения о славянах, делал исключение для поляков. Но мысль о возвращении германизированных славянских земель — той же Силезии, что Польше вернула Русская армия в 1945-м, — была Ф.Энгельсу невыносима. Поляков он поддерживал единственно ради того, чтобы польское восстание ввергло в революцию Россию: «Неужели уступить целые области народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма»? Да и на Вос-

ток поляков он подталкивал, чтобы решить западные польские границы в пользу Германии. Не Розенберг, а Энгельс дает впечатляющие рекомендации: «Взять у поляков на западе все, что возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты, а в случае, если бы удалось вовлечь в движение русских, соединиться с ними и вынудить поляков на уступки».

Похоже, ни А.Мицкевичу, благоговевшему перед Наполеоном и Францией, ни сегодняшним польским политикам неизвестна подлинная цена польского вопроса для Запада. Наполеон Бонапарт не любил Польши, он любил поляков, проливавших за него кровь (Герцен) и считал Польшу разменной картой против России, о чем свидетельствуют его предложения Александру по Тильзитскому миру.

Что же XX век — век англосаксов, которые осуществили все, что не удалось немцам за два Дранг нах Остен? Антанта заверяла, что ей нужна «сильная» Польша, в годы Второй мировой войны то же обещали США и Британия, сегодня США всячески демонстрируют предпочтение «новой Европе» — прежде всего «атлантической» Польше. Но вся история за более чем два века от Наполеона до наших дней, говорит о том, что ставка эта возникает лишь в моменты слабости России и немедленно сбрасывается как ненужная карта в моменты восстановления российской мощи.

Беседа Черчилля со Сталиным в октябре 1944 года показывает, как мало поляки и Польша стоят в глазах англосаксов, а столп демократии предстает не менее циничным, чем демон революции, от которого никто и не ждет скрупул. Черчилль докладывает Сталину, что «он упорно работал с поляками все утро. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, он продолжит нажимать и они не особенно далеки от того, чтобы принять». Черчилль добивался от поляков согласия на все те условия их послевоенного статуса и границ, что были решены без них. Черчилль без смущения сдавал Польшу и только хотел скрыть это от общественности: «Если сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум, и это принесет боль-

шой вред Президенту на выборах». «Поэтому он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете». Беседа закончилась заверением Черчилля в том, что «британское правительство полностью сочувствует желанию Маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши». Грустно, но поучительно.

Конечно, Запад умеет играть в бирюльки, присуждая Украине и Польше право проводить футбольный чемпионат Euro'2012. Так воспитатель детского сада объединяет пары для игры, результат же зависит от слишком многих факторов.

Итак, наши народы волей судьбы помещены на стыке соперничающих геополитических и цивилизационных систем. Польско-русские отношения — есть яркое воплощение этого сложного феномена. На всем протяжении превращения православной Московии в Российскую империю, а затем в XX веке — в коммунистический СССР, этот феномен, независимо от наличия реальных противоречий, вызывал заинтересованную ревность особого характера, присущую лишь разошедшимся членам одной семьи. Я имею в виду апостольско-христианскую семью, к которой мы все принадлежим...

В этот дискурс вступила и Украина. Было бы непростительным упрощением искать причины раздвоенности украинского сознания в бегстве от тоталитаризма. «Латинский» Запад никогда не оставлял мечты поглотить поствизантийское пространство, залогом чего всегда было отделение Малороссии от Великороссии. Еще Пушкин со своим историческим чутьем распознал, что в решающие моменты давления Запада на Россию встает роковой вопрос: «Наш Киев дряхлый, златоглавый, сей пращур русских городов, сроднит ли с буйною Варшавой святыни всех своих гробов?»

Распад СССР, который З.Бжезинский со смаком назвал долгожданным крушением Российской империи, был, возможно, воспринят в некоторых сферах как предпосылка для осуществления давней мечты Ватикана и Речи Посполитой — сначала духовного, затем физического овладения Киевом. Для нас же это «мать городов русских», символ византийской преемственности, что совершенно не исключает

ет самостоятельной государственности Украины. Но вот на галицийские знамена в 1991 году подняты теории о расовом отличии «арийских украинцев» и «туранской Московщины», которая, якобы незаконно присвоила и софийские ризы, и киевскую историю. А разве идеи эти, элегантно развитые в 9-томной «Истории Украины—Руси» М.Грушевским, не выдвинул вначале поляк Францышек Духинский?

К сожалению, именно галицийское униатство сообщило антирусский характер малороссийскому православному этногенезу. Этот этногенез есть факт, и те русские, что отказываются признавать отпочкование украинской нации от первоначально общерусского корня, — строят свои заключения на химерах. Галиция, с 1349 года оторванная от остальной Украины, изрядно ополяченная, покочевавшая и в Австрию, вообще не делила с православной Украиной ее судьбу. Она стала буфером между православно-западнорусским и польско-католическим культурно-цивилизационным типом. Именно феномен греко-католика — ни русский, ни поляк, — основа самоидентификации украинства как антимосковитства. Именно поэтому в свое время на Галицию в Вене возложили надежды как на «украинский Пьемонт» еще перед Первой мировой войной — проект, который, в случае победы австро-германского блока, сулил отрыв всей Малороссии от России.

Отрыв Киева от Москвы и окатоличивание восточного славянства были устремлениями и перед Второй мировой войной. Вторя Папе Урбану VIII, митрополит Андрей Шептицкий, благословлявший впоследствии С. Бандеру и эсэсовскую дивизию «Галичина», обращался в 1929 году, то есть задолго до пакта Молотова — Риббентропа, к вверенному ему духовенству: «Многим из нас Бог еще окажет милость проповедовать в церквах Большой Украины... по Кубань и Кавказ, Москву и Тобольск».

Официальный Киев в 90-е годы был зажат между идеологически аморфным экономическим менталитетом многонаселенного промышленного востока и пассионарным антирусским западом, что и обеспечило господство галиций-

ских идей на мировоззренческом и информационном поле. И в ходе оранжевой революции как будто в зеркале истории посредниками в переговорах появляются «тени забытых предков» — президенты Литвы и Польши — католических государств, что задолго до возрастания Москвы пытались удерживать православную Украину и замыслили в XVI веке так называемую Балто-Черноморскую Унию, санитарным кордоном отделяющую Московию от морей и от «цивилизированной Европы. Конечно, молодые киевляне протестовали на Майдане и против бюрократии, и против коррупции и стагнации, за динамическую модернизацию всего общества, но ведь их 10 лет учили, что модернизация — это антимосковитство, что Мазепа — герой только потому, что предал Россию.

На Украине уже даже атеизированный восток понял, что полное отречение от общерусской истории и от общеправославной судьбы навязывается прежде всего для обоснования не просто отдельного от России исторического проекта — его никто не оспаривает, — но курса, обязательно враждебного Москве и ориентированного стратегически и духовно на Запад. Это может привести к расколу Украины и началу крупномасштабного кризиса в регионе с обязательным усилением татарского и исламского импульса в Крыму. Европа еще вспомнит, как турки осаждали Вену. Перед лицом грядущих геополитических, цивилизационных и религиозных вызовов померкнет все, что нынче кажется таким важным, на деле же является отражением прошлых фобий.

Польским сторонникам сугубо прозападного курса Украины и поворота ее от России, делающим ставку на продолжение любой ценой «оранжевой революции», важно было бы осознать следующее: именно отождествление «украинства» с антимосковитством наделяет украинскую идею вечным комплексом неполноценности, комплексом младшего брата. Так она никогда не выйдет из стадии самоутверждения, расточая национальную энергию и интеллект на поиски антропологических и культурных отличий от москалей. Этот комплекс, навязанный галицийской идеологией, подрывает единство

Украины и является препятствием к ее подлинному самовыражению во всеукраинском национальном проекте.

И «правые» и «левые» правительства Польши видят будущее Украины в интеграции в ЕС. Раз на сегодня никаких реальных экономических, правовых и финансовых условий и предпосылок для этой интеграции нет, и даже ЕС открыто послал сигнал, что в ближайшие 20 лет невозможно переварить такую величину, напрашивается вывод, что целью является институциональное закрепление Украины в западном цивилизационном проекте.

Разве это не угроза и подрыв целостности Украины, разве это не путь к ее демодернизации через разрушение промышленности и социальной сферы? Украинская экономика — это немалая величина, это индустриальный комплекс, причем как раз на востоке Украины, не желающем идти в ЕС и в НАТО! Не секрет, что прием в ЕС других восточно-европейских стран, даже куда более похожих на Запад, чем Украина, был осуществлен столь скоро с одной целью — предотвратить любые формы восстановления связей с Россией. Но Украина — это Черное море, это Крым и Севастополь, — значит, во всех планах в отношении Украины присутствует Восточный вопрос, отнюдь не оставшийся в XIX веке. А с этим уже связана общая геополитическая ситуация в черноморском бассейне — все, что происходит в Грузии и Предкавказье. Борьба за радикальное изменение баланса в большом Средиземноморско-Черноморо-Кавказском ареале не завершена. Аналитики давно предупреждают о существовании сценария с использованием «крымско-татарской карты», превращающего Крым во второе Косово.

Не лучше ли Украине стать связующим звеном между ЕС, Польшей и Россией? — Вот игра поинтереснее футбола! За это и идет внутренняя борьба на Украине, ибо ее независимости никто и ничто не угрожает. Но раздвоенность политики и исторического сознания Украины в ее нынешних — советско-постсоветских — границах естественна и неизбежна. У русских и украинцев диалектные различия языков меньше, чем у баварцев и саксонцев, и «братские» от-

ношения» — не вымысел, но сложнейший, интереснейший, противоречивый социокультурный феномен с притяжением и отталкиванием, с родством и с ревностью. Напомним: первый грех человека на земле — братоубийство: Каин возревновал Авелю! Понять русско-украинский диалог можно лишь в историческом контексте, равно неведомом забавным марксистам-ленинцам с воплями «Да здравствует СССР!», и постсоветским «либералам-западникам» вроде Б.Немцова.

Однако есть еще один дискурс — он уже давно считается неполиткорректным на «свободном» либеральном Западе, однако представляется одинаково важным для католической Польши и православных России и Украины.

Куда же движется «Европа Петра», да и сохранилась ли еще таковая? Перекодированная в либеральные клише, троцкистская идея одномерного мира под глобальным управлением бросает вызов всем великим духовным и культурным традициям человечества, и прежде всего великой европейской культуре, основанной на апостольско-христианском культуртрегерском импульсе...

Это логическое завершение идеи автономности человека от Бога, итог антихристианского Просвещения. Воинствующе либертарианское толкование «прав человека» грозит полной бестиализацией человека, ибо человек только там, где дух выше плоти. Вера, Отечество, долг, честь, любовь — метафизические ценности были для человека выше жизни, и для христиан вдохновляющим образом была Крестная Жертва Спасителя.

Философия либертариизма уже полностью извращается в ценностный нигилизм, который проявляет знакомые черты тоталитарной нетерпимости и все более дерзко наступает на основу демократии — свободу совести и слова. Хотя Польша сегодня настроена, прямо сказать, не слишком доброжелательно к России, мы, русские консерваторы, рукоплещем полякам, не побоявшимся отстаивать христианские ценности в «единой Европе», в которой под раскаты вольтерьянского хохота освистывают человека, осмелившегося открыто заявить, что различает грех и добродетель.

Идеалом такого общества является гражданин мира, живущий «хлебом единым» в гедонистическом рабстве плоти и гордыни, исповедуя: «ubi bene ibi patria» («где хорошо, там и родина»). Первыми жертвами культурной стерилизации падут малые нации, наивно усматривающие врага в России. Разве не пора искать конкурентоспособную идеологию сотрудничества? Только оно обеспечит необходимую и русским, и полякам, и украинцам задачу сделать славянство полноправной частью мира, вместо унижительного экзамена на «цивилизованность». Ведь Европа рассматривает не только православную Ойкумену, но и латинских славян и в целом восточноевропейцев как духовную бесприданницу, которой в объединенной Европе уготована роль экспоната в ее этнографическом музее. Вот где можно использовать весь наш исторический потенциал для повышения роли региона в целом. Вот цель, которая не разделяет, не ущемляет нас, вот в чем не стыдно соревноваться!

Вот где лежит подлинный шанс сыграть поистине великую роль нашим народам, все еще сохранившим тягу к христианским ответам на великие вопросы человека и человечества. Вот поле, на котором можно быть равновеликим игроком европейской истории, ибо для утверждения истины бессилён ВВП и не нужно вечно догонять Запад. Нужно всего лишь сохранить умение и желание различать красоту и уродство, истину и ложь, добро и зло...

«Przeгляд» (Польша), 2007

«ЧТО ТВОЕ — ТО МОЕ, А МОЕ — НЕ ТВОЕ?»

— Совсем недавно была озвучена мысль о превращении нашей страны в «энергетическую империю». И сразу же на Россию начали оказывать беспрецедентное давление. Последний звонок — в западных изданиях, которые издаются на русском языке для бизнес-сообщества и класса обеспеченных

людей, начали озвучиваться совершенно крамольные мысли. Еще десяток лет назад никто бы не посмел произносить их вслух: «У России слишком много ресурсов, и настало время делиться с остальным миром». Неужели это время действительно настало?

— Эта идея не нова. Европа хочет, чтобы страны, которые волей судьбы оказались над залежами полезных ископаемых, не были единственными собственниками этих ресурсов — аргументы вроде таких: не являются же страны, над которыми проходит геостационарная орбита спутников, собственниками этой орбиты! Этот тезис пару лет назад предложил юрист крупной неправительственной организации — Европейского радиовещательного союза. Всегда сначала идеи вбрасываются в общественное мнение, а потом уже их подхватывают политики и государства. Еще один звонок — антирусская кампания в западной прессе, которая усилилась давно, сразу после триумфального приема Путина в Букингемском дворце. Накал можно сравнить только с «холодной войной» — «авторитарное правление», «скатывание в тоталитаризм»... Почему же эта кампания развивается как по мановению режиссерской палочки?

У России, которую заставили на невыгодных для нее условиях встраиваться в мировую систему, было не так много козырей, которые позволяют сохранить конкурентоспособность. И мы их впервые за 15 лет начали использовать.

— Про один козырь знают все. Это энергоресурсы, полезные ископаемые, вода, территории. Откуда взялся второй?

— Да, мы богаты и самодостаточны в области ресурсов. Но если мы примем западные условия игры, три четверти территории окажутся вообще нерентабельны не только для экономической деятельности, но и для жизни — из-за глубины промерзания, короткого сельхозсезона, разнесенности центров производства и потребления на расстояния 1000 км даже до Урала, а в Европе это не более 200... Мы единственная нация, построившая промышленность и города-миллионники в таких широтах. Компенсируют это ресурсы. Причем их полный набор, который позволяет России теорети-

чески производить ВСЕ и в автономном режиме. Хотя нас и называют отсталыми, но мы находимся в той же технологической цивилизации. Конечно, «труба у нас пониже, и дым пожиже», но производим ракеты, двигатели внутреннего сгорания, компьютеры, есть и передовые технологии, и на Западе не очень хотят их развития.

Козырь второй — восстановление национально-государственной воли и оздоровление национального самосознания. Заговорили о суверенной демократии ведь не случайно. Можно сколько угодно придирается к термину, но сверка с историческим компасом назрела давно, и это просто ответ на запрос общества. 10 лет презрения к себе, всему своему опыту, подражание привели к огромным утратам и атомизации общества. Вспомним, как настойчиво и долго нам пытались навязать ложную интерпретацию, что «прогрессивное и демократическое гражданское общество» — это не связанная общими ценностями и историческими переживаниями совокупность индивидов, объединенных отметкой в паспорте. В качестве мерил цивилизованности был провозглашен тезис «где хорошо, там и отечество», а в качестве образца демократа — «гражданин мира», который желает поражения собственного правительства в войне за неделимость Отечества. Интересно, что бы сказал на это либерал Джузеппе Гарибальди.

Для чего? А чтобы нация, состоящая из мнящих себя «свободными» индивидов, даже не почувствовала, что поставлена под «глобальное управление». Такой экспорт стереотипов сознания — то есть идеологическое программирование — необходим для успеха «глобального управления». Обывателю внушается псевдолиберальный идеал неопричастности к делам Отечества, а элите — иллюзия сопричастности к мировой олигархии. Такая нация не суверенна в выборе исторического пути, такая демократия — это охлократия — власть толпы, за спиной которой мировая олигархия. Нет, нам действительно нужна суверенная демократия, иначе и к нам может быть применена формула: «Мы управляем вами, так как это в ваших же лучших интересах, а те, кто

отказывается это понимать, представляют собой зло, подлежащее искоренению».

Но мы как-то вопреки всем прогнозам выросли из той клеточки на шахматной доске, куда нас поторопились определить. Мы очень сильно изменились с начала 90-х годов и уже единодушны по поводу нашего дальнейшего исторического пути — он должен быть в гармонии с миром, но самостоятельным прежде всего. Это и есть интуитивное нащупывание суверенной демократии до того, как этот вполне условный термин был предложен для дискуссии. Все поняли и причину наших объятий и охлаждений с Западом — когда страна в 90-х годах находилась в хаосе и деградировала, когда расстреливали парламент, нас на Западе гладили по головке и говорили о торжестве демократии. Как только Россия показала, что собирает камни, как только стали высвобождаться из «объятий-тисков» Запада, нас стали обвинять в отступлении от демократии.

Мы не только выжили, мы «посмели» восстановить многовекторность своей внешней стратегии. Мы установили стратегическое партнерство не только с самовлюбленным до слепоты Западом, а с державами XXI века — Китаем и Индией. Мы поняли свой исторический шанс, который мы не должны упустить. Суверенитет России над природными ресурсами, прямая зависимость от них Запада, а также шанс использовать растущую потребность в ресурсах и интерес к нам на Востоке и есть причина недовольства и озлобления. Вот все эти факторы и стали причиной русофобской травли, невиданной со времен «холодной войны».

— *Объявленный курс на «суверенную демократию» и есть вот эта попытка проводить собственную и независимую внешнюю политику? Экономическую в первую очередь?*

— Да, сейчас важнее всего то, что происходит внутри страны и не столько в экономике, как в головах и сердцах, в историческом сознании. Чтобы обратить в свою пользу мощь глобализации, надо действительно уметь говорить по-русски о свободе и справедливости. Но что это означает — эпигонство? Наверное, нет. Чтобы демократия воспринималась «са-

модержавием народа», необходимо «самодержавие духа» — способность к духовному самостоянию власти, элиты и общества, их взаимодействие и солидарность.

А вот внутри нашей политической элиты начавшаяся вроде дискуссия на эту тему, где высокую планку задали Зорькин, Третьяков, как-то иссякла. Одни устраивают забавную широковещательную кампанию одобрения и профанируют тему своей мировоззренческой пустотой. Другие — воинствующие западники разлива 90-х — лишь ерничают и беспомощно придираются к запятым и фразам. От них, впрочем, и ожидать было нечего — свой нехитрый «исторический проект» они уже пробормотали 15 лет назад: «Рынок, пепси-кола». Кто же спорит о достоинствах демократии и рынка? Но ведь это лишь средства, а где историческая цель — общая для бедного и богатого, для старого и молодого, для образованного и простого... Когда она была — Россия множилась и возрастала, объединяя многие народы.

Так и хочется, признаюсь, воспользоваться поводом и действительно рассмотреть волновавшие меня еще в моей книге «Россия и русские в мировой истории» великие вопросы и поучаствовать в возбуждении общенациональной дискуссии, в ходе которой можно было бы нащупать исторический проект, связующий прошлое, настоящее и будущее, связующий Россию и мир. Но разве обойтись без оценки: что есть мы и что есть мир, куда он влечет нас, кто в нем учитель и «судьи кто?». Говорить по-русски о свободе и правах человека — это ведь не просто выговаривать чужие клише, но поставить вопрос о сути великих для всех, но по-разному понимаемых понятий? «Я свободен: никто мне не может дать пощечину» или «я свободен: я каждого могу оскорбить»?

Что есть демократия в ее замысле вчера, сегодня, завтра? Если это действительно «власть народа», то ведь народы разные — индусы, французы, китайцы, немцы, русские, — они грешат и добродетельствуют по-разному, они могут и волиять по-разному. Или демократия — это то, чего волят «исторические» народы для варваров?

Конечно, не обойти в этой дискуссии и беды, и несовершенства нашей наспех скроенной государственной машины, поиск равновесия и наиболее подходящего разделения полномочий между законодательной и исполнительной властями, о несовершенстве нашей Конституции, сделанной под конкретного человека в ситуации гражданского раскола...

Но хотя бы на международной арене Россия, слава богу, уже не объявляет «кампаний», как в советское время. Однако форум «большой восьмерки» в Петербурге, очевидно, зафиксировал новое соотношение сил и то, что мы этим воспользуемся, да еще в самой чувствительной для Запада сфере — мировой энергетической безопасности. Он показал, что Европа заинтересована в России не менее, если не более, чем мы в ней. Вспомним дело «ЮКОСа», когда судьбу демократии на Западе не случайно отождествили с судьбой некоторых олигархов. Газета «Ди Вельт» открыто сокрушалась, что рухнула конечная цель планов Ходорковского — задумайтесь! — «интернационализация сибирской нефти», то есть перепродажа нефтяных активов в руки западных компаний и строительство собственных газопроводов! ЕС и сейчас не оставил таких претензий, на что мы на недавнем саммите сказали «нет». Иначе нам бы осталось лишь обслуживать на 50-градусном морозе энергетическую «безопасность» — комфорт и «радости жизни» Запада. Причем по нашей территории шла бы уже чужая нефть, а мы бы оплачивали саму возможность не умереть при ценах, которые бы нам диктовали! Конец любой индустрии — «курная изба», — вот место, да еще за Полярным кругом, подальше от выходов к теплым морям, куда придет НАТО...

При наших пространствах и климате не нужно ядерных бомб: достаточно отключить зимой на неделю тепло и электричество, и можно собирать миллионы трупов. Поэтому для нас топливно-энергетическая система не может быть вне государственного стратегического программирования, что не противоречит рынку.

А наши западные партнеры так надеялись, что ресурсы нашей страны будут целиком поставлены на службу истори-

ческого проекта «золотого миллиарда». Раздражает их и то, что Россия как-то умудрилась высвободиться из диктата, не бросая им вызова, не дает поводов обвинять в конфронтации. Так «уж тем ты виноват, что хочется мне кушать»!

— Ситуация понятна. Западному миру от России нужно только сырье. Желательно в виде полуфабрикатов, их закупать выгоднее, к тому же загружаются собственные мощности и есть рабочие места. Как России порвать этот порочный круг?

— Выбор энергетической безопасности в качестве внешней стратегии только тогда будет иметь успех, когда мы будем развивать энергетический сектор, а не только торговать сырой нефтью. В годы «холодной войны» на Западе был список запрещенных товаров для продажи в СССР и в нем — запрет на поставку нефтеперерабатывающего оборудования, — чтобы не дать нам развиваться. После краха СССР и деиндустриализации 90-х, чему Запад фарисейски рукоплескал, там хотели бы превратить нас в сырьевой придаток. В одночасье мы изменить структуру экспорта не сможем, да и для индустриализации нужны средства от экспорта. Но уже сейчас возможна диверсификация нашей экспортно-сырьевой политики, и это становится третьим козырем в наших руках.

Пора понять: динамизм мирового экономического развития уже переместился на Восток. Индия и Китай — нации-цивилизации с людским потенциалом в два миллиарда человек — опровергают тезис, будто модернизация и экономическое развитие возможны только при тотальной вестернизации, а это уже означает банкротство всего либерального проекта «глобального управления».

В этих условиях Россия с ее высокими технологиями и природными ресурсами есть естественный партнер мощных экономик Азии — Индии, Китая. Пора и Западу дать понять, что однополярный мир — это краткая переходная форма к многоцентричности. А в новом миропорядке Россия будет сама себя позиционировать и выстраивать треугольник «США — Европа — Россия» и треугольник «Россия —

Индия — Китай». Не упустить бы Центральную Азию. Иначе переломимся посредине.

Значит, нам надо срочно осваивать и развивать Восточную Сибирь и Дальний Восток, что вполне можно делать и с дозированным привлечением западных инвестиций. Только осваивать ее нужно не так, как в 60-х годах: вахты, скважина, из которой за границу уходит труба. Освоение должно стать развитием полноценных центров жизни, дать демографический импульс для теряющих население сибирских регионов. Одновременно с нефтью надо вести газ, производить продукты нефтехимии — полимеры, высококачественное топливо. Это должен быть гигантский национальный стратегический проект. Вот тогда, поставляя ресурсы, сами начнем развитие и индустриализацию. А если просто бурить и качать, нас надолго не хватит.

Во всех закрытых выкладках западных аналитических центров, которые мне доводилось держать в руках, уже видна легкая паника: «Россия выходит из упадка, и если с ней ничего не случится в ближайшие два-три года, дальнейший ее рост будет не остановить. Энергетическая карта разыгрывается Россией успешно, и главная ее угроза — это демография». Но, полагаю, ждать радикального демографического прорыва в городах-мегаполисах нереально. Для женщины созидание семейного очага в панельной пятиэтажке не станет творческим актом. В индивидуальном доме, в органической связи с природой и мирозданием, но и с компьютером и Интернетом — да. Выход — коттеджное строительство, развитие малых городов.

— *Для знающих историю не является секретом любопытный факт — во время Второй мировой войны против России воевала вся Европа, достаточно посмотреть список «национальных» дивизий СС и национальный состав вермахта. Если Россия займет жесткую и непримиримую позицию по какой-нибудь очередной «энергетической хартии», не попробует ли Запад в очередной раз взять наши ресурсы силой? Стоит только посмотреть на безостановочное «накачивание» НАТО последними, еще не охваченными этим блоком карликовыми государствами.*

— Сейчас конечная цель нового передела мира — контроль за ресурсами и военно-морскими подступами к ним. Поэтому в кольце оказался «энергетический эллипс» — Аравийский полуостров, Персидский залив, Ближний Восток. Его северная кривая идет по Закавказью и южным рубежам России. Нас хотят оттеснить на северо-восток Евразии. Отсюда понятно, что происходит в Черном море, почему так любят чеченских террористов, понятны цели борьбы за Украину и Грузию... Мы не должны позволить себя вытеснить с Черного моря. Помимо осознания цели, нам нужно иметь атомное оружие и Вооруженные силы в таком объеме, чтобы исключить любое посягательство как на наши ресурсы, так и на выходы к морю.

— *Запад, конечно, понять можно. Не хочет он зависеть от «варварской» России. Но и навстречу идти не хочет. Предложение Владимира Путина германскому канцлеру «нефть в обмен на технологии» было отвергнуто в циничной форме...*

— Такой «прагматизм» типичен! Крупнейший историк Арнольд Тойнби весьма скептически отзывался о пагубной роли Запада в жизни других миров, ибо «западная цивилизация стремится овладеть всем, что есть в воздухе, на земле и в воде». Запад никогда не был демократичен в международной политике и, как писал еще Н. Я. Данилевский, «если посчитает выгодным, не задумываясь, будет бомбардировать столицу государства, с которым не находится в состоянии войны».

Однако уникальность нашего исторического спора и взаимодействия с Западом в том, что Россия и Запад, безусловно, принадлежат к той же христианской цивилизации. Но вот еще вопрос для дискуссии: разве нынешний Запад, с его культом потребительства и политкорректности, не изменяет своей собственной великой истории и культуре? И не потому ли он бессилен перед мигрантами, что утратил святыни и табу? Права и свободы, которые рождены христианской культурой и 200 лет привлекали к Западу другие цивилизации, извращены до неузнаваемости и отвращают многих. Свобода — разве это свобода инстинктов? Неужели ради парадов содомитов великие европейцы всходили на эшафот?

Кстати, немало консервативных европейцев с надеждой смотрят на Россию, понимая, что вопрос уже стоит так — выстоит ли вообще западный христианский мир, не превратится ли он в скопище красивых, алчных, потребляющих животных, равнодушных к добру и злу. Таким не выдержать демографического и геополитического вызова других миров. Нам в некотором роде повезло — со всеми нашими грехами и несовершенствами мы все же еще не разложились от богатства и лени в том направлении, как на Западе, и способны еще вовремя одернуть себя: «Мы не живем, чтобы есть, а едим, чтобы жить!»

Дмитрий Стешин, «КП», 2006

МЫ — НЕ ПРОСТО ЧАСТЬ ЕВРОПЫ

Является ли Россия частью Европы? Конечно. Тем более что дважды в истории Россия и Европа были более всего едины: изначально до эпохи Просвещения и в XX веке — в период коммунизма. И это не парадокс.

Дилемма «Россия и Европа» не изжита. Но вовсе не Россией, а именно Европой, которая построила свой «рай на земле», но так и не избавилась от нигилизма по отношению к русской истории, неуверенности перед громадностью, самодостаточностью России, а главное, перед ее вечно самостоятельным поиском смысла бытия.

На чем зиждется общеевропейское единство? Ведь мы почему-то не задумываемся о родстве с Востоком. Где впервые дана идея универсальных целей и ценностей личного и всеобщего бытия? В американской конституции? Нет. Она дана в христианском Откровении.

Что прежде всех конституций объединяло немцев и сербов, французов, англичан и русских в одну цивилизацию? Ведь опыт последнего столетия скорее разъединяет, как и природные условия, и уровень быта. Объединяет «Отче

наш», Нагорная проповедь — вот общий фундамент нашей культуры и истории. В нем — отношение к земной жизни как испытанию для жизни вечной, в нем — свобода воли (христианская, а вовсе не либеральная категория), дарованная вместе со способностью различить добро и зло, а значит, возможность дать нравственную оценку своему свободному выбору. Из христианства родилась и сама идея этического равенства людей, ибо впервые царь и раб были судимы по одним критериям в отличие от языческого «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

Спор о первенстве в обладании христовой истиной разделил Европу и Россию, но отнюдь не сделал их разными цивилизациями. Романо-германская и русская православная культура стали двумя основами и дали разный ответ на главный вопрос христианской истории: преодоление искушения плоти хлебом и гордыни — властью. Разделил их вольтерьянский хохот. И на пороге XX века, когда персонажи Золя уже теснили героев Шиллера, когда Европа, по выражению К.Леонтьева, «сама в себе уничтожила все великое, изящное и святое», Россия не была частью той цивилизации, что выросла из Декартова рационализма, идейного багажа Французской революции и протестантской этики мотиваций к труду и богатству.

...Революционная интеллигенция бросилась догонять. Россия опять по-иному выразила даже отступление от Бога: Фауст — воплощение скепсиса горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии, а Иван Карамазов — дерзкий вызов русской гордыни, не желающей терпеть поупущение зла не земле... «Идеологическая борьба» уподобилась религиозной войне католиков и протестантов, ибо применение западного коммунизма на русской православной почве сделало его в глазах Запада куда более опасной идеей, чем любой коммунистический эксперимент на самом Западе.

Острота холодной войны была подстегнута восстановлением территории Российской империи и плебейской грубостью «третьего сословия». Техасские президенты и советские генсеки, воспитанные не на Моцарте, а на вестернах и

на «Операции «Ы»», очень далеки от князя Меттерниха и князя Горчакова, их стиль — «кузькина мать» и Рэмбо. В остальном ни американское вторжение на Кубу, ни советское — в Венгрию и Чехословакию не явили ничего нового, но отождествление себя с морально-этическими канонами автоматически делало соперника врагом всего света.

Что же сегодняшние Европа и Россия?

Грустно... слушать истматовское доктринерство комических лордов про троцкистские «соединенные штаты Европы» и мира. Это ли не нигилистическая пародия на Европу Петра, которая возрастала и являла миру великие державы и культуру, когда вера, отечество, честь, долг, любовь были выше жизни. И каково же историческое чутье Пушкина, который «познал истину», «сделавшую его свободным», и который двести лет назад опознал пустоту свободы внешней при утрате свободы внутренней: «Недорого ценю я многие права, от коих не одна кружится голова». Ныне «суверенным» в плену плоти и гордыни индивидам чужды Декартовы «страсти души», их удел — гедонизм и нарциссизм. Кариес зубов и выбор пасты — вот что сегодня стало смыслом жизни «демоса», слепо уверенного в своей мнимой «кратии», хотя за спиной охлоса судьбами мира вершит всемогущая олигархия...

На фоне впечатляющих перспектив территориального роста Евросоюза, «старая» Европа утрачивает себя как исторический проект. Мир в сознании сегодняшнего европейца — не более, чем гигантское хозяйственное предприятие для удовлетворения плоти индивидов, напоминающих персонажей из антиутопии О.Хаксли. Европейская конституция — скучнейший образчик творчества либерального «госплана» — своим сутубым материализмом подтверждает сарказм философа К.Шмитта о единстве Марковского и либерального экономического демонизма: «Картины мира промышленного предпринимателя и пролетария похожи как братья-близнецы — это тот же идеал, что у Ленина — «электрификация» всей земли. Спор между ними ведется только о методе».

В разделе «ценности» вообще не перечислены оные — лишь функциональные условия для них; только этим и яв-

ляются «священные коровы» либерализма XXI века — «права человека», «свобода» и «демократия». Вне ценностей они остаются лишь провозглашением кредо не иметь никакого нравственного целеполагания жизни и истории.

Так для чего же Европе нужна свобода? Чтобы «гнать перед собой врагов и грабить их имущество», как определил высшее благо Чингисхан? Или, чтобы спастись «алчущим и жаждущим правды» (Нагорная проповедь)? Но в европейских институтах вольтерьянцы освистывают редких, готовых «быть изгнанными правды ради». Свобода совести ограничена исключительно правом объявлять порок и добродетель, добро и зло равночестными.

Ценностный нигилизм — это и есть конец истории. Поэтому для Европы заканчивается эпоха культуры как порождения духа. Остается технократическая цивилизация. Это уже не метафизический «Рим» — незримый центр, где свершается всемирно-историческое. Это Рим языческий с его паническим страхом перед физическим несовершенством, старением и смертью. Но такой Рим со всем его материальным превосходством — водопроводом, термами, Колизеем и Форумом — уже был сметен Аларихом вестготским. Сегодня технократия бссильна перед мигрантами вовсе не потому, что тех много и они иные, а потому, что у нее нет святынь, одни лишь компьютеры и «права», которые мигранты заполнят своими святынями.

Что же Россия? Мир все еще ждет, что скажет страна Достоевского на вызовы XXI столетия...

Хотя в 1917 году православие в России попытались распять и заковать в цепи, оковы рухнули, и оскудевший, но живой его дух высвободился. Вот и идет все еще в России — единственной во всей Европе — подлинно исторический спор, живем ли для того, чтобы есть, или едим, чтобы жить, и зачем живем... Пока это волнует людей, не будет конца истории. А будущее России — это будущее Европы. Но, похоже, Европа, как и во времена Пушкина, «в отношении России столь же невежественна, как неблагоприятна».

РОССИЯ И ЕВРОПА НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Очевидная битва вокруг места России и русских в мировой истории, события на Балканах, усиление не только геополитического, но и очевидного духовного давления уже на некоммунистическую Россию не оставляют сомнений, что осуществление глобальных проектов вокруг Православия и России как исторического явления, начавшееся в начале двадцатого столетия под флагом марксизма, продолжается в его конце под новыми лозунгами.

Сегодня Россию заталкивают в геополитическую резервацию. Это крах не Ялты и Потсдама — такие потери можно было преодолеть через одно-два десятилетия через новую систему сдержек и противовесов. Это крушение всей русской истории... Это и есть цена за место в мировой олигархии московско-петербургской элиты, не смеющей даже возражать Западу в его задаче века — уничтожении российского великодержавия и русской исторической личности во всех их геополитических и духовных определениях... Российский же либерал, как прежде, отвергает русский исторический и духовный опыт, соединив в себе сегодня преклонение перед Европой — со стороны петербургской России XVIII в., презрение и ненависть к русскому и православному — от раннего большевизма, с уже не наивным, а воинствующим невежеством во всем, что за пределами «исторического материализма» эпохи застоя. Равнодушие образованного слоя любых политических красок к смыслу мировой истории, месту в ней русского народа — главное свойство современного западничества.

Но в свое время самобытная русская общественная мысль, как заметил Н.А.Бердяев, пробудилась на проблеме историософической. «Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба». В духовном поиске всего XIX в. западничество даже у

крайних либералов и социалистов не было самоотрицанием, оно было стороной русской общественной мысли. Даже авторитетнейший для нынешних западников русский философ Владимир Соловьев объяснял свой призыв к единению Европы и России идеей вселенского христианства, «по происхождению же и значению своему стоящей выше всяких местных противоположностей...».

Ни левые западники, стремившиеся облагодетельствовать русских и славян европейским социализмом, ни В.Соловьев не оправдались в своих построениях всемирного братства труда или вселенского единения христианского мира под эгидой Папства. Исторический материал XX в. слишком красноречив — революции и социальный эксперимент, стоившие славянам, как и предсказывал Достоевский, 100 млн. голов и краха великой державы, геноцид сербов в Хорватии с благословения Ватикана... Неумолимый судья — история подтвердила предвидения Н.Н.Страхова, полемизировавшего с В.Соловьевым по книге Н.Данилевского «Россия и Европа». Эти оценки звучат назидательно и сегодня.

В своем «Последнем ответе Вл.Соловьеву» Страхов с горечью пишет о российских западниках, которые превосходят в своей неприязни к отечеству европейцев, которых «с детства пугали донскими казаками и которым Россия является в мифическом образе неодолимого могущества и самого глухого варварства». Страхов недоумевает, «почему мы за Европу боимся, а за Россию у нас нет ни малейшего страха... Когда Данилевский говорил о грядущей борьбе между двумя типами, то он именно разумел, что Европа пойдет нашествием еще более грозным и единокдушным... Перед взором Данилевского в будущем миллионы европейцев с их удивительными ружьями и пушками двигались на равнины Славянства... Он видел в будущем, что его славянам предстоят такие испытания..., перед которыми ничто Бородинская битва и севастопольский погром...»

Но сегодняшнее посткоммунистическое западничество, все так же ничтоже сумняшеся, полностью отвергает русский исторический и духовный опыт. В самой России оно,

далекое от каких-либо идеалов вообще, презирает национальное и религиозное наследие и пронизано духом смердяковщины — «я всю Россию ненавижу-с...». Это западничество, увы, не только на низовом уровне, поражает убожеством запросов. Всеобщий «скотский материализм» — разительный контраст тому глубокому отвращению, которое испытал западник XIX в. А.И. Герцен к пошлomu и сытому европейскому бюргеру, которого он с ужасом распознал в каждом из своих идейных учителей — социалистов Европы.

Вопрос, почему невиданное по самоотрицанию западничество находит такую опору среди посткоммунистической славянской интеллигенции, — не объект публицистических эмоций. Этот определивший катастрофу России феномен общественного и национального сознания должен быть предметом изучения современной социологии. Не только потому, что управление общественным сознанием стало важнейшим инструментом политики. Возрождение Православия в России есть одно из самых серьезных препятствий на пути Pax Americana. Вслед за этим произошло бы немедленно укрепление духовных основ российского великодержавия, а сама Россия превратилась бы в серьезный фактор на мировой арене.

* * *

Восстановление России как исторического явления — это вопрос не о экономической мощи или стратегических позициях. Это проблема смысла существования русских в мировой истории. Вселенская дилемма «Россия и Европа», которую так или иначе не обошли вниманием почти все крупные умы России прошлого, опять во всем своем исполинском масштабе встает в конце XX столетия. Вне ее невозможно понять ни путь России к катастрофе, ни кризис в русском сознании, ни глобальные культуртрегеские устремления Запада, далеко не исчерпывающиеся материалистическими критериями, ни агрессию против сербов. Но ее можно определить только в философской парадигме христианско-

го толкования истории, борьбы двух основополагающих начал в сознании человека — идеи личного Бога Творца и идеи самосушной природы. Первая — устремляет к Царству Божию, вторая — к царству человеческому.

В них различно понимание отношения человека к Богу, к человеку, обществу и космосу. Зерном такого видения является эсхатология — учение о кончине мира, неизбежной в силу греховной природы человека, который в начале злоупотребил свободой (грехопадение), вновь обрел Истину от самого Сына Божия и начал новое отступление (апостасию), что завершится царством Антихриста, которого окончательно победит Христос в Своем Втором Пришествии. Апостол Павел указал на условие прихода Антихриста: «тайна беззакония уже в действии, только не свершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес.2.7).

Это учение, вместе с Откровением Св.Иоанна Богослова и книгой пророка Даниила о смене всемирно-исторических «царств», породили в христианской мысли понятие христианского Рима как метафизического мира, призванного быть последним оплотом Истины, и разные версии своего предназначения. На Западе уже к началу второго тысячелетия эсхатологические мотивы стали прикрывать вполне земные интересы и архетипические представления о варварском Востоке, которые, похоже, лежат в собственном культурном самосознании Европы и восходят еще к Геродоту и даже «Персам» Эсхилла. Так, идея «продлевания Рима» как последнего оплота Истины перед царством Антихриста приобрела совершенно земные конкретные геополитические очертания в концепции Священной Римской Империи Германской Нации, оспаривавшей у Византии право быть Римом не только духовно, но и в крестовых походах в борьбе за византийское пространство.

Пренебрежение к «восточным варварам», перенесенное на соперничающий образ в христианской истории (Византию и ее наследников) питало не только «Drang nach Osten» Священной Римской империи. В эпоху гуманизма, когда вселенские устремления Запада окончательно материализова-

лись, что, по-видимому, и было пресловутым западным «прогрессом», Ф.Петрарка призывал генуэзских купцов-пиратов уничтожить византийское «позорное гнездо заблуждений», один из столпов Просвещения, представитель «Бури и натиска» И.Г.Гердер, назвал византийскую историю «омерзительной», а симфонию властей — «двуглавым чудовищем». Гегель в «Философии истории» наделил лишь Запад правом «свободно творить» на основе субъективного сознания, не найдя, кроме него, всемирно-исторических народов.

Толкование удерживающего как государя и царства, хранящих Истину и устроенных по богоданной иерархии и прообразу: Царь Небесный — царь земной, ответственный лишь перед Отцом Небесным, — легло в основу мистического идеала Святой Руси, Невидимого Града Китежа, недоступного Антихристу, стало религиозной основой православного самодержавия. Через несколько веков после германских Оттонов прозвучало пророчество о Москве — III Риме — последнем прибежище православия в послании к Василию III старца Филофея, монаха Псковского Елеazarова монастыря. Послание не содержит даже намека на политические задачи, а в эсхатологических тонах предостерегает русское Царство, в силу его особой после гибели Константинополя — II Рима — ответственности за судьбу православия, от соблазнов ради мирского подвергнуть малейшему искажению праведную веру на Руси.

Проявление человеческой гордыни в религиозном осмыслении мира на Западе... все более заметно смещало акцент в восприятии Христа — Богочеловека от Сына Божия к земной Его ипостаси. Земная жизнь Христа стала важнее Его Воскресения «смертию смерть поправ». Рождается западноевропейский гуманизм — поначалу упоительно дерзостное воспевание человека и его созидательных возможностей представлялось развитием в человеке именно Божественного начала, ибо сам Господь наделил его разумом и творческим началом, создав его по своему образу и подобию.

Однако «гуманистический» экстаз гордыни в толковании этой христианской истины вел неудержимо к извраще-

нию самого понятия «богоподобия» в идею «богоравности». Излюбленный образ Возрождения — человек-титан, Прометей, требующий у Бога отдать ему его (человека!) землю («Muss mir meine Erde doch lassen steh'n!» — «...землю же мою оставь мне!» — Гете). Теперь человек — властелин земли, он провозглашает свое право вершить ее делами и обустройства ее уже «по собственному образу и подобию». Но где взять критерии вместо отвергнутых богоданных понятий абсолютного Добра и Зла?

Логическим этапом стало создание рационалистической философии, основанной на критериях, не выходящих за пределы человеческого разума, и обожествлявшей данные науки. С Декарта и его «cogito ergo sum» западноевропейская философия начинает окончательный переход к безрелигиозному сознанию. Постулат Декартовой философии «мыслю, значит существую» достаточно сравнить с одой Державина «Бог», чтобы увидеть, что «мыслю» и «верую» как отдельные первоначала дают различное восприятие мира и человека: ... *я пред Тобой ничто. Ничто! Но Ты во мне сияешь Величием Твоих доброт, Во мне Себя изображаешь, Как солнце в малой капле вод. ...Я емь — конечно, есть и Ты! Ты есть! — природы чин вещает, Гласит мое мне сердце то, Меня мой разум уверяет, Ты есть — и я уж не ничто!*

Декарт, может быть непроизвольно, делал Бога как бы излишним для познания мира, так как обособление и самодостаточность мыслящей личности полагались в основу философской мудрости. При таком исходном пункте чисто субъективное постижение истины становится и единственным утверждением и самого бытия. Идея автономности человека от Бога — главный смысл Просвещения. Если первые просветители еще признавали Бога как Творца, то уже безусловно отвергали Его как Промыслителя. Но на деизме нельзя было остановиться, и является атеизм, к которому примыкают почти все мыслители. Человеческий, на деле весьма ограниченный разум представляется высшим элементом всего существующего, а человек как носитель разума — наивысшим существом мира, господином взамен развенчан-

ного Бога... Мир и человек были окончательно отрезаны от Бога Кантом, который считал, что мы познаем лишь собственное о них представление. Фихте провозгласил уже тезис: «я — познающее и есть сущее, все же прочее есть лишь познаваемое, то есть мыслимое, мною творимое, из меня исходящее, вне моего представления не существующее». Это полное торжество нигилизма в отношении какой-либо реальности, и Бог сам по себе совершенно упразднился, как и заявил наконец Л.Фейербах.

Философия была совершенно необходимым концептуальным багажом, который подготовил либерализм с его учением об «общественном договоре» «суверенных личностей», подменяющем богоданную иерархию ценностей и общественных связей. Все это стало идейным фундаментом Французской революции с ее закливанием «свобода, равенство, братство». Но ростовщик под прикрытием идеалов, неосуществимых вне Бога, проносит незамеченное главное: «laissez passer, laissez faire» — «пропустите всюду, не мешайте действовать». С этим ключом «свобода», в том числе совести, — это не бесспорное право на творчество и сомнение, это право объявлять порок и добродетель, истину и ложь, добро и зло равночестными, реализованное окончательно по мере дехристианизации сознания к концу XX в. Вместо религиозного, то есть нравственного, Канона, указывающего, во что верить, устанавливался Закон — право, которое достаточно соблюдать, не разделяя, и быть уважаемым. А проблема Долга перед Богом и людьми в отношении Добра и Зла после Мартина Лютера трансформируется в материальное понятие — долговое обязательство, вексель, по которому надо просто заплатить... Пути России, пытавшейся жить «как долг велит», а не потому, что так предписывает закон, и Европы, бесповоротно вставшей на путь рационализма и развития позитивного права, разошлись.

Категории личность и свобода наполнены различным содержанием в зависимости от религиозно-философского миропонимания, вовсе не имеют универсального толкования, ибо разное понимание Бога дает разное толкование, что

есть Человек... В либеральной традиции главным в толковании «свободы» является вопрос «от чего» эта свобода, что предполагает рациональное перечисление всех предполагаемых «ограничителей» и посягателей. В православном мироощущении, постоянно задавая себе вопрос, «для чего» свобода, человек прежде всего ищет нравственный ориентир для использования свободной, дарованной Господом воли. Гений Пушкина распознал это через один век эпигонства и ответил на идейный багаж Французской революции:

Не дорого ценю я многие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать,
И горя мало мне, свободна ли печать
Морочить олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова...
Иные, лучшие мне дороги права!
Иная, лучшая потребна мне свобода!

Постепенно опустошая свою душу, человек одновременно обожествлял свою земную природу, извратив идею богоподобия в богоравность, человек логически шел к идее человекобожия. Любимый герой Возрождения, как уже отмечалось, — титан Прометей. В.Шубарт в своей книге «Европа и душа Востока» прямо противопоставил два типа личности: «прометеевского» западного индивида и русского «иоанновского» человека. Христианская идея преображения мира, о'божения человека извращается прометеевской культурой в убеждение, что «жизнь можно и нужно преобразовать, исходя не из души, а из вещного мира». Неизбежное при этом сосредоточение на собственных потребностях приводит в конечном итоге к вырождению духа и высших ценностей — религиозных, национальных — в сциентистский скепсис, т.е. утрату нравственной «ответственности за судьбу мира» (Ф.М.Достоевский). Отчуждение, о коем философствовали

материалисты от К. Маркса до Г. Маркузе, — следствие отчуждения человека от метафизических корней его Божественной природы. Христианская философия болеет не отчуждением, а всеединством. У Гегеля метафизика была поглощена диалектикой, что подменило всеединство панлогизмом. И проблема всеединства неслучайно после Ф.Шеллинга перешла в русскую, все еще религиозную философию.

Попытка создать цельную историко-философскую систему всеединства была предпринята В.Соловьевым, на которого нынешние западники любят ссылаться, ничего не понимая в его религиозной системе. Владимир Соловьев, будучи страстным адвокатом единения России и Европы, вовсе не был классическим «либералом-западником», не был борником наследия Просвещения, общественного договора Руссо, представительных учреждений и позитивного права. В его теории источник власти — Бог, а не народ. Православное самодержавие Помазанника Божия — идеальное воплощение христианской идеи в государственности, а наднациональная организация католической церкви — наилучшая модель для вселенского утверждения христианства. Не Вольтер, не Конвент или Декларация прав человека и гражданина вдохновляли Соловьева, но период торжества католицизма, значит, времена Папы Григория VII, перед которым в рубище склонился император Генрих IV...

Соловьевская «свободная теократия» — антипод правовому государству и полное отрицание позитивного права, этого «корана» правоверных либералов. В строго христианском толковании «правовое государство» — это примирение с греховной природой человека, которого удерживает от преступления не голос совести, но лишь сила Закона, то есть угроза уголовного наказания... Соловьев скорбел о гибели христианской Европы и считал, что именно православная Россия еще способна спасти ее своей жертвой и отказом от собственного мессианизма в пользу мессианизма вселенского.

Но реальная Европа того времени не имела ничего общего с идеалом Соловьева. Папа Лев XIII восклицал: «*vexillia regis prodeunt inferni*» — «знамена властителя ада продвига-

ются вперед», предупреждая о неизбежности сатанобожия вслед за безбожием, человекобожием и богоборчеством. Этот понтифик не только отвергал марксизм в знаменитой энциклике «*Rerum novarum*» (1891), но и обличал антихристианскую суть и либерализма, и масонства.

К середине XX в. либерализм в крайних теориях окончательно стер границу между добром и злом, возвышая индивида вне этих категорий. Фридрих фон Хайек утверждал «абсолютный суверенитет взглядов и наклонностей человека в его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была», — явное отступление от основополагающего начала Нового Завета о природной греховности человека, который только нравственной аскезой может преобразиться из Адама ветхого в Адама нового. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Матф. 5. 3). Изъятие абсолютного критерия порока и добродетели неизбежно влечет смешение добра и зла: нравственно то, что разрешено законом, а законом разрешено то, что не мешает другим. В такой логике материальный прогресс, нейтральный сам по себе, разрушает грань добра, обеспечивая в возрастающей мере возможность «не мешать другим», поступая несправедливо (отдавая свою мать в приют).

В развитии позитивного права и правового государства в XX в. явно доминирует англосаксонское право, которое зиждется на постулате: «Все что не запрещено — дозволено». Дилемма этического сопоставления преступления и греха, то есть соответствия Закона нравственному Канону, перестала волновать «прогрессивный» Запад, хотя волновала даже Софоклову Антигону. Такая концепция определяет лишь запретное, не указывая на нравственно должное. Закон есть лишь компромисс между Долгом и обстоятельствами. Налицо явная реплика «правового государства» с Ветхого Завета, с Моисеева Закона и отступление от Нового Завета с его нравственной вершиной.

В мире исчезает понятие «неблагородного поступка», нарушающего Канон, — указание о соотношении поступка к Добру и злу, оставляя место лишь «некорректному» — на-

рушающему Закон — правилам поведения. Проблема эта со всей глубиной и простотой поставлена в выдающемся «Слове о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона (1049): *«И уже не гърдится в Законе человечество, нъ въ Благодети пространо ходить... яко иудеиство стеномь и Закономъ оправдашеся, а не спасаашеся, христиани ж истинною и Благодатию не оправдаются, нъ спасаются. ...иудеи бо о земляныхъ веселяхуся, христиани же о сущихъ на небесехъ».*

Либерализм, утративший потребность в поиске высокого, вытравивший высшие ценности — национальные, религиозные — в пользу индивидуалистических, окончательно обнажил свое третьесословное либертарианство. Оно, тем не менее, весьма успешно спекулирует уже три века на христианских ценностях, будучи на самом деле апостасийным явлением.

Разное понимание человека и божественного замысла о нем явило разные толкования свободы и личности — в либеральном обществе примат позитивного права с его холодным юридизмом (закон), а в православной цивилизации склонность к естественному праву на основе тождества греха и преступления (канон). Европа приняла, а Россия продолжала отторгать ростовщичество как основу экономической деятельности. Накануне XX в. православная Россия не была частью той западной цивилизации, что выросла на рационалистической философии Декарта, идейном багаже Французской революции и протестантской этике мотиваций к труду и богатству. Отрицание Западом России связано с разным воплощением в культуре и историческом творчестве сути христианства — преодоления искушения хлебом и властью и заповедей Блаженств.

Это так или иначе сознавали русские философы Трубецкие, Г.Федотов, С.Франк, И.Ильин, Н.Бердяев, солидаристы, анализировавшие содержание категорий (свобода, воля, право, нация, христианская демократия), на которых зиждутся политические взгляды. Но на смену марксистской формационной теории пришла аналогичная идея движения к

единому образцу на основе «общечеловеческих» ценностей. Сегодняшним западникам присуща вера во всемогущество «идеальных» общественных институтов и в возможность их пересадки на любую почву. Они охотно приняли новую версию истматовского линейного прогресса, оставив без внимания даже теории цивилизаций А.Тойнби, О.Шпенглера, М.Вебера, Леви-Стросса, показывающие глубинные основы многообразия мира. Перенято и вечное отрицание Западом вселенского характера византийского наследия и противопоставление европейской индивидуальности и свободы «тьме, варварству и рабству» православной традиции.

Сегодня достаточно оснований развенчать философское заблуждение, что европейский либерализм является антиподом марксизма, который, как правило, отождествляют с идеей коммунизма, что совсем неверно. (Пора задуматься, кому понадобилось навязать именно богоборческое учение в качестве единственного воплощения идей справедливости?) В то же время некоторые выводят коммунистические идеи из христианства, демонстрируя представления о коммунизме, далекие от марксизма, — воинствующе антихристианской доктрины. Следует, однако, понимать, что коммунистические мечты не только в атеистической, но и в любой их форме ищут рая земного и, как и многие секты и протестантские ветви, отчасти порождены ересью хилиазма, выведенного из ложного толкования Апокалипсиса учения о «тысячелетнем царствии на земле» Христа вместе с избранными. Христианское Откровение указывает путь к Царству Божьему, путь ко спасению, к жизни вечной, а не указывает путей построения земного рая...

Сама идея революции, моментального переворота всех устоев могла родиться только в вырождающемся христианском мире, а не в мире пантеистических представлений о вечном круговороте. Разумеется, это вовсе не потому, что «Христос был первым коммунистом», как порой утверждают некоторые, стремясь соединить несоединимое. Блестяще объясняет это Л.А.Тихомиров, чья исполинская работа «Ре-

лигиозно-философские основы истории», пролежав в рукописи семь десятилетий, наконец увидела свет.

Именно христианство укореняет в человеке стремление к абсолютному, к идеалу, к искоренению пороков жизни. Мир земной, область относительного обречена на уничтожение и коренное преобразование в тот момент, когда свыше раздастся Глас: «Се, творю все новое». Западный человек, от Бога отпавший, но сохранивший христианскую психику и веру в возможность уничтожения несовершенного мира, видящий смысл своей свободы в таком перевороте, воображающий себя создателем земного рая, рождает идею революции. В XIX в. преградой революции оставалась в христианском мире только православная Россия, что так прозорливо увидел Ф. Тютчев: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия... От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества». Но только Россия могла совершить революцию с таким пафосом. Ибо чем сильнее человек был христианином до падения в соблазн, тем более истовым и пламенным революционером он становился. Европа же была уже «теплохладна». К началу XX в. со всеми несовершенствами и грехами, с реальным несоответствием собственному идеалу Святой Руси... — Россия одним своим нежеланием отречься от когда-то заложенных в основание ее государственного и вселенского бытия смыслов мироздания все еще была удерживающим. Святейший Патриарх Тихон писал в своем обращении: «таинственная, но страшная по своим действиям сила ополчилась на Крест Господа Иисуса Христа. Всемирная могущественная антихристианская организация активно стремится опутать весь мир и устремляется на Православную Русь».

К этому времени поиск царства человеческого в западном сознании уже имел результатом две разработанные универсалистские доктрины — либеральную и марксистскую (обе не рассматривают нацию как субъект истории, для либералов — это гражданин мира, индивид, для марксистов —

класс). Эти внешне весьма враждебные друг другу концепции, как это ни парадоксально, программировали некий общий результат, какая бы версия ни победила. Они вели к уменьшению роли национальных государств и постепенной эрозии их суверенитета, шаг за шагом отдавая наднациональным механизмам роль морального, затем политического арбитра.

Мессианские цели всемирного характера были объявлены официальной внешнеполитической идеологией, адресованной не правительствам, а народам. И теория о «пролетарском интернационализме» под эгидой III Интернационала, и цель внедрять во всем мире «свободу и права человека» исключительно в их либерально-западном толковании изымали из суверенитета государства его право на защиту национальной самобытности. Л.Тихомиров приводит любопытное определение целей масонства, данное авторитетнейшим масоном-теоретиком Клавелем, автором «Живописной истории масонства», пользующимся общим уважением масонского мира: «Уничтожить между людьми различие ранга, верований, мнений, отечества...» Марксизм и либерализм разными путями идут к этой цели, устрняя из истории нации.

Большевицкая Россия и новое явление мировой истории — заокеанские Соединенные Штаты — должны были реализовать две космополитические концепции международных отношений: доктрина классово-внешней политики (хрестоматийные ленинские принципы) и «новое мышление» американского президента Вудро Вильсона (Программа из XIV пунктов). Эти концепции в главном базировались на идеях и оценках купца русской революции Гельфанда-Парвуса и загадочного alter ego Вильсона — полковника Хауза, имевшего связи в самых разнообразных кругах от банкиров до раввинов.

Так к моменту русской революции «Европа», подготовившая эту революцию, чтобы устранить Россию как соперничающий образ христианской истории, сама вдруг утратила роль активно-творческого явления мировой культуры. Воплощаемая сначала католическим романо-германским ду-

хом, Европа прошла стадии дехристианизации через либерализм и богоборческий вариант социалистических идей, уступила роль главного оппонента православного толкования истории англосаксонскому пуританизму и ветхозаветному мессианизму — атлантической цивилизации без культуры.

* * *

В XX в. «Запад» как совокупное историко-культурное направление истории обретает неожиданные новые формы, выдвигая вперед США, которые становятся главным инструментом мондиалистской стратегии либерального толка, а после Второй мировой войны обретают смысл и значение альтернативной всеобщей цивилизации. Поразительно, что ни на рубеже веков, ни даже к моменту окончания Второй мировой войны этот давно нарождавшийся феномен поистине последнего — четвертого царства оставался все еще незамечен в качестве лидера апостасии.

Не только В.Соловьев в конце XIX в., но русские мыслители времен революции и даже в послевоенные 50-е г., окончательно убедившиеся в непреодолимом неприятии и отторжении Западом России, не увидели принципиально нового в перегруппировке антихристианских сил самого Запада. Они по инерции продолжали полемизировать с той католической Европой, которая соперничала с Византией... с Европой Просвещения и французского социализма. В 1922 г. проекты Хауза — Вильсона уже умело заманивали поверженную в руины Европу в паутину мировых финансовых учреждений и наднациональных институтов, но Н.С.Трубецкой все еще осмысливает дилемму «Россия и Запад» как противопоставление православной культуры «романо-германскому духу».

Блестящий И.Ильин в 1940 г., критикуя философскую слабость верной по интуиции книги В.Шубарта «Европа и душа Востока», видит современный совокупный Запад исключительно в европейских культурных (католическая традиция) и геополитических критериях, а в некоторых статьях

50-х годов лестно отзывается о США и традиционно обрушивается на Германию. Сам Шубарт, метко подмечая у англосаксов, особенно пуритан черты, противоположные «иоанновской» русской культуре, и даже определяя американизм как «англосакство без джентльменского идеала... прометеевский мир, не облагороженный готическими ценностями», наивно наделяет американский тип шансом сблизиться с русским. К этому абсурду его ведет натуралистическое, нехристианское толкование истории (акцент на схожести климата, природного и этнического разнообразия и т.д.).

В течение последнего столетия Европа, обладавшая в период своего возрастания неоспоримой культурной мощью и героикой духа перестала олицетворять Запад, с которым полемизировали блестящие русские умы — сами люди культуры скорее XIX в. Спор с «Великим Инквизитором» был уже неуместен. Европа стремительно растворялась, капитулировала. И не только потому, что, совершив грехопадение фашизмом, уже не могла гордо претендовать на единственную историческую истину.

Среди тех черт Запада, которые особенно противоположны были России и восточнохристианской этике, стали доминировать типические свойства и этика англосаксонской расы. С историко-философской точки зрения, очевидной для знакомых с религиозной философией, характерной чертой американской идеологии во все времена являлись мессианство и провиденциализм. Именно англосаксонскому, особенно американскому пуританизму свойственна вдохновленная Ветхим Заветом идея особого предназначения, что не раз отмечал патриарх англосаксонской исторической мысли А. Тойнби.

Рассуждая о реальном и мнимом «родстве» пуританизма с иудаизмом, Макс Вебер считает англосаксонский пуританизм квинтэссенцией протестантизма и именно Ветхий Завет вдохновителем кальвинистов. Пуританизм по Веберу есть движущая сила западного общества и хозяйства (скорее, победившей версии), причем якобы не потому, что усвоил хозяйственную этику иудеев. Вебер, порой убедительно, пы-

тается доказать, что «именно нееврейское в пуританизме определило... его роль в развитии хозяйственного этоса». Подчеркивая склонность пуритан к религиозно-мессианскому освящению «методически рационализированного осуществления своего призвания», Вебер справедливо отмечает куда большую уверенность пуританина в своей «избранности» в сравнении с богобоязненным ветхозаветным иудеем...

Америка изначально строилась как земля обетованная для всех апостасийных идей, которым мешала национально-консервативная Европа. Даже прикосновение к религиозно-философскому фундаменту общественного сознания поражает, до какой степени англосаксонское, особенно американское государственное мышление пронизаны ветхозаветным мессианизмом, начиная с Бэнджамина Франклина — потомственного кальвиниста. Любопытно, что Франклин, прошедший с дипломатической миссией девять лет в пригороде Парижа, имел огромный успех во Франции у идеологов революции, либерализма и борцов с христианской церковью — масонов Мореллэ, Кабаниса, Мирабо, кружка Гельвеция.

Франклину — не окончившему даже «школы письма и арифметики» самоучке, типографскому рабочему и доморощенному философу — рукоплескали образованнейшие представители высокой европейской культуры. Ему, мелочному до карикатуры буржуа, ежедневно записывавшему любые расходы, а также педантично отмечавшему в «реестре добродетелей» свои «хорошие» и «плохие» поступки, пел гимны аристократ и распутник Мирабо. Что как не узы тайного братства и совместные всемирные проекты связывали столь разных «друзей человечества»? Североамериканские Штаты расценивались ими первым воплощением этих идей. Описание траурных ритуалов по кончине Франклина указывает на характер тех уз, что связывали кальвиниста и архитекторов мирового порядка во Франции. Братья Гонкуры рассказывают: «По случаю смерти Франклина «друзья революции и человечества», собравшиеся в кафе Прокоп..., покрывают крепом все люстры, затягивают черным второй зал, пишут на входной двери: «Франклин умер»; увенчивают дубовы-

ми листьями, окружают кипарисами его бюст, под которым можно прочесть: «Vir Deus» (Богopodobный муж), украшают его символическими аксессуарами — глобусами, картами, змеями, кусающими свой хвост...»

Похоже, неслучайно предреволюционная Франция возвела Франклина на высокий пьедестал «крестного отца будущих обществ». Кипящие ненавистью к «национальной реакции» «друзья человечества» видели в Америке претворение в жизнь на чистой доске систем Руссо и Монтескье. Не обошлось здесь и без патриарха вольнодумства — Вольтера. «Влияние Вольтера было неимоверным, — писал в 1934 г. А.С.Пушкин. — Европа едет в Ферней на поклон. Вольтер умирает, благословив внука Франклина и приветствуя Новый Свет словами дотоле неслыханными». Для встречи с американцем, обставленной с необычайной пышностью, восьмидесятичетырехлетний Вольтер в 1778 г. сам специально прибыл из Фернея в Париж и возложил на его голову руки со словами: «God and Liberty» («Бог и свобода»). Может быть, уже тогда самые «просвещенные» и посвященные умы и дирижеры мировых проектов торжественно передали «вырванный у тиранов скипетр» атлантическому пресвитеру?

Вебер писал о большей по сравнению с другими христианскими конфессиями способности пуританских народов, в частности, американцев, «абсорбировать еврейских прозелитов» — то есть евреев, «охотно» превращающихся в настоящих американцев. Вебер отмечает это свойство американцев, «что не удавалось народам с другой религиозной ориентацией», как доказательство отличия пуританского ветхозаветного духа от иудейского, не допускающего прозелитов. Но дело, скорее, вовсе не в самих американцах. Ведь объятия Христа открыты для любого принимающего Его Откровение везде, и после принятия Христовой Истины, для Бога нет ни эллина, ни иудея... Однако неслучайно эти «прозелиты» в начале XX в. избрали именно Америку как перспективный плацдарм. Кроме них, туда стекались и революционеры-атеисты всех мастей. Значит, из всего христианского мира Америка

была наилучшим местом для тех, кто изначально отверг Христа или отступил от Него. Почему это так?

Можно вспомнить Кромвеля, лидера радикальных пуритан — индипендентов, который под страхом смерти запрещал праздновать Рождество Христово, сжигал церкви и убивал игуменов (избиение священников в Дрогхеде, чем он очень гордился)... При нем иудеи в массовом порядке иммигрировали в Англию и получили там всемерную поддержку у пуритан — этих «ветхозаветных христиан», как те себя называли. Дуглас Рид пишет, что из Амстердама в Англию даже ездили еврейские эмиссары, чтобы выяснить происхождение Кромвеля, не еврей ли он, и если так, то объявить его официально своим лидером.

Приверженцы Кромвеля с их лозунгом «меч и Библия» считали, что своими кровавыми делами они исполняют библейские пророчества и что возвращение евреев в Англию было первым шагом на пути к обещанному «тысячелетию», где в хилиастическом раю на земле будут жить избранные и предназначенные к Спасению. Кромвелю даже рекомендовали устроить его Государственный Совет по образцу Синедриона из 70 членов! Но в Англии произошла реставрация, междоусобица Кромвеля кончилась. Пуританизм — дух и знамя Английской революции, стержень ее «буржуазного» характера, прославленного в историческом материализме, — был снова потеснен, хотя и оказывал влияние на английское сознание.

Любопытно, но в прошлом веке только Н.Я.Данилевский, бесспорный родоначальник цивилизационного подхода к истории, создавший стройную теорию культурно-исторических типов в своем беглом анализе специфических национально-религиозных основ английского общественного развития, сумел оценить значение эмиграции английских пуритан для Англии и Европы. Прозорливый Данилевский указал как на «особо счастливое для Англии обстоятельство», что «самая радикальная... часть ее народонаселения в лице пуритан заблагорассудила удалиться за океан для скорейше-

го осуществления своих идеалов. Это отвлечение демократических элементов надолго обезопасило Англию».

Америка обещала стать осуществлением кальвинистского отрыва от исторической традиции «людей мира». Религиозный мотив переселенцев очевиден, так как отрыв можно было осуществить лишь через полное удаление от прежних обычаев, законов, национальных, династических и сословных привязанностей. Любопытно, что идея о переделке мира по заранее подготовленному плану подкреплялась у пуритан знакомым образом «построения Храма» — восстановления Иерусалимского Храма. Символ «построения Храма» всегда присутствует в масонских философиях в тех местах, где христиане обращаются к Царству Божию, и можно предположить, что кальвинистские идеи имеют то же и весьма древнее происхождение. Если лютеранство — апостасийное явление в самом христианстве, то кальвинизм связывают с альбигойскими ересями, с манихейством, его корни в глубине истории борьбы добра и зла...

Сама идея о том, что еще до сотворения мира люди делятся на предназначенных ко спасению и не предназначенных, есть полная противоположность христианскому восприятию мира как всеединства через троичность. Дуалистическое деление мира на несмешивающееся положительное и отрицательное, белое и черное, где зло также признается сущностным, а значит — способным к творению, свойственное манихейству, порождает и отказ людям в этическом равенстве — деление людей на ненужных и имеющих ценность, для которых другие могут быть средством. Англосаксонскому кальвинизму, безусловно, свойственно пренебрежение и безжалостное отношение к другим нациям (истребление индейцев, голодная смерть двух млн ирландцев после неслыханной в христианской истории экспроприации земли и сгона исконного населения). Мотив цивилизаторской роли англосаксонской расы играл огромную роль в британской колониальной идеологии, что ярко демонстрирует Р.Киплинг в его философии «долга белого человека», оформленной с аристократическим изяществом.

Однако наиболее четко и без всякого культуртрегерства идея превосходства, кальвинистская самонадеянность в своей роли орудия Бога выражена британским идеологом Сесилем Родсом: «Я считаю, что мы первая раса на земле, и чем шире мы населим мир, тем лучше будет для человечества. Если есть Бог, то, я думаю, Он только радуется тому, что я стараюсь окрасить как можно больше частей карты Африки в цвет Британской империи». Немногие задумываются о том, что белые африканеры Южной Африки, создавшие режим апартеида, это кальвинисты — голландские и французские гугеноты и английские пуритане. Пуритане в Америке не занимались проповедью Слова Христова местным жителям — те не предназначались к спасению, и пуритане их безжалостно стерли с лица земли.

Пуритане мечтали о разрушении традиционного типа хозяйствования, что можно было осуществить без помех лишь в Америке. Она должна была стать землей обетованной для пуритан, которые полагали, что их избранность проявляется в том, что они становятся орудием Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере их мирской активности. Разве эти идеи не близки тем, кто отверг Спасителя? Отчего же им не сделаться охотно «прозелитами» среди пуритан, которые не ищут Царства Божия, где не будет ни эллина, ни иудея, и не стремятся стяжать Святого Духа, но сознательно строят царство человеческое, в котором уже прозелитам предоставляется шанс возвести трон для себя? И почему бы тем «богоизбранным», что мнят себя почти материальной частицей Бога (Талмуд), не воспользоваться плодами рук тех «избранных», что почитали себя «орудием» Бога?

К началу XX в. к американскому мировому проекту сознательно подключились как к инструменту все разнородные силы, бросающие вызов христианской истории. Это было столь же неизбежно как Рах Americana вместо Священной Римской Империи Германской Нации. Может, именно на будущую роль англосаксонских интересов и их флаг — «атлан-

тизм» — намекал Ф.Бэкон, глава розенкрейцеров в его эзотерической «Новой Атлантиде»?

Разумеется, ни одно государство и общество не тождественны полностью тем идеям, что положены в их основание или призваны контролировать общественное сознание. (Так, реальная Россия не могла соответствовать собственному идеалу Святой Руси, а Советский Союз получился гораздо лучшим явлением, чем его замыслили пламенные революционеры.) В Соединенных Штатах Америки, как и везде в мире, шла и сегодня идет борьба Добра и Зла. С самого начала были государственные мужи и деятели, достаточно понимавшие наличие этой борьбы. Собрание сочинений президента Адамса свидетельствует о его полной осведомленности о существовании всемирного, непрестанного действующего заговора против правительств и религии.

Еще более проницательным был Александр Гамильтон. В своих записках он писал об активном действии сил, которые уже в течение длительного времени «распространяли взгляды, подрывавшие основы религии, морали и общества. Первые удары были направлены на Откровение христианства... преходящая природа человека возвеличивалась, а все его надежды призывались к короткому периоду его земной жизни...» Говоря о зле Французской революции и ее «гнусных принципах», Гамильтон поднимается до обобщений, требовавших действительно глубокого понимания религиозной сущности явления: «Яд распространился... широко и проник слишком глубоко, чтобы его можно было вырвать с корнем... человечество еще далеко от конца своих несчастий, которые продолжают систематически подготавливаться, предвещая потрясения, революции... Симптомы грандиозного преобладания этих сил в Соединенных Штатах очевидны и вызывают тревогу». А.Гамильтон не был пуританином, его отец был англиканским священником и пострадал от преследований радикальных пуритан.

Преобладание этих сил, по-видимому, и создавало в Америке изначально атмосферу и условия, делавшие ее землей обетованной, привлекательной для всех апостасийных идей,

которым мешала национально-консервативная Европа. Начиная с середины XIX века, американское общество начинает успешно «абсорбировать» и давать убежище левым интернациональным силам, враждебным христианским империям Европы и готовящим против них революции. Вдохновленные идеями национальной свободы деятели итальянского *Risorgimento*: Джузеппе Мадзини, лидер «Молодой Италии», Гарибальди — были организованы опытной рукой в «венты», механизм и деятельность, а также и название «карбонарии» — «угольщики» — которых полностью скопированы с лож «каменщиков». Дирижеров волновали не судьбы Италии, а перестройка мира, поэтому одновременно с «Молодой Италией» по мановению чьей-то волшебной палочки по всей Европе возникали «Молодая Германия», «Молодая Испания», как потом будут возникать социал-демократические кружки, Интернационалы, комитеты за права человека и Совет Европы.

Большинство пламенных борцов вовсе не всегда осознавали, что поощряемые в их сознании идеи национальной свободы управляются отнюдь не хранителями многообразия богоданного мира, не поборниками национальной самобытности, а архитекторами универсалистских моделей человечества, мировых федераций и соединенных штатов Европы, идея которых уходит в глубину веков и заметна у тамплиеров. После Гарибальди, доживавшего свой век в Стейтен-Айленде (Нью-Йорк), следующие эмигранты в Америку уже не ограничивались идеей свободы своей нации — они, как Троцкий, другой питомец Америки, замыслили проект для всего мира. В течение двух столетий американская государственная идеология нещадно эксплуатировала Божье имя во имя «свободы» и человека, которая предназначалась не для всех. Тот же мотив, что идейно вдохновлял и оправдывал британский колониализм, в грубой и примитивной форме, присущей «англосаксам без джентльменского идеала» (В.Шубарт), питал безжалостное устранение коренного населения Америки — индейцев. Он же лежит в основе нынешних претензий США на гегемонию и бесцеремонное подавление не

только физического, но и морально-политического сопротивления (сербы, Ирак). Вызов носителям иных мировоззрений, помимо военно-политических и экономических мотивов, рано или поздно был неизбежен. Ибо продвижение своей системы ценностей, духовное овладение миром на основе своего мировоззрения было и есть главной нематериальной движущей силой истории.

Философия пуританизма стала фактическим отступлением от Заповедей Блаженств (сущности христианства), выбором в пользу власти и хлеба на Горе искушений. Кстати, М.Вебер это прекрасно осознавал. На это указал К. Ясперс, отметив суждение Вебера о Нагорной проповеди как несовместимой с мирской деятельностью и пронизанность всех его работ и деятельности скептическим отношением к христианству.

Поскольку кальвинистская этика в хозяйственной деятельности требовала максимальной либерализации общественных отношений, можно сделать вывод об исторической неизбежности постепенного перехода западного мира под эгиду англосаксонских — американских интересов. Неизбежной становилась и культурная капитуляция Европы, случившаяся к концу нашего столетия. Европа с середины XIX в. окончательно сдавалась либеральным идеям. Но в том и парадокс, что родина Реформации и революций, либеральной философии и протестантской этики не могла быть ведущей в процессе, который сама же породила.

Европейская философия государства и права, общественное сознание под пеплом богоборческих пожаров имели католическо-христианский фундамент и лишь приспособивались под нужды ростовщика. Русские мыслители — Н.Трубецкой, И.Ильин и другие — совершенно справедливо отмечали католическое и романо-германское основание европейской культуры до Просвещения. Но европейская этика, выросшая из католицизма, не могла быть последовательным проводником духа ростовщической либеральной экономики и неизбежного культа человека, не вступая постоянно в противоречие с христианскими канонами — о природной

греховности, об идеале аскезы. Выбрав путь к царству человеческого, Европа должна была уступить роль лидера тому, кто эту философию воплощал в чистом виде, без помех в реальном хозяйстве и государственных формах. Американские пуритане последовательно, с мессианской убежденностью, строили с фундамента рай на земле и свое владычество над миром.

Англосаксонские интересы начинают уже очевидно доминировать в проектах послевоенного устройства подорванной еще Первой мировой войной континентальной — «романо-германской» Европы. В ходе самой войны и в подготовке Версальского мира США и стоявшие за ними финансовые круги сумели подменить первоначальные цели войны на свои. Были явлены до этого скрытые устремления к подчинению суверенных государств силам, происхождение которых определить нелегко. Но именно к ним переходит руководство Мировым восточным вопросом в том смысле, как его трактовал Н.Данилевский. Эти силы вездесущи, и им стали нужны не мировые войны, а глобальные механизмы управления. Мондиалистскую идеологию и дипломатию первой «демократической перестройки» мира олицетворили США в лице Вудро Вильсона и полковника Хауза, а также продвинутые на первые роли в Европе Бальфур и Ллойд Джордж, находящиеся во взаимодействии с окружением Хауза.

Программа В.Вильсона — Хауза предполагала свести Россию к Среднерусской возвышенности через «признание де-факто существующих правительств». Базирующийся в США финансовый капитал помогал становлению большевистского режима, а также в сталкивании СССР с Германией. Готовые сразу признать большевиков на удерживаемой теми части России, США долгое время отказывались признать восстановление в 1922 г. основной исторической территории России. Именно под эгидой США и Британии уже в 20-е гг. началось строительство качественно новой системы международных отношений под эгидой мирового механизма.

Понадобилась консолидация всего совокупного Запада и совмещение идеологических целей с геополитическими,

отмена золотого стандарта для созидания финансового механизма мирового господства при внешнем сохранении наций-государств. Этому процессу сначала стала мешать Германия, родившая в условиях версальского унижения уродливый плод германского нацизма, который был намеренно направлен против России. Но главным образом цели совокупного Запада были спутаны тем неожиданным продуктом, который произвела Россия из западного марксизма, — феномен послевоенного СССР, в новой форме ставший опять препятствием и противовесом Западу. Но пророчества Данилевского сбылись: все мировые конфликты происходили в русле «Drang nach Osten», на стыке латинства и славянства — Первая мировая война, Вторая мировая война и «демократическая» агрессия атлантизма.

В XX веке, с выходом из своего полушария на мировую арену, мессианское доктринерство было поставлено на службу формирующейся транснациональной финансовой олигархии, спонсировавшей разные, но прежде всего антихристианские, антиправославные интересы. Кузницей кадров, а также леволиберальных космополитических философских установок и клише становится «безбожный» Гарвард (как его называли протестантские консерваторы еще в начале века, уверяя, что под гарвардской мантией скрывается сюртук самого Карла Маркса). Эта школа американской политической элиты всегда была официальным рупором унитарийской церкви, которую даже БСЭ определяет как «самое левое рационалистическое течение в протестантизме», отвергающее не только догмат Святой Троицы, но и Божественность Иисуса Христа. Социане-унитарии были под страхом смерти изгнаны в свое время из большинства даже протестантских стран как антихристианское учение. В США «либеральное христианство» продвигает учреждение всемирной религии и экуменических диалогов между христианами и иными религиями.

После 1945 г. США, способствовавшие столкновению Германии и СССР в войне, стали полем деятельности разноплеменной эмиграции из Европы и славянских стран, которые, будучи европейцами с панорамным образованием и

культурой, вносят немалый вклад в американское одномерное сознание. Это специфическое явление XX века. Сюда прибыли либералы и другие, по определению враждебные православию и России социальные и этнические группы, из-за перипетий собственной судьбы враждебные и послевоенному СССР, наградившему Восточную Европу коммунизмом, и европейскому национальному духу (по их мнению родившему фашизм), ставшие идеологами мондиализма под эгидой США. Это Г.Киссинджер, З.Бжезинский, последний яркий пример — его аспирантка, Государственный секретарь М.Олбрайт.

Первая мировая война дала США и базирующемуся там интернациональному капиталу европейский статус — в то время наивысший. В результате Второй мировой войны США обретают глобальную экономическую и военную мощь. К ним уже явно переходит скипетр всего Запада с его наследием евроцентристского видения мира и отторжения России как исторического явления. Никогда ранее не укладывавшаяся в западный мир Россия к тому же явилась в форме СССР главным военно-стратегическим и геополитическим соперником нового гиганта. «Холодная война» требовала образа врага, и он был создан по всем законам пропаганды, соединив черты варварства склонной к рабству византийской традиции с угрозой миру тоталитарного монстра.

Становление этого опорного мифа западного сознания, его логическое завершение к концу XX века полной дегуманизацией русских, меньше всего относимой к грехопадению коммунизмом. Роль этого клише в мировой политике вокруг России — СССР в 1980—1990-е гг. блестяще прослежены К. Мяло в ее работе «Между Западом и Востоком» — выдающемся явлении современной русской общественной мысли («Москва», 1997, № 11—12). Можно добавить, что эти этапы весьма логичны на пути дехристианизации западного сознания и вытеснения из исторического спора романо-германского католического культурного типа американской третьесословной либертарианской цивилизацией, не породившей культуры как воплощения духа. В прошлом веке

Запад — еще христианский, еще оспаривающий первенство своей истины — нуждался в кюстиновском образе России, начертанном вовсе не поборником либеральных свобод и представительных учреждений (как его толкуют по усеченным на две трети переводам ангажированные идеологи, подкрепляя свое мнение о России), а фанатичным католиком, в сумрачном мистическом восторге склоняющимся перед Эскориалом и инквизицией, как истинной теократией. Кремль для маркиза Астольфа де Кюстина лишь потому «обиталище, которое подобает персонажам Апокалипсиса», что он — оплот и символ ложной схизматической веры, а значит лжетеократии.

В XX в. миф, как и само западное сознание, уходит от христианской парадигмы, упрощается, не нуждается в диалоге. Противопоставление истинного и ложного миров в романах Толкиена окончательно обретает манихейские черты: «Тьма с Востока» — «страны мрака», «черного царства Мордор», нависающая над волшебным Валинором, «Благословенным Краем», в котором (на Западе!) восходит «первосолнце». В американском третьесловном издании миф утрачивает всякий дух европейского культуртрегерства и аристократизма, которого были не лишены французский маркиз и киплингский «белый человек» с его «Заповедью». Массовому сознанию конца XX в. достаточно было самого примитивного образа — мифического русского недочеловека («Рэмбо», «Рокки-4»).

* * *

Мировая политика XX в. после разрушения исторической России трактуется как борьба либерального Запада с советским коммунизмом. Этот поверхностный тезис свойствен как отечественной — и марксистской, и «демократической», — так и западной историографии и политологии. Он успешно заслоняет истинные хитросплетения вокруг России в годы революции, после Ялты и Потсдама, и маскирует современную ситуацию. Но его упорно навязывают, во-пер-

вых, чтобы не признавать преемственность русской истории в судьбе СССР. Во-вторых, для того чтобы скрыть берущее начало в глубине веков неприятие Европой феномена России в двух ипостасях: равновеликой Западу в целом геополитической силы и исторической личности с собственным поиском универсального смысла мироздания.

Как уже говорилось, во времена Брестского мира и Версальской конференции Программа В.Вильсона — Хауза предполагала свести Россию к Среднерусской возвышенности через «признание де-факто существующих правительств». Базирующийся в США финансовый капитал сыграл роль в становлении большевистского режима, а также в столкновении СССР с Германией. Готовые немедленно признать большевиков на удерживаемой теми небольшой части России, США до 1933 г. отказывались признать восстановление в 1922 г. основной исторической территории России. Именно благодаря США и Британии уже в 20-е гг. началось строительство новой системы международных отношений под эгидой международного механизма. Если Запад медленно, но неуклонно шел по этому пути, то СССР, наоборот, переживал обратный процесс восстановления исторически преемственных государственных начал.

Но при постепенном отходе советской идеологии от ортодоксально-марксистского антирусского пафоса борьба «капитализма с коммунизмом» лишь усиливалась(?), хотя непосредственная угроза «экспорта революции» на Запад очевидно слабела. Когда СССР выиграл войну в своей ипостаси Великой России, Запад хладнокровно оценил, что Отечественная война востребовала национальную солидарность русского народа, разрушенную классовым интернационализмом, и воссоединила в сознании и потенциально в государственном будущем разорванную, казалось навеки, нить русской и советской истории. СССР в США стал рассматриваться как «опасная» геополитическая предпосылка к потенциальному самовосстановлению России.

При исследовании процессов в общественном сознании нельзя обойти факт, что в годы Отечественной войны

в КПСС вступила масса, по своему происхождению и менталитету (крестьяне) отличавшаяся от воинствующе космополитического раннего большевизма. Второе «советско-партийное» поколение связало с коммунистическими клише собственный традиционализм и инстинктивно искало совмещения с марксизмом естественного побуждения человека созидать на своей Земле, а не разрушать ее во имя планетарных абстракций. Строительство «коммунизма» парадоксально стало «продолжением» русской истории, что вызвало бы ярость Троцкого, да и Ленина. Этому второму советско-партийному поколению менее всего за весь XX в. было свойственно «западничество» в какой-либо форме. Благодаря духу мая 1945-го был смещен акцент с «внутренней классовой борьбы» на единственно возможный тогда вместо русского «советский» патриотизм. Это дало сорок лет относительно мирной жизни, когда титаническим напряжением был создан мощнейший потенциал. Важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама было фактическое преимущество СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи.

Послевоенная история и, особенно, «перестройка» показали, что именно эти итоги были неприемлемы для доминирующих в мире англосаксонских интересов, а не страх перед идеей коммунизма и советскими танками в центре Европы. Закон конгресса США от 1959 г., провозгласивший целью освободить все народы России, кроме русского, красноречиво свидетельствует о том, что стратегия «холодной войны» заключалась в борьбе не с коммунизмом, а с «русским империализмом» по К.Марксу, который в труде, изданном под названием «Secret Diplomatic History of the XIX Century» (1899), изливает желчь на всю историю России и призывает немедленно остановить ее влияние. (Труд этот, прочно скрытый за толстыми стенами ИМЭЛа, никогда в СССР не публиковался.) Данная задача была дважды за XX в. выполнена не столько Западом, как российской интеллигенцией и советской номенклатурой третьего поколения, опять «западнического».

Приходится сделать вывод, что во всех славянских православных странах не только марксизм-ленинизм, но и диссидентство сыграло в жизни своих отечеств зловещую роль. Как в свое время большевизм, диссидентство питалось реальными противоречиями, бедами и злом государственной жизни. Но, как и ранний ортодоксальный большевизм, диссидентство, за исключением небольшого национального отряда, сразу отринутого Западом, было формой отторжения русского исторического и духовного опыта. Именно поэтому его также выбрали своим инструментом извечные антирусские и антиправославные силы.

Мнимые борцы с коммунизмом, диссиденты боролись с советским и российским великодержавием, а вовсе не со злом марксизма, который был им близок как раз отрицанием всего, что составляло смысл и красоту русской православной жизни. К тому же, как и все западники, лишённые чувства сопричастности ко всей многовековой истории своего народа, они отождествляли вечное Отечество с государством, с его всегда несовершенными общественными институтами. Даже самые «прекраснодушные» из них были неспособны разглядеть цели Запада в перестройке: не позволить реабилитировать историческую русскую государственность, а напротив — «упразднить» на сей раз из советской истории элементы ее восстановления.

Наибольшему поношению в советском периоде подверглось именно то, что составляло спасительный для нации отход от ортодоксального марксизма и вносило элементы исторической преемственности в общественное сознание, в оценку национальных интересов, мало зависящих от типа власти. Запад не хотел подлинного осмысления русскими своих грехов и заблуждений, ибо на западной повестке дня была сдача поругаемых «отеческих гробов» вовсе не советской, а всей тысячелетней истории, искусно маскируемая под расставание с тоталитаризмом.

Поскольку борьба с большевизмом — лишь ширма, из всех оппонентов «коммунизму» Запад поддерживал лишь своих прозелитов. Именно они стали объектом тщательной

обработки со стороны США с 60-х годов. Помогли и интеллектуалы Европы, по философским устоям — левые. Приветствовав Октябрь 1917-го, разрушивший православную империю, они в 50-е отвернулись от СССР, соединившего русскую и советскую историю. Советская интеллектуальная элита и номенклатура третьего поколения, опять западнического, стала тяготиться своей идеологией лишь потому, что она стала помехой для принятия в мировую олигархию. Цена за место в ней была названа Западом в эру Горбачева.

В конце века в результате экспериментов над российской государственностью, которых так жаждали «западники», русский народ расчленен, а Россия оказывается в положении до Ливонской войны на северо-западе, в положении после Крымской войны на юге, ее вытесняют с морей, и Берлинская стена приближается к границам Московского царства XVI века. Национальное достояние, оплаченное кровью и бескорыстным трудом трех советских поколений, расточено в обстановке антихристианского глумления новоявленных библейских Хамов над поколением Отцов, на Запад были выкачаны суммы, многократно превышающие репарации, наложенные на Германию. Теперь, когда «коммунистическая фантазмагория» рассеялась, а давление на уже некоммунистическую Россию лишь многократно усилилось, смысл многовековой борьбы Запада против России и православного славянства, маскируемый то борьбой с большевизмом, то с русским империализмом, должен стать ясным.

Иной итог принесло Западу двукратное русское самопредательство в XX в. Если первые «всемирные» учреждения — Лига Наций и Банк международных расчетов (созданный планом Юнга формально для решения репарационного вопроса) — лишь институционализировали ведущую роль в европейской экономике англосаксонского и интернационального финансового капитала, то в конце столетия налицо соединение многосторонних политических и экономических механизмов с военной машиной НАТО уже для диктата того самого транснационального капитала. Очевидно, что спор между коммунизмом и западноевропейским либе-

рализмом являлся исключительно спором о форме владычества над миром, о другом этим Левиафанам было спорить нечего. В земном успехе Pax Americana — итог универсалистских идей XX в. о «всемирном братстве труда», общеевропейском доме, «едином мире».

В конце прошлого века дилемма «Россия или Европа» стояла перед русской интеллигенцией. Тогда К.Леонтьев, говоря о гибельности «общечеловеческого» пути, назвал один из своих текстов: «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Через столетие вопрос «быть или не быть» встает уже перед Европой, ибо сегодня «средний американец», претендующий устами его лидеров на единственную «постхристианскую» общечеловеческую цивилизацию, превращается в орудие гибели когда-то великой европейской культуры. Ее героика и идеал, романтизм и подвиг, даже Декартово сомнение и ее дерзновенное «безумство гибельной свободы», — все было задано христианским духом, выкованным в первое тысячелетие христианства, презрительно называемого теперь «Dark Age». Все это погублено гордыней, «похотью властвования», о которой предупреждал великий европеец Бл.Августин.

Сам западный человек инстинктивно не раз бунтовал против своей десакрализации, приземления духа и демонизации, что проявлялось в периодическом всплеске романтизма в литературе и искусстве. Разве не кричал устами Сирано Эдмон Ростан, тщетно вопия, подобно умирающему лебедю, к персонажам Э.Золя о вечном стремлении человека к Идеалу? Разве не бунтовщиком против опошления человека либерализмом был Ницше, гордыня которого повела его опять в антихристианское русло? Красота многообразного и гармоничного Богоданного мира перестала отражаться в человеческом сознании, отринувшем Творца. Оно действительно родило «Черный квадрат» Малевича.

Блестящий философ, он же мировой ростовщик Ж. Аттали с пугающей откровенностью и теплохладным цинизмом предвещает «царство банка» как символ окончательно-

го утверждения рационалистических — денежных критериев, которое заменит храм. В нем «суверенным» в плену плоти и гордыни индивидам чужды Декартовы «страсти души», их удел «эгоизм и нарциссизм».

Американский образ жизни как феномен цивилизации уже несколько послевоенных десятилетий агрессивно рушит европейскую этику и культуру, а последние годы совращает Россию и славян, причем не только обыватель, но и советский интеллигент-либерал оказался на удивление падок на искушение потребительства и гедонизма, не проявляя при этом даже малой доли пуританской этики в труде. Атеистическое, ориентированное на рай на земле космополитическое воспитание сделало российских западников легкой добычей американского, почти языческого культа человека и даже его тела.

* * *

Путь русского народа в мировой истории удивительно отражает судьбу человека и человечества в православном нравственном поиске: сначала обретение истины и смысла исторической жизни, отступление от нее — падение, саморазрушение, — затем осознание грехопадения и поиск спасения. Редкий народ христианского мира демонстрирует с такой поразительной наглядностью библейские пророчества и христианское толкование истории. Может быть, русские как нация все еще обладают соборной личностью — душой народа, сохраняющейся в его взлетах и поражениях, в его поисках и заблуждениях.

Не это ли позволяет говорить о мессианизме русской идеи? Не это ли придает историософский смысл российскому великодержавию, способному удерживать мир от энтропии, от смешения Добра и Зла, от теплохладности... Но именно поэтому все силы мирового зла брошены на то, чтобы Россия и русские никогда не восстановили себя как историческое явление.

Глобальные политические и культуртрегерские устремления против России и Православия могут определить судьбу на столетия, так как с утратой неперемного условия успешного исторического бытия любого народа: триединства духа, души и тела — веры, культуры и национальной государственности, — русские и православные славяне как субъект мировой истории переживают невиданную национальную катастрофу. Громадная территория, внушительная экономика, военная мощь и ядерное оружие, как показывают унижения России, сами по себе никогда не станут политическими факторами.

Ибо материя без духа не способна творить историю.

Православие.ру, 2000

В ГУЩЕ ПОЛЕМИКИ

Работы Н.А. Нарочницкой, особенно ее книга «За что и с кем мы воевали», а также ее взгляды на некоторые аспекты международной политики вызвали достаточно острую полемику на Западе. Для того чтобы дать читателю представление о ней, мы публикуем в этой книге две статьи известных французских ученых на данную тему.

С ПОЗИЦИИ ЗАЩИТНИКА ИДЕИ РОДИНЫ

*Предисловие к французскому изданию книги Н.Нарочницкой
«За что и с кем мы воевали»*

В этом эссе мы слышим звучание непривычного для нас «колокола» в лице автора Н.А. Нарочницкой, которая является выразителем мнения подавляющего и, отчасти, молчаливого большинства ее соотечественников. Эта книга — одновременно защитная речь в пользу непризнанной России и протест против стереотипов, жертвой которых Россия себя считает. Она адресуется западным читателям. В ней, как в зеркальном отражении, порой с грустью, они могут узнать самих себя. Но, при наличии смелости взглянуть на себя другими глазами, преодолевая существующее недоверие, очевидная искренность автора и новизна ее аргументации, несмотря на ряд преувеличений, непременно, страница за страницей, будут притягивать их внимание.

Практически неизвестная широкой публике во Франции, в России Н.А. Нарочницкая пользуется бесспорным авторитетом: она была депутатом Думы от партии «Родина» и заместителем председателя Комитета по иностранным де-

лам, она, в первую очередь, — историк, доктор наук, член Академии наук и дочь академика, тоже специалиста по международным отношениям. Н.А. Нарочницкая, кроме того, возглавляет политическое издание, где печатаются известные обозреватели и публицисты, стремящиеся донести голос России далеко за ее пределы.

И именно с позиции защитника идеи Родины — как говорят, единственной ценности, которая есть у тех, кому больше нечего терять, — она обращается к своим российским и зарубежным читателям.

Как показывает заглавие книги, выход которой был приурочен к шестидесятой годовщине победы над нацистской Германией, ее повествование касается в основном проблематики «Великой Отечественной войны» и подъема патриотизма, вызванного празднованием победы над фашизмом. Но, как истинный профессионал, автор этим не ограничивается и попутно затрагивает массу смежных тем, начиная с очень давних отношений между Россией и Западом, почти сразу же отмеченных недопониманием, а то и стойким антагонизмом, о проявлениях которого представляется важным вкратце упомянуть далее.

Не заостряя слишком внимание на расколе 1054 года, разделившем христианский мир на две части, остановимся лишь на четвертом крестовом походе и разграблении Константинополя крестоносцами. Этот факт забыт сегодня на Западе, но не в православном мире, где память о нем жива еще и потому, что события эти надолго ослабили «второй Рим», как называли тогда Константинополь, и способствовали его окончательному падению в 1453 году, а вместе с ним и Византийской империи.

К тому времени Московское княжество, единственное независимое православное государство, провозглашается местными богословами «третьим [и последним] Римом» и начинает постепенно утверждаться как православная твердыня, противопоставляющая себя римско-католическому Западу, недоверчиво наблюдающему, как Москва медленно на-

бирает мощь, но затем сталкивается на своем пути с польско-литовским католичеством, сумевшим с началом Смуты, в 1610 году, захватить столицу. Приход династии Романовых (1613) позволил Московии вновь начать поступательный подъем, который при Петре Великом (1689—1725) и Екатерине II (1762—1796) увенчался стремительным взлетом, не примирившим ее, впрочем, с западноевропейскими державами, единодушными в своей оценке молодой и быстро развивающейся Российской империи, считая ее «варварской» и полуазиатской страной, где жизнь человека не представляла большой ценности.

«Избавьтесь от дурной славы, бытующей среди иностранцев о вашем народе», — говорил еще архиерей Феофан Прокопович, советник Петра I, своему государю, отличавшемуся жесткостью своих методов, едва ли украшавших империю, где уже и без того процветало крепостничество. И даже «философ на троне» Екатерина II не смогла коренным образом улучшить репутацию империи, которую в 1768 году в своей «Инструкции» она называет не иначе как «европейской державой». Не считал ее таковой и Дидро, сравнивая Россию с «белой страницей, на которой еще ничего не написано, страной без устройства и институтов» и соглашаясь с мнением экономиста Лемерсье де Ла Ривьера, согласно которому Россия являлась «страной, где нужно делать, а точнее, переделывать буквально все». Северной Семирамиде, как называл Екатерину II Вольтер, оставалось только сетовать на предвзятое отношение со стороны иностранных наблюдателей, но ситуация от этого не менялась.

Россия, как показывает «Путешествие в Сибирь» Шаппа д'Отроша (и многие другие работы), по-прежнему оставалась синонимом бесправия, деспотизма, рабства, жестокости и невежества.

Эта репутация останется за ней и несмотря на успехи Александра I, который не только победил Наполеона во время освободительной Отечественной войны, дойдя до самого Парижа, но и снискал настоящую популярность своими вы-

ступлениями в защиту Франции на Венском конгрессе. Однако восстание декабристов, омрачившее приход к власти Николая I, бескомпромиссного поборника права престолонаследия, и жестокое наказание этих «закоренелых преступников», никак не могли способствовать улучшению репутации империи. Как раз в это время, пишет автор, прусский певец государства Гегель, в свою очередь, высказываясь о славянских народах и России, отказывает им в каком бы то ни было вкладе в цивилизацию и, как следствие, в праве на какую бы то ни было историческую самостоятельность; то же позже сделает и Чаадаев, друг декабристов, в своем первом «Философском письме», опубликованном в 1836 году, где он уподобляет всю историю православной России «мрачной и унылой пустоте».

Своеобразной точкой в этой общей дискредитации России явился известный труд маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», написанный им после шести недель пребывания при императорском дворе и общения в узком кругу привилегированных особ, где он рисует крайне отрицательную картину империи, целиком находящейся во власти цензуры, полицейского шпионажа, сокрытия, лжи и притеснений.

Во всех этих разоблачениях, которые в той или иной степени отражали явное чувство превосходства либеральных и парламентских режимов Западной Европы, далеко не все было преувеличением, но Николаю I, казалось, даже доставляло удовольствие всячески поддерживать такие антироссийские предубеждения. Не ограничившись жестоким подавлением польского восстания в 1830—1831 гг., он помогает молодому Францу-Иосифу подавить революцию 1848 г. в Вене и, получив прозвище «жандарма Европы», в 1849 г. — венгерское восстание, руководители которого были потом повешены в Австрии, несмотря на обещания русских генералов сохранить им жизнь.

Крымская война положила конец карьере «жандарма», жестоко высмеянного в карикатурах Гюстава Доре; но «кнута-тократический» режим Николая I (названный так Бакуни-

ным) способствовал еще большей дискредитации России в глазах «цивилизованной Европы», лишь усугубив и без того нелюбимую картину империи с ее деспотизмом, шпионажем, невежеством и реакцией. Это позволило в дальнейшем Марксу, чья враждебность по отношению к неблагодарным германскому просвещению славянским народам с годами только усиливалась, назвать Российскую империю «тюрьмой народов» (прежде всего польского), высказав немало и других нелестных суждений на ее счет.

Враждебность эту будет разделять и его сподвижник Фридрих Энгельс, пишет далее автор книги, приводя цитаты различных его антиславянских и откровенно расистских заявлений, на которых было основано целое учение, ставшее позже отправной точкой для Гитлера.

Сдержанность и отбросить назад — вот к чему всегда сводилась политика европейских держав в отношении «полуварварской», «азиатской» империи, и Парижский договор (1856), положивший конец Крымской войне и нейтрализовавший Черное море, запретив там строительство каких бы то ни было укреплений, является лишь подтверждением тому. Как, впрочем, и решение Берлинского конгресса летом 1878 г. о лишении России всех ее завоеваний в ходе Русско-турецкой войны за освобождение православных народов от османского владычества на Балканах. Встревоженные положениями договора Сан-Стефано, распространявшими сферу российского влияния до берегов Константинополя и Эгейского моря, европейские державы объединились в Берлине, чтобы помочь Порте в ее новом статусе хранительницы проливов; а сам конгресс, называемый иногда антиславянским ареопагом, навязав России свою волю, отбросил ее тем самым к прежним границам.

Все это говорит о том, что Россия никогда не рассматривалась как полноправное европейское государство или же как великая держава; она попросту продолжала играть роль выскочки, нарушительницы европейского равновесия. Ни ее вклад в наведение порядка в Европе, все же несколько пре-

увеличенный автором, ни ключевая роль Николая II на конференции в Гааге в 1889 году по сокращению вооружения, ничто не изменило отношения к ней; Российская империя продолжала быть в глазах европейцев неудобным партнером, а ее слишком быстрый подъем и панславистские идеи вызывали замешательство и тревогу. То есть, другими словами, Россия представляла собой не очень надежного партнера, чьи амбиции необходимо было несколько умерить, тем более что, принадлежа Европе, она в действительности никогда не была ее частью.

Перейдем теперь к революции 1905 года, которую мы также, вопреки существующим на этот счет утверждениям, вряд ли можем считать европейской революцией, внезапно изменившей свое направление в силу полного отсутствия в России буржуазии как класса и несостоятельности либералов в отстаивании реформ, за которые они всегда так радели. Испытывая враждебность к царскому абсолютизму, но одновременно и страх перед мыслью о всенародном бунте, непрестанно витавшем в воздухе еще со времен Пугачева, они так и не сумели уйти от самодержавия, единственного, по их мнению, что могло бы предотвратить народный бунт, воспринимаемый как неизбежность. Очень малочисленные и без какой бы то ни было социальной опоры ряды либералов в действительности включали в себя лишь посвященных, не имевших ничего общего не только со всеми остальными «непосвященными» слоями общества, но и с другими изгоями цензовой России.

Поэтому им и не суждено было заполнить образовавшуюся с падением самодержавия пустоту, когда после свержения монархии народные массы вышли из-под их контроля, бросив на произвол судьбы страну.

Что же до революции 1917 г., то еще в меньшей степени, чем в 1905 г., здесь можно говорить о неудавшейся либеральной и парламентской революции — в России для этого не было ни малейших предпосылок.

Оппозиционные круги приветствовали Февральскую революцию 1917 г., полагая, что она положит конец военным

действиям, но под ее натиском царская империя сделала первые шаги на пути своего краха. И хотя «единая и неделимая» Россия по-прежнему оставалась идеалом либералов и революционеров февраля 1917-го, для большевиков, марксистов и интернационалистов все выглядело иначе, не говоря уже о союзниках России, уязвленных поражением и предательством большевиков: ведь едва придя к власти, те начали мирные переговоры с Германской империей. Именно в это время французские и британские дипломаты, недолго думая, начинают раздел юга России на зоны влияния (согласно конвенции от 23 декабря 1917 г.): к Франции относились Бессарабия, Крым и Украина, куда она инвестировала несколько миллиардов, данных в займы России в рамках заключенного в 1893 г. франко-российского союза; к Англии относились казачьи территории, Северный Кавказ и территории, прилегающие к Каспийскому морю, где к 80-м гг. XIX века стала бурно развиваться нефтедобыча. Стало ясно, что только благодаря своей мощи царская империя сохраняла всегда свою целостность, ослабление же этой мощи, напротив, открывало путь к разделу ее территорий. И менее чем через три месяца Россия получила подтверждение тому в виде Брест-Литовского мирного договора, который большевики, несмотря на внутренние разногласия, все же вынуждены были подписать с Германией Вильгельма II, не имея никакой возможности воевать. Условия этого «позорного для России сепаратного мира» известны: вдохновленная доводами пангерманистов Германия присоединяет к себе Польшу и Литву, часть Белоруссии, обязав также большевиков вернуть независимость Украине и странам Балтии, оккупированным в то время германскими войсками, а своей союзнице Турции — вернуть Карс и Батуми, и все это не считая контрибуции в шесть миллиардов немецких золотых марок. В результате этих отсечений Россия потеряла четверть своего населения, пахотных земель и железнодорожных путей, а также три четверти всей добычи угля и железа. Дело, начатое Петром I и преумножаемое его потомками на протя-

жении двух веков, удалось свести на нет, а Россия, низведенная до положения державы местного значения, была отброшена на задворки Европы.

Восемь месяцев спустя перемирие 11 ноября 1918 г. даст большевикам, находящимся в самом начале гражданской войны, возможность уйти от Брест-Литовского диктата. Но мирные соглашения будут заключены в отсутствие России, которая не сможет заставить себя услышать, равно как и отстоять свои интересы; франко-британские победители не более благосклонны к ней, чем Германия Вильгельма II: их отношение выразилось в признании независимости балтийских государств и возрождающейся Польши, а также в создании целой серии буферных государств (чтобы помешать распространению революционной заразы) между Веймарской Германией и большевистской Россией, которой, используя выражение Клемансо, было уготовано отныне «вариться в собственном соку».

Выйдя победительницей в гражданской войне, получив в 1921 г. признание крупных европейских держав, но застопорившись в своем развитии вследствие провала мировой революции, большевистская Россия пытается восстановить свою экономику и формирует в рамках образованного в 1922 г. СССР на базе бывших царских губерний республики, волей-неволей вошедшие в состав этой новой федерации. Что касается Европы, то вдали от новых конфликтов и с откатом большевистской России, а вместе с ней и революционной угрозы к самым дальним своим рубежам, она, кажется, наконец восстановила равновесие.

Так бы все и выглядело, если бы не приход к власти Гитлера, заявившего, едва заняв место канцлера, о своем намерении оспорить Версальский договор, жертвой которого, наряду с большевистской Россией, считала себя и Германия.

Без особых усилий он вводит войска в демилитаризованную левобережную Рейнскую область и присоединяет к новому Рейху Саар (1934), хотя его угольные шахты отошли

по контрибуции к Франции. Поскольку, помимо словесных, иных реакций со стороны гарантов Версальского договора Франции и Великобритании не последовало, — они разошлись во мнении по данному вопросу, — Гитлер присоединяет далее Австрию (1938), заручившись уже постфактум поддержкой большинства ее населения, и предпринимает захват Судетской области, аннексия которой будет позже ратифицирована и Францией, и Великобританией, так как официально, согласно Мюнхенскому соглашению, это должно было стать залогом мира. Не будучи допущенными до участия в Мюнхенской конференции, которую Ромэн Роллан назвал «дипломатическим Седаном», Советы выступили в роли простых наблюдателей, тем не менее, очень внимательных наблюдателей, не испытывающих по поводу происходящего никаких иллюзий.

Ведь автор «Mein Kampf» вовсе не собирался останавливаться на достигнутом: воодушевленный потворством Великобритании, которая в то время стремилась, как пишет автор, с помощью своей политики «умиротворения» перенаправить захватническую политику Германии в сторону СССР, германский канцлер оккупирует весной 1939 г. Чехословакию, что на этот раз вызывает резкую критику Великобритании и Франции, став своего рода прелюдией к войне.

Такова была обстановка, предопределившая сближение в германо-советских отношениях, которое развивалось в режиме секретности на протяжении месяцев и которому проложили дорогу нерешительность и близорукость франко-британского союза. Желая как можно дольше оттянуть момент выбора из двух зол меньшее, поочередно сталкивая Гитлера со Сталиным и наоборот, Франция и Великобритания неожиданно для себя оказались перед фактом заключения пакта Молотова — Риббентропа — пакта, противостественного с точки зрения Мюнхенского соглашения, но который вряд ли сегодня всерьез можно считать единственной причиной войны — к ней готовились все, — равно как и утверждать, что он якобы, согласно некоторым оценкам, указывает на определенное сходство между двумя режимами.

Читатель найдет детальное изложение событий, в котором Наталия Алексеевна освещает советскую позицию, противопоставляя ее, в частности, уловкам британской дипломатии, а также напоминает о забытых сегодня действиях Польши, которая после Мюнхенского соглашения просила у Гитлера пересмотра своих границ, мало заботясь при этом о своих соседях. В общем-то, германо-советский пакт, развязавший Гитлеру руки на Западе и окончательно добивший Версальский договор, имел целью спутать карты и нарушить планы основных участников событий, предоставив Сталину некоторую отсрочку и неожиданные территориальные преимущества. В глазах такого опытного дипломата, каким был Киссинджер, цитаты которого неоднократно приводит нам автор книги, этот пакт о ненападении являлся, поистине, мастерским ходом Сталина, обеспечившим ему максимум преимуществ, не выходя за традиционные дипломатические рамки; и даже если Блицкриг в июне 1940 г. нарушил планы Сталина, надеявшегося на то, что в изнурительной войне воинствующие «империалисты» истощат друг друга, этот противоречащий логике пакт на некоторое время сумел все же отвести от СССР немецкую агрессию, нарушив в корне всю стратегию Гитлера, который вместо того, чтобы напасть на СССР, как это явно угадывалось в его первоначальных замыслах, повернул на запад.

И вот мы вплотную подошли к войне 1941—1945 гг., легкой в основу этой книги.

Как известно, Сталину не удалось воспользоваться полученной им отсрочкой для укрепления дезорганизованной вследствие чисток Красной Армии, не воспользовался он (по невыясненным причинам) и неоднократно повторявшейся информацией из разных источников, советских и иностранных, о готовящемся нападении немцев с указанием даже его точной даты. Именно этим объясняются тяжелые поражения советских войск в первые недели войны, которую сразу же, по аналогии с Отечественной войной 1812—1813 гг., стали называть Великой Отечественной войной, придав ей также

статус «священной» войны, которая, как и в 1812 г., велась против вражеских «нехристей».

Остановимся ненадолго на этих терминах, заслуживающих отдельного объяснения: первый был озвучен еще 22 июня 1941 г. митрополитом Московским, который в своем письме, обнародованном в каждом православном приходе России, предостерегает верующих от любой попытки сотрудничества с бессовестным и коварным врагом, и это — несмотря на жестокие гонения, которым подвергалась церковь за двадцать лет советской власти. Через десять дней, обращаясь не только к своим согражданам, но к своим «братьям и сестрам» — выражение, взятое из православной традиции, призывающее верующих к проявлению стойкости и объединению в священный союз, — Сталин взывает к народу и призывает на помощь былую военную славу и славное прошлое царской России. Он повторит это и через год, 7 ноября, назвав не только Пушкина, Толстого и Чехова, но и Плеханова, Белинского (список далеко не полный) и, конечно же, Суворова, Кутузова, вплоть до Александра Невского, — мы найдем в его речи все имена, которые неизменно составляют величие России, а некоторые из них непосредственно связаны с победами 1812—1813 гг.

Прозвучавшая вслед за обращением митрополита речь Сталина окончательно укрепила начатое в 30-х гг. возвращение таких понятий, как русский и даже православный патриотизм, а также способствовала восприятию войны именно как отечественной, а не оборонительной, которая так и войдет в историю под этим именем. Кроме того, советское правительство сразу после победного завершения Сталинградской битвы, дабы укрепить героизм бойцов, пошло даже на то, чтобы разрешить выборы нового патриарха, место которого оставалось незанятым после смерти в 1924 г. патриарха Тихона; и в довершение же, чтобы угодить своим западным союзникам, правительство распускает Третий Интернационал, основанный в марте 1919 г. под именем Коминтерна и не отвечавший более требованиям времени, как, впрочем, и

сам Интернационал, на смену которому пришел новый национальный гимн с патриотическими акцентами.

На протяжении всей войны Сталин, получивший звание генералиссимуса, будет отождествляться с этой борьбой за «право существования» России, превратившейся в одно большое поле брани; он не только сумеет извлечь урок из своих грубейших первоначальных стратегических просчетов, но и стать в глазах советских людей отцом и символом «Великой победы» 1945 г.; таким он станет и в глазах союзников, не скупившихся в лице различных представителей дипломатии на похвалы в адрес их мнительного визави, отмечая его дальновидность, прагматизм и решительность. Приведем по этому поводу свидетельство Уинстона Черчилля, которого, наверное, менее всего можно заподозрить в просоветских настроениях: «России очень повезло, — скажет он в 1959 г., выступая в Палате лордов по случаю 80-летия покойного диктатора, — что в годы тяжелейших для нее испытаний во главе ее стоял гений и несгибаемый полководец Сталин [...]. Это был человек необычайной энергии, твердой воли, прямолинейный, жестокий, бескомпромиссный в беседе, что даже я, получивший закалку в английском парламенте, не мог ничего ему противопоставить в ходе переговоров [...]. Он обладал глубокой мудростью, абсолютной устойчивостью к различного рода панике и превосходной логикой. Ему не было равных в умении находить выход из безвыходных ситуаций в самые трудные моменты. Это была удивительно сложная личность...»

Эти несколько строк очень далеки от набивших оскомину стереотипных обвинений и помогают лучше понять, почему память о «великом Сталине» остается вопреки всему в сознании россиян (и бывших советских граждан) неразрывно связанной с победой, которая, как подчеркивает автор, вернула России ее исторический статус «великой державы», утраченный в 1917г., а потом и в начале 90-х гг., часто сравниваемых со Смутным временем.

Заклучив союз с СССР и оказывая ему поддержку с первых дней немецкого вторжения, как Черчилль, так и Рузвельт стремились лишь помочь находящемуся в бедственном положении советскому государству как можно дольше противостоять непобедимому на тот момент вермахту, но никак не пускать его в Европу. Однако судьба решила все иначе, а поразительная стойкость советских людей и недальновидность западных союзников преопределили эту судьбу. Слишком долго заботясь о том, чтобы отстранить СССР от Средиземноморья, и наблюдая, как Германия и СССР уничтожают друг друга, США и Великобритания (несмотря на неотступное требование Сталина открыть второй фронт) осуществляют высадку на континент лишь в июне 1944 г., слишком поздно для того, чтобы помешать советским войскам в освобождении и/или оккупации будущих стран народной демократии, где поначалу их встречали преимущественно как освободителей. Так что союзники должны были, волей-неволей, признать за СССР право на нечто вроде протектората над бывшими буферными государствами Европы, о чем говорилось, в частности, на Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль — август 1945 г.) конференциях, и позволить ему присоединить страны Балтии, которые еще в 1939 г. рассматривались министрами ее величества королевы Великобритании как его же исторические территории.

Очевидно, что уступки эти противоречили атлантической хартии, исключавшей любое присоединение территорий без согласия проживающего там населения, и здесь автор дает нам ее критический анализ с позиции России. США и их союзники потому мало одобряли такой территориальный протекторат, что СССР установил на освобожденных им территориях режим народной демократии, то есть практически подчинил их Москве через работу близких по идеологии партий, которые монополизировали всю политическую, социальную и культурную жизнь в названных демократиях.

С этого момента западным державам стало проще критиковать «тоталитаризм» стран коммунистического блока, противопоставляя ему свободу в различных ее проявлениях, которой так кичились страны «свободного мира», больше заботившиеся, впрочем, о том, чтобы пользоваться ею самим, нежели позволять это кому-то еще, как это порой совсем небезосновательно отмечали лидеры государств третьего мира и советские руководители. За несколько месяцев военный союз, пусть и не очень крепкий, постепенно перешел в холодную войну, которая столкнула сторонников свободы с защитниками социалистического строя, объявленного ими единственным устройством, при котором, в будущем, возможен полный расцвет социализированной личности индивида.

Именно во имя этого идеала свободы бывший посол США в Москве Дж. Кеннан, начиная с 1946—1947 гг., будет говорить о необходимости «сдерживания и оттеснения» СССР, проводя так называемую доктрину сдерживания, ставшую вскоре, как известно, своего рода кредо американской политики, продолжающей политику Вильсона по перекраиванию не только европейской карты, но карты и Азии. Так было положено начало нескончаемой пропагандистской войне, упомянуть о которой мы можем лишь в общих чертах. В то время как СССР и страны, входящие в его орбиту, являли собой оплот мира, социальной справедливости и борьбы с колониализмом, западная пропаганда тоже не бездействовала. Одной из выбранных ею мишеней стало не что иное, как образ «Советской империи», — именно в такой весьма тенденциозной манере противники СССР видели это государство, приравнивая его к некой колониальной империи, которой, следовательно, рано или поздно суждено было пасть.

И это при том, что граждане «империи» пользовались правами и равенством, о которых жертвы колонизации не могли и помыслить.

Другой излюбленной темой пропаганды с самого начала холодной войны стало вызывающее массу споров отождест-

вление гитлеризма и сталинизма, направленное, прежде всего, на то, чтобы распространить на Сталина и его режим все те ужасы, с которыми ассоциируется нацизм, объект всеобщего и безоговорочного осуждения. И пусть никто не станет оспаривать очевидные черты сходства между двумя режимами, главное — чтобы их отличали по сути, поскольку каждый из них преследовал диаметрально противоположные цели, как к тому же это уже было нами отмечено ранее.

В некотором роде эта полемика соответствует спору, больше известному как «спор историков», разгоревшемуся в 80—90 гг. прошлого века между немецкими историками, о чем попутно упоминает автор. В центре дискуссии стоит фигура Эрнста Нольте, в то время профессора Берлинского университета, по мнению которого большевистская революция 1917 г. ознаменовала собой начало «европейской гражданской войны», которая, в свою очередь, способствовала распространению фашизма в Европе. При таком подходе Гитлер и нацистская партия рассматривались лишь как побочный результат Октябрьской революции и советского режима, с которым они, таким образом, находились в тесной взаимосвязи; и Аушвица, по их мнению, никогда бы не было, не будь до него зверств раскулачивания, явившихся также своеобразным прототипом Холокоста, пусть не в такой «уродливой» форме и совсем в других масштабах.

Встреченная острой критикой коллег-историков, эта достаточно редуccionистская работа сводилась в итоге к тому, чтобы переложить груз ответственности за содеянное Гитлером на коммунизм, показав относительность нацистской доктрины, развивавшейся в «симбиозе» с предопределившим ее большевизмом. Распространившаяся вследствие настойчивой пропаганды и даже подхваченная в СССР первой волной диссидентов, идея равнозначности нацизма и коммунизма создавала иллюзию теоретической обоснованности такого неправомерного, по мнению Наталии Нарочницкой, уравнивания. В действительности, пишет автор, все эти пропагандистские кампании в защиту свободы и демократии, а также против

коммунистического гнета и диктатуры, имели целью скрыть истинную причину холодной войны — то есть дискредитировать СССР, лишить его статуса великой державы, возвращенного им после победы 1945 г., с чем его западные союзники так и не смогли смириться. И все эти тирады о превосходстве Запада направлены были в действительности лишь на то, чтобы ввести всех в заблуждение относительно их истинных мотивов: отбросить СССР (Россию) как можно дальше на восток и окончательно нейтрализовать. Все это уже высказывалось раньше двумя такими знаковыми фигурами диссидентства, как Александр Солженицын и Александр Зиновьев, тут же списанными за ненадобностью, как только их антисоветская миссия была окончена.

Даже если западный читатель и не сможет согласиться с данной попыткой свести холодную войну к простой ролевой игре, еще в меньшей степени он сможет утверждать обратное. Ведь вряд ли можно подвергнуть сомнению тот факт, что западная пропаганда неразрывно связывала свою борьбу за свободу со стремлением уничтожить весь советский лагерь во главе с СССР — именно это и являлось конечной целью холодной войны. И этот план, начиная с конца 70-х гг., стал постепенно претворяться в жизнь по мере того, как СССР на этапе своего реформирования стал проявлять признаки слабости, доказательством чему являются обстоятельства, при которых бывшие страны соцлагеря вернули себе независимость.

То, что конец соотношению сил, лежащему в основе Ялтинского (и Потсдамского) мира, повлек за собой крушение всей прежней европейской системы, никого, в общем-то, не удивило.

Удивляет то, с какой поспешностью эти новые государства были приняты в НАТО, равно как и условия их вступления в ЕС.

Здесь стоит вспомнить, как Еврокомиссия, члены Совета министров, простые депутаты и различного рода чиновники Евросоюза без конца твердили о том, что расширение Евро-

пы ни в коем случае не должно осуществляться без предварительного принятия Европейской конституции, иначе Европа станет неуправляемой.

Эти обещания так и останутся обещаниями, на деле будет осуществлена поспешная и, скажем прямо, необдуманная интеграция, а новоиспеченная «молодая» Европа получит в наследство весьма специфичное историческое сознание и память. В результате этого свалившегося как снег на голову расширения, нарушив все свои ранее данные заверения, ЕС отказался не только от первоначального замысла отцов-основателей, пойдя вопреки своим собственным интересам по пути фритредерства, но и от создания какой бы то ни было формы Европейской государственности, нейтрализовав все усилия отдельных его членов в этом направлении. Такая перемена курса не пошла на пользу ЕС и внесла в его ряды раскол, став дополнительным и очень серьезным фактором, повлиявшим на общественное мнение в ходе референдума в мае 2005 г.

Кто может сомневаться, что эта неожиданная перемена не была направлена, помимо прочего, на изменение равновесия внутри ЕС вследствие вхождения в него бывших стран-сателлитов по воле их американских покровителей, перед которыми те не устают преклоняться и поныне? Проводимое в спешке сразу же после вступления этих стран в НАТО расширение Евросоюза, конечно, обеспокоило Россию, почувствовавшую себя в кольце окружения и нашедшую в управляемых извне революциях, произошедших по заранее утвержденному заокеанскому сценарию в Киеве и Тифлисе, лишь подтверждение своим опасениям. Что уж говорить о выходящем за все дипломатические рамки проекте противоракетной обороны, предполагающем двустороннюю основу взаимодействия, без какого бы то ни было согласия остальных членов Евросоюза, рискующего, тем не менее, подвергнуться ответным мерам со стороны России.

Следует признать, что, не испытывая особой симпатии к России, сумевшей в одиночку и без кровопролития положить

конец пришедшему в упадок режиму, ее европейские партнеры, не оценив услуги, не смогли оплатить ей тем же. Фактически, под флагом продвижения «мира, процветания и демократии», ЕС продолжает в завуалированной форме все тот же проект по откату России как можно дальше на восток, постепенно отодвигая ее на задний план, а то и на скамью подсудимых. Глядя на эти отголоски холодной войны, неудивительно, что под руководством нынешнего президента русские сплотили свои ряды, понимая, что любое проявление слабости только подстегнет Запад к новым посягательствам.

При этом, каждый раз, не желая идти на поводу у Запада, они рискуют получить традиционные обвинения в отходе от демократии или же возврате к сталинизму.

«Что осталось от нашей победы?» — спрашивает автор с понятной нам горечью в голосе. Да, что осталось от победы, завоеванной ценой безвозвратной потери целого поколения, которая не могла не отразиться на дальнейшем развитии и становлении общества? Что осталось, если не считать поблекшей славы, а также гордости, вопреки всем хулителям «сталинской» победы, — за то, что страна сумела устоять одна против всей Европы, находившейся во власти нацистской Германии, за то, что, как ни одна другая страна, она способствовала освобождению Европы, которое началось, стоит заметить, вовсе не в 1944 г.? Что осталось, кроме ностальгии по великой стране, запечатленной в образе «Родины-Матери», этой Ники Самофракийской наших дней, на Мамаевом кургане под Сталинградом в 1967 г., кроме просторных «парков победы», разбитых во многих крупных региональных центрах, и ожидания нового поколения — поколения внуков тех солдат, которое выведет, наконец, страну из беспробудного застоя?

Даже если большинство россиян воспринимают факт лишения их этой великой победы как вопиющую несправедливость, такое изменение ситуации, в конечном счете, помимо отрицательных имеет и ряд положительных моментов.

Оно ознаменовало собой духовное и религиозное возрождение страны, возвращающее ее к своим корням и позволяющее ей воссоединиться с самыми светлыми страницами ее прошлого, в противоположность Европе, которая постепенно отходит от христианства. Благоприятной ситуация оказалась и для русского языка, который (несмотря на неконтролируемый рост иностранных заимствований) вновь обрел свои краски, богатство и самобытность, оставив за другими монополию на казенное косноязычие. Также наблюдается возвращение эмигрантов, чьи семьи когда-то давно покинули родину, но которые, худо-бедно сохранив язык и ценности предков, являются сегодня связующим звеном между Западом и родиной своих бабушек. Кроме того, а может даже в первую очередь, Россия стала открыта для внешнего мира, что позволило ей идти в ногу со временем, хотя этому и сопутствовало обнищание стариков и появление доселе невиданных социальных контрастов. И пусть сегодняшняя Россия полна различного рода контрастов, главное — она смогла отойти от ужасающих ошибок прошлого, за которые ей приходится не только краснеть, и пойти по пути демократии в соответствии со своими собственными национальными традициями. Отныне ей предстоит направить слегка забытый сегодня, к сожалению автора, «боевой дух мая 1945-го» на восстановление демократии и мира, на соблюдение прав и обретение взаимопонимания в Европе и во всем мире — задача, которая вполне могла бы стать ее новой исторической миссией, достойной такой великой страны.

В завершение своего критического анализа, из которого следует, что ответственность за многовековое противостояние и непонимание должна быть в равной степени распространена на обе стороны, автор призывает Европу закрыть тему холодной войны, перевернув эту страницу. С оливковой ветвью в руках автор призывает осознать, что в сегодняшней обстановке передела мира, начавшегося с падения СССР,

судьбы Европы и России как никогда тесно связаны. Стремление в данных условиях отбросить и изолировать Россию, лишая ее, в частности, ее морских выходов, не сможет усилить Европу, а только лишь ослабит ее. В строящемся сегодня многополярном мире Европа, напротив, нуждается в сильной России для того, чтобы сохранить независимость и избежать любой формы опеки и вмешательства извне; а любое возобновление холодной войны приведет к добровольной сдаче ключей от Европы в чужие руки и лишь подготовит ее закат. Так пусть Европа поймет, в чем заключаются ее истинные интересы и прекратит, наконец, бояться России, которой самой, скорее, угрожают ее близкие и не очень близкие соседи, а не наоборот, как принято считать.

Однако сотрудничество Европы и России должно исключить какую бы то ни было двусмысленность, оно предполагает глубокое осознание действий сторон и взаимное признание ошибок. Для этого необходимо, чтобы Россия, избавившись (будем на это надеяться) от своих тоталитарных комплексов, полностью порвала со сталинизмом, его помпезностью и установками, а также во всеуслышание заявила о своих демократических убеждениях и освободилась от ностальгии по великодержавности. Европа же, со своей стороны, должна преодолеть стремление бывших стран-сателлитов получить некий реванш за прошлое, а также признать специфичность России, не пытаясь навязать ей свою концепцию индивидуалистической демократии, поощряющей получение личной выгоды и неравенство, и глубоко отличную от российской концепции. Тогда станет возможным начать строительство «великой Европы», конечно же, включающей в свой состав и Россию, как о том мечтал еще генерал де Голль, Европы, которая бы перестала играть роль этакой Швейцарии континентального значения, возложив на других заботу о собственной безопасности.

Вполне логичным в этой связи представляется обращение в первую очередь к таким странам, как Германия и Франция, чей совокупный демографический, экономический

и культурный потенциал сопоставим с потенциалом России, избегая, однако, любой формы триумvirата, неприемлемого для остальных членов Евросоюза.

Конечно, объединенная Германия во главе с Берлином мало напоминает прирейнскую Германию со столицей в Бонне — расширение ЕС принесло ей куда больше преимуществ, нежели Франции. Но успех их примирения, их исторический опыт, взаимодополняемость и чувство ответственности за судьбу Европы позволило бы немцам и французам лучше, чем кому бы то еще, погасить никак не угасающее пламя холодной войны, примирить Москву и Рим, консолидировать многонациональную Европу, которая тогда вполне могла бы иметь с Россией и общее будущее. Но будущее не станет нас ждать. И это лишний повод не растрачивать время понапрасну.

*Франсуа-Ксавье Кокен, почетный профессор «Коллеж де Франс».
Перевод О.С. Вейнгарт*

ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ

Стоит ли читать Нарочницкую?

Книга Наталии Нарочницкой «За что и с кем мы воевали» — событие важное и знаменательное. Не часто у нас можно встретить российского автора, так пишущего о Второй мировой войне, ставшей для всех советских людей «Великой Отечественной», — обращая при этом преимущественно к западной аудитории. Война, ее ход, а также ее последствия и взаимные претензии сторон сформировали во многом основы современной западной культуры. Этот конфликт делит все четко на «до» и «после». И даже если карта современной Европы существенно отличается от того, что представляла собой Европа в 1945 г., а по ряду факторов, в частности, в связи с балканским вопросом, сегодняшняя си-

туация куда ближе к 1914 г., нельзя все же забывать о том, что мы являемся наследниками именно войны 1945 г. и всех тех последствий, которые она за собой повлекла.

И тон, и содержание книги могут, по меньшей мере, удивить, если не сказать больше. Но именно в этом-то и состоит вся важность данного труда, делающая необходимым знакомство с ним. Таким образом, книгу Н. Нарочницкой стоит прочесть. Однако это чтение предполагает отнюдь не увеселительное времяпрепровождение, но работу с очень жестким и хлестким текстом, ярким, а по целому ряду моментов, возможно, даже излишне эмоциональным, крайне неудобным, разрушающим нашу комфортную уверенность и привычные представления об истории. Прочесть эту книгу необходимо сегодня всем тем, кто стремится понять не только происходящие в России изменения, но также лучше понять европейскую реальность в ее историческом и политическом аспекте, не ограничиваясь рамками того институционального и политического перекраивания, которым охвачена современная Европа. Такого рода чтение необходимо, чтобы начать плодотворный диалог, от которого зависит наше будущее. Вопрос лишь в том, способны ли мы сегодня во Франции и в Европе читать такого рода литературу?

А между тем книга эта действительно дает пищу для размышлений, будь то сами развиваемые в ней идеи, общий тон высказываний или же занимаемая автором позиция. Здесь мы найдем то, что вряд ли можно встретить в более сдержанных и, без сомнения, более конъюнктурных работах. По трем обозначенным параметрам — идеи, риторика, позиция — книга Н. Нарочницкой, безусловно, стала сегодня важным прецедентом на пути развития франко-российского диалога. А потому заслуживает внимания как с точки зрения изложенного в ней материала, так и по целому спектру затрагиваемых там вопросов, далеко выходящих за рамки самой книги.

Не трудно предположить, что данный текст вызовет массу споров и волну резкой критики. Но, невзирая на его част-

ные особенности, нельзя не отметить одну важную вещь: он вскрывает все те взаимные представления, осознанные или нет, которые препятствуют сегодня развитию диалога между Россией и Западной Европой.

Читатель, не слишком хорошо разбирающийся в событиях, происходивших в СССР и России начиная с 1986 г., черпавший информацию из западной прессы, в течение всех этих лет активно муссировавшей особенности «переходного» периода, будет испытывать весьма смешанные и противоречивые чувства, от полного отторжения до удовлетворения. Отторжение будет вызвано, прежде всего, тем, что некоторые заявления автора приведут читателя к нелегкому выбору между его собственными убеждениями и убеждениями его совести. Национализм, отчетливо проступающий на страницах этого эмоционального текста, особенно неприемлем в Европе, где сегодня пытаются вычеркнуть и искоренить такое понятие как «нация»; и неважно, что для этого приходится порой открыто нарушать избирательные права граждан. Высказывания о Сталине, об отдельных страницах российской истории и истории СССР, вне всякого сомнения, шокируют европейскую публику. А заявления автора о намерениях и политике иностранных государств в отношении России покажутся просто скандальными.

Да, перу Н. Нарочницкой принадлежат и откровенно скандальные заявления, некоторые из которых являются своего рода классикой жанра. Но не стоит забывать, что одной из задач данной работы является желание вызвать у читателя живую реакцию, отклик, а не усыпить его. Среди скандальных заявлений немало и сугубо авторских. И для того, чтобы попытаться их опротестовать, необходимо сначала понять их природу, для чего, в свою очередь, следует изучить их все до конца, а не отбрасывать с ходу, едва начав читать.

Чувство удовлетворения принесет неискушенному читателю подкрепление некоторых его упрощенных представлений о современной России. Он готов в какой-то степени к восприятию различного рода преувеличений; и он их, бес-

спорно, найдет, удостоверившись, таким образом, в правоте своих собственных взглядов. Однако не стоит приравнивать сочинения Н. Нарочницкой к простой пропаганде, ибо в них содержится немало важного и правдивого. Ведь тогда есть риск, что данная работа, призывающая к диалогу между Россией и Западом, и в частности между Россией и Францией, лишь упрочит мифы, которые, собственно, и делают этот диалог таким трудным.

И все же и стиль, и общая направленность книги представляют собой куда меньшую угрозу осложнения данного диалога, нежели то и дело возвращающаяся во французскую интеллектуальную жизнь тенденция вести диалог с самими собой. Мы способны слышать других только тогда, когда их речи напоминают наши собственные. Но в таком случае можем ли мы вообще говорить о диалоге?

Н. Нарочницкая права, когда пишет о непонимании между Россией и Западом. И нам остается только верить, что проблема не носит более глобальный характер.

Разговор начистоту или разговор с самим собой?

Тот, кто намеревается прочитать данный труд, должен быть готов принять в расчет другую, отличную от его собственной, позицию, а также не претендовать на знание абсолютной истины. Только тогда найдутся все необходимые элементы, чтобы начать настоящий диалог. Если же нет, то из этого прочтения выйдет лишь разговор с самим собой человека, обращающегося к своим собственным представлениям как к истине в последней инстанции.

Чтение книги Н. Нарочницкой — это зарядка для ума и своего рода его очищение, когда нам, пусть на время, необходимо освободиться от своих привычных представлений и убеждений и пойти в другом направлении, следуя ходу мыслей другого человека. Нам нужно постараться понять, откуда исходят его представления и убеждения, если, конечно, мы действительно хотим понять и оценить правомерность наших собственных.

Но ведение диалога с другим не предполагает и безоговорочного соглашения с ним во всем. В таком случае диалога тоже не получится. И в этом тексте Н. Нарочницкой есть множество утверждений, с которыми я не могу согласиться. Они не кажутся мне верными не потому, что принадлежат данному автору, и не потому, что они отражают преобладающую сегодня в России точку зрения, или же априорно задевают меня и мои собственные убеждения, но потому, что я располагаю необходимыми аргументами для доказательства, в чем именно они ошибочны. Тем не менее, я утверждаю, что цепляться за эти ошибки, ставя под сомнение весь текст книги и отвергая диалог, который она предваряет, значило бы совершить более капитальную и гораздо более непростительную ошибку, чем те, которые были допущены Наталией Нарочницкой в некоторых моментах. Я утверждаю также, что если этот текст и содержит спорные моменты, то наряду с этим он содержит и множество справедливых замечаний; отметание же вторых в пользу первых представляется очень слабой доказательной базой.

Вести диалог с другим — значит постараться понять, с каких позиций он с нами говорит. Но, конечно, когда кто-либо претендует на знание абсолютной истины, как это часто бывает во Франции и на Западе при обсуждении вопросов Демократии и Свободы, все эти старания тщетны. Однако что же, в сущности, помимо нравоучений, тешащих наше самолюбие, ежедневно раздающихся с экранов и печатающихся в прессе, что делает нас столь уверенными в том, что истина на нашей стороне? Чего стоят наши демократические убеждения сегодня, в начале XXI века?

Запад, если вообще эта концепция еще имеет смысл, слишком инструментализировал самые ничтожные, а также самые важные и первостепенные потребности демократии и прав человека для того, чтобы его утверждения об обладании абсолютной истиной имели хоть сколько-нибудь приемлемое основание. Я не стану развивать здесь эту тему, так как уже дал анализ этой ситуации в одной из своих работ,

ситуации, которую следует принимать в расчет, ситуации, в которой была написана и данная книга.

Таким образом, выстраивание пространства для диалога обязывает понимать контекст. Контекст этой книги есть не что иное, как возвращение России на мировую арену.

Возвращение России

Книга Н. Нарочницкой вписывается в русло двойного, одновременно материального и символического, движения к возвращению России на мировую арену, которое нельзя сбрасывать со счетов, иначе это помешает понять доводы автора книги и не позволит в полной мере осознать ее замысел.

В 90-е, с 1991 по 1997 г., Россия чуть было не погибла, пройдя через беспрецедентный в истории тройной кризис. Прежде всего, это был экономический кризис, который коснулся производства, рухнувшего наполовину под комплексным воздействием беспорядков переходного периода и неолиберальной политики государства, разработанной при поддержке западных правительств и международных финансовых институтов. Ему на смену пришел политический кризис, когда Борис Ельцин и его либеральные советники, при поддержке США и ряда западноевропейских государств, положили конец процессу демократизации, начатому в 1993 году Михаилом Горбачевым, распустив антиконституционным способом российский парламент. Затем, на волне этого «первородного греха» российского либерализма, будет начата и война в Чечне (декабрь 1994 г.), и трюкачество на президентских выборах в 1996 г. Наконец, надо отметить социальный кризис с его методичным разрушением системы ценностей, свойственных современному развитому обществу, кризис, в котором жила Россия в период с 1992 по 1998 г., когда грабежи, проституция и криминал были единственными видами деятельности, предлагаемыми молодежи.

Серьезные кризисы случались и в других странах. Начиная с Великой депрессии и до финансовых кризисов, про-

изошедших в новых, бурно развивающихся экономиках в 80—90-е гг. Этот список можно довольно долго продолжать. Можно также составить и внушительный список политических кризисов, не говоря уже о социальных и нравственных конфликтах, которые потрясли разные страны мира в последние десятилетия. Однако само сочетание сразу трех кризисов, которые испытала на себе Россия, а также их накал делают историю России уникальной.

Попытки понять сегодняшнюю Россию, абстрагируясь от периода 90-х годов, будут являться либо верхом невежества, либо нечестности. И снять с себя всю ответственность за идеи, которые пропагандировались западными странами в этой катастрофе, а также забыть об их активном участии в политике, которая привела Россию на край пропасти, наконец, забыть о политиках и экспертах, субсидируемых западными правительствами и международными институтами, означало бы обнаружить злонамеренность в отношении России, полностью подтвердив, таким образом, идею антироссийского «заговора».

С сентября 1998 года Россия начинает постепенно оправляться от кризиса. Когда она, казалось, достигла самого дна в результате дефолта в августе 1998-го, назначение Евгения Примакова на пост премьер-министра 1 сентября того же года ознаменовало собой начало ее обновления. Шаг за шагом, не без колебаний и ошибок, страна встала на путь своего экономического, политического и социального возрождения. И видеть причину этого возрождения лишь в росте мировых цен на энергоресурсы, опять-таки повторю, сродни невежеству и лицемерию. Цены на энергоресурсы значительно поднялись лишь с лета 2002 г., в то время как экономический подъем в России стал ощущаться уже с зимы 1998/99 г.

МВФ, будучи не в силах понять, как это было можно обойтись без его предписаний в сложившейся ситуации, спрогнозировал падение ВВП России на 7% в 1999 г. В действительности же ее ВВП увеличился на 6%. Погрешность

более чем на 12 пунктов, совершенная экспертами из Вашингтона, примечательна не только в силу величины расхождения показателей, достойной занесения в Книгу рекордов ГиннеССа... Она указывает на наличие идеологического и политического антироссийского курса, проводимого определенными кругами. Уже с начала 1999 г. отчетливо читались все признаки подъема России после кризиса. И если кому-то они не были видны, так это потому, что их просто не хотели видеть.

Экономический рост продолжился в 2000 г., превысив 10%, и более уже никем не ставился под сомнение. Владимир Путин смог провести одновременно прагматичную и реактивную политику, которая позволила России укрепить позиции, занятые в результате действий, предпринятых правительством Е. Примакова в течение трагических недель августа и начала осени 1998 г. Повышение мировых цен на сырье, начавшееся с 2003 г., также способствовало росту экономических показателей. Но этот ресурс мог бы со временем сойти на нет точно так же, как это было в других странах. В этой связи внедрение экономической стратегии, направленной на смену статуса сырьевой державы, является заслугой В. Путина и всех правительств, начиная с 2003 г.

Вышесказанное не означает, что все идет великолепно и все проблемы решены. Согласно показателям ВВП, Россия оправилась от кризиса, спровоцированного трагическим неолиберальным экспериментом 1991—1998 гг., только к началу 2007 г. Страна до сих пор еще не отошла от социального шока, вызванного поистине драматическим обеднением населения в 90-е годы. Однако сегодня нет никаких сомнений, что Россия на верном пути.

Таким образом, нам трудно было бы понять ярую критику Н. Нарочницкой в адрес либерализма вне данного исторического контекста. Невозможно было бы осознать и всю важность, которую для нее приобретают вопросы «нации» и «национальной судьбы», не вспомнив о роли иностранного вмешательства в дела России в тяжелые для нее времена

или о постоянных искажениях на Западе действий и слов российского руководства — с того самого момента, как то взяло курс на восстановление страны.

Автору этих строк, начиная с 1988 г., удалось лично и достаточно регулярно бывать в СССР в разгар перестройки, а затем и в России во время переходного периода. Он преподавал там с 1993 по 2000 г., а затем вновь с 2006 г. С 1991 г. он имел возможность участвовать на правах эксперта в различного рода заседаниях МВФ и Всемирного Банка. Таким образом, он неоднократно мог иметь возможность наблюдать за скандальными действиями отдельных западных экспертов и советников. Практика вмешательства в дела другого государства и практика, умышленно нацеленная на искажение действий российского руководства, а также искажение ситуации, здесь была налицо. И об этом уже тоже было немало сказано.

Проблема заключается не в том, чтобы удостовериться, были ли акты, враждебные по отношению к России, инициированы западными государствами и, в первую очередь, США, но в том, чтобы удостовериться в существовании исторического заговора, о котором пишет Н. Нарочницкая в своей книге. Лично я в этом не убежден.

Не то чтоб «антироссийской» политики никогда не было и «антироссийские» идеи по-прежнему не вынашивались сегодня в администрации некоторых стран. Это как раз ощущается. И не только в США, но и в Великобритании, и даже в кулуарах Европарламента в Брюсселе. Не то чтоб в западной культуре не существовало априорно антироссийских настроений, формы выражения которых весьма разнообразны. Все это так, но, возможно, автору, справедливости ради, нужно было наряду с отнюдь небеспристрастными формулировками в отношении России, написанными Фридрихом Энгельсом от лица европейской интеллигенции XIX века, давать и выдержки из К. Маркса о позитивной роли «мира» (т.е. русской общины. — *Прим. ред.*) и возможного русского пути к коммунизму.

Кроме того, действительность, с которой столкнулся автор данной статьи, чаще всего свидетельствовала о наличии своеобразного симбиоза из неолиберального догматизма, недостатка политической воли и алчного подхода у предполагаемых «заговорщиков», нежели доказывала существование какого-то совместного политического проекта, целиком и полностью продуманного и последовательно внедряемого на протяжении десятилетий. К счастью, как для России, так и для Европы, эти ярые антироссийские круги не смогли представить никакой совместной стратегии. Так, в 1993—1995 гг. можно было услышать множество пространных речей о необходимости «дезиндустриализации России» или разделении ее на 20 микространств. Но сторонники данного подхода не смогли в то время собрать вокруг себя необходимую критическую массу, которая позволила бы им осуществить столь мрачные замыслы. Развал промышленности, который пережила Россия в 1991—1998 гг., является не столько результатом заговора, сколько последствием совершенно негибкой, догматичной экономической политики, свойственной далеко не только для России той поры, но применяемой и в других странах (таких как Франция) с подобным же результатом.

Чтобы до конца понять политику, проводимую в отношении России переходного периода, необходимо также сказать и о жесткой конкуренции, существовавшей между активно внедрившимися в процесс российской перестройки западными агентствами и организациями, и о конфликтах, сталкивавших старую и новую администрацию, и об инструментализации и использовании всего, что только появлялось в России того периода, для внутривнутриполитических целей США. Рискую разочаровать любителей великих исторических разоблачений, скажу лишь: это была одна из тех катастроф, что являются обычно результатом сочетания глупости и жадности, предвзятого и ограниченного догматизма с чиновничьим эгоизмом. Свидетелями же этих уродливых союзов выступают раболепство, конформизм и посредственность.

Гоголь говорил, что у России две беды: дураки и дороги. У нас на Западе качество вторых «компенсируется» злобностью первых.

Некоторые утверждения, высказанные Н. Нарочницкой, кажутся мне преувеличенными и несправедливыми, вызванными скорее эмоциями, нежели анализом фактов. Но есть и другие, отражающие реальность, которая не подлежит сомнению.

Тем же, кто хотел бы похоронить ее книгу, посчитав ее содержание параноидальным, я хотел бы напомнить, что и у параноиков бывают враги...

Увы, у России врагов всегда хватало.

Нация и национализм

Из описанного выше общего контекста ясно, что такое понятие, как нация, вновь становится неотъемлемым элементом нашего сознания и что национализм вновь набирает обороты. Для многих наших напудренных и завитых Версальцев медийного формата эти два термина абсолютно неприемлемы. И хотя, бесспорно, как нация, так и национализм имеют позади трагичное прошлое, однако разве разрушили мы в 1945 г. все железнодорожные пути лишь потому, что те служили одним из основных инструментов нацистского геноцида?

В России возвращение чувства национального самосознания было неизбежным, учитывая события 1991—1998 гг. Оно было просто необходимо при том скачке, который совершила страна, преодолевая кризис и начав заново возрождаться. Если люди перестают верить в свою страну, то тогда единственный выход — это эмиграция. Если они теряют веру в общее для них будущее, то самые ужасные преступления становятся законом.

Когда мы вспоминаем о дефолте 1998 г., нужно понимать, что именно идея национального самосознания, на тот момент отождествлявшаяся для многих с личностью Евгения Примакова, позволила всем, начиная с высших эшело-

нов власти и до рядовых граждан, не опустить руки. Никакое государственное обновление, никакая экономическая политика и никакая стратегия развития невозможны, если не думать о нации.

Неудивительно, что в стране, где полным ходом идет такое гигантское строительство, мы обнаруживаем сегодня присутствие национализма; гораздо более странным выглядело бы его отсутствие.

Особенно восприимчивой к такому повороту в сторону национализма оказалась молодежь, и особенно студенчество. Этот поворот произошел на самом деле еще до 1998 г., хотя, конечно, августовские события во многом способствовали ускорению процесса. В последующие годы национализм все больше акцентировался и окончательно укрепился. И сегодня чувство национального самосознания является некой данностью для молодежи, в ранней юности пережившей мрачные 90-е годы. Когда преподаешь в России столько лет, сколько довелось автору этих строк, такого поворота невозможно не заметить, и ему не перестаешь поражаться.

Такое поведение, и надо сразу это уточнить, никогда не заключало и не заключает в себе агрессии. Образованная российская молодежь первой заметила, что нельзя построить какой бы то ни было долгосрочный проект без проекта коллективного и что невозможно построить коллективный долгосрочный проект в масштабах страны без опоры на такое понятие, как нация.

Появление национализма или, используя русский термин, патриотизма не может вызывать ни удивления, ни критики в контексте современной действительности. Это не означает, что данное чувство не может принимать иногда уродливые формы вроде упертого шовинизма или же крайне опасной ксенофобии. Но такого рода практика в целом не свойственна русскому народу и России. В России количественное соотношение расовых преступлений и агрессии к общему числу населения не превышает показателей западноевропейских государств. Из этого вовсе не следует, что за

эти преступления не нужно наказывать всякий раз по всей строгости закона. Просто стоит ли искать соринку в чужом глазу, не замечая бревна в своем собственном?

Н. Нарочницкая права, когда приглашает нас обратиться к национальному фактору как к структурирующему. Ее утверждение о тесной связи между православием и национальным самосознанием само по себе не удивительно. Недавние исследования показали, какую роль духовное сознание может играть в организации и определении пространства. Однако говорить о непосредственной, прямой связи между ними вряд ли возможно уже только потому, что не все русские — православные и не все православные живут в России.

На самом деле, за всей своей очевидностью, связь между Россией и православием таит в себе немало проблем как для русского националиста, так и для православного верующего. Первый не может выстроить образ нации, не принимая в расчет граждан, исповедующих другую веру или же вовсе не принадлежащих ни к одной из конфессий. Второй не приемлет ограничения мироздания рамками какой бы то ни было одной нации. Работа Н. Нарочницкой не допускает, вследствие слишком инструментализированного подхода в определении связи нации и религии, иных мнений по одному из ключевых вопросов современного государственного строительства — вопросу о светскости. В России этот вопрос был и продолжает оставаться за кадром, так как воинствующий атеизм советской поры основан, по сути, абсолютно на том же, что и речи об автократии и религии государства.

Также очень спорной представляется та параллель, которую автор проводит, говоря о советской истории и национальной идентичности, о развитии национальной динамики и сталинским периоде. Любопытно и симптоматично, что она, инвертируя смысл, рассматривает историю революции такой, какой ее сфабриковали большевики.

Радужным представлениям о решающей роли передового авангарда в истории революции она противопоставляет

мрачное повествование о группе путчистов, финансируемых из-за границы. Но эти два мифа противопоставляются лишь внешне. Общим для них является отрицание социальной реальности и общественных движений в пользу конспиративного прочтения истории с позиции заговора. Общим является также несколько идиллическое представление об экономическом развитии России до 1914 года. Такое представление необходимо для большевистского прочтения истории, предполагавшего, что, будучи крупной капиталистической страной, Россия созрела для социалистической революции. Такое видение характерно и для реакционного прочтения истории, предполагающего, что спонтанный процесс модернизации России был сломлен большевистским ударом. Как первое, так и второе видение являются заблуждениями.

Российская революция берет начало вовсе не со всем известных переговоров Парвуса с немецким штабом. Если бы это было действительно так, то власть большевиков очень скоро бы рухнула. Ее истоки заключены в противоречиях схемы развития России, назревших к концу XIX века, и в неспособности царского режима к проведению полномасштабного национального проекта модернизации.

Нация и революция, забытый парадокс

Модель развития, существовавшая в России в 1880—1914 гг., была отмечена контролем государства над экономической сферой, осуществляемым либо за счет деятельности государственных предприятий и оборонного бюджета, либо посредством денежной и налоговой политики.

Эта модель отличалась сильным ростом, по крайней мере, до русско-японской войны 1904—1905 гг. Россия действительно шла по пути модернизации, правда, одновременно удаляясь от существовавшей на тот момент в Западной Европе либерально-экономической модели. Однако за этим ростом скрывался и определенный дисбаланс; так, рост во многом осуществлялся за счет сельского хозяйства, облагаемого высокими налогами, а едва возникшее предпринима-

тельское сообщество разъедалось изнутри стойким антагонизмом.

Таким образом, в российской модели 1914 года имелось двойное противоречие. С одной стороны, эта модель сталкивалась с крестьянством, представлявшим подавляющее большинство населения страны. Неспособность царского режима к аграрному реформированию, столь необходимому после упразднения крепостничества, и довольно быстрый провал реформы Столыпина являются двумя причинами, по которым «крестьянский вопрос» стал первым фундаментальным противоречием, терзавшим Россию до 1917 года. Вторым таким противоречием были постоянные конфликты между политической и промышленной элитой России. Если первое противоречие широко известно, то второе практически нигде не упоминается, в то время как является не менее важным для понимания причин падения царизма и установления советской системы.

Противоречия экономической модели России, существовавшей до 1914 г., лишь обострились с началом Первой мировой войны. Российское руководство столкнулось с ситуацией, когда потребовалась резкая перестройка экономики, необходимая для ведения войны и поддержания боеспособности армии. Поражения, одно за другим следовавшие за призрачными успехами первых недель войны, вернули ситуацию 1904—1905 гг. От полного поражения мог спасти только мобилизующий рывок в экономике. Но в отличие от Франции и Германии, где он с успехом осуществился, в России индустриализация обернулась против правительства. Военные поражения в 1915 г., вызванные по большей части нехваткой средств для поддержания боеспособности армии, привели мелких и средних предпринимателей практически к восстанию против высшего царского руководства. Признав политику царского руководства, заседавшего преимущественно в Санкт-Петербурге (получившем в московских газетах прозвище Вильхемград), как упадническую с моральной, профессиональной и национально-патриотиче-

ской точки зрения, они решают взять процесс индустриализации под свой контроль.

Победа большевиков, в сущности, мало обязана перенятой ими с Запада революционно-интернационалистической идеологии. У истоков создания СССР стояли крестьянский бунт и восстание управленческой и промышленной элиты против режима, который они считали неспособным к осуществлению необходимой модернизации государства. Данная ситуация предвосхищает то, что произошло позже в Китае в 1937—1949 гг.

Когда Ленин навязал нэп нерешительной большевистской партии, он, безусловно, хорошо понимал ситуацию. Он понял, что идея мировой революции уже канула в Лету, и именно он теперь осуществляет тот самый поворот в сторону политики консолидированного экономического и социального развития России. Новая экономическая политика отвечала потребностям крестьянства и промышленников, объединенных отныне негласной идеей государственной модернизации.

Нэп — период, который Н. Нарочницкая опускает в своем, впрочем, и без того исчерпывающем изложении российской истории, — намного лучше, нежели 30-е гг., показывает возвращение понятия «нация» в общее русло революции. Что же касается Сталина, то он без колебаний приносил и то и другое на алтарь своей собственной власти, будь то процесс по делу «Промышленной партии» или же чистки 1935—1937 гг. Экономический рост СССР в годы первых двух пятилеток был значительным, но осуществлялся ценой неслыханного расточительства и, в действительности, осуществлялся намного медленнее, чем в годы нэпа. Об этом говорит и динамика роста производительности труда: со 100 в 1913 г. она упала до показателя 86 в 1923 г. и поднялась до отметки 184 в 1928 г.

Нэп — это период, который, вопреки заявлениям сталинского режима, вовсе не был отмечен обеднением большей массы крестьян за счет кулаков, но, напротив, характеризовался ростом средних крестьянских хозяйств, шедшим па-

раллельно с общим производственным ростом. Средние крестьянские хозяйства к 1913 г. представляли чуть меньше 40%, в то время как к 1926—1927 гг. они составили 63 %, из которых 67,7 % приходилось на западные районы РСФСР. Следующим показателем могло бы служить соотношение численности наемных рабочих к общей численности сельских тружеников. Так, если в 1913 г. насчитывалось 3 миллиона наемных рабочих против 55,5 миллиона частных крестьянских хозяйств, то в 1926—1927 гг. их число сократилось до 1,515 против 61,2 миллиона частных крестьянских хозяйств. Здесь мы видим подтверждение тому, что уже говорилось в свое время в других исследованиях, то есть устойчивые позиции среднего крестьянства в социальном контексте новой экономической политики, а главное — снижение, а вовсе не увеличение социального расслоения на селе после 1917 г.

Однако, если мы и можем оспорить ту или иную деталь из изложенного Н. Нарочницкой, то в целом суть ее аргументации касательно причин революции весьма убедительна. Большевики смогли захватить и удержать власть как раз потому, что сумели объединить в своих лозунгах и речах и чаяния самого народа, в особенности крестьянства, и национальную идею. Это в равной степени неприятно осознавать как тем, кто считает себя наследниками большевизма, так и их противникам, включая самых радикально настроенных. Идея объединения социального проекта с идеей национального возрождения воплотилась задолго до 1941 года, задолго до того, как Сталин установил свою власть, а методы его управления страной, в частности репрессии и чистки, уничтожившие примкнувшую к советскому режиму российскую промышленную элиту, таким образом, способствовали скорее ослаблению России, нежели укреплению ее позиций.

Воспоминания о победе и споры о войне

И, наконец, книга Наталии Нарочницкой поднимает ключевой вопрос, выходящий за пределы диалога между Россией и Западной Европой. Это вопрос об исторических

спекуляциях, называемых «войной памяти», — явлении, которое сопряжено с процессом инструментализации и политизации памяти о Второй мировой войне.

На самом деле, сегодня данное явление представляет собой глобальную патологию, которую можно обнаружить, в общем-то, где угодно, начиная с вопросов, касающихся рабства, и до войн за независимость бывших колоний в XX веке. Эти «войны памяти» таят большую опасность для историка, от которого то и дело требуют принять ту или иную сторону, в то время как его работа заключается в установлении фактов и трактовке событий на основе документов и всех имеющихся в его распоряжении источников.

И хотя такие «исторические» баталии явление не новое, так как еще в Древней Греции велись ожесточенные споры вокруг противоречивших друг другу мифов о происхождении того или иного города, но ту форму, в которой это явление существует сегодня, оно приобрело исключительно в период холодной войны. Таким образом, становится очевидно, почему конфликт 1939—1945 гг. оказался в эпицентре этих споров.

Именно на этой основе, ставшей отправной точкой для данной книги, о чем свидетельствует и ее заглавие, Н. Нарочницкая выстраивает всю свою аргументацию, по большей части справедливую и обоснованную, которой необходимо уделить самое пристальное внимание.

Действительно, нам трудно критиковать германо-советский пакт 1939 года в свете политики, которую вели европейские демократии, оставив безнаказанными действия Италии в Абиссинии, допустив итало-германское вмешательство в ход гражданской войны в Испании и, наконец, отдав Чехословакию на растерзание нацистам и их тогдашним союзникам — польским генералам.

Н. Нарочницкая могла бы добавить к этому и определенную двойственность политики США, которые, выступая против японской агрессии в Китае, лишь в 1941 г. перейдут к действенным мерам против японского милитаризма, в то

время как китайское правительство получало помощь СССР уже с 1937 г. Добавим также, что если пакт позволил СССР выиграть важную отсрочку, оттянув начало войны, то победа Г. Жукова летом 1939 года на Халхин-Голе, безусловно, способствовала спасению СССР от попыток японских генералов напасть на Сибирь.

Ненаучное видение и подход к итогам Второй мировой войны представляет для будущего Европы огромную проблему. Пока мы будем допускать практику политической инструментализации памяти о той войне, настоящий политический и культурный диалог построить будет очень трудно.

Празднование 60-й годовщины высадки союзников в Нормандии является хорошим тому подтверждением. Французское правительство можно понять: будучи не в лучших отношениях с администрацией Дж. В. Буша, осложнившихся вследствие смелой политики президента Ширака в отношении Ирака, было решено придать этому празднованию особую пышность. Что само по себе совсем неплохо.

Но, не желая ни в коей мере оскорбить память американских солдат, погибших 6 июня 1944 г., не стоит забывать все же, и это показывает вся история войны, что жертв могло бы быть несоизмеримо больше, если бы не две битвы — Сталинградская и Курская, предшествовавшие высадке союзников, в которых нацистская военная машина потерпела сокрушительное поражение. Курская битва в июле 1943 г., пожалуй, даже превзошла по значимости Сталинградскую, сразу ставшую советским символом сопротивления нацизму. Именно там, по мнению самих немецких генералов, «произошел закат немецкой армии». Если промышленность Рейха позволяла заменить сотни сгоревших танков, то заменить опытные боевые экипажи, с 1939 года не знавшие себе равных на полях сражений в Европе, не было никакой возможности. Сотни танкистов, погибших в той битве, уже не могли участвовать в событиях июня 1944 г.

Поэтому можно сказать, что союзникам повезло, принимая во внимание, какой урон им смог нанести всего один

выживший участник Курской битвы из элитного танкового подразделения немецкой армии: 13 июня 1944 г. «Тигр», находившийся под командованием оберштурмфюрера СС Витмана, в одиночку блокировал наступление 7-й британской танковой дивизии, уничтожив до этого колонну, следовавшую из Виллье-Бокаж.

Стратегический успех высадки союзников в Нормандии был закреплен под Авараншем (операция «Кобра») в конце июля 1944 г. в результате прорыва американской армии, которая затем, перейдя Сену 25 августа того же года, предприняла операцию по освобождению Парижа и к началу сентября 1944 г. подошла к бельгийскому Мону. Однако такой стратегический успех Третьей армии Паттона объясняется не в последнюю очередь тем, что немецких частей на территории Франции практически уже не осталось. Причиной тому стало обескровливание армии «Центр» в результате наступления советских войск в Белоруссии (операция «Багратион») 23 июня 1944 г. Для сравнения — в одной только этой операции, выведшей советские войска к берегам Вислы, Красной Армии пришлось противостоять противнику, по численности несоизмеримо превосходившему те соединения, с которыми довелось сражаться союзным войскам под командованием Брэдли и Паттона: более 800 000 человек, более 100 танков, около 9000 артиллерийских орудий.

Но победы одних никак не умоляют побед других. Никто не собирается оспаривать тот факт, что Паттону в августе 1944 г. удалось осуществить одну из самых блестящих операций американской армии за всю историю Второй мировой войны. Но никто не должен забывать и о том, что главные силы нацистов были сосредоточены не в Нормандии, а в России и что наступление под командованием Баграмяна, Черняховского, Рокоссовского и Захарова значило ничуть не меньше для Европы, если не больше, чем блестящий танковый удар Паттона.

В современной историографии, за исключением, конечно, работ специалистов, сокрытие фактов, касающихся вкла-

да Советского Союза в победу над фашизмом, представляет собой проблему, корни которой лежат намного глубже тех фактических ошибок, которые встречаются еще сегодня в школьных учебниках.

Тот факт, что в памяти жителей Западной Европы именно вклад союзников в победу над фашизмом занимает центральное место, не является сам по себе чем-то удивительным и противоестественным. Ведь войска, которые выдворили оккупантов с их территорий, состояли, как правило, из американцев, англичан, канадцев и иногда французов. Но тот факт, что история с подачи некоторых политиков ограничивается в глазах европейцев лишь памятью об отдельных событиях, не может не вселять тревогу за будущее Европы.

Книга Наталии Нарочницкой, в свойственной ей эмоциональной манере, и пусть, с некоторыми преувеличениями, тоже выражает эту тревогу. Поводом для нее служат вполне реальные факты, которые мы должны, безусловно, учитывать для того, чтобы начать полноценный диалог.

И если в истории мы хотим быть и оставаться субъектами, а не объектами более или менее изощренных манипуляций, необходимо со всей серьезностью отнестись к чтению текста, который она предложила нашему вниманию.

Жак Сапир, экономист, профессор Высшей школы социальных наук, Париж (EHESS)

Перевод — О.С. Вейнгарт

СОДЕРЖАНИЕ

Наталия Нарочницкая. Штрихи к портрету	5
Книга для подлинно свободных людей	15

РУССКИЕ БЕСЕДЫ

Государство было готово к Победе	24
«Быть пессимистом православному человеку противопоказано»	31
«У нас не осталось подарков для Соединенных Штатов»	40
«Меня слово «россиянин» корежит...»	48
«Россия — это особый цивилизационный мир»	55
«Происходила утрата юридического суверенитета...»	63

РЕВОЛЮЦИЯ — ДУХОВНОЕ ДЕТИЩЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Революция — духовное детище интеллигенции	73
Ленин: вождь или демон?	84
Правда ли, что шестидесятники развалили СССР?	91
«Ирония — великое оружие...»	112
«Нам нужна справедливость, чтобы вернуть людям чувство нужности стране»	121

ЗА ЧТО И С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ

«Все оскорбления в адрес СССР должны быть пресечены» ...	134
Для чего нужно поругание истории	137
Нельзя оправдать власовщину	146
«Запад не хотел, чтобы после Мюнхена Гитлер остановился» .	151
Сталин и победа над фашизмом... ..	158
Стратегия антипобеды	174
Как нам жить с новой Европой	178
«Завоевать Россию можно, лишь стерев память народа»	185

КАВКАЗ, ВОСТОК И РОССИЯ

Кавказские войны — средство геополитики	194
Агрессия Грузии: геополитические последствия	212
С интересами России теперь придется считаться	215
Не дадим проглотить наших союзников	220
«Мы не можем предать этот народ»	228
Восточный вектор	245

ОТ БАЛТИКИ ДО ЧЕРНОГО МОРЯ

Россия, СНГ и Запад: геополитический и историко-философский аспект	252
Россия в новых геополитических реальностях	254
Славянский мир — осевое пространство Евразии	273
И первые станут последними... ..	278
«Европа так близорука»	287
Ключ к геополитической экспансии	292
«Мы должны думать о том, что нас сближает»	300
«Самые опасные для нас изменения — на Балтике и на Черном море»	308
Треугольник «Россия — Украина — Польша»: российская точка зрения	315
«Что твое — то мое, а мое — не твое?»	325
Мы — не просто часть Европы	334
Россия и Европа на пороге третьего тысячелетия	338

В ГУЩЕ ПОЛЕМИКИ

С позиции защитника идеи Родины	373
Трудный диалог	393

Массово-политическое издание

КУДА КАТИТСЯ МИР?

Нарочницкая Наталья Алексеевна

РОССИЯ И РУССКИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Редактор *Н. Сергеева*
Художник *Б. Протопопов*
Художественный редактор *В. Щербаков*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Подписано в печать 15.02.2010.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 5064

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-41152-8

9 785699 411528 >

НАТАЛИЯ

НАРОЧНИЦКАЯ

РОССИЯ И РУССКИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В книге собраны статьи, интервью, выступления последних лет Наталии Нарочницкой — известного политика, историка, руководителя Парижского отделения Российского Института демократии и сотрудничества — по самым острым политическим, историческим, международным проблемам современности.

Огромная эрудиция, глубокие знания, проникновение в самое существо обсуждаемых вопросов, как и четкая, взвешенная, выверенная, далекая от популизма патриотическая позиция, делают книгу Наталии Нарочницкой интересной для всех тех, кому небезразлична судьба России и её будущее, а также роль России в мировой судьбе.

